

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

XXIII



ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Редакционная коллегия:

С. Н. Азбелев, П. С. Выходцев (отв. редактор), *А. А. Горелов,*
В. И. Еремина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова (секретарь сборника)

Рецензенты:

Л. С. Шенгаев, В. И. Жекулина

ОТ РЕДАКЦИИ

XXIII выпуск ежегодника «Русский фольклор» (как и предшествующий XXII) содержит материалы Всесоюзной научной конференции по координации собирания и архивного хранения русского фольклора, состоявшейся 23—27 октября 1979 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Если в XXII выпуске «Русского фольклора» преимущественное внимание было уделено докладам, в которых освещалась одна из важнейших проблем современной практической фольклористики — региональный принцип сплошного обследования фольклора, то в настоящем выпуске преобладают материалы, связанные с бытованием русского фольклора в иноязычной среде, а также с вопросами методики собирания (в связи с жанровой спецификой народно-поэтических произведений) и вузовской фольклорной практики.

Каждая из названных проблем не вставала ранее перед наукой с такой остротой и необходимостью решения, хотя в той или иной мере и затрагивалась фольклористами. Ныне они становятся в центре фольклористической науки, и потому осмысление накопленного опыта и выдвижение новых задач в этой связи имеет не только практическое, но и общетеоретическое значение. Даже на сравнительно небольшом материале, помещенном в настоящем выпуске и освещенном лишь в первом приближении, можно видеть, какой значительный круг новых научных проблем возникает в предлагаемых докладах и сообщениях (устойчивые и подвижные формы и элементы национального фольклора, характер ассимилирующейся и неассимилирующейся образно-языковой системы в фольклоре близко живущих народов, особенности методики собирания фольклора разных жанров и т. п.).

В этом отношении следует также иметь в виду, что в XXII выпуске в кратком изложении большинства докладов и сообщений (раздел «Из выступлений на Всесоюзной научной конференции») также можно найти немало интересных фактов и положений, углубляющих наше понимание названных проблем.

Особое значение имеет научная разработка проблем практической фольклористики на современном этапе для успешной реализации начатых или замышляемых в стране национальных и региональных сводов народного творчества.

Редколлегия ежегодника «Русский фольклор» предполагает и в дальнейшем публиковать материалы о современной собирательской деятельности фольклористов страны и об архивных хранилищах устного народного творчества. Ближайшие выпуски посвящаются проблемам «Этнография и фольклор», «Вопросы текстологии фольклорных произведений» и «Устное народное творчество в контексте национальной культуры».

В. А. С МИРНОВ

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Собирание фольклора на территории нынешней Ивановской обл. имеет свои давние традиции и непосредственно связано с историей собирательской работы в России.¹ Так, уже в конце XVIII в. в бывшем Юрьевецком уезде Костромской губернии были записаны два прозаических пересказа былин «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Калин-царь».²

Следы былинной традиции сохранились и поныне, но чтобы выявить их, в своей поисковой работе мы обязаны тщательно изучать опыт предыдущих собирателей.

Ивановская область богата различными фольклорными жанрами. В собрание И. М. Снегирева вошли материалы по свадебному и календарному фольклору от нерехтского священника М. Я. Диева и кинешемцев А. Д. Козловского и Л. Кондратьевой.³

М. Я. Диев (1794—1866) свою собирательскую деятельность начинает довольно рано, его первые записи относятся к 1813 г.⁴ Собирательской деятельностью М. Я. Диева интересовались Е. А. Болховитинов, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, однако он публиковал свой материал чрезвычайно мало и со временем как собиратель стал почти неизвестен, даже в позднейших изданиях И. П. Сахарова, А. В. Терещенко песни и обряды, записанные Диевым, печатались без ссылок на него.⁵ В своих многочисленных поездках по Нерехтскому, Кинешемскому, Юрьевецкому, Галицкому, Буйскому уездам М. Я. Диеву удалось собрать поистине бесценный материал по календарному и свадебному фольклору. В его письмах к И. М. Снегиреву имеются интереснейшие подробности о праздновании зимних святок, масленицы, красной горки, ярилок и купаль-

¹ Границы Ивановской области менялись несколько раз. В ее состав ныне входят районы, подчинявшиеся в прошлом двум губернским центрам — Владимиру и Костроме. См. об этом подробнее: *Экземплярский П. М.* История города Иванова. Иваново, 1958, ч. 1, с. 3—5.

² Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. / Изд. подг. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960, с. 128, № 23, 24 примеч. 23. В 1902 г. в том же Юрьевецком уезде была записана былина «Илья Муромец на Соколе-корабле». См. об этом подробнее: *Андронников В.* Народные песни, сказания и легенды Махловской волости Юрьевецкого уезда Костромской губернии. — Костромская старина. Кострома, 1911, вып. 7, с. 27, 35.

³ *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и северные обряды. М., 1837—1839, вып. 1—4. Вып. 1, с. 177—179, 183, 234; Вып. 2, с. 130—136; Вып. 3, с. 100, 104—105, примеч. 4, с. 125—126; Вып. 4, с. 12, примеч. 15, с. 94, примеч. 24, с. 132—134, 193—198.

⁴ *Полежаев И.* Протоиерей М. Я. Диев и его историко-археологические и этнографические труды. Кострома, 1891, с. 17.

⁵ *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. СПб., 1936, с. 191, 194, 204—205, 207; *Терещенко А. В.* Быт русского народа. СПб., 1948, т. 2, с. 132—142, 154—159, с. 166—193.

ницы; записи обрядов, связанных с вызыванием дождя; описание детских игр; топонимические и исторические предания. В этих письмах есть и упоминание о песнях социального протеста, но, к сожалению, тексты песен пока не обнаружены.⁶ Исследователям предстоит большая работа по систематизации и упорядочению всего фольклорного материала, собранного М. Я. Диевым, его подготовки к печати.

А. Д. Козловский собирал народные песни, обычаи и предания примерно в эти же годы. Его записи свидетельствуют об определенном интересе к песням о Степане Разине, историческим преданиям, связанным с движением Емельяна Пугачева. Однако опубликовал он лишь небольшую часть записанного. Его материалы также мало изучены.

В конце 30-х—начале 40-х гг. XIX в. большое внимание собирательской работе уделяют «Владимирские губернские ведомости», редактором которых в 1838 г. стал А. И. Герцен.⁷ В № 16 и 17 «Прибавлений», т. е. «неофициальной части», он публикует «Программу сообщений для составления общих заключений о губернии», в которой, в частности, имелись такие пункты: О быте народном; Исторические памятники; Торговля (производственная деятельность края). В ней А. И. Герцен обращает внимание местных собирателей на связь обычаев и обрядов с историей края, считая, что народная песня может раскрыть немало загадочного и привести к подлинно научным открытиям, на развитие местной промышленности и впервые в русской этнографии ставит вопрос об изучении быта рабочих, их фольклора.⁸

В эти годы начинает активно сотрудничать во «Владимирских губернских ведомостях» один из первых историков Ивановского края В. А. Борисов. Часть публикаций позднее вошла в его книгу,⁹ где дается краткий исторический очерк с. Иваново, приводятся местные пословицы и поговорки.

Во «Владимирских губернских ведомостях» печатается много материалов, присылаемых местными фабрикантами и купцами, интересовавшимися историей обогащения своих родов. Большое внимание уделяется в них и описаниям праздничных гуляний в с. Иваново, свадеб и т. д.

Ф. Д. Нефедов (1838—1902) — этнограф и археолог, внесший значительный вклад в науку, автор ряда произведений из народной жизни.¹⁰ Первые этнографические очерки Ф. Д. Нефедова появились в 1858 г. Большое воздействие на формирование идейных убеждений начинающего писателя, его увлечение историей родного народа, устным народным творчеством оказал его старший товарищ и учитель В. А. Дементаев, поселившийся в Иваново в 1858 г.¹¹ К этому времени и относится начало его активной литературной деятельности, причем материалом для его очерков и рассказов послужили быт и нравы ивановских толстосумов. Особенно интересен его очерк «Святки в селе Данилово», опубли-

⁶ Письма М. Я. Диева к И. М. Снегиреву. — В кн.: Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1887, кн. 1, с. 5—116.

⁷ Гусев В. Е. Русские революционные демократы о народной поэзии. М., 1955. с. 67—70.

⁸ Там же, с. 68.

⁹ Борисов В. А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851.

¹⁰ Нефедов Ф. Д. 1) Галичская ярмарка. — Костромские губернские ведомости, 1858, № 50, 51; 2) Из путевых заметок по Нерехтскому уезду. — Костромские губернские ведомости, 1859, № 9. О первых литературных шагах Ф. Д. Нефедова см. подробнее: Богданов Л. Забытый писатель из народа. — Начало, 1921, № 1, с. 49—53; Сокольников М. П. Литература Иваново-Вознесенского края (введение в изучение местной литературы) — Труды Иваново-Вознесенского Губернского научного общества краеведения, Иваново-Вознесенск, 1925, вып. 3, с. 194.

¹¹ Морачевский Н. Ф. Д. Нефедов, его жизнь и деятельность. — В кн.: Нефедов Ф. Д. Повести и рассказы. М.; Иваново, 1937, т. 1, с. 3—17.

записанная в селах со смешанным населением Знаменского района во время экспедиции 1974 г.¹⁷

Естественен вопрос о характере взаимоотношения фольклорных традиций. В своих ранее опубликованных работах¹⁸ мы уже пришли к определенным выводам, которые подтверждаются собранными за последние годы материалами в Знаменском, Тюкалинском и других районах. На наш взгляд, взаимодействие и соотношение фольклорных традиций различным образом проявляется в разных фольклорно-этнографических циклах и жанрах, в разных по времени создания и сюжетно-тематическому составу группах песен. Исследование материала позволяет заметить то общность фольклорных традиций, то превалирующую роль одной из них, то очевидное заимствование, то существование самобытных начал. В фольклоре русского, белорусского и украинского населения Омской области наблюдается смешение национальных традиций в рождественско-новогоднем фольклорно-этнографическом цикле, господство белорусских или украинских — в фольклоре летнего и осеннего циклов. В игровых песнях зимних вечеров и в летних хороводных песнях доминирующей является великорусская традиция. В свадебном фольклорно-этнографическом цикле достаточно определенно проявляется устойчивость типов русской, белорусской и украинской свадьбы, а также некоторое их взаимодействие. Русская старинная крестьянская лирика с характерной манерой распева остается достоянием собственно русского населения; русские народные песни позднего происхождения, по типу распева приближающиеся к романсовой лирике, напротив, легко входят в репертуар исполнителей других национальностей. Песни-баллады остаются для белорусов и украинцев национальным достоянием. Незначительное количество записей сказок (что связано с судьбой жанра в современных условиях) не дает возможности в полной мере проследить взаимодействие национальных традиций в сказочном эпосе. Но все же можно заметить, что в современных записях сказок национальные различия более сглажены, чем в песнях. Материалы по сказке позволяют поставить вопрос о взаимодействии местных фольклорных традиций в рамках сказочного сюжета. В заключение следует сказать, что нельзя сделать один общий вывод о взаимодействии фольклорных традиций. Это сложный процесс в его конкретных проявлениях: в пределах фольклорно-этнографических циклов, в рамках отдельных жанров и даже сюжетов.

Смешанность населения, взаимодействие фольклорных традиций наряду с другими факторами (особые условия социальной жизни сибиряков в прошлом, определенная природно-географическая среда, постоянная миграция населения в наше время, связанная с освоением целинных и залежных земель, с развертыванием строительства все новых и новых объектов) предопределили своеобразие местного репертуара и других особенностей фольклора. Общие итоговые данные свидетельствуют о преобладании песенного фольклора над прозаическими жанрами, что наблюдается и во многих других областях страны.

Бытовые сказки по количеству записей преобладают у нас над волшебными. Почти отсутствуют в архиве записи исторических сказок. Большая часть записей сказок сделана участниками экспедиций в среде русского населения. Архивные материалы позволили говорить о своеобразии местного сказочного репертуара со стороны его сюжетно-тематического состава и выделить наиболее распространенные сюжеты, сопроводив их ссылками на указатели сказочных сюжетов.¹⁹

¹⁷ Варианты и указания см.: Фольклор Западной Сибири, № 41, коммент. на с. 84—85.

¹⁸ См. сноску 10.

¹⁹ См.: Обзор, с. 85—87. Дополнительно к указанным в сноске 18 «Обзора» публикациям и исследованиям см. новые публикации сказок Омской области в запи-

Песенный фольклор в архиве кафедры русской и зарубежной литературы представлен разными фольклорно-этнографическими циклами и всеми жанровыми разновидностями обрядовой и необрядовой лирики. Календарно-обрядовые песни имеются в записях от русских, белорусов и украинцев. С точки зрения жанрово-тематического состава в наших записях лучше всего представлены подблюдные песни, колядки, масленичные и жнивные песни. Сравнение песенного репертуара разных районов подводит к выводу о неравномерном распространении календарно-обрядовых песен и о большей устойчивости традиций календарной обрядности в населенных пунктах со смешанным населением, чем с преимущественно или чисто русским. Материалы по народной свадьбе представлены в записях от русских, белорусов, украинцев. Свадьбы в разных районах и в разных деревнях в той или иной степени различаются ритуалом и фольклорным репертуаром. На них сказалось влияние национальных и местных фольклорных традиций. В архивных материалах примерно в равных количествах имеются свадебные величальные и свадебные лирические песни, в меньшем количестве — корильные; мало причитаний. Выделяется ряд песен, записанных в большом количестве вариантов.

Хороводные, игровые и плясовые песни характеризуются разной степенью распространенности. Большинство записей сделано в селах с русским старожильческим населением, меньше — со смешанным или с преобладанием белорусского. В вечерошных песнях больше, чем в остальных, проявляется местный колорит: в языке, в локальной закреплённости места песенного действия, в отражении событий местной жизни.²⁰ Необрядовая народная лирика представлена записями старинных прогословных крестьянских песен, песнями позднего происхождения, песнями-балладами, песнями, восходящими к литературным источникам, песнями типа мещанского романса. Соответственно принятой классификации с точки зрения идейно-тематического содержания и сюжетного состава нами выделены группы песен (любовные и семейно-бытовые; тюремные, рекрутские и солдатские) и по каждой группе определены наиболее распространенные. Особую группу составили песни советского времени, среди которых преобладают произведения гражданской и Великой Отечественной войн.²¹

Записанные в области частушки в тематическом отношении не отличаются от частушек других областей страны; есть и отклики на события текущей жизни, изображения лиц из среды, близкой к исполнителям, есть и особый языковой колорит.²² Пословицы, поговорки и загадки не определяют местного своеобразия фольклора области.²³ Как уже указы-

сх участников экспедиции Омского педагогического института: Леонова Т. Г. Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения, с. 42—44; Русские сказки Сибири. Новосибирск, 1977 (см. сказки «Снегурочка», «Про Ваню и Петю», «Семеро Семенов», «Про работника Ваню», «Игнаша и Агаша», «Мужик, медведь и лиса»). Здесь же см. вступительную статью Т. Г. Леоновой о своеобразии русско-сибирских сказок).

²⁰ См., например, «Фольклор Западной Сибири», тексты № 36—64 и коммент. к ним.

²¹ В «Обзоре», на с. 87—97, см. характеристику материалов архива по песенному фольклору Омской области; здесь же имеются указания на его публикации и исследования. За последние десять лет появилось повое в его издании и изучении: см. статьи, обзоры, публикации Л. М. Белкиной, Т. Г. Леоновой, Л. В. Новоселовой в сборниках «Фольклор и литература Сибири» (Омск, 1975, вып. 2; Омск, 1976, вып. 3) и «Сибирский фольклор» (Новосибирск, 1977, вып. 4).

²² См. публикации в сборниках: Частушки колхозной молодежи. Омск, 1956; Народные песни Прииртышья. Новосибирск, 1969.

²³ См. их публикации в сборнике «Сказки, пословицы, загадки» (Омск, 1955) и в статье В. А. Васленко «Русские советские пословицы» (в кн.: Фольклор и литература Сибири. Омск, 1976, вып. 3).

валось нами в «Обзоре материалов фольклорных экспедиций Омского педагогического института за 20 лет», записи сказок, песен и частушек составляют главный архивный фонд, и прежде всего именно они дают возможность исследователям рассматривать народное творчество Омской области в его связях с общенациональными традициями и в проявлении локальных черт.

До сих пор мы не упоминали о былинах, сказочной прозе и народной драме. Дело в том, что пока нам не удавалось записывать былины. В антологию былевого эпоса Сибири Омская область вошла только прозаическим пересказом одного былинного сюжета.²⁴ Что же касается сказочной прозы, то ее собирание активизировалось в последние годы, и к настоящему времени архив располагает материалами, которые, к сожалению, нами полностью еще не учтены. Изучение сказочной прозы области весьма перспективно. Также перспективна, вероятно, работа по собиранию и изучению народной драмы. До 1979 г. мы не имели текстов народных пьес в записях фольклорных экспедиций. Но участники одной из диалектологических экспедиций Омского педагогического института еще в 1958 г. в Тарском районе записали текст «Шайки разбойников».²⁵ Во время фольклорной практики 1979 г. в Горьковском районе были сделаны записи народной драмы и собраны свидетельства о ее бытовании. Очевидно, надо продолжить поиски ее образцов, следов ее бытования.

Материалы архива Омского педагогического института позволяют вести изучение местного фольклора в четырех направлениях, смежных с собственно фольклористическими исследованиями. Мы имеем в виду возможности для музыковедов и диалектологов. Например, нам известны варианты песни «Ой, там на горе, ой, там на крутой, сидела, ой, пара голубей», различающиеся словами и мелодией. В 1971 г. группой студентов эта песня была разучена с голоса исполнительницы из Тевризского района. Сейчас в исполнении фольклорного ансамбля та же песня, но записанная в Оконешниковском районе, звучит совершенно по-другому. По мнению А. А. Попова, главного хормейстера Омского народного хора, работающего и с нашим ансамблем, в текстах песен смешанного населения Омской области доминирует русское влияние, в мелодии — украинское. Очевидно, проблема взаимодействия фольклорных традиций (национальных и местных) для музыковедов может представлять большой интерес.

Собранный материал несомненно должен привлечь и внимание диалектологов. Фольклорные тексты, особенно песенные, в закреплённой силую традиции форме, иногда более прочно, чем в устной бытовой речи, сохраняют формы народного языка прошлых эпох и разных местностей. В то же время обнаруживаются очень подвижные, подверженные изменениям речевые пласты и компоненты. Даже сами исполнители осознают некоторые особенности своих песен и своей речи, в которых совместились разнородные влияния. Например, Е. Г. Волох, жительница дер. Николаевка Тюкалинского района, летом 1976 г. спела нам 62 песни (русские и белорусские); исполнение белорусских песен Е. Г. Волох время от времени комментировала следующим образом: «...эту от белорусов выучила», «... жнут и поют», «...это свекровка пела — белоруска с Минской», «...это со свекровкой лен собирали...» О своей речи песенница так сказала: «...и тот язык и этот язык не так» («тот» —

²⁴ Сидельников В. М. Былины Сибири. Томск, 1968, текст № 82 в записи участников фольклорной экспедиции 1953 г. Омского пед. ин-та.

²⁵ Опубликован в качестве приложения к статье Н. И. Савушкиной «Народный театр в Сибири» (в кн.: Фольклор и литература Сибири. Омск, 1974. вып. 1).

матери-чалдонки, «этот» — отца-белоруса).²⁶ Другая исполнительница песен и частушек из той же деревни — Л. В. Пиджакова — заметила: «Я от хохлов отошла, а до сибиряков не дошла» (себя она считает «из хохлов», так как родители ее были из Белоруссии, замуж вышла за сибиряка-чалдона).²⁷ Подобные явления в фольклоре и языке сибиряков, представителей разных национальностей, достойны внимания специалистов. Целенаправленное комплексное изучение фольклора области фольклористами, музыковедами, диалектологами — наиболее эффективный путь дальнейших исследований.

²⁶ Песни Е. Г. Волох и о ней см.: Архив, ед. хр. ЭК-1/1976.

²⁷ Записи от Л. В. Пиджаковой см.: Архив, ед. хр. ЭК-2/1976.

Е. И. КОРОТИН

*ИТОГИ СОБИРАНИЯ ФОЛЬКЛОРА
ЯИЦКИХ КАЗАКОВ (1960—1978 гг.)*

История уральских казаков еще мало изучена. Правда, она привлекала внимание официальных историков XIX в.¹ Однако лишь в наше время появляются работы, в которых с марксистско-ленинских позиций освещаются отдельные периоды истории уральского казачества.²

Этнографии и фольклору вовсе не уделялось серьезного внимания. Фольклор уральских казаков представлен всего двумя, далеко неполными и слабыми в научном отношении песенными сборниками Н. Г. Мякушина³ и А. и В. Железновых.⁴ Некоторые сведения о жанровом составе и характере казачьего фольклора на Яике можно извлечь из творчества местных писателей Железнова И. И.⁵ и Н. Ф. Савичева, исторические и бытовые очерки которого печатались в 60—70-х гг. прошлого века в «Уральских войсковых ведомостях».⁶

Яицкими казаками в связи с пугачевским восстанием интересовались в свое время А. С. Пушкин, посетивший Уральск в 1833 г., и В. Г. Короленко, собиравший в течение двух месяцев 1900 г. материалы для задуманного им исторического романа о Пугачеве «Набеглый царь». Ими впервые была сделана попытка на основе местных фольклорных источников дать объяснение некоторых сторон общественной и социальной жизни казачества. Немало страниц посвятил уральскому казачеству и В. И. Даль:

Долгое время устная поэзия уральских казаков специально не собиралась и не изучалась. В этой области до сегодняшнего дня нет ни одного исследования. Между тем Уральская область Казахской ССР — регион бывшего казачьего войска — до сих пор остается очагом живого бытования традиционного устно-поэтического творчества.

Начало планомерным полевым исследованиям казачьего фольклора было положено в 1960 г. кафедрой русской литературы Уральского педагогического института им. А. С. Пушкина. Небольшая фольклорная экспедиция в пос. Большой Чаган Уральской области получила интересные сведения и материалы.

¹ См., например: *Левшин А.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823; *Материалы для географии и статистики России: Уральское казачье войско / Сост. генерального штаба поручик А. Рябинин.* СПб., 1866, ч. 1; *Карпов А.* Уральцы: Исторический очерк. Уральск, 1911.

² См., в частности: *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966.

³ *Мякушин Н. Г.* Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890.

⁴ *Железновы А. и В.* Песни уральских казаков. СПб., 1899.

⁵ *Железнов И. И.* Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910, т. 1—3.

⁶ *Савичев Н. Ф.* 1) Увеселения в Уральском казачьем войске. — Уральские войсковые ведомости (УВВ), 1868, № 31—33; 2) Путевые впечатления из поездок по земле Уральского казачьего войска. — УВВ, 1868, № 41, 47, 48; 1869, № 6, 7, 13; 3) Из воспоминаний о прошлом. — УВВ, 1871, № 9—12; 1872, № 16, и др.

С тех пор нами проведено 17 фольклорно-этнографических экспедиций в Зеленовский, Приуральный, Чапаевский, Тайпакский, Теректинский районы. СобираТЕЛЬская работа постоянно ведется и в самом городе Уральске, где можно отыскать выходцев из разных станиц, записать произведения и получить информацию о фольклорном репертуаре родных мест, об известных им исполнителях произведений.

За 18 лет фольклорно-собираТЕЛЬской работы обследованы 29 поселков (бывших казачьих станиц) — в основном правой стороны р. Урала. Пройден путь вниз на 300 км и вверх на 90 км по течению реки от г. Уральска. В результате составлены фольклорный фонд, насчитывающий около 6 тыс. произведений в записях на бумаге, и фонотека из более 350 песенных произведений. Собрано и записано, естественно, не все, но основной фольклорно-поэтический репертуар яицких казаков, дошедший до нас, зафиксирован.⁷

То, что записано, свидетельствует о богатстве и своеобразии поэзии яицкого казачества: былины; лиро-эпические и собственно исторические песни; песни строевые и походные; социально-обличительные и социально-бытовые; лирические любовные, плясовые, шуточные; романсы; припевки (частушки); сказки, казачьи предания, устные рассказы позднего времени; свадебный обряд с сопровождающими его произведениями; поговорки, загадки, детский фольклор. Сделаны фотографии исполнителей. Имеются наблюдения над процессами исполнения произведений (песен, сказок, частушек) и личностью исполнителей.

Первоочередной задачей полевых исследований ставилось собирание традиционного фольклора от старшего поколения. Были обнаружены исполнители с обширным поэтическим репертуаром. Так, ансамбль песенников пос. Кушум (Н. Т. Погодаев, А. П. Салкин, И. Г. Чапурин) исполнил нам 22 песни. В пос. Круглоозерном от Е. П. Серовой и А. А. Усачевой записана 41 песня, большая часть из них историко-географического характера. С таким же обширным репертуаром встретились нам певцы в пос. Переметном — Н. Х. Ганьшин и Н. В. Изюмников; братья Я. С. и П. С. Окунишниковы в пос. Карши, а в самом городе — хоровой ансамбль в составе трех братьев Зеленцовых, Г. М. Колузанова, Ф. Ф. Шумилина, П. С. Аблаева, А. П. Портнова пропел сразу 13 песен и среди них былину о «Добрыне и Маринке», оказавшуюся уникальным вариантом былины, записанной с голоса в казачьей среде.

Правильность ориентации на старшее поколение в собираТЕЛЬской работе на первом этапе подтверждается временем. То, что было записано нами в первое десятилетие, теперь уже в том объеме не записать. Ушли из жизни хранители и исполнители с огромным репертуаром старинных произведений. С их смертью поэтическое творчество, особенно песенное, не распалось, даже не заглохло. Но при усвоении поэтической традиции средним поколением от старшего наблюдаются процессы трансформации ее и сокращение репертуара. Фольклористами отмечено, что молодое поколение не проявляет должного интереса к старине, но, перейдя в среднее, а потом и старшее, не только перенимает, но и включается в процесс активизации поэтической традиции.

В полной мере это характерно для казачьего поэтического творчества. Можно привести примеры. В семейном певческом ансамбле Донских

⁷ С введением фольклорной практики для студентов филологических факультетов педагогических институтов появилась возможность расширить сферу собираТЕЛЬской работы. В планы полевых исследований включается фольклор украинского населения Уральской области, фольклор Великой Отечественной войны. Летом 1979 г. проведена повторная экспедиция в пос. Большой Чаган Зеленовского района, которая дала сравнительный материал для изучения изменений, происшедших в фольклоре этого села за 20 лет.

из пос. Круглоозерного, состоящем из 7 человек, трое не достигли 40-летнего возраста. Ведущий этого ансамбля — запевала Артемий Иванович Донсков (в 1960 г., во время записи, ему было 37 лет; образован, участник войны, служащий совхоза) — великолепный знаток казачьей певческой культуры. Он хранитель богатого репертуара традиционных казачьих и современных песен. Глубоким знатоком казачьей истории, местного диалекта, топонимики, ономастики, человеком общительного и веселого нрава, балагуром, знатоком казачьих анекдотов, мастерски рассказывающим их с казачьим диалектом и интонацией, явился нам А. В. Тихонов (1930 г. рождения, врач по профессии, директор медучилища). Он же руководитель семейного ансамбля, состоящего из отца, матери жены и младшего брата — инженера по образованию. В репертуаре ансамбля преобладают казачьи лирические песни.

Предпринимались и тематические экспедиции — типа экспедиции «По следам 25-й Чапаевской дивизии» от пос. Круглоозерного до г. Чапаева (бывшая Лбищенская станица). Она дала интересный материал: устные народные рассказы о В. И. Чапаеве,⁸ о гражданской войне, об установлении и упрочении советской власти в Приуралье.

Хранителями и исполнителями казачьего фольклорного наследия на Урале в основном остаются мужчины. В их репертуаре эпические, исторические, героико-патриотические, строевые, походные, социально-обличительные и бытовые, сатирические и шуточные песни, сказочная и несказочная проза. Женский репертуар тяготеет к песенной любовной лирике: семейные и свадебные песни, городской романс, песенные переделки литературных стихотворений, частушки-припевки, детский фольклор. Женщины нередко в качестве подголосков участвуют в мужских песенных ансамблях.

Ведущее место в казачьем фольклоре занимает песенное творчество: «У нас песнев-то, не бей кнутом, — напои вином», — говорят они. Тот, кому приходилось слушать казачьи песни в живом исполнении, а не в записях на магнитофоне, признает, что уральцы поют «истово», с глубоким чувством, мастерством и артистизмом. Дав возможность ведущему пропеть половину первого или два начальных стиха строфы, хор неожиданно на полуслове в высоком регистре подхватывает песню, широко распевая и дважды повторяя вторую половину стиха, которую на предельно высокой ноте завершает подголосок. Без подголоска песни не получится, считают они. Подголосок украшает песню, точнее, делает ее песней. Прежде чем начать песню, исполнители тщательно обсуждают, кто будет «пущать подголосок», опасаясь, что по-настоящему «не протянут» песню.

Богатая и разнообразная песенная поэзия уральских казаков развивалась на общерусской народной основе. Вот почему в их песенном репертуаре и общерусские, и общеказачьи, и самобытные, собственно уральские песни. Некоторые из песенных жанров восходят к глубокой старине.

Нами зафиксированы остатки былинной поэзии, когда-то довольно широко распространенной на Урале:⁹ былина «Илья Муромец на Соколе-корабле» записана дважды; от разных исполнителей получено 9 вариантов быliny о «Добрыне и Маринке»; один раз, но в хорошей сохранности записана эпическая песня о «Споре коня с соколом». Сравнение их с ранними записями показывает процесс трансформации и постепен-

⁸ См.: Коротин Е. И. Устные народные повествования о В. И. Чапаеве в Приуралье. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1977.

⁹ В сборник Н. Г. Мякушина вошли три варианта на два сюжета о Добрыне Никитиче, два варианта «Илья Муромца на Соколе-корабле», о Дюке Степановиче, «Казак наезжает на разбойников», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь», «Харько». «Сып-матерый дуб».

ного угасания эпической поэзии. Они дошли до нас как лиро-эпические хоровые песни.

Казачьи лиро-эпические песни, как правило, разрабатывают один эпизод. Записанная в Круглоозерном от стариков Е. П. Серова и А. А. Усачева эпическая песня «Илья Муромец на Соколе-корабле» представляет бессюжетную песню с довольно развернутой экспозицией. Лишь наметив действие, песня обрывается на эпизоде: Сокол-корабль с «Илюхонькой и Добрынюшкой отваливает во синё-море». Наш вариант интересен тем, что отличается от ранних записей «Сокола-корабля» у яицких казаков и известных общеказачьих вариантов.

Популярным былинным героем у яицких казаков был Добрыня сын Горьнович. До нас дошла лиро-эпическая песня о «Добрыне и Маринке», записанная от разных лиц, в разных станицах и даже в самом городе, в лучшем варианте — от хорового ансамбля Зеленцовых.

Лиро-эпическая песня о «Споре коня с соколом», известная преимущественно по записям в казачьих областях, сохранилась в великолепном художественном и сюжетно-завершенном виде, хотя и записана единственный раз от Е. П. Серова.

Сюжет песни, полученной нами, отличается от ранних вариантов, в том числе и от уральской публикации ее в 1861 г. («Библиотека для чтения», № 13) своим совершенством. В ней более мотивирован конфликт спора коня с соколом, послуживший завязкой последующего логически развивающегося действия. Идейный замысел песни, заключенный в развязке, отражает казачье социальное мировоззрение. Конь одерживает победу над соколом — птицей высокого и стремительного полета, соколом, символизирующим в русском фольклоре высокую степень качества художественного образа. В казачьей песне предпочтение отдано коню. Поэтизация коня обусловлена той ролью, которую он играл в хозяйственном и особенно воинском быте. «Душенька, разлюбезный верный конь» — любимый образ казачьего фольклора. Песня о «Споре коня с соколом» — исключение из общего процесса разрушения и угасания эпической поэзии на Урале.

Трансформация в лиро-эпические песни — явление, свойственное не только былинам, но и песням историческим, особенно ранним по происхождению. Современные песенники поют их по традиции, не связывая содержание с определенными историческими событиями. Исторические имена и факты в них размыты и лишь географическая среда да топографические реалии, изображенные в песнях, указывают на их исторический источник. К числу таких песен, зафиксированных экспедициями, следует отнести «Как за речкою было за быстрою», «За Уралом есть то место», «Не шум шумит, не туман туманит» (о татарском полоне), «Как не ясные соколики солеталися», «Уж ты раздольице мое широкое», «Не один казак гулял», «На дубу было дубочке» и др. Исторические в прошлом они в современной художественно-стилевой и музыкальной распевности превратились в лиро-эпические.

Одна из популярных и теперь в среде уральских казаков — песня «Не ясные соколики солеталися». Она бытует повсюду и записывалась нами много раз. В ранних публикациях этой песни встречаются имена атаманов Шамая или Нечая. В наших вариантах их нет. Песня изображает выборы атамана и сборы казаков в поход на Хиву. Ни сами песни, ни предания яицких казаков о походах на Хиву, ни другие русские источники не позволяют приурочить произведение к конкретному историческому событию. И лишь в книге хана и историка Хивы Абул-Гази-Баядур-хана «История туркмен»¹⁰ рассказывается о захвате и разграб-

¹⁰ См.: *Тредьяковский В. К.* Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги сочинения Абул-Гази-Баядур-хана. СПб., 1768.

лении яицкими казаками в 1603 г. г. Ургенча — столицы Хивинского ханства.

Исследователи фольклора, в том числе и казачьего, утверждают, что с XIX в. наблюдается процесс угасания исторических песен. Это положение не вполне согласуется с состоянием бытования жанра исторических песен в среде уральских казаков. Помимо записанных нами песен, связанных с ранними этапами казачьей истории («Уж как шли-прошли, паши батеньки-казаченьки» — об участии яицких казаков в походе под Азов в составе войск Петра I), песен об Отечественной войне 1812 г.: «Как с двенадцатого года поседелье орлы», «Выхвалялся злой французик», «Платов казак воин был», «Нам не дорого, хозяйка, пиво пьяное твое» (о поджоге Москвы и др.), местный фольклор обогатился целыми группами песен на события второй половины XIX и начала XX в. (о присоединении Средней Азии, о местных событиях, о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., о русско-японской и первой империалистической войнах).

С 1860 г. русские войска активизировали действия по присоединению Средней Азии. Кавалерию войск Сыр-Дарьинской линии составляли исключительно уральские казаки. Они участвовали в штурмах среднеазиатских городов и крепостей: Ян-Кургана, Джан-Кургана, Джулека, Андижана; Туркестана и др. Как поэтические отклики на события этих лет казаками были созданы песни: «На Дарье мы, братцы, долго жили», «Как за славною, братцы, за реченькой», «Как во городе Джулеке», «Эмир Бухарский» (о взятии Джан-Кургана), «Генерал Скобелев с нами» (о взятии Андижана), «Мы давно живем в степях», «Хвала вам, уральцы, герои Икана», «В степи широкой под Иканом», «За горами, за долами», «Как шестого декабря» (последние 4 песни о битве сотни уральских казаков с 12-тысячной армией кокандского хана Алимкула под селением Икан в 1864 г.).

Массовый социальный протест уральских казаков против царского «Положения о воинской службе, общественном и хозяйственном управлении в Уральском казачьем войске» вызвал репрессивные меры властей. В 1875 г. свыше 5 тыс. уральцев были судимы, лишены казачьего звания и сосланы в Сибирь и Среднюю Азию. Вскоре за казаками последовали семьи. Сосланных в народе стали называть «уходцами». А песни «Как во 75-й год в заточеньи был народ», «Ой, вы, любезные мои друзья-товарищи» дошли до нас, отражая драматическую судьбу «уходцев».

Участие уральских казаков в русско-турецкой войне за освобождение Болгарии от 500-летнего османского ига воспето в военно-исторической песне «В битвах крепко закалены».

Большую группу военно-исторических песен о русско-японской войне и империалистической войне 1914—1917 гг., драматических по содержанию, составляют песни: «Повестили с красным флагом», «Что в поселке за тревога», «На прусско-германской границе», «Как у рожице было сраженье», «Ударили тревогу», «Друзья, я вас уведомляю», «Спокойно жили мы в России» и др.

В историческом песенном творчестве второй половины XIX в. невозможно провести резких граней между песнями военно-патриотическими, воспеваящими военный подвиг («Хвала вам, уральцы, герои Икана»), военно-бытовыми («Что в поселке за тревога»), песнями социального протеста («Как во 75-й год...»). Вызванные к жизни конкретными событиями, они остаются историческими. Создание и бытование их обусловлено историческими, социальными и бытовыми сдвигами, которые происходили в казачьей жизни на Урале. Песни эти не равноценны по своей природе (часть из них создана казачьими идеологами типа Н. Ф. Савичева, М. П. Хорошихина), по идейной сущности (некоторые песни насыщены ура-патриотическими мотивами, заражены шовинистическим духом), по художественным и музыкальным возможностям

(особенно песни начала XX в.). Записанный на Урале исторический фольклор — явление сложное и противоречивое. Этими записями нельзя пренебрегать, и нет необходимости подвергать их нивелировке. Собранный материал заслуживает глубокого и объективного изучения в свете истории уральского казачества. Ведь то обстоятельство, что на протяжении ста лет новообразования в историческом песенном творчестве прочно сохраняются, указывает на возможность и плодотворность такого изучения.

Высшее достижение казачьего песенного творчества — социально-бытовые песни. По тематике в них можно выделить социально-обличительные — о засильи атамано-старшинской верхушки, о тяжести «распроклятой» царской службы, о гибели казака на чужбине: «Заедаил князь Гагарин», «Полынушка, горька травынька», «Сяду ль, сяду я на коня гнедого», «Последний юнешный денечек», «О чем вскручинилс, служивый», «Конь боевой с походным вьюком», «Распремилая моя сторона», «Сизы голуби летали», «Ой, да ты, калинушка», «Когда мне было лет семнадцать», «Черный ворон, храбрый ворон», «Черный ворон, знай обычай», «Число настало роковое», «Уж ты, степь ли, степь», «Поехал казак во чужбину далеку».

Социально-бытовые песни, изображающие социальное неравенство в казачьей общине, условия военной, хозяйственной и семейно-бытовой жизни, бедственное положение казака, гонимого в «наемку» на службу, в кабалу к богатому: «На краю Руси обширной», «Сыны Урала дождался», «Урал наш быстротечный», «Молодой мальчишка вырос на коне», «Прослужил казак три года», «Служил год, служил два», «Вот скрылось солнце за горою», «Ехали казаки со службы домой», «Что в поселке за тревога», «Повестили с красным флагом», «Хороша наша деревня» и др. Большинство песен — местного творчества и местного значения, рисующие положение трудового казачества с позиций их социального мировоззрения. Ценность их в том, что они противостоят точке зрения, утвердившейся в дореволюционной литературе и отчасти продолжающей держаться и сейчас: будто бы уральское казачество — привилегированная община с равными казачьими социальными правами, их объединяет братство в строю и быту, они зажиточны, преданы вере, царю и отечеству. Социально-бытовые песни не только правдиво и поэтически ярко изображают социальные и мировоззренческие сдвиги в казачьей жизни XIX в., но и дают возможность проследить эволюцию казачьего поэтического творчества. Примером могут служить песни об Урале.

Река Урал — главный экономический источник жизни казаков. Четыре разновидности рыбных промыслов, строго регламентированных, давали казакам средства к существованию. Поэтому Яик в период казачьего самоуправления (XVI—XVIII вв.) получает яркую поэтизацию в устном творчестве — реки кормилицы и поилицы, «золотого дна».

Яик, ты наш, Яикушка,	Золоченное у Яикушки
Яик — сын Горынович,	Его было доньшко,
Про тебя, про Яикушку,	Серебряная у Яикушки
Идет слава добрая.	Его покрышечка,
Про тебя, про Горыноча,	Жемчужные у Яикушки
Идет речь хорошая.	Его круты бережки.

Уничтожение правительством казачьего самоуправления, социальная дифференциация и как следствие — изменения, произошедшие в общественных и социально-бытовых отношениях, повлекли за собой и трансформацию образа Яика, превратившегося для служилого казака в реку-мачеху. В песне «Урал наш быстротечный» нет и следа идеализации реки: «Урал стал не таков, в убыток производит уральских казаков». Песни реалистически верно рисуют положение обездоленного казака:

«Казак со плавней едет, а сам он, как монах, тагарка его набок и сам он весь в махрах». Или: «Сын богатого отродья живет на родине пока, хотя ему достался жребий, за тыщу нанял бедняка».

Большую группу в современном поэтическом репертуаре уральских казаков составляют лирические песни: любовные, плясовые, шуточные, песенные переделки литературных стихотворений, припевки, а также произведения детского фольклора: игровые песни, колыбельные, заклички, скороговорки, считалки.

Оригинален свадебный обряд уральских казаков. В наше время он распался, но отдельные элементы его сохраняются в современной свадьбе. Во время экспедиционной работы нам встречалось немало «дружек» и «свах» — знатоков традиционной свадебной игры. На основе их рассказов восстановлен традиционный свадебный обряд с сопровождающими его поэтическими произведениями.

Из прозаических жанров записаны сказки, предания, среди них — о Пугачеве и устные рассказы о гражданской войне, о Чапаеве, об установлении советской власти в Приуралье, а из малых — пословицы, поговорки, загадки.

Т. Г. ИВАНОВА

БЫЛИЧКИ И «АНЕКДОТЫ» В ШЕНКУРСКОМ РАЙОНЕ
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В течение 1976—1977 гг. мне довелось наблюдать современное состояние фольклорной традиции с. Шеговары Шенкурского района Архангельской области. Шеговары — старинное большое село на бывшем Архангельском тракте. Раньше здесь были две церкви (каменная и деревянная) и часовня. Устраивались ярмарки. Сейчас Шеговары — центр совхоза. Население его с окрестными деревнями 900 человек. Село расположено на р. Вага. В древности эти земли колонизировались ростовскими князьями. Соседние деревни: Керчела, расположенная напротив Шеговар через р. Вагу, и Ямская гора, находящаяся в 20 км от Шеговар, по «Духовной грамоте» Ивана III входят в так называемую Ростовщину.¹ В эти земли переселялись выходцы Ростовского, а позднее Московского княжеств.

Самые ранние по времени записи фольклора из Шенкурского уезда принадлежат собранию П. В. Киреевского. Архангельскими корреспондентами П. В. Киреевского (через М. П. Погодина и В. И. Даля) были Н. П. Борисов и А. Харитонов. В 40-е гг. XIX в. они собрали в этом регионе былины,² исторические,³ свадебные⁴ и необрядовые⁵ песни, а также материал по верованиям.⁶ Как показывают новейшие исследования по истории фольклористики, особенно активно работал Н. П. Борисов,⁷ учитель русского языка и словесности уездного училища. Он явился одним из открывателей «богатейшей устной эпической традиции в Архангельской губернии».⁸ Материалы, опубликованные в старой серии Киреевского, говорят о том, что в Шенкурском уезде была устойчивая былинная традиция. Здесь записаны эпические песни об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике, о богатыре-нахвальщике, о Добрыне и Маринке, об Алеше Поповиче и братьях Сбродовичах, о Дунае, Василии Буслаеве, Иване Годиновиче. Исторические песни охватывают события периода

¹ Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера. — В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера / Отв. ред. Б. Н. Путилов и К. В. Чистов. Л., 1973, с. 19.

² Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860, вып. 1, с. 46, 77; М., 1861, вып. 2, с. 45, 67, 83; вып. 3, с. 9, 52, 81; М., 1863, вып. 5, с. 3, 8.

³ Там же. М., 1864, вып. 6, с. 94, 98, 132, 138, 156; М., 1870, вып. 8, с. 119, 135, 170; М., 1872, вып. 9, с. 80, 125, 148; М., 1874, вып. 10, с. 18, 69, 201, 206.

⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия. Песни обрядовые. М., 1911, вып. 1, с. 15—24.

⁵ Там же. Вып. 2, ч. 1: Песни необрядовые. М., 1918, с. 29—38.

⁶ Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда. — Отечественные записки, 1848, т. 57, № 4, с. 132—153.

⁷ Баландин А. И. К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского (записи Н. П. Борисова). — В кн.: Фольклор: Издание эпоса. М., 1977, с. 238—265.

⁸ Соймовов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1974,

с XVI по первую четверть XIX в. Богато представлен в собрании П. В. Киреевского и шенкурский материал по обрядовой и необрядовой лирике.

Сказки, собранные Н. П. Борисовым и А. Харитоновым, были переданы А. Н. Афанасьеву. Всего в сборнике А. Н. Афанасьева напечатано 7 текстов, которые определенно относятся к современному Шенкурскому району. Среди них есть волшебные: № 284 (СУС 707 «Чудесные дети»), № 292 (СУС 510 А «Золушка»), № 576 (СУС 465 А «Красавица жена»), № 163 (СУС 545 В «Кот в сапогах»). Есть анекдотические: № 426 (СУС 1930 Д^х «Подпоясался топором»), № 18 (соединение сюжетов СУС 2044 «Репка», 1960 д «Горох до неба» и 37 «Лиса плачет»).⁹ Два текста не являются собственно сказками. Это текст № 317 — предание о Мамае (записано А. Харитоновым) и текст № 312 — побывальщина, очень близкая к былинному ритму и фразеологии, об Алеше Поповиче и Тугарине. Как видим, в середине XIX в. существовала в Шенкурске и сказочная традиция.

Некоторый этнографический материал по Важскому бассейну можно найти в сборнике П. С. Ефименко¹⁰: описание усадьбы в д. Верхоледка и д. Усть-Пуя; описание обряда «бороды» в д. Усть-Пуя; сведения о народной медицине и заговорах, собранных по Шенкурскому уезду фельдшером Костылевым; охотничьи заклинания.

В 1886 г. на р. Вага работали Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. В выпущенном ими сборнике есть песни, записанные в г. Шенкурске и с. Шеговары. Правда, их очень немного (7 текстов). Это свадебные, плясовые, балладные песни.¹¹

В 1910 г. Ф. Добрынин в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» опубликовал описание свадебного обряда и песни, собранные в близлежащих к г. Шенкурску деревнях.¹²

В 1916 г. богатый материал по демонологии в этом районе собрал П. Г. Богатырев. Он же напечатал шенкурские легенды.¹³ Этим и ограничиваются публикации по фольклору Шенкурского района.

Наши наблюдения над современным состоянием народного творчества с. Шеговары и близлежащих деревень показывают, что наиболее интенсивной жизнью в настоящее время живут прозаические жанры фольклора. Традиционная народная песня и обряды занимают в духовной жизни села гораздо меньше места. Характеристике фольклорной прозы этого региона и посвящена наша статья.

Что же рассказывают в Шеговарах?

Традиционная сказка почти забыта. Лишь изредка рассказывают бабушки внучатам детские сказочки. Однако сообщить их собирателю исполнительницы отказываются: ссылаются на то, что все позабыли (охотнее вспоминают традиционные песни, которые до сих пор остаются фактом быта). Среди детей этот жанр в Шеговарах также не распространен. Интересно отметить, что в с. Моржегоры Виноградовского района нам удалось от ребят 10—13 лет записать 5 волшебных сказок, которые они

⁹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М., 1957. Номера сюжетов даются по указателю «Восточнославянская сказка» (Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979).

¹⁰ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877, т. 1; М., 1878, т. 2.

¹¹ Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. / Зап. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. СПб., 1894, с. 115, 119, 142, 152, 184, 220.

¹² Добрынин Ф. Свадебные и кунные песни в близлежащих к г. Шенкурску деревнях. — Изв. Архангельского о-ва изучения Русского Севера, 1910, № 18.

¹³ Богатырев П. Г. 1) Верования великорусов Шенкурского уезда. — Этнографическое обозрение, 1916. М., 1918, № 3—4, кн. СХI—СХII; 2) Несколько легенд Шенкурского уезда Архангельской губернии. — Живая старина, 1916, вып. 4, прил. 071—076.

знают из устной традиции и из книг и любят рассказывать друг другу. Ребячья аудитория там слушала рассказчика очень внимательно, поправляла его, вставляла свои замечания по ходу рассказа. В этом же районе в д. Гора мы записали 12 сказок в хорошем исполнении от Ф. П. Медниковой. Видимо, в Виноградовском районе на Северной Двине сказочная традиция была более сильной, чем в Шеговарах.

Полной, интенсивной жизнью живет в Шеговарах другой прозаический жанр — быличка. Э. В. Померанцева считает, что, «не будучи созвучны мировоззрению, представлениям и понятиям советского человека, былички совсем почти исчезли из устного репертуара и обихода современного носителя русского фольклора и его аудитории».¹⁴ Шеговарский материал не подтверждает данного вывода. Образы языческой демонологии продолжают волновать воображение людей и в наше время, причем в основном аудитории двух возрастных категорий — детей и старых женщин. И те и другие любят поговорить и послушать о домовых, леших, чертях. Но отношение к сообщаемому у них различное.

Ребята говорят: «Это сказки все, чтоб детей пугать. Домовым и лешим маленьких пугают. Например, если ребенок не ложится долго спать, то мать им и говорит: „Сейчас придет леший (или домовый) и вас утащит“». Психология ребят, как правило, не затронута суевериями.

Совершенно другое можно услышать от старых женщин. «Это, девушка, правда ведь!» — говорила мне Е. П. Хаванова (74 л.), рассказывая о том, как леший целый месяц носил «на кукрах» парня за то, что тот нарушил уговор (не принес первое пасхальное яичко).¹⁵ Закончила она свой рассказ так: «Парень такой молодой. Красивый был. Так он потом к девкам-то сватался. У нас тут одна — сейчас она постарела, старенькая! — она говорит: „Я бы пошла за него взамуж, а почто леший носил“. И не пошла. Это правда! „Как под старость отрыгнет, его опять будет леший носить“. И не пошла. А хороший парень, красивый».

С глубокой верой в действительность рассказываемого звучит быличка С. А. Чуваевой (72 г.) о том, как неосторожные слова «Попеси тебя леший!» могут наделать беду со скотом, ребенком. Здесь бытует поверье: в году есть какие-то три минуты, когда можно своего ребенка, внука отдать лешему.

Наряду с верой в представителей древней славянской демонологии у старшего поколения можно услышать и нотки сомнения. «Правда ли, нет?» — прерывает один из своих рассказов С. А. Чуваева. «Раньше было суеверие, а теперь этому не верят», — говорит она же, заключая другой рассказ. «Ну, так может, это малых ребят пугали!» — говорит Е. П. Хаванова, окончив рассказ о баннике.

Иногда можно услышать такие объяснения: «Раньше верили, больше и казалось, а теперь не верят, и меньше кажется» (та же С. А. Чуваева). Раньше и сейчас — два противопоставления. Раньше, безусловно, печистая сила существовала. Сейчас она исчезла (исчезает). Таковы представления информаторов старшего поколения. Как видим, течение жизни наложило отпечаток и на их психологию.

Подобные высказывания подтверждают мысль Э. В. Померанцевой о том, что «общим местом в русских быличках, записанных в наши дни, являются ремарки рассказчиков, отмечающих неубедительность и мало-

¹⁴ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 16.

¹⁵ В нашем тексте пасхальное яичко нужно пастуху, чтобы заручиться поддержкой лешего. В материалах А. Харитонова этот мотив звучит при уговоре мужа с домовым. А. Харитонов сообщает о другом способе получения поддержки лешего: надо в Иванову ночь срубить осину и сказать заговор. (Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда, с. 133—137).

вероятность рассказываемого ими случая».¹⁶ Но тем не менее нотки сомнения, звучащие в современных рассказах, не разрушают самого жанра. Быличка продолжает бытовать, и активность ее жизни особенно ярко проявляется на фоне затухания других жанров русского фольклора.

Конечно, звучащее сомнение накладывает определенный отпечаток на современные записи быличек. Интересно сравнить наш материал с быличками, записанными в начале века П. Г. Богатыревым. Из всех рассказов, напечатанных П. Г. Богатыревым, только в двух случаях прозвучал мотив сомнения: «Это молва, а было ли это на самом деле, я тоже не могу определить. Молва-то ходит» (рассказ К. М. Клементьевского из д. Ямская Гора о том, как рыбаки поймали чертенка в реке).¹⁷ «Черта видал. . . Идешь — блазнится, а выйдешь — пень» (рассказ И. А. Коптяева из д. Кодема).¹⁸ В остальных же рассказах звучит глубокая вера: «Было это тогда, когда еще была моя молодая бабушка отцу мать. . .»¹⁹

Из представителей демонологического пантеона в данном регионе очень популярен домовый. Называют его здесь по-разному: «домовой», «домовик», «дворовушко». Описывают его так: «Маленький, лохматенький, в колпачке из шерсти» (Усачева Люба, 13 л.). Его отношение к человеку в представлении разных информаторов различное. «Домовой — это плохо, если в дому. На Сюме был человек, который выживал домовых», — сообщает У. М. Стрелкова (69 л.). «Домовой для человека друг», — считает Усачева Люба. Домового звали с собой в новый дом: «Будь хозяином двору!» Подходя к опечку с лаптем, говорят: «Домовик, домовик, поедем с нами на новое место!» Домовой — прежде всего хозяин двора, скотины. «Если не по двору скотина, то худо. Волосы закрутит, шерсть завьет», — рассказывает С. А. Чуваева.

Родственником домового считается кот. «Если ты kota с собой в новый дом не возьмешь, то он (дворовушко, — Т. И.) опять всех (скотину, — Т. И.) выгонит назад, в тот двор, где старый» (Е. П. Хаванова). Kота обязательно первым впускали в новый дом: «В новый дом переезжали ночью. На одну телегу складут бук (кадушку, — Т. И.), куру, петуха и котейка. Бук ставят на двор, затем скот гонят» (Е. П. Хаванова). В данном регионе бытует поговорка: «Не гладь скота, а гладь kota». Если будешь относиться хорошо к коту, который сродни домовому, то у тебя на дворе и со скотом будет все хорошо. Образ kota в местном фольклоре, так же как и домового, двойкий. Kот может быть дружественным человеку, может быть и враждебным. Например, в одной из колыбельных песен женщины пугали ребят «сереньким котком»:

Бай, бай бай, бай,
Не ложись на край,
Придет серенький коток,
Витю хватит за бочок
Да унесет во темный во лесок.

(А. М. Палешева, 64 г.).

Еще более враждебным существом представляется кошка в следующем рассказе: «Верь, хоть не верь. У нас родня была в Ямской горе. И вот вышла замуж и не понравилась родителям мужиковым. Ее оставили одну, сами уехали на свадьбу. И она в петлю сунулась. И в то время как раз тетка зашла ейна. Дверь-то, говорит, открыла, а кошка сидит на ней. Давит» (С. А. Чуваева). Здесь образ kota связан с печистой силой, враждебной человеку.

¹⁶ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре, с. 16.

¹⁷ Богатырев П. Г. Вераования великорусов Шенкурского уезда, с. 45. Здесь и далее тексты приводятся в современной орфографии без сохранения диалектных особенностей произношения.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 58.

Рядом с домом воображение древних предков поселило банника. В окрестностях Шеговар его называют «банник», «банний». Описывают его так: «Волосы растрепает да на каменице сидит» (С. А. Чуваева). «Он может показаться такой мышкой, может показаться, как котенок», — сообщает Е. П. Хаванова. Банник точно так же, как и дворовушко, может быть злым по отношению к человеку, может быть и добрым. «Он злой», — такую характеристику дает ему У. М. Стрелкова. Дружественным по отношению к человеку, рачительным хозяином выглядит он в рассказе Е. П. Хавановой: «Старушка одна мылась. Мылась, мылась и стала домываться. И потом — не знаю, говорят, двери открылись, не открылись — и идет банник, как котенок. Идет и прямо на пол. А тот банник (хозяин этой бани, — Т. И.) и говорит: „Нет, ты весь причесался. У меня баня чистая, ты в мою баню не ходи!“ Банник банника и не пустил». Любопытно, что представление о баннике тоже связано с образом кота.

Возникает этот образ и в связи с еще одним божеством — полуденицей. Полуденица — гораздо менее распространенное низшее божество, чем дворовушко и банник.²⁰ Некоторые информаторы вовсе его не знают. Другие могут сообщить о ней только следующее: «Тоже покажется полуденица какая-то» (С. А. Чуваева). Третьи дают более подробную информацию: «Она по ночам тоже ходит. Добывает. Она такая, говорят, больше кошки» (Е. П. Хаванова). Полуденица может научить, как добыть цветок, который сделает человека невидимым. Это представление о полуденице расходится с рассказами о ней, записанными нами на Северной Двине в Виноградовском районе в с. Моржегоры.

В Моржегорах полуденица представляется в образе женщины с длинными волосами. «Малы-те ребятишки бегают: „У! На межи-то полуденица сидит! У! Какие волосы распустила“. Дети боялись-то только-то.

Полуденица во ржи,
Покажи рubeжи!
Хоть за нами побежи! —

А сами — драп! И бежать скорей» (П. Н. Шестакова, 64 г.).²¹

Представление о полуденице как о женщине, показывающейся днем во ржи, первоначальное, исконное. Об этом говорит этимология этого слова (полуденица — полдень). Представление это и более распространенное. Образ, который бытует в Шеговарах, вероятно, впитал в себя истоки других божеств.

Популярным героем быличек является леший, с образом которого связано проклятье «Понеси тебя леший!». У реки живет водяной (местное название — «водяной леший», «чертушко») и русалка («лешуха»). Если человек утонет, то говорят, что его утащил чертушко. Обязательный атрибут русалки — длинные волосы. «Она выйдет на камень посередке реки и волосы чешет. Волосы длинные! Это, говорят, перед дождем» (Е. П. Хаванова).

Таковы языческие божества, рассказы о которых бытуют в настоящее время. При сравнении нашего материала с материалом А. Харитонова и П. Г. Богатырева видно, что в прошлом было больше мотивов, связанных с демонологическими образами. Нам не встретились рассказы о том, что дворовый может подменить ребенка; нет записей о связи домового с женщиной или о связи его дочери-чародейки с хозяином дома; не рассказывают о «еретиках» — вурдалаках; нет рассказов о мельниках, стремя-

²⁰ В записях П. Г. Богатырева есть только один рассказ об этом божестве. У А. Харитонова о нем ничего не сообщается. Значит, и раньше этот образ был не очень популярен в Шенкурском уезде.

²¹ Подобный образ возникает и в записи П. Г. Богатырева: *Богатырев П. Г.* Верования великорусов Шенкурского уезда, с. 55.

щихся отдать жертву водяному; о гумённике, который душит тех, кто остаётся почевать на гумне; о баннике, убивающем тех, кто моется после двенадцати часов ночи; не встретилось суеверие, что увидеть банника — значит, быть пожару, баня сгорит. Наиболее темные, мрачные мотивы почти исчезли. Сохраняются те мотивы, где традиционные образы имеют более светлый, домашний облик: домовый — это хозяин дома, скота; банник — хозяин своей бани.

Любопытно, что в записях П. Г. Богатырева очень устойчиво переплетение христианских мотивов с языческими. Христианское начало (крест, крестное знамение, святая вода и т. д.) — доброе; языческое (леший, водяной, часто и домовый) — злое. Шолошнов (нечистую силу) из дома под крещение выгоняют святой водой;²² от лешего спасает знамение;²³ нечистую силу прогоняет запах ладана,²⁴ и т. д. В наших записях христианское начало почти полностью отсутствует. С закрытием церкви православные представления довольно быстро забылись. Языческие же, более древние и поэтичные, волнуют воображение и сейчас. В настоящее время видно, что эстетическое начало в быличках все более и более вытесняет религиозное. Слушателей в этом жанре привлекает не суеверие, а атмосфера таинственного, фантастического.

Среди ребят большой популярностью пользуются истории, которые совершенно не бытуют во взрослой аудитории. Это рассказы с развитым сюжетом, повествующие о каком-либо страшном, ужасном событии. Пример: старуха подарила девочке желтый ноготь, ночью ноготь растёт, укалывает всех родных девочки — они вешаются; остаётся одна девочка; она видит спящую старуху, колет её — та сама вешается; девочка ломает ноготь — все её родные оживают. Ребята называют подобные рассказы «анекдотами». На вопрос, что они больше всего любят рассказывать друг другу, они ответили: «Вот такое страшное, да эти анекдоты». Рассказываются подобные истории, как правило, вечером, ночью («чтоб страшнее было»). Например, затаив дыхание, они слушали их во время ночевки в походе. Тот, кто знает много таких «анекдотов», пользуется у ребят определённым авторитетом.

О. Н. Гречина и М. В. Осорина, первые советские исследователи этого жанра детского фольклора, собравшие более 120 текстов подобных детских рассказов, называют их «страшилками». Они считают, что этот жанр характерен для городского фольклора, что в основном он распространён среди ребят города.²⁵ Наши наблюдения над детским фольклором Холмогорского, Виноградовского и Шенкурского районов Архангельской области не подтверждают данного вывода. «Анекдоты» (или страшилки) являются любимым жанром сельских ребятшек всех трех перечисленных районов.

Г. И. Мамонтова полагает, что исходными жанрами для формирования страшилок как отдельного жанра устного народного творчества являются сказки и былички.²⁶ В основном мы соглашаемся с этим мнением. Связь страшилок с быличками, помимо определенной установки на достоверность, сказывается и в создании образов неких сверхреальных сил, враждебных человеку. Эстетическая основа этих рассказов — категория ужасного.

«Анекдоты» имеют свои художественные законы. Во-первых, как правило, сюжет кончается благополучно, счастливо (старуха с желтым ногтем умирает; мать своей слезой оживляет дочь; мальчик с голубыми

²² Там же, с. 48.

²³ Там же, с. 49.

²⁴ Там же, с. 62.

²⁵ Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1981, т. 20, с. 99.

²⁶ Мамонтова Г. И. Культурно-исторические и психологические основы жанра страшилок. — В кн.: Сибирский фольклор. Новосибирск, 1981, с. 57.

глазами спасает город от белой королевы, которая превратила людей в камень, и т. д.). Счастливая концовка — художественный закон сказки, прозаического жанра, хорошо знакомого ребятам из книг. Зло наказано, добро побеждает. Число страшилок, в которых зло оказывается сильнее добра, невелико.

Неизменным художественным приемом, используемым рассказчиками, является повтор. В одном из наших текстов трижды (с отцом, матерью, сыном) повторяется следующий эпизод: «Белые занавески и говорят отцу: „Встань!“ Он встал. — „Умойся!“ — Он умылся. — „Подойди к окошку!“ — отец подошел к окошку, и они его задушили». В другом тексте трижды белая королева просит мальчика отдать ей его голубые глаза. В третьем трижды прилетает простыня в комнату девочки, и т. д. Художественный прием повтора также идет от сказки.

Главным действующим лицом подобных историй всегда является человек, причем, как правило, это младший в семье, ребенок («девочка», «мальчик с голубыми глазами», «сын», «девочка 14 лет» и др.). Главный герой близок по возрасту аудитории, ее психологии. Он активен, поступает не так, как остальные жертвы злых сил, и противостоит им (ср. со сказками типа СУС 327 А, В, С). Злые силы в «анекдотах» часто персонажируются в образах самых разнообразных предметов («простыня», «белая королева», «черный гроб на колесиках», «синий-сизий покойник», «старуха» и т. д.). Многие из них имеют яркую, запоминающуюся цветовую характеристику, которая настойчиво повторяется на протяжении всего рассказа.

В «анекдотах» фантастическое тесно переплетается с реальным. Последнее идет от главного действующего лица. Пространство, в котором обитает герой, реально. Он живет в обычном городе, доме, семье, ходит в магазин, ездит на трамвае. Время тоже реально. По своим бытовым деталям «анекдоты» напоминают обычный устный рассказ. Фантастическое обусловлено антагонистом героя. Он необычен и совершает необычные злодеяния. Среди страшилок выделяются сюжеты, полностью лишенные фантастического элемента. Рассказчик и аудитория верят в такие рассказы как в фактическое происшествие. Пример: парень на спор идет ночью на кладбище, втыкает в могилу нож, не может встать, так как приколот ножом свой плащ к земле; от страха он умирает. (Этот сюжет и подобные ему приходилось слышать от ребят и молодежи 18—20 лет и в других регионах). Основа таких рассказов, видимо, отголоски бытовых рассказов о действительно происходивших трагических случаях.

Особую группу среди «анекдотов» составляют свободные пересказы литературных произведений (например, «Вий» Н. В. Гоголя).

Жанр страшилок, видимо, возник недавно. Бытует он преимущественно среди детей и подростков. Истоки его мы можем найти в устных прозаических рассказах о бытовых происшествиях, в быличках, с их представлениями о фантастических силах, враждебных человеку, в литературных произведениях, в традиционных сказках.²⁷

Как видим, оба прозаических жанра, активно бытующих в Шеговарах, — былички и страшилки связаны с эстетической категорией ужасного. Видимо, определенная потребность детей и взрослых в художественном проявлении таинственного, загадочного, страшного не удовлетворяется профессиональными видами искусства. Именно в этом мы видим причину интенсивной жизни этих жанров.

²⁷ Ср.: «Страшилки — компилятивный жанр, образовавшийся на стыке гетерогенных явлений: сказочной традиции... суеверной прозы... бытовых, культурных реалий современности» (Мушлыгин М. А. Формально-содержательные особенности оригинальных жанров прозаического детского фольклора. — В кн.: Проблемы современной филологии. Диалектика формы и содержания в языке и литературе: Тез. докл. Пермь, 1982, с. 135).

А. К. МИКУШЕВ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ
(ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ)

Проблема взаимодействия русской и окружающей ее иноязычной фольклорной традиции имеет множество аспектов. Потребность в учете этих аспектов особенно возросла в связи с подготовкой академического «Свода русского фольклора». Это и понятно. Ведь составители «Свода» поставили перед собой в ряду других и цель создать возможно более полную картину исторической жизни русского фольклора, передать ту самую жизненную «обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю нравственную», то динамическое «жизненное начало» в фольклоре, на которое некогда указывал Н. А. Добролюбов в известной рецензии на сборник сказок Афанасьева.¹

Возьмем, например, вопрос об устойчивости и характере этой устойчивости фольклорного репертуара в русских переселенческих центрах, находящихся в плотном иноязычном окружении на территории Сибири, ряда союзных и автономных республик нашей страны, а также за ее пределами. Эта проблема сравнительно полно освещена в трудах Ф. В. Тумилевича о русском фольклоре казаков-некрасовцев в Турции, в работах Л. Е. Элиасова о фольклоре семейских Сибири.² На Всесоюзной научной фольклорной конференции в Ленинграде в 1979 г., организованной Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, новые еще более обширные данные о бытовании традиционного русского фольклора в Казахстане, Киргизии, Азербайджане, в Прикаспии, на Северном Кавказе, в Татарии, Чувашии, Башкирии, в Туве привели в своих докладах И. А. Шерстюк, И. Х. Чурловская, В. С. Кирюхин, С. З. Габисова, И. И. Андреева, З. Е. Семенова, И. Е. Карпухин, Г. Н. Курбатский. Большой интерес вызвали доклады А. Б. Абдуллиной и М. М. Багизбаевой о песенном фольклоре семиреченских казаков в казахско-киргизской языковой среде. Их исследования открывают перед фольклористикой малоизученный пласт русского казачьего фольклора. Доклады и сообщения участников конференции воссоздали сложную картину взаимодействия русского фольклора с фольклором соседних народов. Вместе с тем доклады подтвердили устойчивость традиционного содержания, особенностей жанров, поэтических образов русского фольклора.

При изучении русского фольклора национальных районов СССР возникает и другой не менее важный вопрос — вопрос билингвизма, проблема влияния билингвизма на собственно фольклорный процесс. Как писал Ш. Р. Рашидов, в современных условиях «возникает естественная потребность в двуязычии... у человека закономерно появляется внут-

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. М.; Л., 1936, т. 1, с. 429—434.

² Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1961; Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов и И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963.

решения необходимость в овладении вторым родным языком — языком межнационального общения — русским языком».³ Этот же процесс, эта же внутренняя потребность отразилась в области художественного творчества, ибо, как известно, одним из видов такого творчества, органично связанного с языковой культурой нации, и является устная поэзия. Билингвизм в условиях СССР оказался «одним из выражений демократической природы советской национальной политики».⁴ Он «не привел и не может привести к одноязычию, к вытеснению родного языка вторым языком».⁵ Напротив, в многонациональном социалистическом государстве двуязычие способствует взаимному обогащению национальных культур. «Национальные культуры, — отмечал Ш. Рашидов, — перестали жить замкнутой жизнью. Более того, само их развитие возможно лишь на основе взаимосвязи и взаимодействия. И русский язык является орудием этой взаимосвязи, этого взаимодействия, он цементирует советскую культуру. Народам сегодня необходимы прочные, устойчивые мосты в большой мир, который всегда богаче, шире, многообразнее культуры каждого народа в отдельности».⁶

Всесоюзная фольклорная конференция в Ленинграде наглядно подтвердила справедливость этого тезиса, показала, что с постепенным возрастанием роли русского языка как средства межнационального общения, в нашей стране все большее место начинает занимать фольклорное творчество нерусских народов не только на своем родном, но и на русском языках. Если в прошлые века факты такого сотворчества отмечались в первую очередь в среде родственноязычных народов, а именно в русско-украинско-белорусском пограничье, если на рубеже XIX—XX столетий такие факты начинали наблюдаться среди тех народов, для которых русский язык все более становился вторым родным языком, например, среди финно-угорских и ряда тюркских народов, то в последующие десятилетия подобные процессы расширились и углубились, что было убедительно показано докладчиками из Казахстана, Молдавии, Башкирии.

И наконец, третий аспект проблемы состоит в уяснении направленности историко-культурных контактов родственноязычных и неродственноязычных народов, но близких соседей, в области устной поэзии. А это в свою очередь связано с решением насущных вопросов истории фольклора того или иного региона. Русский фольклор с его огромными духовными богатствами оказал и оказывает многогранное, пока еще далеко не учтенное влияние на устную поэзию окружающих его финно-угорских, тюркских, сибирских, кавказских народов, впрочем, при этом и сам не оставаясь неизменным под воздействием фольклора этих народов. Русский фольклор в этих регионах взаимно и непрерывно сам обогащался за счет их духовных ценностей. На вопрос о том, как осваивалась русская фольклорная традиция соседними народами, можно получить вполне конкретные, но далеко не однозначные ответы, если обратиться к разным локальным регионам страны. Однако сведенные воедино эти конкретные ответы дают возможность масштабнее представить и вернее решить фундаментальную проблему фольклористики — проблему диалектического единства национального и интернационального в фольклоре.

Названные выше три аспекта проблемы «Русский фольклор в иноязычной среде», естественно, можно изучить лишь коллективными усилиями многонациональной советской фольклористики. Поэтому, не стре-

³ Рашидов Ш. Р. Язык дружбы и братства. М., 1977, с. 34.

⁴ Баграмов Э. А. Развитие и сближение социалистических наций. — Правда, 1971, 16 июля.

⁵ Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979, с. 13.

⁶ Рашидов Ш. Язык братства и дружбы народов. — Коммунист, 1976, № 3, с. 20—21.

мясь охватить все названные аспекты, мы посчитали возможным в данной статье сосредоточить главное внимание на третьем аспекте проблемы, опереться при этом преимущественно на материал устной поэзии народов северо-востока европейской части СССР, иными словами, попытаться ответить на вопрос, как конкретно осваивался русский фольклор финно-угорскими народами, а именно пермскими (зырянами, пермяками, удмуртами) и волжскими (мари, мордва).

Выбор данного региона не был случаен. Он продиктован следующими соображениями. Во-первых, этот край по праву славится, считается одним из богатейших центров русского фольклора вообще. Достаточно сослаться на былинные центры Печоры, Вашки, Мезени, Северной Двины, на сказочные и песенные центры бывших Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской и других губерний. А главное, край этот был изучен фольклористкой весьма и весьма полно на протяжении двух последних столетий, свидетельством чему служат капитальные собрания и исследования И. Лепехина, Ф. Истомина, Н. Ончукова, А. Григорьева, Д. Зеленина, А. Астаховой, Н. Колпаковой по русскому фольклору.⁷

Во-вторых, северо-восток европейской части СССР выступает и как своеобразный стык этносов чрезвычайно пестрого происхождения, а именно восточнославянского, финно-угорского и самодийского, также освещенных детально в трудах отечественных и зарубежных ученых, главным образом венгерских, финских и немецких.⁸

Таким образом, в нашем распоряжении оказывается научный материал в равной мере высококачественный как по русскому, так и по интонациональному фольклору европейского северо-востока. Сопоставление столь авторитетных фактических данных придает выводам большую научную достоверность.

Действительно, материал свидетельствует о том, что взаимодействие соседствующих в регионе славянских, финно-угорских и самодийских традиций издавна носило самобытный характер. Сводить всю сложность процесса к простому нетворческому заимствованию сюжета или к механическому переводу текста из одной образной системы в другую, очевидно, не вполне оправдано. А попытки подобного упрощенного истолкования фактов наблюдались не столь уж редко в отдаленном прошлом, наблюдаются они изредка и сейчас. Ограничусь двумя равными по своей категоричности и необъективности примерами. В 1902 г. Н. Е. Ончуков, побывав среди восточных финно-угров, опубликовал статью «Былинная поэзия на Печоре». Введенный в заблуждение местными так называемыми знатоками живой старины, он в своей статье заявил буквально сле-

⁷ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1805, ч. 4; Истомин Ф. М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года. — Известия Русского географического общества (РГО), СПб., 1890, т. 26, вып. 4; Ончуков Н. Е. Былинная поэзия на Печоре. — Живая старина, СПб., 1902, вып. 3 и 4; Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. М., 1904, т. 1; СПб., 1910, т. 3; Зеленин Д. К. 1) Великорусские сказки Пермской губ. — Записки РГО по отделению этнографии, Пг., 1914, т. 11; 2) Великорусские сказки Вятской губ. — Там же, 1915, т. 12; Астахова А. М. Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора. М.; Л., 1938; Колпакова Н. П. Новые записки былины на Печоре. — В кн.: Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957, т. 2, с. 231—250.

⁸ Sjogren J. A. Gesammelte Schriften. B. 1: Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St. Petersburg, 1861; Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971; Померанцева Э. В. Русская сказка среди финно-угров (рукопись); Castrén M. A. Nordische Reisen und Forschungen Reiseerinnerungen aus dem Jahre 1838—1844. St. Petersburg, 1853, Bd. 1; Munkácsi B. Vogel népköltési Gyűjtmeny. Budapest, 1892, 1; Dávid F. Zűrjén népköltészeti mutatóványok. Budapest, 1913; Kannisto A. Wogulische Volksdichtung. Helsinki, 1951—1955, 1—6; Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Budapest, 1975—1976, 1—2; Rédei K. Zyrian folklore texts. Budapest, 1978.

дующее: «Теперь, действительно, можно с большой вероятностью предположить, что зыряне-ижемцы заимствовали свои былины от своих соседей русских. Предположить это можно тем больше, что зыряне почти не имеют своей поэзии и в настоящее время пробаваются исключительно русскими песнями» (курсив мой. — А. М.).⁹ Сегодня, когда в нашем распоряжении имеются авторитетные изыскания и публикации по коми фольклору,¹⁰ очевидна несостоятельность такого категоричного предположения. И все-таки, спустя более полувека после Ончукова, на страницах венгерского журнала «Ethnographia» это же предположение, правда, несколько видоизмененное, возникло вновь. В журнале были опубликованы две эпические песни на ижемском диалекте коми-зырянского языка. На том основании, что тематика песен включает значительный самодийский элемент, они чуть ли не были объявлены переводами на сей раз уже не русских былин, а ненецких эпических песен — сюдбабц.¹¹

Между тем неправомерно коми эпос сводить ни к русским былинам, ни к ненецко-энецким сюдбабц, хотя элементы тех и других были своеобразно трансформированы национальной эпической традицией. Впрочем, подобные же процессы характеризовали фольклор не только коми-зырян, но и других восточных финно-угров. Оставляя пока в стороне вопрос о самодийско-финно-угорских фольклорных связях, рассмотрим внимательнее сам механизм взаимодействия русского фольклора с устно-поэтической традицией восточных финно-угров.

Пространственно-временная определенность русско-финно-угорских фольклорных связей, отличительная полистадиальность этих связей, их основные этапы нагляднее всего выявляются при сопоставлении русских и финно-угорских источников, относящихся к таким жанрам, как эпос, устная песенная лирика и частушечная поэзия. Тут мы имеем дело не только с тремя формами освоения русского фольклора нерусскими народами, но в сущности и с тремя этапами истории развития духовной культуры русских и финно-угров, истории укрепления их взаимодействия и взаимообогащения на протяжении XIV—XIX вв.

* * *

По-видимому, наиболее ранний пласт русско-финно-угорских взаимосвязей следует искать в области эпического творчества. В ходе переселения русских племен на Север былевой эпос на европейском северо-востоке — на Печоре, Мезени и Каме — отнюдь не оказался в некоем внеэпическом пространстве, как это пытались представить некоторые исследователи этого края. Глубоко заблуждался, например, А. Шренк, когда в 40-х гг. прошлого столетия писал: «Wäinämoïens Harfenklänge drangen nicht bis in die Wälder an der Petschora».¹² Сказано это было в том смысле, что на берегах Печоры не могло быть ничего подобного карело-финским эпическим рунам. И сказано было, как выяснилось спустя более столетия, несправедливо. Более наблюдательным оказался современник Шренка финский ученый М. Кастрен, исследовавший быт и обычаи печорских самодийцев и финно-угров, отметивший несомненное родство их

⁹ Живая старина, СПб., 1902, вып. 3—4, с. 363.

¹⁰ Цембер А. Коми мойдан и сьыланкывъяс. Усть-Сысольск, 1914; Доронин П. Фольклорной сборник. Сыктывкар, 1938; Осипов И. А. Висер вожса сьыланкывъяс да мойджкывъяс. Сыктывкар, 1941; Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми йӧзкостса сьыланкывъяс. Сыктывкар, 1966—1971, 1—3; Wichmann Y. Syrjänische Yolksdichtung. Helsinki, 1916.

¹¹ Ethnographia, 1967, N 3, p. 438—451; 1968, N 1, p. 76—91.

¹² Schrenk A. Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands. Dorpat, 1848, Bd 1, S. 222. [«Песни Вайнемойнена не достигают печорских лесов»].

поэзии с устным творчеством всего финского племени (das ganzen finnischen Stammes).¹³

Действительно, былевой эпос русских переселенцев Пустозерска, Усть-Цильмы, Ижмы оказался не во внеэпическом пространстве, а, напротив, по соседству с такими самобытными и богатыми эпическими традициями, как угорская (ханты-мансийский военный эпос), самодийская (ненецкий и энецкий оленеводческий эпос) и финно-пермская (ижмо-колвинский богатырский эпос). Однако система образов в финно-угро-самодийских эпосах не совпадала друг с другом, а тем более она совсем не напоминала русскую былевую образную систему. Отмеченный факт отнюдь не способствовал ни простому заимствованию, ни механическому переводу с языка на язык. Механизм восприятия и переработки русских былин на восточнофинно-угорской почве оказался достаточно сложным, противоречивым. А. М. Астахова, указавшая на сложность этого механизма, отметила три формы освоения русского былевого эпоса иноязычной средой, а именно: усвоение и исполнение русских былин иноязычными сказителями на русском же языке; усвоение от русского населения былинных сюжетов, переданных прозой в виде побывальщины; переложение русских былин на другой язык с сохранением их былинного стиля и стихотворного склада.¹⁴

В связи с тем, что А. М. Астахова рассмотрела весьма обстоятельно первые две формы освоения былинной традиции, а третью, назвав уникальной, рассмотрела лишь в общих чертах, в связи с тем, что с момента выхода в свет упомянутой книги А. М. Астаховой были накоплены новые фактические материалы об этой уникальной форме освоения русских былин, есть настоятельная необходимость остановиться на этой форме подробнее. А. М. Астахова справедливо отмечала, что третья уникальная форма присуща фольклорной традиции западных (карелы) и восточных (коми) финно-угров. Примером этому могут служить карельская песня об Илье и Идолице, записанная в Карелии от сказителя Т. Е. Туреува, два варианта коми песен об Илье и Калиге, записанные от безымянных певцов на Печоре в 1920-е гг., а также восемь вариантов коми песни о Прекрасном Романе и Прекрасной Романице, зафиксированные в разное время в разных районах Коми АССР и Архангельской области.

Что произошло с русскими былинами во всех этих конкретных случаях? Карельские и коми песни об Илье Муромце представляют собой сравнительно близкие к русской былинне «Илья и Идолице» стихотворные переводы-переложения. В них почти адекватно точны с русским источником и былинный стиль, и стихотворный склад. Вот, например, как в коми песне описывается эпизод встречи Ильи с Неверным Идолицем:

Чугунной пуля кватитис комын пудьябс,
Кык ки костас шляннитис,
Пöйм моз пыркнитис.
— Вот пö, эськö, Илья Муромечыд кö лöсялис,
Тадз жö пö някырти!
— Пöжалуй, пö, пöжалуй!
Важöн пö мян пöльяслöн-дедъяслöн
Тэ кодь жö лёк горш пон вöли,
Кысь мый вöли аддзö, сийö пурö,
Кытчöкö воши да лы шöр лысö,
Яй шор яйсо эг аддзылой.

Тридцатипудовое чугунное ядро схватил,
В ладонях сжал,
Только пепел от ядра остался.
— Случись тут Илья Муромцу,

¹³ *Castrén M. Nordische Reisen. ., S. 247—248.*

¹⁴ *Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962, с. 75.*

И его так раздавил бы!
 — Пожалуй, пожалуй!
 Прежде у наших дедов-предков был
 Подобный тебе жадный пес,
 Где что увидит, то и хватает,
 Кого не увидит — искушает,
 Куда-то пропал он —
 Ни костей, ни мяса не осталось.¹⁵

Не трудно понять, что приводимый фрагмент близок по стилю и складу известной русской былине об Илье и Идолище, той ее сцене, где воспроизводится диалог между русским богатырем и иноземным нахвальщиком:

— Да чорт-то ведь во Киеви-то есть, не богатырь был!
 А был-то ведь зде да богатырь тот.
 Как я бы тут его на долонь-ту клал,
 Другой рукой опять бы сверху прижал,
 А тут бы еще да ведь блпи-то стал,
 Дунул бы его во чисто поле!
 Говорит Илья тут таково слово:
 — У нас как у попа было ростовского,
 Как была что корова обжориста,
 А много она ела, пила, тут и треснула,
 Тебе-то бы поганому да так же быть!¹⁶

Точно такой же характер имеет онежский фрагмент в публикации А. М. Астаховой.¹⁷

Былины на сюжет «Илья Муромец и Идолище» составляют ядро героического цикла о борьбе с иноземными насильниками. Говоря о двух версиях подобных былин и устойчивости сюжетной основы, А. М. Астахова в то же время отметила, что былинные варианты, зафиксированные на Мезени и Печоре, чаще дают сложный контаминированный структурный тип. «Объединение происходит, — писала она, — в большинстве случаев с сюжетом голей, затем с сюжетами ссоры с князем Владимиром и встречи со Святогором. В северо-восточных вариантах сюжет также часто осложняется отдельными дополнительными деталями».¹⁸

Напротив, коми печорские варианты никак нельзя определить словами «сложный контаминированный тип». Как и у карела Т. Е. Туруева, русская былина на коми почве подверглась определенным сокращениям. Правда, коми источники сохранили неизменной сюжетную канву русской былины: встреча с каликой, сообщающим Илье о бесчинствах Идолища; мена с каликой платьями и приход Ильи в белокаменные палаты в обличье калики; расспросы Идолища о том, каков из себя богатырь Илья; насмешки Ильи над прожорливостью Идолища; расправа богатыря с врагом.¹⁹ Но при всем этом дело не ограничилось сохранением на финно-угорской почве характерного русского былинного склада. Карельский сказитель Т. Туруев и безымянный коми певец с Печоры сохраняют идейный смысл сцены, в которой рисуется битва Ильи с Идолищем поганым (в коми вариантах с Неверным Идолом), акцентируют внимание на высоких человеческих и гражданских чертах Ильи Муромца и на звериных качествах Неверного Идола, этого, по словам В. Я. Проппа «чудовища очеловеченного».²⁰ В Идолище дан, говоря словами А. М. Астаховой, «об-

¹⁵ Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады. Л., 1969, с. 76—77.

¹⁶ Онежские былины, записанные Гильфердингом А. Ф. летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., 1949, т. 1, № 48. См. также: Астахова А. М. Илья Муромец. М.; Л., 1958.

¹⁷ Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1951, т. 2, с. 140—141.

¹⁸ Там же, с. 752.

¹⁹ Астахова А. М. Илья Муромец, с. 470.

²⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958, с. 228.

раз врага насильника, бесчинствующего в захваченном им городе». ²¹ Илья же всегда выступает в обычной своей роли «защитника и спасителя родины от иноземных захватчиков», иногда он «совершает свой подвиг в защиту соседнего и дружественного народа, попавшего в беду». ²²

Коми источники ближе стоят к первой версии, хотя мотивы, типичные для второй версии, мотивы защиты «соседнего и дружественного народа» как раз и составляют основу коми эпоса как такового, например, основу самых популярных зырянских и пермяцких эпических песен о богатыре Федоре Кироне, о мужественном Кирьяне Варьяне, а также многочисленных героических сказаний о битве Пери-богатыря с чудовищем, пытающимся захватить Москву или Пермь. Все эти зырянские и пермяцкие богатыри неизменно выступают союзниками и помощниками соседнего дружественного русского народа, приходят на помощь к попавшему в беду соседу. ²³

Нетрудно заметить, что восприятие коми печорскими певцами былинного источника удивительно схоже с восприятием его же карельскими певцами. И коми и карельские сказители творили эпическое произведение на двух языках. Источником былины об Илье и Идолице коми и карельского авторов, по-видимому, был один и тот же свод русских былин В. П. Авенариуса «Книга былин». При этом коми и карельский сказители значительно сократили авенариусовский текст. Так, если былина об Илье Муромце и Идолице у Авенариуса насчитывала 303 стиха, то карельский вариант ограничивается 92 стихами, а коми вариант — 207. Чаще всего сокращаются описательные детали: если у Авенариуса начальный эпизод встречи занимает 27 стихов, то в карельском он передан двумя, в коми — пятнадцатью стихами. Описание бесчинств Идолица в захваченном городе у Авенариуса насчитывает 38 стихов, в карельском — 4 стиха, в коми — 3 стиха. Описание Идолица (у Авенариуса — 11 стихов) карельский и коми сказители опускают вовсе. Эпизод мены платьями Ильи и калики, переданный Авенариусом в 43 стихах, в коми и карельском произведениях сведен к семи стихам. Несколько меньшим сокращением, чем у карел, в сравнении с авенариусовским текстом коми сказители подвергают диалог. Начальный диалог между Ильей и каликой у Авенариуса развиг в 17 стихах, у коми — в 13, у карел — в 5; диалог между Ильей и Идолицем у Авенариуса — в 43, у коми — в 40, у карел — в 27 стихах.

При всех отмеченных формальных отличиях, наблюдаемых при сопоставлении русского, карельского и коми текстов, эти же тексты сохраняли определенную близость в смысловом, композиционном и стилевом отношениях.

Об ином более сложном характере восприятия русского эпического источника на финно-угорской почве свидетельствуют коми эпические песни о Прекрасном Романи и Прекрасной Романице. Мировоззренческий элемент иноязычных певцов сыграл в формировании таких песен значительно более активную роль, чем в случае с былиной об Илье и Идолице. Этот мировоззренческий элемент существенно преобразил образную структуру, а порой и сам смысл русского источника.

Песни о Прекрасном Романи зафиксированы среди восточных финно-угров далеко не повсеместно, а в определенном географическом районе и в определенной социальной среде, а именно на Верхней Печоре и Верхней Вычегде, т. е. в Коми АССР, в Большеземельской тундре и на Канинском полуострове, т. е. в Архангельской области. Если учесть, что первые два пункта — это район северного старообрядчества, а другие

²¹ Астахова А. М. Илья Муромец, с. 470.

²² Там же.

²³ Микущев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973, с. 132—153.

два — область поселений кочевых окомизировавшихся колвинцев-язычников, принявших христианство лишь в прошлом столетии, то станет ясным, почему существенно изменились некоторые эпизоды русской баллады «Князь Роман и Марья Юрьевна», положенной в основу рассматриваемой эшпечской песни.

По художественной структуре коми песни близки к русским балладам с их трагическим сюжетом, осложненным сказочными мотивами. Как и в русских балладах, в финно-угорских песнях историческая обстановка отступает на второй план, а на первом плане (и это, пожалуй, в финно-угорских песнях выступает еще рельефнее, чем в русских источниках) оказываются новеллистически представленные семейные коллизии. В отличие от русского балладного Романа у коми врагу вовсе не противопоставлена никакая реальная сила. Такая сила в коми песнях вообще отсутствует. Так возникает предельный драматизм содержания, драматичность сюжетных коллизий.

К русским балладам ближе всего оказываются верхнепечорские и верхневычегодские варианты коми песен. Как и в русских источниках, в них речь тоже идет о нападении чужеземцев на Романа и его жену Романицу. Но уже в завязке намечаются некоторые существенные отличия. Русский источник: князь Роман Митриевич несмотря на уговоры жены, которой приснился вещий сон, едет «в чисто поле собирать дани». В его отсутствие из-за моря приплывают чужеземцы и увозят на чужбину Марию Юрьевну.²⁴ Коми источник: враги нападают на Романа и Романицу одновременно, захватывают и увозят Романицу на виду у Романа.²⁵ Определенные отличия имеются и в центральной кульминационной части произведений. Русский источник: враги действуют обманом, жестоко истязают слуг Романа. Коми источники: враги истязают не слуг и не жену Романа, а самого Романа, пытаются его, силой отнимают у него Романицу. Роль Романа, таким образом, оказывается исключительно страдательная, он столь же незащищен, как и его семья. Но главные различия видны в финальных частях коми и русских источников. Русский источник: во время бегства из татарского полона Марья Юрьевна прибегает к помощи чудесных предметов и деревьев; с их помощью она возвращается домой, совершает очистительный пост, выполняет обет — выстроить из спасшей ее березы (кипариса и т. д.) церковь в благодарность за спасение. Коми источники: о бегстве Романицы и помощи ей чудесных деревьев упоминается вскользь, иногда всего одной фразой «и пышйис» (и убежала). Зато гораздо полнее, чем в русском источнике, говорится о прибитии Романицы на родину. Для нагнетания же психологической напряженности используется прием ретардации — трехкратного повтора сходной ситуации. Добравшись до озына (так у древних финно-угров называлась родовая стоянка для лодок), Романица трижды отправляет к Роману посланников-ребятишек, игравших возле озына:

— Каййö пö да висьталöй мича Рöманлы,
Гöтырьд пö бзынын бадь кустын.
Жальджык кö кажитча,
Мичаджык платтьö ваяс,
Абуджык кö жаль,
Мед пö лёкджык ваяс.

— Идите и скажите красавцу Роману,
Что жена его у озына под ивовым кустом,
Если мила я ему,
Пусть самое красивое платье принесет,
А коли не мила,
Пусть ветхое платье принесет.²⁶

Трижды Роман несет платье для жены, но никак не может найти ее, только на третий раз встречает ее, наряжает в подвенечное шелковое платье, приводит домой. Правда, изредка трехкратный повтор может от-

²⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским. Ч. 2: Песни былевые. М., 1863, вып. 5, с. 92—99; Беломорские былины, собранные А. В. Марковым. М., 1901, с. 119—126.

²⁵ Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады, с. 64—71.

²⁶ Там же, с. 66—67.

существовать. Тогда смысл всей сцены сводится к лаконичному обращению:

— Висьталой пö, челядьяс,
Мича Рöманлы,
Мича гöтырыд пö локтис ва дорö.

— Скажите, детки,
Красавцу Роману,
Что красавица жена приплыла к берегу.

И тут же констатируется: «Лэчас мича Роман мича гöтырлы паныд» (Спустился красавец Роман к реке).²⁷

Однако в большинстве коми вариантов эта финальная сцена встречи пасивно разлученных Романа и Романицы оказывается для всей песни основной, подробно выписанной, а предшествующие сюжетные сцены превращаются в своего рода песенный пролог. Таковы все большеземельские варианты. В них произошла практически полная новеллизация русского источника, в связи с чем преобразился его смысл и поэтическая структура: сказочные мотивы содействия Марье Юрьевне со стороны природы, чудесных деревьев полностью выпали, выпал мотив спасения Марьи Юрьевны в награду за то, что верна была, крепко стояла «за закон божий, не сронила с главы золотых венцей». ²⁸ Естественно, такую трактовку события вчерашний язычник принять никак не мог.

Таким образом, взаимоотношения русской и финно-угорской эпических традиций на протяжении многих столетий были достаточно активными, развивающимися по мере того, как финно-угорские племена после XIV—XVI вв., т. е. после своего вхождения в состав Московской Руси, начинали играть все более активную роль в укреплении ее северо-восточных и восточных рубежей. Как видно из приведенного выше анализа, дело не ограничивалось простым воспроизведением русского источника в иноязычной среде, а тем более механическим его переводом на другой язык. Материал подтверждает, что происходил живой многогранный творческий процесс освоения русского эпоса иноязычной средой по законам идеологии и эстетики этой самой среды. Несомненно, такой процесс, такие взаимоотношения могли зародиться на ранней стадии русско-финно-угорского военного и экономического союза. Возникнув, русско-финно-угорские фольклорные взаимосвязи продолжали активно развиваться в последующие столетия. Именно в результате подобных процессов стало возможным возникновение таких эпических циклов, как коми-зырянский эпос о Федоре Киропе, как коми-пермяцкий эпос о Пере-богатыре. Эти национальные эпосы удивительно схожи с русскими былинами о еднборстве богатыря с иноземным нахвальщиком, и вместе с тем они не повторяют ни одной конкретной русской былины.

* * *

Совсем несхожей оказывается история билингвизма, совсем неповторимыми предстают принципы освоения русской фольклорной традиции иноязычной средой в более поздних устно-поэтических жанрах, например в песенной лирике и частушечной поэзии.

Русская народная песня давно уже завоевала огромную популярность среди восточных финно-угров. В одних только фондах научных архивов Коми филиала АН СССР, Сыктывкарского университета, Коми республиканского краеведческого музея к настоящему времени выявлено свыше 3000 русских песен и песенных вариантов. Такая же картина наблюдается в архивах Удмуртской, Марийской и Мордовской АССР.

Вероятнее всего пермские и волжские финно-угры начали осваивать русскую песню после XIV—XV вв., сразу после своего вхождения в со-

²⁷ Там же, с. 70—71.

²⁸ Беломорские былины, собранные А. Марковым, с. 123; Колпакова Н. П., Добровольский Б. М., Митрофанова В. В., Коргузалов В. В. Песенный фольклор Мезепи. Л., 1967, с. 311.

став Московской Руси. Можно предположить, что в тот первоначальный период они начинают перенимать от русских плясовые и хороводные песни, в которых главную организующую роль играли мелодия и ритмы. Не зная или недостаточно хорошо владея русским языком, мордовские, марийские, удмуртские и коми певцы между тем весьма точно воспринимали и воспроизводили мелодико-ритмический строй русского источника, однако при этом допускали существенные искажения словесного песенного образа. Архивные материалы прошлых экспедиционных записей подтверждают наличие значительных смысловых искажений в песнях «Веселся, веселся», «Сижу круг городи», «Елисточинькой шумит», «Шаньлань корошо»,²⁹ «Уле, уле, Улюшкё», «Спирилё жё моя», «Чум гёра», «Этим томчи томчивала», «Городи чудеви», «Прунды жё Дунай», «Сидел Даня на диване», «Яко чуко, чуко блюдево», «Как у чарёчки», «Да кёжу, кёжу, кёжу»; «Олё-вылё голубенька», «Елен сидёт подгёрила», «Кёкушка подзорела».³⁰ Сходную же картину отмечают удмуртские, марийские и мордовские фольклористы (П. Поздеев, Д. Яшин, В. Аққорин, А. Самошкин).

Воспринятые певцами на равней стадии русско-финно-угорских отношений, эти песенные словесные искажения, доведенные порой до неузнаваемости, были впоследствии закреплены устной традицией в первоизданном своем виде. И с тех пор эти искаженные песенные формулы-клише по принципу «из песни слова не выкинешь», не выкидываются, а стойко держатся. Сами певцы знают, что подразумевается в песне «Как у чарёчки у серы браные» русский образ «Как у чарочки у серебряной», а все-таки петь будут по-старому, как пели их деды и прадеды — «Как у чарочки у серы браные». Такие искаженные русские песни в нерусском исполнении особенно трудно поддаются записи и словесной расшифровке. Однако не следует забывать, что в самих этих «искажениях» отразился определенный исторический этап, внутреннее содержание этапа, а фольклорный материал помогает лучше понять то отдаленное, безвозвратно минувшее историческое время, этап первоначального билингвизма предыстории широких межъязыковых контактов между финно-уграми и русскими северо-востока Европы.

Приведенные выше «искажения» почти не встречаются при исполнении финно-угорскими певцами русской народно-песенной лирики. И этот факт также вполне объясним с исторической точки зрения. Ведь сама русская песенная лирика как специфический жанр сформировалась сравнительно поздно, во всяком случае, на том этапе, когда русский язык уже глубоко проник в быт восточных финнов, а у ряда финно-угров успел стать или уже становился вторым родным языком. Поэтому при отдельных спорадически встречающихся словесных неточностях, вызванных недостаточным полным пониманием певцами того или иного образа или фрагмента, все же в целом исполнялись верно иноязычными певцами, например, такие русские песни, как «Во саду ли в огороде девица гуляла», «Всю мы Москву проезжали», «Потеряла я колечко», «Катя в рощице гуляла», «Уж как шла молода», «По широкой столбовой шла девчонка за водой», «Цветики, цветики лазоревые», «Как вечер моя милая», «Сидела Катюшенька»,³¹ «За рекой было за реченькой», «Ты, березонька, ты, кудрявая», «Селезня я любила», «Не пой же, не пой, соловейко», «Ивушка, ивушка, ивушка моя», «Кругом, кругом осиротела» и др.³²

²⁹ Архив Коми филиала АН СССР, оп. 2, ед. хр. 226, л. 187, 219; ед. хр. 244, л. 224.

³⁰ Архив Коми республиканского краеведческого музея (РКМ). Инв. № 194, л. 46, 87, 162, 182; пнв. № 195, л. 64, 154; инв. № 197, л. 158, 187, 225; инв. № 198, л. 146, 148; пнв. № 200, л. 101.

³¹ Там же. Инв. № 197, л. 176, 197, 194, 195, 224; инв. № 198, л. 14, 40, 41, 42.

³² Там же. Инв. № 197, л. 195, 224; инв. № 198, л. 14, 40, 41, 42; Архив Коми ФАН СССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 233, л. 108, 109; ед. хр. 233а, л. 97, 222; ед. хр. 233б, л. 220; ед. хр. 233е, л. 29.

Проникновение в традиционный быт восточных финно-угров подобных русских песен в конечном счете приводило к тому, что в самой жизни все больше утверждался точный смысловой перевод на родной язык русского песенного оригинала. Видеть в этом факте нечто отрицательное, вытеснение национальной специфики, считать это простым «пробавлением, прозябанием» за счет русской песенной лирики, как это считал Н. Ончуков, конечно же, совершенно неправомерно. Напротив, можно лишь поражаться богатству выдумки безымянных переводчиков и тех певцов, благодаря которым закреплялись эти переводы в устной традиции. Так, от пермских финно-угров были записаны песни, одна половина которых исполнялась по-русски, а вторая являлась переводом на родной язык русской песенной части. В Летском и Прилузском районах Коми АССР пели вначале целиком по-русски песню:

Во саду ли, в огороде	Он за девицею ходит —
Девушка гуляла,	Ничего не молвит.
Она ростом невеличка,	— Что ж ты, миленький, сердит?
Бела, круглоличка,	Редко в гости ходишь?
Детинушка бел кудрявый	— Уж я рад, душа, ходит —
За девицей ходит,	Мне печем дарити.

А затем, закончив петь русскую часть, тут же, ни на минуту не прерывая пения, переходили на родной язык и пели буквально то же самое, что только что пропели по-русски:

Сад йӧрын пӧ ныв гуляйтӧ,
Сэтчӧ зон вольвлӧ.
— Зонмой, зонмой, молодечӧй,
шоча тай волвылац?
— Рад пӧ эськӧ вольвла да,
Нинӧмӧн козьпавшы...

Буквальный перевод:

В саду девушка гуляет,
Туда парень ходит.
— Парень мой, парень, молодец.
Что редко ходишь?
— Рад бы приходиться да
Свадебного подарка нет...

Как видим, при переводе песни совершенно не изменилась по смыслу, не изменился песенный ритм. Лишь несколько сократилась она по количеству песенных строк. Но что главное и существенное: в устном исполнении обе песенные части — русская и коми — воспринимались певцами не как самостоятельные, не как существующие независимо друг от друга, а как части единого фольклорного произведения.

Кроме того, в устном бытовании были и такие русские фрагменты, которые начинали или заключали коми и удмуртские песни, вкрапливались в инациональный текст. Особенно много таких смешанных русско-инациональных текстов наблюдается в национальных районах, сопредельных с русскими поселениями.

Наконец, нередко исполнялись параллельно и русские и иноязычные варианты, но воспринимались те и другие как вполне самостоятельные произведения. Например, коми-зырянские верхневычегодские певцы с равным успехом исполняли русскую песню «Всю мы Москву проезжали» и ее коми перевод-переделку «Москва гӧгӧр гӧгӧртим» (Всю мы Москву окружили), русскую песню «Кругом, кругом осиротела» и ее перевод-переделку на коми языке «Гӧгӧр-гӧгӧр ме видэӧдлі» («Вокруг-вокруг я огляделась»).

Та же картина наблюдалась в Прикамье среди коми-пермяков в конце XIX в. Так, бытописатель пермяков В. Янович сообщал в Русское географическое общество о том, что пермяки исполняют немало адекватных

русских и пермяцких песен, в частности, песен о сеянии льна. О пермяцкой песне «Висьтав, висьтав, нывочка» (Скажи, скажи, девушка) он замечает следующее: «Эта хороводная и чисто русская песня и в приведенном ее виде поется и играется так же, как у нас, т. е. водится хоровод и под слова песни играющие жестами изображают все то, что поется; показывают, как дергают, треплют и режут лен и т. д. Словом, эта песня — перепев русской и только».

Висьтав, висьтав, нывочка,
Имперьял бутылочка,
Кыдзь лёнсõ кэдзьны?
Съя дорын чочком,
Эта дорын лён-лён;
Вот кыдзь лёнсõ кэдзьны.

Скажи, скажи, девушка,
Девушка ценностью в бутылочку,
стоящую империял,
Как лен сеять?
В той стороне белый,
В этой стороне лен-лен,
Вот как лен сеют.

Висьтав, висьтав, нывочка,
Имперьял бутылочка,
Кыдзь лёнсõ нечшкыны?
Вот и этадзь, вот и съидзь,
Вот и этадзь, вот и тачь,
Вот кыдзь лёнсõ нечшкыны.

Скажи, скажи, девушка,
Девушка ценностью в бутылочку,
стоящую империял,
Как лен рвать?
Вот и этак, вот и так,
Вот и этак, вот и так,
Вот как лен рвать...³³

В сходном плане исполняется пермскими народами почти повсеместно и другая русская хороводная песня «А мы просо сеяли», сравни национальный вариант — «Одиг лада, гóрам жõ, гóрам» (Ой диг лада, пашем же, пашем).³⁴

Переводя русские песни на родной язык, восточные финно-угры неизменно следовали за своим собственным национальным поэтическим опытом, творчески использовали собственную образную специфику. Ограничь двумя примерами. Так, среди коми певцов большую популярность имели песни о Казань-горе, напоминающие русские песни о Казань-городе. Б. Н. Путилов справедливо выделяет две основные редакции русских песен.³⁵ В одних песенный зачин выдержан в традициях лирической бытовой поэзии, построен по принципу психологического параллелизма: Соловей кукушечку подговаривал — Молодец девицу расспрашивал. В песнях второй редакции выявляется более непосредственно главный бытовой план.

Уже в песенной экспозиции становится очевидным различие коми и русской поэтики. Ни в одном коми варианте (а их насчитывается свыше тридцати) нет того зачина, который присущ первой редакции русских песен, т. е. нет двучленного психологического параллелизма, какой мы неизменно встречаем в русском оригинале:

Соловей кукушечку подговаривал,
Подговаривал, все обманывал:
— Полетим, кукушка, во темны леса,
Мы совьем с тобой тепло гнездышко.
Молодец девицу подговаривал:
— Пойдем, девица, во Казань город —
Казань город на красе стоит,
На красе стоит, на крутой горе;
Казаночка речка медова течет,
Мелки ключики — зелено вино,
По лугам-лугам трава шелкова,
По горам-горам цветы алые,
Цветы алые, все лазоревые.³⁶

³³ Архив Географического общества СССР, разр. XXIX, оп. 1, № 88, л. 197—199.

³⁴ Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни. Сыктывкар, 1966, т. 1, с. 47—48.

³⁵ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М.; Л., 1960, с. 182—183.

³⁶ Песни, собранные Киреевским П. В.: Новая серия. М., 1929, вып. 2, ч. 2, с. 186, № 2366.

Конечно, главную идею русских песен, раскрывающуюся в противопоставлении города безоблачного мирного счастья городу смерти («Не обманывай, добрый молодец, Я сама про то ведаю, Что Казань город на костях стоит, Казаночка речка кровава течет, Мелки ключики — горячи слезы, По лугам-лугам все волосы, По крутым горам все головы, Молодецкие, все стрелецкие»), коми певцы оставляют неизменной. Почти полностью сохраняется символика русской народной поэзии, например, в коми и русской песнях соблюдены символы «пашня — поле, политое кровью», «молотба — побоище», использована одна и та же антитеза: берег, полный богатых даров, — берег, усыпанный костями воинов. И все же, создавая иноязычный вариант песни, певцы ни на минуту не забывали о своем эстетическом опыте. Эта тенденция видна уже в песенном зачине. Если в русских песнях, как мы это видели, зачин выдерживается в форме двучленного отрицательного параллелизма, то в иноязычной среде предпочтение явное было отдано трехчленному отрицательному параллелизму, столь популярному в поэтике всех восточных финно-угров. Так, по принципу трехчленного отрицательного параллелизма, т. е. по принципу «тезис—отрицание—антитезис», построен следующий коми песенный фрагмент:

Казань гөрѳдас мунам,
Бьдсѳн сѳтѳн шѳвк турун.
Абу ѳд сѳн шѳвк турун,
Савдатъяслѳн юрсиыс.

Как на Казань-город пойдешь,
Все там шелкова трава,
То не шелкова трава —
Волосы солдатские.

Посни шоръяс визывтѳ,
Бьдсѳн сѳтѳн гѳрд вина.
Абу ѳд сѳн гѳрд вина да,
Савдатъяслѳн вирьясыс...

Журчат ручьи,
Красное вино течет,
То не красное вино —
Это кровь солдатская...³⁷

Но именно этот же тип трехчленного отрицательного параллелизма лежит в основе различных песенных жанров удмуртов, например, таких свадебных песен, как «Ходили туда и сюда, Мы по ошибке зашли в чужой дом, Но оказалось, что это не чужой дом, а дом нашего свата».³⁸ Но и песни южных удмуртов-бессермян, близкие по форме к татарским токмакам, тоже не забывают характерной финно-угорской песенной композиции:

Когда я проходил через темный лес,
На мое лицо упал кленовый лист,
Это был не кленовый лист,
А была уходящая безвозвратная молодость.³⁹

Фольклористами, занимавшимися волжско-финским песенным творчеством, также неоднократно отмечалась типичность трехчленного отрицательного параллелизма в песнях марийцев и мордвы. Например, в мордовской исторической песне о Пугачеве мы встречаем такой фрагмент, который полностью выдержан в форме упоминавшегося параллелизма:

Посмотрите-ка, Не река течет —
Поглядите-ка, Рать несметную
Как пылает лес, Пугачев ведет.
Как дымится он! Пугачев сам царь,
То не лес горит, Впереди идет.⁴⁰

А в марийских песнях та же поэтическая образная структура осложняется благодаря сочетанию с двучленным психологическим параллеле-

³⁷ Микуншев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни, с. 34.

³⁸ Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880, с. 77.

³⁹ Борисов Т. К. Песни южных вотяков. Ижевск, 1929, с. 7. См. также с. 16, 28.

⁴⁰ Мордовские народные песни / Сост. П. С. Кириллов. М., 1957, с. 111.

лизмом. В песне «Серже гынай йогалеш, ме шонена» (Кажется нам — берега текут) говорится:

Серже гынай йогалеш, ме шонена, —
Сер ок його, ямле вўд йога, (2)
Кычыже эрталеш, ме шонена, —
Кыче ог эртал, ямле ўмыр эрта, (2)
Мпнь ом каласе, мурызо каласа,
Конден савырен каласа шыл йылме.

Кажется нам — берега текут,
То не берега, красивая река течет, (2)
Кажется нам, что дни проходят,
То не дни, а жизнь прекрасная
проходит, (2)
Мне так не сказать, как песельник умеет
Своим ловким, гибким языком.⁴¹

Песни о Казань-горе, тесно соприкасающиеся с русскими песнями «Соловей кукушечку подговаривал», записаны в основном от северных пермян. Однако образ Казань-города, как доказывает исследование финского ученого Н. Паасонена «Об имени города Казань», был типичен вообще для восточнофинно-угорского фольклора.⁴² Действительно, этот тезис может быть подтвержден мордовскими песнями о взятии Казани Иваном Грозным и о мужественной мордвинке Самашке, марийскими песнями о проводниках Рознеге и Акпарсе, удмуртскими песнями о Казани в записях К. Герда и т. д.⁴³

Разумеется, иноязычные певцы отнюдь не ограничивались преобразованием песенного зачина. Нередко варианты песен о Казань-горе приобретали ту циклическую форму, которую А. Н. Веселовский называл эпическими повторениями и вместе с тем типичным признаком эпоса.⁴⁴ Кстати, для композиции русских песен о Казань-городе такая циклизация не обязательна.

Не менее показательна манера освоения русского фольклорного источника, обнаруживаемая в коми песне «Вой море дорсянь кымѳр кыпѳдѳ» (С Северного моря туча поднимается) и в мордовской песне «Ня кафта паттне» (Эти две горы). В основе и коми и мордовской песни несомненно лежит один и тот же русский фольклорный источник — известная песня «Ой вы, горы, горы Воробьевские». Здесь тоже смысл русской песни сохранен, хотя предстает он в ином художественном обрамлении. Н. М. Лопатин детально разобрал варианты указанной русской песни.⁴⁵ Коми песня при несомненной близости к русской не повторяет ни одного варианта, приводимого Лопатиным.

Место действия русских песен обычно увязывается с горами или полями, т. е., как справедливо подметил Н. М. Лопатин, с типичным русским пейзажем. Напротив, в коми песнях очень редко упоминается поле («Полеысь тшыи петѳ» — С поля туман поднимается) и никогда речь не идет о горах. Зато во всех вариантах коми мы то и дело сталкиваемся с такими образами, как море, «вой море» (северное море), колодец и зеленый луг.

Отличительные особенности намечаются опять-таки уже в зачине коми и русских песен. В экспозиции русских песен, как известно, чаще всего фигурируют такие образы, как горы, споротившие ракивов куст, на ракивовом кусте сидит млад сизой орел. Иными словами, песенные образы в данном случае сочетаются по принципу постепенного сужения образов: горы — ракивов куст — млад сизой орел. Такого соединения об-

⁴¹ Коукаль В. Марпй калык муро. М.; Л., 1951, с. 206; подробнее о параллелизмах в марийском песенном творчестве, о типичности в них трехчленных параллелей см. в кн.: Бердников В. М., Тудоровская Е. А. Поэтика марийских народных песен. Йошкар-Ола, 1945.

⁴² Finnisches-ugrische Forschungen, 1906, IV. h. 1, S. 111—112.

⁴³ Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л., 1957, т. 1, с. 299—312.

⁴⁴ Веселовский А. И. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 94.

⁴⁵ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные эпические песни. М., 1956, № 1—14.

разов разбираемые коми варианты не знают вовсе. Зато снова на первый план выступает трехчленный отрицательный параллелизм:

Рытыввыввясья туча кыпöдчö э-ой,	Подымалась туча с запада,
Ме кö чайті тучаöн э-ой, Вöлöм юсь дай дзодзöг. Вöлöм пö да юсь-дзодзöг э-ой дай.	Мне казалось это тучей, Оказалось — гуси-лебеди. Оказалось — гуси-лебеди,
Юсь-дзодзöг бöрсянь Том тичаяс лэбöны. . .	За гусями-лебедями Летят птицы молодые. . . ⁴⁶
Труба, труба, му труба, Трубасьыс пö тшын петö-й, Тшынсьыс пö дай кымöр ловö-й,	Труба, труба, земляная труба, Из трубы дым идет, Из дыма туча образуется,
Кыморсьыс пö да зэр ловö-й, Зэрсьыс пö да ва ловö-й, Васьыс пö да шор ловö-й, Шорсьыс пö дай ю ловö-й, Юсьыс пö да море ловö-й. Море вылас пö туман пукалö. Туманыс пö не туман. Юсь-дзодзöгъяс лэбöны. Юсь-дзодзöгъяс бöрсяыс Пöрысь, пöрысь кутш вöтчö. ⁴⁷	Из тучи дождь образуется, Из дождя вода образуется, Из воды ручей образуется, Из ручья река образуется, Из реки море образуется, На море туман опускается. Туман — не туман, Гуси-лебеди летят, За гусями-лебедями Старый-старый орел гонится. (Перевод подстрочный, — А. М.)

Правда, и в русских песнях о трех ласточках, прилетающих к мертвому телу, иногда встречается сходный зачин, но строится он все же по принципу не трехчленного, а двучленного отрицательного параллелизма:

Не туман с моря подымается,
Не белы-то снега в поле забелелися,
Подымались утки серые,
Забелелися гуси-лебеди.⁴⁸

Несколько отличную от коми картину можно наблюдать в мордовской песне «Эти две горы», которая, по словам М. Е. Евсевьева, считается одной «из самых любимых и повсеместно бытующих традиционных песен. . . наглядным примером общности русских и мордвы. . . Песня эта заимствована от русских. Содержание ее совершенно сходно с русской песней „Горы вы мои, ничего вы, горы, ничего не породили“».⁴⁹

В самом деле, содержание коми и мордовской песен «совершенно сходно с русской песнею». Добавим даже, что экспозиция мордовской песни в отличие от коми выдержана не в форме характерного трехчленного отрицательного параллелизма, а точно так же, как у русских, по принципу ступенчатого сужения образов:

Ня кафта панттие, нят карашь- каршект.	Эти две горы стоят рядышком.
Фкя пандть пряся ёмла кузня,	На одной горе — маленькая елочка.
Кузнять пряся валда орёння, Кеижензоп ёткся равжа калмошь крапч.	На елочке — сизой орел, В когтях у него — черный ворон.
Сон аф сюцесы, сон аф пиксесы, Пара вал мархта, вай, кизефнесы. . .	Он его ругает, не бьет, По-доброму, ой, спрашивает. . . ⁵⁰

⁴⁶ Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни, с. 36.

⁴⁷ Осипов И. А. Висер вожса съыланкывъяс да мойджкывъяс, с. 41.

⁴⁸ Соболевский А. Великорусские народные песни. СПб., 1895, т. 1, с. 454.

⁴⁹ Евсевьев М. Е. Избранные труды. Саранск, 1963, т. 2, с. 513.

⁵⁰ Там же, с. 409—410.

И все же мордовский певец не остается безучастным, он заменяет типичную русскую образность на свою собственную, русский песенный образ «часть ракитова куста» на излюбленный образ «маленькой елочки», т. е. выбирает такие поэтические образы, без которых мордовская песенная образность немислима как таковая.

В конце минувшего столетия проблема русско-иноязычных фольклорных контактов начинает приобретать еще один новый аспект. Происходит это в связи со становлением в песенном фольклоре русских и восточных финно-угров нового жанра — частушечной поэзии. Дело в том, что коми, удмурты, марийцы и мордва, для которых к этому периоду русский язык окончательно стал вторым родным языком, перестали ограничиваться переводами, пусть и творческими, русских песен на родной язык. Они начали творить на русском языке собственные оригинальные песенные тексты. Сотворчество на двух неродственных языках стало особенно популярным в сопредельных русско-иноязычных районах. Так, на Севере в удорских коми-зырянских селах по рекам Вашке и Мезени, граничащих с русскими селениями Архангельской губернии, сотворчество проявлялось в различных песенных импровизациях. Нередко коми импровизаторы создавали такой русско-иноязычный текст, в котором почти вся лексика была русская, а синтаксическая структура предложений оказывалась типично финно-угорской:

Иванушко да Максимович,
А свет гӱспӱдарӱ да батюшко-
айӱ,
А кӱнъя инӱ тӱ накӱдитчан,
А пӱсидитлан али нӱ
пӱстӱйтлан?

Иванушка Максимович,
Свет господарь мой, батюшка-отец,
Где ты находишься,
Сидишь ты или стоишь? ⁵¹

Почти весь лексический состав приводимого импровизированного фрагмента является, как видим, русским по происхождению. Коми же лексический элемент минимален — айӱ отец, кӱнъя где, та ты, пӱ и нӱ в роли частиц. Зато вполне очевиден коми фонетический элемент в оформлении русской лексики, очевидна неременная замена русского «о» на коми «ӱ» — гӱспӱдарӱ, накӱдитчан, пӱсидитлан, пӱстӱйтлан; очевидна замена русского фрикативного «х» на коми взрывное «к» — накӱдитчан. Наконец, бесспорно финно-угорским является синтаксис отрывка, например, употребление послелого «дӱнӱ» вместо русского предлога «к»: брателко дӱнӱ приближайтчывла 'к братцу время от времени приближаюсь'.

Конечно, соотношение финно-угорской и русской лексики в удорских песенных импровизациях не является величиной постоянной. В одних случаях преобладает русская, а в других случаях — финно-угорская лексика. Колебания эти в сторону русской лексики особенно заметны в удорском русско-коми пограничье. Едва ли есть необходимость перевода на русский язык следующего отрывка, записанного нами в с. Чупрово, которое находится в нескольких километрах от Олема — русского села Архангельской области: «Дайте мне кӱ пеширӱкӱе пешӱкӱднӱйсӱ Рӱдимӱе да брателко дӱнӱ да приближайтчывла Дайте мне неширокий пешеходный (путь) к родимому братцу приблизиться, Шенисӱй бур гӱлӱснад гай тӱ менӱ чукӱстывлӱн, На ум ко да пӱставитлӱн, На разум кӱ да поставитлӱн, Своим нежным пшеничным голосом меня, бывало, окликнешь, Своим добрым советом на ум, бывало, поставишь, На разум наставишь». По мере отдаления от русско-коми пограничья русский лексический элемент заметно уступал место коми-зырянскому. Так, в похоронном причитании дочери по умершей матери, записанном в более отдаленном от

⁵¹ Микущев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г. Коми народные песни. Сыктывкар, 1971, т. 3, с. 10—11.

Вологдин и Янович сообщали также, что среди пермяков бытовали не только песни, но и причитания, сложенные на русском языке. Так, невеста-пермячка, обращаясь к родителям, причитала по-русски:

Батюшка, пей, Да меня не пропей, Пей-ко, пропей С себя синь кафтан.	Матушка, пей, Да меня не пропей, Пей-ко, пропей С себя синь сарафан... ⁵⁶
--	---

При приближении же свадебного поезда пермяцкий хор, состоявший из невестинных подружек, пел по-русски:

Выезжают кони вороные Со чужой дальней сторонушки, Мои едут супротивнички, Не мог ты, родимый батюшка, Загородить тыном железным Меня, моводешепку, Не мог запереть за замки крепкие.	Налетят черные вороны, Подхватят меня, белую лебедушку, За сизо-перья кривышки, Утачат меня, моводешеньку, На чужую дальнюю сторонушку, Не буду я у вас свуга верная... ⁵⁷
---	--

Факты исполнения пермяками, а главное, сотворчества на русском и родном языках, наблюдаемые не только в области песенной лирики, но и старинных причитаний, свидетельствуют о том, что сотворчество это у коми-пермяков восходит еще к более ранним временам, чем XVIII—XIX вв., но не ранее XV—XVI вв., т. е. не ранее разделения пермяков и зырян. Кстати заметим, что коми-зырянские свадебные причитания создавались почти исключительно на родном языке. Сравни, например, сходное по содержанию обращение невесты-зырянки к своим родителям:

· Бать-мам тай вузалэмась, Ачым эг и тёдлы. Арся тай менэ донъялэмась Арся дона прёмис донэц, Туусоо тай донъялэмась Туусоо тай сьёла донэц, Донъялэмась дай вузалэмась...	Мать-отец меня продали, Я сама того и не ведала. По-осеннему оценили, По цене осенней тетерки, По-весеннему оценили, По цене весеннего рябчика, Оценили да и продали... ⁵⁸
---	---

Уже в советское время коми-пермяцкий фольклорист Т. В. Сторожев подтвердил своим сборником, содержащим обильный фактический материал, наличие ярко выраженного развитого билингвизма в устной поэзии пермяков.⁵⁹ По этому же поводу М. Н. Ожегова справедливо добавила: «В песнях на русском языке — в игровых, круговых, солдатских, любовных, свадебных, плясовых, исполняемых в праздничные дни, на гулянках молодежи, на свадьбах, на крестинах, на посиделках, — отразились существенные черты жизни, труда, быта и даже психологии коми-пермяцкого народа постольку, поскольку они переосмысливались им. Необходимо иметь в виду и такое важное обстоятельство, как двуязычие коми-пермяцкого народа. Искони владея русским языком, вследствие постоянного русского окружения, коми-пермяцкий народ слагал песни и на русском языке».⁶⁰

Сотворчество восточнофинно-угорских народов на родном и русском языках, имевшее, как мы заметили выше, многовековую традицию, приобрело качественно новый характер и особенно широкое распространение в конце XIX в. в связи с возникновением, почти одновременным у русских и восточных финно-угров, нового фольклорного жанрового явления, именуемого частушечной поэзией. Еще в середине XIX в., в 1865 г.,

⁵⁶ Там же, № 88, л. 47—48.

⁵⁷ Там же, л. 72.

⁵⁸ Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни, с. 234.

⁵⁹ Сторожев Т. В. Коми-пермяцкий фольклор. Кудымкар, 1948.

⁶⁰ Ожегова М. Н. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар, 1961, с. 58—59.

основоположник коми художественной литературы поэт-демократ П. А. Куратов по просьбе крестьянских девушек из с. Межадор создал стихотворный цикл «Сьыланкывъяс да прибауткаяс хороводъясын ворсѳм вылѳ» (Песни и прибаутки для игры в хороводах).⁶¹ Содержание и форма куратовских прибауток удивительно напоминали частушки, вскоре получившие у зырян и пермяков повсеместное распространение. Письменные источники подтверждают, что как чуткий художник Куратов тонко подметил и воспроизвел нарождавшиеся в устном быту новые явления, новые песни, возникавшие на вечеринках, на играх под звуки национальных музыкальных инструментов — чипсанов и пѳлянов. Уже упоминавшийся П. Вологдин, встречавший новый 1865 г. с пермяками дер. Тебеньковской Соликамского уезда, прямо отмечал, что игрой на подобных пѳлянах сопровождалось частое импровизирование парней на весьма вольные темы («кто что хочет»)⁶². Наши собственные поздние наблюдения подтвердили, что такого рода песенные импровизации «под чипсаны» чаще всего смыкаются с частушками, с песнями частушечного типа.⁶³

Для частушечного творчества пермских финно-угров явление билингвизма было свойственно еще в большей мере, чем для их эпоса, свадебной поэзии и народно-песенной лирики. Сотворчество на двух языках в частушечной поэзии зырян, пермяков и удмуртов⁶⁴ очень скоро приобрело многообразные формы. Чаще всего это было чередование исполнения частушек то на русском, то на родном языках; смена частушечного зачина на русском языке частушечными куплетами на родном языке или, наоборот, смена частушечного зачина на родном языке русскими частушечными куплетами; исполнение частушек только на русском языке, когда местные русские частушки сменялись общерусскими частушечными куплетами.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что русская частушечная поэзия органично вошла не только в быт, но и в сознание нерусских певцов, стала фактом национального творчества, обогатила духовное творчество перусских народов.

Итак, освоение русской фольклорной образности на иноязычной фольклорной почве было явлением непрерывно развивающимся, меняющимся, многогранным. Оно не может быть сведено к какому-либо одному фольклорному процессу. Выше были рассмотрены три формы освоения русского фольклора перусскими народами европейского северо-востока нашей страны, три формы, связанные со становлением былевого эпоса, народно-песенной лирики и частушечной поэзии. Нетрудно заметить, что эти три временные формы, которыми, конечно, не исчерпывается многообразие русско-иноязычного фольклорного сотворчества, являются в то же время и тремя главными этапами в истории культурного сотворчества русских и финно-угров. Разумеется, рассмотренные три формы русско-иноязычного сотворчества являются отнюдь не уникальными. Они характеризуют не только русско-финно-угорские фольклорные связи. Они типичны для других фольклорных процессов, наблюдаемых и в других регионах Советского Союза.

⁶¹ Куратов П. А. Художественное произведение. Сыктывкар, 1939, т. 1, с. 22.

⁶² Архив ГО СССР, разр. XXIX, оп. 1, № 76, л. 33.

⁶³ Микушев А. К. Генезис и эволюция коми песенного фольклора: Докт. дис. (Архив Коми филиала АН СССР).

⁶⁴ Подробное удмуртско-русские частушечные параллели рассмотрены нами в работе: Генезис и эволюция коми песенного фольклора, с. 531—549. Кроме того, материал можно найти в следующих работах: Борисов Т. К. Песни южных вотяков. Ижевск, 1929, с. 9, 63; Травина И. К. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1964, с. 148; Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртских народных песен. — Учен. зап. Удм. НИИ при СНК Удм. АССР, Ижевск, 1941, вып. 10, с. 56.

Р. А. БОГОМОЛЬНАЯ

*СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В МОЛДАВИИ*

На территории Молдавии находится ряд сел с русским старожильческим населением. На севере республики: в Единецком районе — пос. Единцы, села Алексеевское, Слободка-Русяны; в Дондюшанском — с. Погровка; в Фалештском — села Егоровка, Новая Грубна; в Бельцком — с. Старая Добруджа; во Флорештском — села Кунича, Валя-Родое; в Резинском — с. Сырково. На юго-востоке: села Бычок, Слободзея (русская часть); на юге: в Кагуле — Липовановка; в Чимишлийском районе — села Троицкое, Васильевка. Некоторые из них существуют более двух веков (например, Кунича и Сырково). О давности заселения говорят архивные разыскания и предания. «Мы уже тут-ко больше как триста годков будем. Колы пришли — все пушь была, а в той пуше куницы водились, от этого и село назвали Куничь», — рассказывал в 1962 г. 60-летний житель с. Кунича А. И. Донцов.

Народное поэтическое творчество населения русских сел Молдавии стало объектом фольклористического изучения кафедры русской и советской литературы Кишиневского государственного университета с 1961 г.

Собрано более 1500 текстов разных фольклорных жанров, напечатаны статьи о русском фольклоре в Молдавии, издан сборник «Русская народная песня в Молдавии».¹

С 1966 г. кафедра проводит фольклорные экспедиции в селах со смешанным русско-молдавским и русско-украинским населением: Слободзея, Незавертайловка, Чобручи и др. Экспедиции кафедры собирали фольклорный материал и в граничащих с Молдавией русских селах Одесской области УССР: Старой Некрасовке, Новой Некрасовке, Введенске, Спаском и др. С 1978 г. в собирательскую работу включились студенты Кишиневского, Тираспольского и Бельцкого педагогических институтов.

Русский фольклор в Молдавии богат и разнообразен. Главенствующая роль в репертуаре принадлежит песне — как традиционной, так и советской массовой.² Из собранных к концу 1979 г. 15 889 текстов 8444 составляют песни, в основном лирические.³ В современном фольклорном процессе в русских селах Молдавии наблюдается «лиризация» репертуара; хороводные и свадебные обрядовые песни исполняются обычно как лирические. Обрядовая функция свадебных песен еще не забыта, но

¹ Русская народная песня в Молдавии / Сост., вступ. ст. и коммент. Р. Богомольной. Кишинев, 1968. В дальнейшем ссылки на песни, опубликованные в сборнике, приводятся в тексте с указанием их порядкового номера.

² Богомольная Р. А. Русская народная традиционная лирическая песня в Молдавии. — Учен. зап. Кишин. ун-та, 1967, т. 88.

³ Богомольная Р. А. Современное состояние песенного фольклора в русских селах Молдавии. — В кн.: Тр. сектора фольклора Института языка и литературы АН МССР. Кишинев, 1969, с. 97—116.

поют их не только на свадьбе, а и в поле, на улице, «за столом» (например, популярную в с. Кунича «Как пошли-то рыболовы молодые» — величание невесты, № 68). Как правило, функциональное назначение песен помнят и обязательно подскажут, что песня «свадебная» или «весельная». Объясняется это тем, что на свадьбе исполняют до сих пор традиционные песни, хотя сам обряд полностью не соблюдается, что вызывает подчас парекания людей старшего поколения. «Раньше ходили по селу с песнями, приглашали гостей, а сейчас напишут писульку в конверте — и все», — с сожалением говорит 72-летняя жительница с. Слободзея Зинаида Михайловна Лаптева. «Сейчас, — как невеста придет: Калинка, калинка моя! Горькё! Горькё! Горькё!... За первым стаканом не кричат „Горькё“, — сокрушается ее односельчанка Агафья Алексеевна Доброниченко, 73 года.

Почти полностью забыта обрядовая функция хороводных песен. Популярная в Егоровке и Куниче «Да вдоль по морю, морю синему» исполняется в Старой Добрудже в контаминации со свадебной. Очень редко помнят принадлежность «карагодного» текста к какому-то определенному циклу (например, масленичному).

Следует отметить своеобразную «лиризацию» не только обрядовых песен, но и баллад, и даже исторических песен. В балладах этот процесс прежде всего прослеживается в характере зачинов местных вариантов известных текстов. Таков зачин баллады «Рябинка», записанной в 1967 г. в с. Слободзее от Н. П. Черновой, 60 л.:

Когда груша взошла, когда выросла,
Когда молодость прошла, прокатилась,¹
Пришла старость, не спросилась.

Подобный зачин ни в одной из печатных публикаций данного сюжета не зафиксирован. Образы, символика, само настроение, пронизывающее текст, — все наполнено лиризмом.

Изменению подверглись и новые баллады. Большинство из них испытало влияние традиционной поэтики лирической песни. Общей тенденцией, характерной для исполнения всех баллад, является сокращение объема, особенно для баллад литературного происхождения («Сестры-соперницы», «Окрасился месяц багрянцем», «Ванька-ключник» в обработке В. Крестовского).

Наблюдается процесс взаимодействия исторических и лирических песен, когда образ или зачин исторической используется в лирической. Интересна в этом плане популярная в с. Егоровка лирическая любовная песня «Под Паризом мы стояли» (№ 45),⁴ зачин которой во многом совпадает с зачином исторической песни периода Отечественной войны 1812 г. «Мы стояли на границе» из сборника П. В. Киреевского (№ 1817).

Никто из исполнителей не смог объяснить значение выражения: «под Паризом», явно восходящее к «под Парижем».⁵ Еще более любопытно перенесение в лирическую песню образов из песни разинского цикла. Так, в тексте «Что же ты, Катенька, смутна, невесела в глаза», записанной в с. Егоровка в 1965 г. от У. С. Селезневой, 42 л.,⁶ встречается образ церкви семиглавой, на последней главе которой крест серебряный, что характерно для песен разинцев. Здесь наблюдается и текстуальное сход-

⁴ Текст этот оказался устойчивым. Точно такой же был записан в селе через 18 лет в 1979 г. от других исполнителей — Е. Водопьяновой и М. Кузьминой.

⁵ Ср. начало одного из вариантов «Под Парижем мы стояли» в кн.: Исторические песни XIX в. / Изд. подгот. Л. Б. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973, № 126.

⁶ Этот же текст в Егоровке был записан экспедицией 1979 г.

ство с вариантами песни «Ты взойди, взойди, солнце красное» («Мы не воры, не разбойники»).

О популярности имени Разина у предков старообрядцев, которых в Молдавии называют липованами,⁷ говорят песни о нем (правда, сохранившиеся только в памяти людей старшего поколения, да и то чаще в отрывках) и предания, зафиксированные в г. Кагуле. Здесь, в районе Липовановка, в 1963 г. от С. М. Шекина (84 г.) записано следующее предание о Степане Разине: «Был Стенька Разин. Был липован, имел книгу „Черная магия“, которой он действовался. Ездил на рогожке по морю и оббирал пароходы пречестные и раздавал деньги бедным. Потом опять едет, и напал на него грек. Съехались, поручкались. Грек говорит: „Ты смотри мои суда не трогай. У меня пятнадцать“, а Стенька говорит: „Поставь флаги, и я буду знать, что они твои“. И с тех пор есть флаги. Тогда грек поставил флаг с разными полосками...» Далее рассказывается о том, что Разина предала женщина по имени Анелля. В другом варианте, записанном также в Кагуле от Г. С. Перцова (70 л.), женщина была княгиней. Степан Разин раскрыл княгине свой секрет: враги его смогут схватить только тогда, когда сожгут волшебную книгу. «И она сказала, как его можно поймать, если взять книгу и спалить. И так его атаквали, взяли спалили (книгу) и убили его». Предание хранилось в среде старообрядцев (липован), поэтому и Разин назван липованином. Он здесь изображен как человек, обладающий чудесными способностями, волшебник. Эта способность Разина творить чудеса, чародействовать отмечается в некоторых сказках и преданиях, бытующих и в других областях страны.⁸ Традиционно свои чудесные знания Разин использует для пользы народной: раздает добытые богатства беднякам.

Если исторические предания, как мы это видели на примере преданий о Степане Разине, совпадают во многом с общерусскими и в сюжетах, и в образах и бытуют только в русских селах, то предания топонимические, возникшие в Молдавии, чаще всего бывают общими для русского, молдавского и украинского населения (например, предания о происхождении сел Сарата-Галбена, Русская Бадичка, Чобручи, Слободзея и др.). В этих преданиях переплетаются русские, украинские и молдавские народно-поэтические традиции. Общими являются также сказания о местных героях, героях гражданской и Великой Отечественной войн.

Изменения, происходящие в традиционных жанрах русского фольклора в Молдавии, отражают изменения, характерные для общерусского фольклора. Типично в этом отношении современное состояние волшебной сказки: некоторые ее сюжеты трактуются реалистически, черты сказочной обрядности исчезают и т. д.

И в то же время многие процессы в русском фольклоре Молдавии специфичны, так как связаны со своеобразными условиями бытования народно-поэтического творчества в молдавско-украинском окружении. Эти условия повлияли на развитие всех фольклорных жанров, но формы влияния и результаты его различны. В большой степени оно проявляется в народной прозе и в меньшей — в лирике. Изучение песенных текстов, зафиксированных в русских селах МССР, сравнение их с общерусскими показывает устойчивость содержания, образной системы и лексической основы русской народной поэзии. В текстах русских песен почти нет украинизмов, обнаружены только единичные молдаваизмы. Как пра-

⁷ Так в Молдавии называют старообрядцев. Подробнее: Русская народная песня в Молдавии. Кишинев, 1968.

⁸ Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1979, с. 123; Шенгаев Л. С. Песни и сказки Борского района Куйбышевской области. — В кн.: Вопросы истории русской литературы. Л., 1961, с. 303. (Учеп. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, вып. 219).

вило, отсутствуют диалектизмы. В репертуаре же много молдавских и украинских песен, исполняют их соответственно на молдавском и украинском языках. В с. Слободзее, например, половину репертуара составляют украинские песни. Иное наблюдается в прозаических жанрах. Так, сказки, как молдавские, так и украинские, пересказываются по-русски, причем украинские с максимальным сохранением украинизмов. В вариантах общерусских сказочных сюжетов, бытующих в русских селах Молдавии, также встречаются украинизмы, отдельные молдаванизмы, звучит певучая диалектно неповторимая южнорусская речь.⁹

Повторные фольклорные экспедиции в одни и те же села позволили увидеть, что происходит с традицией. В 1961—1965 гг. старинную русскую песню исполняли не только люди пожилые, но и молодые, причем почти в каждом селе был певческий коллектив, а в таком большом, как Кунича, — два. В одном из них было более 30 девушек в возрасте от 17 до 22 лет. Их в селе называли «галацкие девчата», по названию части села, в котором они проживали, — Галац («Почему Галац?» — «Голосисто там все поют»). Душой хора была Акулина Еремеева (20 л.). В 1965 г. экспедиция ее уже не застала: она уехала в город. С тех пор хор не собирался.

И в старой Добрудже, и в Егоровке, и в Покровке девушки в 1960-е гг. часто собирались вечерами и ходили по деревне с песней. «Как идут девушки с песней по селу, то все им дорогу дают: машина ли едет, лошадь ли мчится», — сказала в 1965 г. жительница Старой Добруджи Анна Сиротина (25 л.), сама замечательная певунья. «Хорошо поют, а танцуют ишо лучше», — говорили и старики. «Идите к молодым, — сказала жительница с. Кунича 63-летняя А. И. Задойнова, — у нас молодые все песни знают».

Теперь картина несколько иная. В основном носителями традиции являются люди среднего, старшего поколения.

Сравнение материалов экспедиций разных лет показало устойчивость репертуара у исполнителей среднего и старшего возраста. Современные песни называют, но не исполняют, хотя большинство информаторов с удовольствием слушают песни по радио и смотрят музыкальные передачи по телевизору, оценивают их. Иную, чем у них, манеру исполнения осуждают. (Так, Мария Якимовна Друкова, 69-летняя жительница с. Слободзея, исполнив песню «По дону гуляет казак молодой», сказала, что недавно слышала ее по радио, но не понравилось, «особенно это „ай“, „ой“... после каждого куплета»).

Боле чутки к новому молодые. И если они настоящие любители пения, то, как правило, их репертуар пополняется и традиционными и новыми песнями. Например, в 1961 г. от 25-летней жительницы с. Егоровка Елены Водопьяновой мы записали 9 песен, в 1965 г. всего 4, а в 1968 г. 22 песни, из них 14 в дуэте с Кузьминой Марфой Никифоровной, 1930 г. рожд. Экспедиция 1979 г. записала 78 песен (восемь — с М. Н. Кузьминой). Е. Е. Водопьянова не только с удовольствием поет, но и рассказывает сказки, загадывает загадки. Она знает произведения обрядового фольклора.

Изучение репертуара многих исполнителей показывает, что если песня, записанная предыдущей экспедицией, последующей не фиксируется, то это не значит, что она забыта: через несколько лет она слова может появиться в полевых тетрадах. Объясняется данное явление целым рядом причин, среди которых, на наш взгляд, главные следующие: 1) зависимость от настроения исполнителя (ведь эмоции не абстрактны, они проецируются жизненными обстоятельствами и впечатлениями) и

⁹ Богомольная Р. А. О русско-молдавско-украинских фольклорных связях. — В кн.: Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи. Кишинев, 1967, с. 106—116.

2) характер аудитории (песня, как известно, живет только в непосредственном контакте исполнителя и слушателя). Таким образом, хотя репертуар большинства исполнителей на протяжении ряда лет устойчив, сами песни находятся в движении; одни как бы «уходят» вглубь, другие «выплывают». Разумеется, часть песен исчезает совсем. Но по обыкновению традиционные песни, усвоенные исполнителем в молодые годы, остаются в репертуаре (пусть на какое-то время и в пассиве), а большая часть новых приходит и уходит. Характерны в этом отношении результаты изучения репертуара Е. Т. Чикориной, 1951 г. рожд. (с. Егоровка). Мы с ней познакомились впервые в 1961 г., когда ей было 10 лет. В семье все любят песню. И Фрося пела с сестрами — 13-летней Ириной и 15-летней Татьяной. В их репертуаре были и лирические, и свадебные, и романсы. Серьезно, немного с надрывом, в манере, перепятой от старших, маленькая Фрося пела:

Пускай судачат люди
Осталась, мол, одна.
Кто любит — не забудет,
А я навек верпа.

Любимая песня семейного трио — «Закатилось солнышко за темные леса» — вариант известной баллады о том, как женщина не узнает в пришедших к ней в дом попросить почлега солдатах мужа и сына.¹⁰ Песню эту они переняли от соседей, другую — «Ой, герой, герой Чапаев» — услышала Фрося от доярок: «Они ее часто поют, когда возвращаются с работы».

Фольклорные экспедиции записывали ее песни и в 1965, 1968, 1979 гг. Появились новые тексты: например, в 1968 г. «Песня о Севере», «Это случилось в 20-м году» (переписала из альбома подруги Насти, 18 л.), пела популярные тогда «Ладу» и «Последнюю электричку» (любопытно, что «Ладу» и «Последнюю электричку» в том же 1968 г. в с. Покровка записали на «девчпике»). В 1979 г. эти песни Ефросинья Тихоновна уже не вспомнила, а балладу «Закатилось солнышко за темные леса» спела с удовольствием. Нравятся ей и современные песни. Необходимо отметить, что отношение к новым песням (так их называют исполнители) у информаторов всех возрастов в основном положительное. «Старая песня в ладу живет с новой песней, а новая берет все у старой», — сказал житель с. Кунича К.Л. Кошелев, 1914 г. рожд. Его ровесница из с. Слободзея В. П. Игнатьева, от которой записано 195 песенных текстов, называет новые песни «финти-минти». Но таких огульных осуждений немного. Как правило, к оценке песен подходят дифференцированно. М. В. Ивапова, 47 л. (с. Слободзея), признав, что хорошие песни есть, сказала, что «таких мало, а то шо на тых гитарах трынди-брынди ни к чему не лепится — я тыбэ люблю-у-у, а ты мэнэ — пе-е-е — и вся песня!»

Лучшие же песни, которые вошли в золотой фонд советской песенной классики, такие как «Катюша», «В землянке», «Подмосковные вечера», «Песня о трезвой молодежи» и др., поют и старые и молодые.

Устно-поэтический репертуар — явление чрезвычайно сложное. В нем наряду с появившемся новых произведений в той или иной мере сохраняют свою действительность вещи традиционные. Изучение современного состояния фольклора различных областей нашей страны должно способствовать выявлению общих закономерностей процесса.

¹⁰ Эта песня близка к другой более ранней песне тоже балладного характера о женщине, не узнавшей мужа среди солдат (уланов), пришедших к ней в избу. См.: *Кравцов И. П.* Баллада «Муж-солдат в гостях у жены». — В кн.: *Фольклор как искусство слова*. М., 1966, вып. 1, с. 112—140. В русских селах Молдавии эта баллада получила распространение в период Великой Отечественной войны. 70-летняя жительница с. Слободзея М. Я. Звягина назвала ее «песней военного времени».

М. М. БАГИЗБАЕВА

ФОЛЬКЛОР СЕМИРЕЧЬЯ

В последнее время в Казахстане значительно возрос интерес общественности к народному творчеству. Это проявляется в более смелом включении фольклорных произведений в репертуар художественных коллективов, в организации и плодотворной работе «Клуба любителей народной поэзии» при областных, краевых домах народного творчества, в проведении телевидением смотра народных талантов. Все это способствует сохранению традиционного фольклора и развитию современного народного творчества.

Особый интерес и научную значимость приобретает собирание и публикация материалов русского фольклора на территории с населением, долгое время проживающим в инонациональном окружении. В такой среде фиксируются и весьма архаические черты традиционного русского фольклора, и факты появления нового, обусловленные взаимовлиянием и взаимопроникновением фольклора разных народов. Русский фольклор Семиречья почти не привлекал внимания исследователей со времен присоединения Казахстана к России.¹

Включение Казахстана в состав России в середине XIX в. (в 1859 г.) способствовало переселению крестьянских и казачьих семей из центральных и южных районов. После Крымской войны переселенческий вопрос стал в центре внимания царского правительства. Путем колонизации западных, центральных и юго-восточных районов Казахстана царское правительство рассчитывало переселить крестьян из центральной России и создать в их лице опору на новом месте.

В результате переселенческого движения на территории Казахстана возникло более 30 городов и 400 казачьих поселков. Одни превратились в центры торговли и промышленности; многие города появились и росли как военно-административные центры. Среди них особое место занимают города и казачьи станицы Семиречья.

Семиречье (Джетысу) — географическая область в юго-восточной части Казахской ССР. Название Джетысу происходит от семи главных рек этого региона: Или, Каратал, Буйен, Аксу, Лепсы, Баскан, Сарканд. В 1867 г. был создан Туркестанский край, имевший три области: Закаспийскую (центр — Ашхабад), Сыр-Дарьинскую (Ташкент), Семиреченскую (Верный), в которую входили семь уездов: Лепсинский, Капальский, Джаркентский, Пржевальский, Нарынский, Пишпекский, Верненский. Тогда же образовалось и Семиреченское казачье войско.

Основная часть семиреченского казачества состояла из сибирских казаков, что подтверждается фактами. Такова, например, история образования Капала — одной из первых казачьих станиц, заселение которой

¹ Первый такой сборник «Фольклор семиреченских казаков» (сост. и автор статьи М. М. Багизбаева. Алма-Ата) вышел в 1977 г.

началось в середине прошлого столетия в целях укрепления границы с Китаем. В 1846 г. в эти места были привезены два полка сибирских казаков с семьями на постоянное жительство. Образовалась казачья станица, население которой постепенно пополнялось за счет новых переселенцев из Сибири, с Урала, Алтая, Украины и других мест, за счет калмыков, принявших христианскую веру и служивших вместе с русскими казаками.

В связи с этим происходило смешение народно-поэтических традиций. В этом отношении очень интересен и оригинален опыт записи фольклорных текстов под руководством проф. Н. С. Смирновой от семиреченского казака Якова Петровича Гордиенко на протяжении нескольких лет (с 1959 по 1966 г.). Соответствующие сведения опубликованы в статьях Е. Турсунова, Е. Костюхина, С. Каскабасова.²

Основой нашего исследования народного творчества семиреченских казаков является запись текстов всех жанров традиционного и современного фольклора, зафиксированных в Талды-Курганской и Алма-Атинской областях, которые составляют Семиречье.

Семиреченские казаки имеют свою историю, свою самобытную культуру, которая нашла отражение в фольклоре. В понятие современной народной культуры включается не только новое, но и активно бытующее старое фольклорное наследие. Исследование народного творчества семиреченских казаков мы и стремились вести в плане решения таких теоретических проблем, как традиции и новаторство в современных фольклорных произведениях, взаимовлияние и взаимопроникновение литературы и народного творчества на современном этапе, взаимодействие русского и национального фольклора.

Современный фольклор семиреченских казаков разнообразен. Здесь встречаются наряду с волшебнo-фантастическими сказками песни о мире, рядом с частушками, возникшими только вчера, живут предания о глубокой старине. В жанровом отношении семиреченский фольклор и сейчас достаточно богат, хотя некоторые жанры или совсем исчезли (былины, народная драма, календарно-обрядовая поэзия), или сохранились в очень малом количестве, частично (заговоры, похоронные причитания, свадебно-обрядовая поэзия).

Жанровый состав и географическое распределение исследуемого фольклорного материала наглядно представлены в сводной таблице.

Самая значительная часть собранного материала — песни и частушки, которые являются наиболее активно бытующими жанрами традиционного фольклора. Они как по своим функциям, так и по содержанию довольно разнообразны.

Песня у семиреченских казаков пользовалась и сейчас пользуется исключительной популярностью. Чаще они исполняются во время семейных и общенародных праздников. Большинство песен исполняется в несколько голосов, запевала обязателен, причем у него голос не всегда сильный, так как больше учитывается «переливчатость» голоса. Каждый куплет называют «коленом», иногда этот термин относится к двум первым или последним строкам куплета.

В песенном репертуаре семиреченских казаков особую группу составляют так называемые горничные песни. Сам термин мало известен даже среди лучших исполнителей старинных, по их словам «старопрежних», «ранешных», песен (Касьянова — с. Лепсинск; Калачева, Сидорова — с. Капал). Горничные песни исполнялись обычно в горнице под аккомпанемент балалайки и сопровождалась танцами. Следует добавить, что они пелись и на свадьбах. Информанты Калачева и Сидорова испол-

² Вопросы казахской филологии. Алма-Ата, 1964.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ,
СОБРАННЫХ В СЕМИРЕЧЬЕ *

Жанры	Талды-Курганская обл.		Алма-Атинская обл.		Талды-Курганская обл.		г. Алма-Ата	Всего
	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.	
Песни	721	471	272	798	596	559	380	3797
Частушки	1195	669	187	573	486	565	598	4273
Обряды	8	2	3	6	7	11	5	42
Праздники некалендарные	10	—	—	14	—	—	—	24
Причитания	—	—	—	—	—	—	5	5
Сказки	29	21	11	31	22	15	11	140
Были	9	—	1	10	—	2	1	23
Былички («страсти»)	8	—	1	13	—	19	—	39
Предания	—	—	—	4	—	—	—	4
Легенды	—	—	1	12	—	1	—	14
Притчи	4	—	—	—	—	—	1	5
Анекдоты	3	3	—	10	—	1	—	17
Пословицы и поговорки	78	35	48	56	35	22	41	315
Загадки	76	41	36	57	11	18	20	259
Приметы	36	9	29	42	3	2	6	127
Заговоры	6	3	8	1	2	13	18	51
Гадания	17	—	3	33	—	5	—	58
Детский фольклор:								
байки	5	5	—	9	19	1	2	41
игры	7	—	—	8	—	6	6	27
частоговорки	4	4	—	1	—	3	2	14
побасенки	—	3	1	—	—	3	—	7
прибаутки	—	—	4	3	1	2	2	12
присказульки	—	—	2	—	9	—	2	13
считалки	—	14	—	8	6	4	6	38
небылицы	—	—	—	2	—	—	—	2

* Более подробные сведения об исследовании своеобразия бытования фольклора семиреченских казаков, анализ содержания и художественных особенностей произведений различных жанров были опубликованы в предисловии к сборнику «Фольклор семиреченских казаков» и на страницах «Филологического сборника» (Алма-Ата, 1974—1976, вып. 12—18), «Вопросы языкознания и литературоведения» (Алма-Ата, 1977), «Вопросы русской филологии», (Алма-Ата, 1978), «Вопросы поэтики» (Алма-Ата, 1979).

нили песню «Я из горенки во горенку ходила», называя ее старой горничной песней, которую «пели еще бабушки».

Песенное творчество семиреченских казаков можно рассматривать по традиционной классификации, принятой большинством фольклористов, но на местную народную поэзию наложили отпечаток своя история, взгляды на события, свой духовный уровень.

В фольклоре семиреченских казаков много известных русских песен, зафиксированных и опубликованных еще в сборниках П. В. Шейша, П. В. Киреевского, А. И. Соболевского. Бытование и распространение в Казахстане они получили в основном через переселенцев. В разных местах эти песни исполняются по-разному, поэтому часты случаи, когда одна песня звучит в нескольких вариантах. Например: «Скакал казак через долину» (одиннадцать вариантов), «Поля, вы, поля» (четыре варианта), «Не кукуй-ка ты, кукушечка» (три варианта), «Все пташечки пропели» («Закатилось солнце») имеет пять вариантов.

В песенном творчестве семиреченских казаков преобладают лирические песни о любви, семейной жизни. Но при этом следует заметить, что для песенного фольклора казахского населения характерно тематическое богатство. Это и старые военные, походные песни («Поля, вы, поля», «За Уралом, братцы», «Все пташечки пропели»), и старинные лирические («Близ долинки-ручейка»), и шуточные, плясовые («Засвистали во поле казаченьки», «Удаль молодецкая»), и песни гражданской войны.

Большой популярностью в среде семиреченских казаков пользуются песни «Знаю, ворон, твой обычай» (пять вариантов) и «Не вейтеса, чайки, над морем» (четыре варианта). Они насчитывают очень много вариантов, поэтому было высказано предложение о необходимости написания научного исследования об истории возникновения, развития и бытования их в различных регионах страны. Местные варианты этих песен и публикации в сборниках отличаются объемом, заменой и перестановкой отдельных строк и особенно указанием конкретного места действия. Если у Элиасова³ в песне «Знаю, ворон, твой обычай» место «где кипел кровавый бой» — где-то за Амуром, у Бирюкова⁴ — на Урале, то в наших вариантах — Черкацкий бой (с. Каргалы, с. Лепсинск), под Черкасском (г. Сарканд), под Капалом (с. Капал). В другой песне «Не вейтеса, чайки, над морем» у Элиасова — «...летите в Амур», а в местных вариантах — «...летите в далекую Расею», «...Лепсинский уезд», «...летите в Сибирь» (с. Каргалы), «...Черкасский полк» (г. Сарканд).

Определенное место в песенном творчестве семиреченских казаков занимают песни литературного происхождения. Процесс переработки литературных произведений находится в постоянном движении; происходит он и сейчас, доказательством чего и являются записанные нами песни. «Сиротой я росла...» (местный вариант на слова И. З. Сурикова); «Сижу я в темнице» («Узник» А. С. Пушкина); «Тюремная песня» («Арестант» Н. П. Огарева); «Тяжело было, детинушка...» (местный вариант отрывка из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники»); «Мой костер» («Песня цыганки» А. П. Полонского) и т. д. Надо сказать, что поэтические и композиционные особенности песен этой группы отличаются от других песен, что, конечно, объясняется их литературной основой: почти во всех песнях сохраняется правильная рифмовка — перекрестная: но в некоторых песнях рифма «сломана»; в основном это наблюдается в тех, которые в большей степени отошли от оригинала, например, «Потеряла я колечко» и др.

Как уже указывалось выше, в фольклоре семиреченских казаков очень распространенным жанром является частушка, которую в Семи-речье называют «тараторкой». В настоящее время частушка — один из самых распространенных видов современной устной поэзии. По тематике и художественной форме записанные нами частушки в основном традиционны. В частушечном репертуаре семиреченских казаков основная тема — любовная (мотивы ревности, ссора с милым, разлука, измена). Немало частушек о замужестве и семейной жизни.

По результатам наших фольклорных экспедиций можно сделать вывод, что двухстрочные частушки в фольклоре семиреченских казаков не получили распространения — встретились лишь две частушки:

Ни голосу, ни тону,
Нет от милого поклопу.
У гармошки синий мех,
Куманька любить не грех.

Нами были записаны и шестистрочные частушки (которых очень мало), например:

Я любила Ванечку
За помады баночку.
Банка распаялася,
С Ваней разругалася.
Я за банку заплачу,
Любить Ваню не хочу.

Интересным фактом, заслуживающим пристального изучения, является распространенность частушек на казахском языке в среде казаков.

³ Элиасов Л. Е. Фольклор казаков Сибири. Улан-Удэ, 1969.

⁴ Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор Урала. Свердловск, 1936.

Как следствие взаимовлияния и взаимопроникновения русского и казахского языков можно считать двуязычные частушки:

Не носи милый чапан —
В чапане тебе жамап.
Носи миленький часы —
При часах тебе жаксы.

Следует также обратить внимание на то, что наряду с исполнительницами только частушек (К. К. Соколова, Л. Н. Шемельдина, Ф. И. Лебедева — с. Каргалы) встречаются народные певцы (Семирекова, Касьяпова — г. Лепсинск), которые сочетают исполнение частушек на современную тему с песнями «старопрежними», почти неизвестными сейчас.

Некоторую часть записанного нами фольклорного материала составляет обрядовая поэзия. Календарных песен записать не удалось. Конечно, мы не можем утверждать, что они изжили себя повсеместно. Можно полагать, что их утрата в основном связана с исчезновением веры людей в сверхъестественные силы природы. Совсем иначе обстоит дело со свадебной поэзией.

Изучение записанного нами материала дает право сделать вывод, что в фольклоре семиреченских казаков нет традиционной последовательности свадебного обряда, что он подвергается значительному изменению и постепенно исчезает, хотя основные обрядовые моменты все же сохранились. С распадом основной обрядовой схемы примерно со второй половины XIX столетия (выпадением отдельных обрядовых эпизодов, упрощением и сокращением их, перестановкой внутри обряда и т. п.) начинает меняться и связь свадебного действия с причетами и песнями. Раньше всего начали исчезать из обряда пережитки историко-правовые, т. е. обрядовые детали, говорившие о купле-продаже невесты, о власти мужа-хозяина над женой, о бесправии и покорности молодки в новой семье и т. д. Соответственно начали прежде всего забываться и песни на эти темы.

Песни, связанные с пережитками магическими, стали забываться особенно заметно в последние десятилетия в связи с изменившимся отношением к древним суевериям. В свадебном действе давно уже исчезли обрядовые детали, связанные с верою в колдунов, порчу и т. д. Обряды продуцирующей магии, выполнение таких традиционных примет, как, например, осыпание молодых зерном или хмелем, благословение на шкуре животного превратилось в шутивную игру. Песни, отражавшие пережиточные моменты, уходили вместе с отмиравшими пережиточными обрядовыми деталями.

Песни о радостной любви, семейном благополучии, молодом счастье оказались значительно более жизнеспособными, многие из них, оторвавшись от своей исчезнувшей основы — традиционного обряда, перешли в народный репертуар в качестве внеобрядовых лирических песен.

Большой интерес в местном фольклоре представляют сказки. Быт, культура, диалектные особенности — все это говорит о своеобразии, самобытности жизни семиреченских казаков, хотя нельзя не заметить ассимилятивных признаков и в предметах быта, и в лексике, и в устном творчестве. Необычайно интересно изменение манеры исполнения сказки у разных сказителей в зависимости от содержания, круга слушателей, места и времени. Правда, сказка вообще по сравнению с песнями и частушками бытует в фольклоре семиреченских казаков меньше. Обращаясь к старожилам с просьбой рассказать сказку, мы очень часто получали ответ: «Не знаем мы сказок. Нам их не рассказывали, некогда было, с 7—8 лет уже работали, помогали по хозяйству. Жизнь-то тяжелая была». Но причина кроется, вероятно, не только в этом. Жизнь простого сельского труженика всюду была тяжела, однако русский фольк-

лор неизменно был богат сказками. Вероятно, это связано с образом жизни семиреченских казаков: большинство из них жило разобщенно, на заимках.

Характерно для этого региона бытование традиционной волшебной сказки. Меньше сказок о животных, которые (почти все) имеют аналогию со сказками из сборника А. Н. Афанасьева. Так, сказка «Про глупого петуха» — вариант сказки «Кот, петух и лиса». Здесь мы наблюдаем традиционное построение сказки о животных: многократность действия, связанная с повторением действия (в наших сказках это и повторение диалога), форма диалогического повествования, характерная для этого вида сказок (есть примеры и прозаического и песенно-стихотворного характера). Одна из рассказчиц даже охарактеризовала свою сказку как сказку с припевками («Про глупого петуха»). Бытовые сатирические сказки и анекдоты также имеются в фольклоре семиреченских казаков. Эти жанры часто близки. Таковы сказки о неразумном Иванушке, лень, непригодность к труду, глупость которого осмыслиются как пороки и подвергаются осмеянию. То же самое можно сказать и о сказках-анекдотах.

Наибольшее распространение в исследуемом регионе, как мы уже отмечали, получила волшебная сказка. Сюжеты волшебных сказок очень разнообразны, они часто контаминируются (соединяются и в своих отдельных частях, и полностью), образы одних сказок переходят в другие — происходит творческий процесс разработки и варьирования основного сюжетного и образного фонда волшебных сказок.

Многие волшебные сказки семиреченских казаков известны по сборнику А. Н. Афанасьева. Так, сказки о Марке Богатом, дочери и падчерице, о разбойниках и др. перекликаются с соответствующими сказками из сборника. Но это совпадение, конечно, не дословное. Возможно, часть из них перешла в среду семиреченских казаков уже после опубликования сборников, хотя, по словам рассказчиков, они передаются из поколения в поколение. Например, «Сказка про разбойников», записанная в Лепсинске, и по содержанию, и по композиции очень сходна со сказкой «Разбойники» из сборника А. Н. Афанасьева. Основная канва общая: мотив торжества добра над злом, сообразительность девушки, посылки, сватовство разбойников, спасение и бегство девушки и пр. Но последний эпизод осовременен сказителем (введены герои — сотрудники милиции). В ряде волшебных сказок мы находим новые понятия и новую лексику, что ведет к нарушению законов сказочной поэтики, к стилистическому разнобою. В сказках семиреченских казаков вообще очень много модернизации, одна колдунья говорит другой, что она с нею училась, встречаются понятия закуской, премии, командировки, института. Новые черты в форме и содержании сказок дополняются ремарками и сентенциями сказочников, в которых они раскрывают свое понимание традиционных сюжетов и образов. Например, одна сказительница из Лепсинска (М. Г. Семирекова) так завершает свою сказку: «Ну и живут сейчас они, такие богатые живут. Девчонка школу уже кончает» или «... а сын ее в институте учился» и др.

Сюжетная основа в сказках семиреченских казаков развивается в традициях композиции и поэтики волшебной сказки. Мы находим и прием ретардации, которая часто достигается введением троичности (три брата, сестры и т. д.), использованием простых и развернутых сравнений, постоянных эпитетов и метафор. И все же есть предположение, что сказочная традиция в Семиречье не имеет глубоких корней.

В фольклорной прозе встречаются легенды и предания. Большинство из них содержит религиозную тематику и носит книжный характер. К ним относятся легенда про Адама и Еву, об Иване Богослове, легенда о Ное и др. Многие из них расходятся в деталях с книжными источ-

никами и теми легендами, которые бытуют в других регионах. Так, например, в записанной нами легенде архангел Гавриил дает деве незабудку и сообщает ей, что она родит от «духа свята», а после рождения Христа мать прячет ребенка в далекой монастырской келье. Интересно, что в этой легенде героиня — не пресвятая дева, а обыкновенная девушка, дочь престарелых родителей, которые не в силах уже были воспитывать ее, поэтому отдали в монастырь. А рождение Иисуса Христа народ мыслит не как от «духа свята», а от садовника, старика-сторожа.

В легенде об Иване Богослове говорится о жестокости, строптивости королевской дочери и о бесправном положении подданных короля, в числе которых находился и Иван Богослов. Легенда «Андреево стояние» повествует о трусливом попе и о садовнике Андрее, которого стали считать святым. Одни легенды полностью повторяют библейские, в других имеются элементы народной фантазии. Но при всем различии в деталях для легенд в целом характерна стабильность как их идейной основы, так и своеобразия их стиля. Можно предположить, что религиозные легенды не получили широкого распространения среди семиреченского казачества и были известны из школьного преподавания «Закона божия».

Более интересны легенды и предания, воссоздающие «поэтическую биографию» Семиречья. В них рассказывается о происхождении местных названий ряда населенных пунктов: раньше г. Иссык назывался станцией Надеждинской, Талгар — Софийской, Каскелен — Любавинской (Любовницкой). Рассказывают, что у генерал-губернатора было три дочери: Надежда, Любовь, Софья. По их именам он и назвал станции, а по имени жены Веры — г. Верный. Кроме того, в устной прозе есть предания о местных названиях ущелий, курганов и т. д., которые связаны с именами конкретных лиц: в горах есть Казачье ущелье, куда выезжали казаки на учение, Лаптев курган свое название получил по фамилии казака Лаптева, который первый обработал землю на кургане и посадил сад и т. д.

Обращает на себя внимание и то, что в среде семиреченских казаков большое распространение получили рассказы про чертей, домовых, лепших. Их называют «страстью». Эти произведения нельзя отнести ни к легендам, ни к преданиям, ни к сказкам. Они занимают особое место среди произведений фольклорной прозы. «Страсть» — это рассказ, слышанный от кого-то, а «быль-страсть» — то, что будто бы произошло с самим рассказчиком или было видано им. Кроме того, в фольклоре казаков бытуют просто «были», к которым относятся рассказы о действительно случившихся событиях «без вмешательства» сверхъестественных сил.

«Страсть» «Как черти девочку унесли», записанная в Талды-Курганской области, имеет сходство с так называемыми легендарными сказками (по Афанасьеву). В ней рассказывается о том, что рассерженная неумолкаемым плачем дочери мать посылает ее «к черту». Выйдя по делам из комнаты и возвратившись, она не находит своего ребенка. И только к вечеру девочку нашли во ржи за селом. Другую «страсть» про мачеху-колдунью можно сравнить с легендарной сказкой А. Н. Афанасьева «Награждение и кара». Мертвец за грехи не находит покоя в могиле; девушка приносит мертвеца к священнику и добывает ему прощение. В «были-страсти» мачеха-колдунья, не отпетая священником, после смерти возвращается ночью в дом и не дает покоя семье до тех пор, пока муж не добывается, чтобы батюшка «отпел» колдунью в церкви. «Быль-страсть» про чертей, которые не могут проникнуть в дом, если перекрестить двери и окна, можно сравнить с легендарной сказкой А. Н. Афанасьева «Крест-порука».

По сравнению с песенным творчеством в фольклоре семиреченских казаков меньше распространены пословицы и поговорки, которые в речи употребляются сравнительно редко. Они остаются, вероятно, больше в пассивной памяти, что может быть объяснено трудностью их воспроизведения, так как пословица и поговорка возникают в разговоре только в подходящий момент, где «к месту и слово придется». Большинство записанных пословиц и поговорок квалифицируются как уже известные по различным сборникам. Однако в некоторых произошли определенные изменения словесного состава, что повлекло и к изменению их смысла.

Но существует группа пословиц, объединенная философской темой о смысле жизни. Издавна народ знал, что жить на земле — значит трудиться ежедневно и ежедневно отвечать за свои поступки: «Век жить — не в поле ехать», «Жизнь не поле — ее не переешь». Или о том же по-другому: «Жизнь прожить — не море переплыть». В сборнике В. И. Даля эти пословицы объединены под рубрикой «жизнь — смерть». Смысл их не изменился со времени В. И. Даля.

Но стоит только изменить характер постановки темы о жизни, как изменение смысла народного изречения становится возможным. Примером может служить пословица: «Одним великом век не прометешь, одним временем век не проживешь». В старину так говорили, стихийно или сознательно желая изменения социального строя: негоже, мол, жить так, когда у одного куска во рту нет, а у другого амбары от добра ломаются. Теперь толкование изречения иное: нельзя всю жизнь работать одними и теми же методами. Никакого приговора действительности уже нет. Различные обстоятельства повлияли на осмысление фразы в старину и в наше время.

Распространенной в народном творчестве является тема материнства. «Всякой матери свое дитя мило» — общеутвердительно суждение о характере материнского чувства как закономерном явлении природы. Пословица «Какой палец ни укусишь — все больно» употребляется только, когда говорят именно о матери. «Сколько бы ни было у нее детей, всех она любит одинаково». Казаки понимают эти пословицы в первую очередь именно так, хотя значение приведенных народных изречений выходит далеко за пределы узкой предлагаемой трактовки. Широта же значения пословиц сразу становится очевидной, когда мы слышим эти изречения от людей самых различных профессий, которые ставят себя в положение матери или отца: так может сказать учитель о своих учениках, преподаватель о своих студентах, врач о своих больных и т. д.

Продолжают жить и пословицы, отражающие тему войны, которая преломляется чаще всего через призму семейных отношений: «Воин воюет — жена горюет», «Вдоветь — горе терпеть». Овдоветь, конечно, можно и в мирное время, но чаще это бывает в войну, потому употребляются пословицы чаще в разговоре на военную тему.

Нам зафиксирован ряд пословиц, которые характеризуются сужением круга употребления, что влияет на их смысл. Это пословицы: «К смирному беда придет, а бойкий сам найдет», «От чего слепой плачет? — От того, что свет не бачит». Слова «смирный», «слепой» в до-революционной жизни означали, по словам информантов, покорность, безволие, приниженность (первое слово), политическую незрелость, неграмотность (второе), слово «бойкий» — бунтаря. Сегодня эти пословицы полностью утратили былой социальный смысл, сохранив за собой лишь бытовое толкование, которое может быть самым различным в зависимости от ситуации. Происходит процесс ограничения былой многозначности в целом, а причина тому — изменения, происшедшие в самой действительности.

Этот же процесс заметен в пословицах, объединенных темой горя. О своей жизни в старину казаки говорили: «Живем не люди и померем

не покойники». Сейчас в Семиречье эта пословица — оценка того положения, когда все не ладится. То же можно сказать и о пословице «От горя бегом, горе — передом». Смысл главного слова «горе» стал значительно уже: оно получает частное, конкретное в зависимости от ситуации толкование: любая неудача, невезение, но не горе всенародное.

Содержала раньше упование на рок пословица «Не родись красивой, а родись счастливой». Семиреченские казаки дают совершенно иное осмысление пословице: в жизни мало одной лишь красоты, чтобы быть счастливой, и не она решающий фактор в жизни человека. Главное — трудолюбие, организованность, дисциплина. Все эти качества казаки называют талантом. Они говорят: «Таланту нет — счастья нет, счастья нет — таланту нет». Более употребимыми с сохранением прежнего содержания оказываются пословицы и поговорки с более высокой степенью иносказательности.

Заметен этот процесс и в группе пословиц и поговорок с темой критики человеческих пороков, которые могут быть самыми различными. Народ всегда осуждал сплетни: «Шей вдова широки рукава, было куда класть небылы слова». Бездумное подражание — также немаловажный объект для критики: «Черт покажет моду, а сам уйдет в воду». Нерадивость высмеивается в пословице «Видно Настю, что блины пекла — и ворота в тесте», зазнайство — в поговорке «Ума три пима, на вышке торбочка» и т. п. В среде зажиточного казачества раньше изречение «Скупость не глупость» служило оправданием и прикрытием жадности. Был в нем и иносказательный смысл: человеку необходимо быть хозяйственным, расчетливым. В настоящее время пословица бытует только с иносказательным смыслом, не допуская прямого толкования. Например, в старину среди казаков бытовал такой приговор невесте: «Не плачешься за столом, наплачешься за столбом». Теперь этот приговор произносят лишь по традиции. По-прежнему распространены пословицы бытового содержания: «Приглянется сатана лучше ясного сокола», «За хорошим мужем и жена досужа» и т. п.

Таким образом, бытование пословиц и поговорок, изменение их смысла обусловлено как спецификой самого жанра, так и изменениями социальной действительности.

Анализ фольклорного материала показывает, что в среде семиреченских казаков бытуют загадки, и именно те загадки, которые были распространены раньше. Потому-то почти все они нашли соответствие в сборниках И. А. Худякова, Д. И. Садовникова, В. И. Даля, М. А. Рыбниковой, В. В. Митрофановой. Загадки семиреченских казаков можно распределить по тематическим группам, аналогичным тем, которые имеются в указанных сборниках. Записаны и совершенно новые загадки, не имеющие вариантов: «В каком веке ходили греки назад пятками?» (Они и сейчас так ходят); «Черна... в печку айда». (Сковородка) и т. д. Общеизвестна загадка о самоваре «Сверху дыра и снизу дыра, а посередине огонь и вода», в наших записях имеется два новых варианта: «Стоит дед на мосту, кричит: „Всех напою“»; «Средь моря огонь горит».

Материалы, собранные фольклорными экспедициями по Семиречью, дают нам право утверждать, что в среде семиреченских казаков бытуют наиболее массовые жанры детского фольклора, которые связаны с подвижными играми: считалки, жеребьевки, колыбельные песни, потешки и прибаутки, приговорки, дразнилки. Наиболее распространены колыбельные песни, которые в пареде называют байками. Встречаются и старые колыбельные песни, но они постепенно выходят из употребления и круг их распространения сужается.

Наряду с байками были записаны нами потешки-приговорки. Потешки, как и колыбельные песни, также постепенно исчезают из оби-

хода. Следует согласиться с М. Н. Мельниковым,⁵ который утверждает, что в наши дни еще бытуют многочисленные варианты общеизвестных потешек: «Ладушки, ладушки», «Сорока-белобока», «Идет коза рогатая» и некоторые другие. Но более распространенными являются прибаутки-шутки о животных, насекомых:

У кота, кота
Была мачеха лиха.
Коту ести не дала,
Котинька заплакал
И на печку ушел.

Идет кошечка из кухни,
У нее глаза опухли.
— Что ты, кошечка, заплакана?
— Повар пеночку слизал
И на кошечку сказал.

Заклички и приговорки, которые иногда сохраняют ту же функцию, что и в дореволюционном детском фольклоре, в настоящее время в большинстве случаев стали игрой, потеряв свое первоначальное значение, например:

Дождик, дождик, поспльней,
Чтобы травка зеленей.

Наиболее массовые произведения детского фольклора семиреченских казаков — жеребьевки и считалки. Они сохранили ту же игровую функцию, которую имели в дореволюционном детском фольклоре. Вне игры считалки и жеребьевки не используются.

Дразнилки, являющиеся всецело творчеством детей, В. П. Шейн называл своеобразной формой детской сатиры, высмеивающей обидчика или капризного ребенка и т. д. Произведения этого жанра бытуют в репертуаре детей дошкольного и младшего школьного возраста:

Караул, караул!
Дядя Степа утонул.
Не в болоте, не в реке,
А в стакане, в молоке.

Таким образом, на основе собранного материала мы можем судить о бытовании тех или иных фольклорных жанров, о процессе их обновления, развития, а в некоторых случаях о процессах распада или даже исчезновения. Пока трудно составить полное представление и далеко идущие выводы о судьбах жанров: необходимо дальнейшее собирание и осмысление материалов.

⁵ Мельников М. Н. Русский детский фольклор Спбири. Новосибирск, 1970.

А. Б. АБДУЛЛИНА

ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО СЕМИРЕЧЕНСКИХ КАЗАКОВ

За последнее десятилетие экспедициями филологического факультета Казахского государственного университета был собран богатый фольклорный материал, отражающий историю, быт, нравы и обычаи казаков Семиречья. Наибольшее количество записей относится к песенному творчеству: протяжные и частые лирические песни, хороводные, игровые, плясовые, колыбельные, свадебные, казачьи походные, тюремные, солдатские. До сих пор распространены баллады, песни балладного происхождения и «жестокие романсы». Частично сохранились исторические песни. В памяти народа живут песни гражданской и Великой Отечественной войн. Значительную часть записей составляют песни литературного происхождения.

На основании экспедиционных наблюдений можно судить о том, какие песни активно и какие пассивно хранятся в памяти старожиллов Семиречья. Отмечая преобладание лирических жанров в казачьем фольклоре, а также устойчивость песенной традиции, следует признать неодинаковую популярность разных песенных жанров.

Невелико число записей исторических песен. Среди них интерес представляет песня «А в степях широких под Диканом». В работе историка А. Макшеева находим описание события, о котором народ сложил песню.

«Конец 1864 года ознаменовался геройским подвигом сотни казаков есаула Серова. 4 декабря она была послана из Туркестана в Икан по дороге к Чимкенту для разузнания о появившихся около Чилика кокандцах. Не доходя верст четырех до Икана, сотня была окружена кокандцами в числе не менее 10 тысяч. Бой продолжался до 6 декабря».¹

В тексте, дошедшем до наших дней, запечатлены основные моменты запомнившегося героического сражения:

А в степях широких под Диканом	Мы шли вперед, свистали пули,
Нас окружил кокандец злой,	И ядра рвались в куски —
Мы трое суток бились	Мы даже глазом не моргнули,
с басурманом,	Стояли бравы казаки! ²
У нас кипел кровавый бой.	

Известна казакам Семиречья историческая песня «Ой, да, вспомним, братцы, мы кубанцы, 21 сентября». Записаны разные варианты от наиболее ранней редакции (бой Петра со шведами)³ до «Песни о Щорсе».

¹ Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. СПб., 1890, с. 227.

² Записано от А. А. Швецова в 1973 г. (г. Сарканд).

³ См. замечание по этому поводу в кн.: Песни казаков Кубани / Зап. текстов и подгот. к печ. И. Ф. Вараввы. Краснодар, 1966, примечание 110 и соответствующие примечания, с. 298.

Единственный текст, связанный с именем Петра, записан в с. Капал от Ф. В. Шевелевой:

Ой да, вспомним-ка, братцы,
В двадцать перво октября,
Как дралися мы со шведом
Под знаменем Петра...

Почти не изменилась историческая песня «Эй да, поехал царь наш Александр», известная по сборнику «Исторические песни XIX века». В записи, сделанной в с. Чемолган от Т. Б. Осипова, так же, как и во многих южнорусских вариантах, утрачена вторая половина текста, содержащая исторические подробности пышных похорон, описание которых сконцентрировано в данном случае в несколько строк:

Ой, как по пыльной вдоль по дорожке
Двенадцать его адъютантов,
Эй, на главах его несут.
Молодая его супруга
Ой, погребенницу поет...

Жизнь трудового казачества в дореволюционное время была такой же тяжелой, как и у всего народа. И то, что в среде казаков были распространены песни с социальной тематикой, — не случайность. Например, песня «Во Сибири солнце всходит», относящаяся к циклу произведений об Устиме Кармалюке, герое украинского народа, руководителе антикрепостнического крестьянского движения на Украине в первой трети XIX в. Но с каждым годом круг социально-бытовых песен как бы сужается: постепенно забывается то, что не находит основания в окружающей действительности. Как память о тяжелом уделе рядового казака звучат песни «Жил я, точно мучился», «Один солдат бедный, он в горе живет», «Дует, бушует всю темну ноченьку» и др. Характерна в этом отношении песня «Отпустили крестьян на свободу». Исполнившая ее Е. Т. Моисеева вспомнила, что песня появилась в станице в 1905 г. и, видимо, сыграла определенную роль в формировании революционного настроения среди казаков. Каждая песня этой группы — печальная история о доле, судьбе, трагической гибели вдали от дома.

В станицах Семиречья получили широкое распространение такие жанры песенного творчества, как походные, любовные, семейные.

Казачьи походные, по словам исполнителей, «самые любимые у казаков». И сегодня звучат «Засvistали бравы казаченьки», «Прослужил казак три года», «Из-за леса, леса копия мечей». В казачьи походные попали и некоторые рекрутские песни благодаря близости своего содержания к казачьей жизни:

Не кукуй-ка ты, моя кукушечка,
Да не кукуй-ка ты, рябая,
Да во сыром борочке, да во местечке,
Да на тонким на сухим да на пруточке,
Да вы не плачьте, родные, не рыдайте!
Да, может быть, я возвращуся
Да через тридцать три, три годочка,
Да прилечу же я к вам соколочком,
Да назовете меня родным сыпочком...⁴

Той же причиной можно объяснить распространенность солдатской песни «Солдатушки, наши ребятушки». Казаки с горечью поют о том, что «матерью» стала им казарма — «белая палата», детьми — «пули быстрые» и т. д. В походных и военных песнях рядом с патристическими мотивами звучит и осуждение войны.

⁴ Записано от В. И. Назаровой в 1973 г. (с. Каргалы).

Широко представлена в песенном репертуаре традиционная народная лирика. Названия песен говорят сами за себя: «Милый едет, уезжает», «Поехал миленький, не сказав куда», «Прощался со мной милый», «Ой, ветерочек парус гонит, да от разлуки сердце стонет», «Катилася речка широко, мой милый теперь уж далеко». Преобладание темы разлуки вполне объяснимо: военная служба надолго отрывала казака от родных и любимых (по словам исполнителей, когда-то семиреченские казаки служили и в Персии), что отразилось на репертуаре лирических песен. Песни о любви принадлежат к активному фонду, по-прежнему огромно значение этих лирических откровений в духовной жизни народа («Кого сполюбила», «Ходила Машенька по лесочку», «Вы подруженьки, да вы сестренушки мои» и др.).

Лирическая песня всесторонне отразила жизнь казаков с их радостями и печалью, многовековой уклад семьи, трудовую роль женщины в семье. Основное содержание семейно-бытовых песен — это тяжелая жизнь женщины в чужой семье, муж-неровня, лихая свекровь, горе и одиночество вдовы-казачки, муж которой похоронен на чужбине. Эти песни находили отклик среди женщин-казачек, на плечи которых ложился весь нелегкий домашний труд и полевые работы («Села вдова отдыхать», «Серая утка на море ночует»).

Следует отметить широкое бытование балладных песен (старые баллады «Оклеветанная жена», «Братья-разбойники и сестра», «Жена разбойника», «Муж жену топил»), песен балладного происхождения о дочке-пташке, прилетевшей в родной сад, а также на сюжет «Муж-солдаи в гостях у жены» и др.

Распространены и так называемые новые баллады, возникшие в XIX в. («Веселый разговор», «Каторжанин», «За грибами в лес девчата гурьбой собралась»), «жестокое романсы» («Кончил, кончил курс науки», «При бурной ноченьке»).

Значительное место в фольклоре семиреченских казаков занимают песни литературного происхождения («По Дону гуляет казак молодой», «Меж крутых бережков», «Сиротинкой я выросла», «Кольцо души-девицы»). Особой популярностью пользуются, конечно, песни, близкие казачьей жизни. («Казачья колыбельная», «Доля», «Тихо ехал над рекою молодой казак»).

Активно бытуют плясовые и шуточные песни, например, «Там у вишневого садочка», «Выше дома сад зеленый», «Ой, хотела меня мать да за первого отдать», «Девка в сених стояла».

Один из интереснейших разделов репертуара казаков Семиречья — свадебные песни, тесно вплетенные в канву обряда, который сохранил в принципе большие части традиционной свадебной игры, но отдельные составные его элементы приобрели новые смысловые оттенки, сложившиеся под воздействием иных условий быта. Например, вместо причитаний невесты звучат плясовые или лирические песни:

На дворе-то дворе вечеряется,
Красно солнышко закатается,
Что за горы-то опо, горы высокые,
Уведут-то меня от родной маменьки,
От родной маменьки, да от родного тятеньки.

Песни, созданные за годы советской власти, возникли на основе уже известных традиций народной лирики, получив новое содержание. В них нашли отражение события Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Например, получила широкое признание песня «Не вейтесь, чайки, пад морем» на мелодию песни о русско-японской войне «Плещут холодные волны». В песне, записанной в селах Семиречья, участвовавших в героической

Черкасской обороне, поется о сражении с белыми последнего полка Лепсинского уезда. Это одна из немногих песен с упоминанием местных названий. Другая песня этого цикла — «Знаю, ворон, твой обычай» («Под Капалом есть то место, где кипел кровавый бой», «Под Черкасским есть то место»). О многом говорят названия песен: «Революция огненным пламенем пронеслась над страной грозой». Новые революционные песни — и авторские и безымянные — получили широкое распространение во многих вариантах. Нам удалось записать семиреченские варианты известной песни «Слушай, рабочий, война пачалася» с припевом «Смело мы в бой пойдем»:

Смело, товарищи, в бой мы пойдем,
Ружья, пулеметы с собой заберем,
Стой, неприятель,
Стой, не стреляй!
Пули нам не страшны!
Спарядов не теряй!

Другой вариант:

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую,
И как один прольем
Кровь молодую.
Вот и окопы белогвардейские,
Вот и отряды красноармейские,
Вот и окопы, трещат пулеметы,
Но их не боятся красные роты.⁵

Собранные материалы дают возможность видеть связь песен семиреченских казаков с допскими, уральскими и др., а также с общерусскими. Сравнение обрядовых и необрядовых песен с опубликованными в собраниях А. М. Листопадова, П. В. Киреевского и др. может дать интересные сведения о миграции сюжетов и местном своеобразии песенной культуры.

Интересны также случаи обновления традиционных песен. Нередко встречаются замены старого содержания новым («Коваль, коваль, коваленко», «Ой, как хотела меня мать да за первого отдать»). Нередки случаи изменений функциональной роли песен. Например, «Хороню я золото» исполнителем определена как игровая, хотя это старинная подблюдная песня. В число свадебных вопли лирические необрядовые «Дуняша», «Не шей мне, маменька», игровая «А мы просо сеяли, сеяли». Видимо, происходил и обратный процесс, когда некоторые свадебные песни, оторвавшись от своей исчезнувшей основы — традиционного обряда, перешли в пародный репертуар в качестве необрядовых лирических. Нарушение приуроченности песен к определенным условиям бытования связано с изменением быта в станицах края, с исчезновением прежних обычаев и обрядов.

Ярким примером устойчивости традиционных жанров являются образцы классической русской баллады, в частности записанный в г. Капалом от Андреевой А. П. сюжет «Братья-разбойники и сестра». «Марья Юрьевна» — так называется семиреченский вариант социально-бытовой баллады, в которой семейный конфликт сплетен с социальным, отличается большим объемом, хорошей сохранностью. Он близок тексту в сборнике Киреевского (НС, № 2265), но в то же время отличается от него не только рядом деталей, но и приуроченностью к циклу о татарском полоне.

⁵ Записано от М. А. Данилова в 1973 г. (с. Уч-Арал). Ср.: Листопадов А. М. Старинная казачья свадьба на Дону. Ростов н/Д, 1947, № 130.

При изучении собранного материала выявилась группа песен (включая песни литературного происхождения), которые можно считать новыми, созданными на почве специфических условий новой жизни. Это упоминавшаяся выше «Было дело под Диканом», плясовая «Семиреченские ребята», казачьи походные «Зацвела черемуха», «Открой, казак, часы стальные», песни о любви «Кругом, кругом не светится», «Ой, сосна да верба кучерявая», песня социальной тематики «Ох, было время золотое, казак с друзьями пировал», песня о гражданской войне «Вставайте, братья, подымайтесь». Таким образом, многообразие специфических явлений сказалось на новом репертуаре, который возник на основе традиционного.

Собранные материалы позволяют сделать некоторые выводы. В фольклоре казаков Семиречья песня является популярным и наиболее распространенным жанром, особенно казачьи походные, свадебные, лирические, любовные и семейно-бытовые, плясовые, шуточные, записанные в многочисленных вариантах.

Наряду со старинными народными песнями бытуют и новые. Сохранность традиционных песен неодинакова, изменения отразили черты нового времени. Отмечено активное бытование песен русских поэтов. Появляются местные варианты «Чудной бандуры» Д. П. Ознобишина — «Там у реки у Мурдарьянки», «Ты о чем-ка, Маша, плачешь». Особый интерес представляет свадебный обряд казаков Семиречья с его богатым песенным фондом, в который входят традиционные свадебные и необрядовые лирические песни.

Е. М. БЕЛЕЦКАЯ

СОБИРАНИЕ КАЗАЧЬЕГО ФОЛЬКЛОРА
В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Гребенское казачество существовало на Терекe с XVI в. в соседстве с горацами, а позднее с переселенными на Кавказ украинцами, поэтому собрание фольклора, в котором сохранилась социальная специфика казачества, его богатая событиями история, представляет значительный интерес.

Еще в XIX в. к фольклору Северного Кавказа обращались А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, А. И. Полежаев и Л. Н. Толстой.¹ Массовая литературная песня того времени также содержит казачью тематику («Поехал казак на чужбину далеку» Е. Гребенки, «Гуляет по Дону казак молодой» Д. Ознобишина и т. д.). Наибольший подъем собирательской работы отмечается на Кавказе в 80—90-е гг. XIX столетия. Об этом свидетельствуют публикации фольклора в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа»,² сборник Ф. С. Панкротова «Гребенцы в песнях»³ и пр.

В советское время собрание фольклора возобновляется после Великой Отечественной войны. В 1946 г. выходит сборник Б. Н. Путилова «Песни гребенских казаков» (М.), в 1974 г. — «Песни Терекa» (гребенских и сунженских казаков), составленный Ю. А. Агаджановым, куда частично вошли материалы, собранные студентами Чечено-Ингушского педагогического института (ЧИГПИ) под руководством В. Г. Чеботаревой в 1965—1967 гг.

С 1972 г. в связи с реорганизацией ЧИГПИ в университете стала регулярно проводиться фольклорная практика, задачей которой является изучение современного состояния казачьего фольклора в Чечено-Ингушетии. В последние годы фольклорная практика выполняется и студентами заочного отделения.

За 8 лет практики обследовано 14 станиц (с повторными выездами), записано более 3000 текстов, преимущественно песенных. Фольклорная практика является обязательной для всех студентов 1-го курса филологического факультета. Каждая академическая группа (25 чел.) со своим руководителем выезжает в заранее выбранную станицу, где находится в течение двух недель.

¹ Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976, с. 122—128, 159, 165; с. 242—244. *Безъязычный В. И.* Кавказ в жизни и творчестве А. И. Полежаева. — Изв. Грозненского обл. ин-та и музея краеведения, 1950, вып. 2—3; с. 76—111; *Виноградов Б. С.* Повесть Л. Н. Толстого «Казак» и народное творчество гребенского казачества. — Там же, с. 112—144 и др.

² Сборник материалов к описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881—1915, вып. 1—44 (далее: СМОМПК).

³ *Панкратов Ф. С.* Гребенцы в песнях. Владикавказ, 1895.

Однако в организации фольклорной практики встречается ряд трудностей: 1) увеличивающееся количество студентов (если в первые 2 года мы вывозили 2 академические группы, то в 1979 учебном году набрано 5 студенческих групп); 2) ограниченность районов выезда на территории ЧИАССР — у нас в республике только три района, где расположены казачьи станицы; 3) очень слабая материально-техническая оснащенность фольклорной практики.

Не имея возможности вывозить в станицы всех студентов, мы нашли выход в том, что часть студентов в течение 2-го семестра занимается научной обработкой собранного ранее материала (классификацией, составлением картотеки, жанровых указателей и т. д.); некоторые студенты получают индивидуальные задания, например сбор фольклора по месту жительства.

Вторая трудность заставляет задуматься над перспективами дальнейших практик. На наш взгляд, возможно несколько вариантов решения этой проблемы в двух основных направлениях: расширение границ обследования и углубление собирательской работы в ЧИАССР. Один из вариантов первого направления — выезд за пределы республики в районы, не охваченные другими собирателями. Другой вариант — взаимный «обмен территориями» с соседними республиками, где также проживают казаки и где ведется сбор фольклора.

Расширение границ собирательской работы даст возможность сопоставить записанные материалы, определить ареал распространения того или иного сюжета, соотношение общеизвестных и «местных» текстов, географические варианты.

Продолжение собирательской работы на территории Чечено-Ингушетии включает в себя следующие формы: а) повторные записи в станицах, обследованных ранее; б) ограничение задач собирательской работы (например, делать не сплошную запись, а выборочную: только исторические песни или только прозаический фольклор и т. п.); в) распределение одной группы собирателей по нескольким станицам (по 4—6 чел.), с учетом неоднократно проводимых ранее записей; г) сбор городского фольклора и кратковременные поездки в пригородный район.

Нельзя не отметить, что собирательская работа в нашей республике имеет неиспользованные возможности. Еще не достигнута координация учреждений, которые ведут сбор фольклорного материала, — Научно-исследовательского института истории, Института языка и литературы, Республиканского Дома народного творчества, соседних университетов Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. Такие контакты если и возникают, то, как правило, случайно. Так, в станицах во время практики мы встречались со студентами консерватории (г. Саратов), института кинематографии (г. Москва), а также со студентами Махачкалинского университета.

В то же время вполне возможно работать по совместному плану, учитывая общие интересы, а затем провести межвузовскую конференцию по общим проблемам. Очевидно, назрела необходимость создания регионального координационного центра с обширным архивом, где могли бы храниться наиболее интересные тексты различных районов и республик Северного Кавказа.

Не все возможности использованы и в практическом применении собранных материалов, которые могут служить основой не только курсовых и дипломных работ. Чрезвычайно трудно опубликовать хотя бы самое лучшее из собранного или просто обзор материалов. Мы часто еще не оправдываем тех надежд, которые возлагают на нас исполнители, передавая из рук в руки сохраненные сокровища народной классики.

* * *

Наши наблюдения над современным состоянием фольклора в казачьих станицах в основном подтверждают выводы, сделанные другими собирателями как в нашей республике, так и в других районах Советского Союза.

Исчезли из живого бытования эпические жанры, хотя нам и удалось записать в 1965 г. в ст. Гребенской от 102-летней Е. М. Ивановой три былинных отрывка (описание Червлен-корабличка, «Малютка Илья Муромец», описание пира). Забываются исторические песни: за 10 лет (1965—1975) их количество резко сократилось. В первую очередь забыты песни описательного характера, наполненные узким историческим содержанием; лиро-эпические песни XVI в. («Ермак думает о зимовке», «Не из тучушки ветерочки дуют» — о встрече казаков с Иваном Грозным) до сих пор пользуются популярностью.

Уходят в прошлое вместе с обрядами и сопровождавшие их песни. Исключением из этого правила остаются свадебные песни, особенно «частые».

По-прежнему звучат в станицах лирические песни. Примерно половине репертуара занимают «протяжные» и столько же «частые», или «скоморошные», песни, как их здесь называют.⁴ Исполняются они под характерные удары в медный таз (тулумбас) или просто с постукиванием ладонями по столу. Под скоморошины пляшется традиционная лезгинка.

Сохранилось значительное количество песен с ярко выраженной социальной спецификой — о войне и службе, о жизни казаков. Военная тематика не обходит и женскую лирику («Уж мне, матушка-сударушка, грустненько», «Люблю я казаченьку» и др.).

Для казаков не характерны такие жанры, как сказка и частушка. Все наши записи этих произведений сделаны, как правило, от приезжих. Большое место в репертуаре станиц занимает украинская песня: это и песни, поющиеся на украинском языке, и песни, сохранившие отдельные элементы украинской лексики, и песни-переводы.

Значительный интерес представляет проблема соотношения старого и нового в традиционном фольклоре: изменения в тексте, в корне преобразующие социальное звучание песни (например, текст: «За царя и Русь святую ляжем, ляжем головою», позже приобрел вид: «За народ и Русь святую...»); изменения в ритмике и стиле (в ст. Гребенской записано два варианта баллады «Муж и сын в гостях у жены»):

а) Из походу ишли два героя
И просились они ночевать.
(М. Ф. Докторова, 1903 г. рожд.)

б) Однажды два героя
Просились ночевать.
— Пусти, пусти, хозяйшкa,
Пусти переночевать.
(А. Г. Демичева, 1936 г. рожд.)

Исполнителям свойственно бережное отношение к тексту («Там, где начинается „тра-ля-ля“, кончается песня», — сурово сказал студентам старый казак). Очень трудно упросить певца исполнить песню в одиночку: сильны традиции многоголосного пения, да и «песню сыграть — не сапог с ноги снять», «каждый споет, да не так, как скоморох».

⁴ Такое же явление зафиксировано и в низовьях Терека. См.: Русская песня в Дагестане / Публ., вступ. ст. и коммент. В. С. Кирюхина. Махачкала, 1975, с. 8.

Таким образом, традиционная песня в казачьих станицах по-прежнему популярна, однако функции ее несомненно сузились: она не звучит во время работы, так как изменился характер труда, а исполняется преимущественно на отдыхе, по праздникам. Большинство исполнителей приветствует нас, собирателей: «Это хорошо, что вы собираете старинные песни, они очень красивые». Изредка можно услышать и другое: «Мы старину позабыли, поем современные песни». А Е. М. Иванова сказала так: «Я песней смерти назло старость свою забавляю».

Таковы некоторые особенности фольклора казачьих станиц и проблемы собирательской работы в Чечено-Ингушетии.

И. А. ШЕРСТЮК

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В КИРГИЗИИ

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЗАПИСЕЙ И ХРАНЕНИЯ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В КИРГИЗИИ

Впервые стали записывать русские устно бытующие произведения в этом регионе студенты Киргизского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе в 1948 и 1949 гг. в составе комплексных фольклорно-диалектологических экспедиций, организованных этим институтом и Киргизским филиалом Академии наук СССР. Экспедиционные группы состояли из 12 студентов 3—4-го курсов литфака и двух преподавателей. Возглавлял экспедиции кандидат филологических наук фольклорист Г. А. Самарин. Экспедиции работали в старожильческих селениях Григорьевка, Ананьево, Ойтал, Тюц, на северном берегу Иссык-Куля. Студент Н. Неумывакин писал об этих экспедициях: «Устное творчество русского населения этих местностей, да и вообще всей Киргизии, никем до сих пор не собиралось. Таким образом, наша экспедиция была пионером в этом деле.

Мы записали более двух тысяч произведений различных жанров, в том числе свыше 400 песен, 1150 частушек, много сказок, исторических легенд, загадок, пословиц и т. п.»¹ Автор статьи отмечал высокую художественность записанных произведений, особенно сказок, преданий, частушек, песен.

Попытки издать сборник записанных произведений оказались безрезультатными. Материалы экспедиций и машинописная статья Г. А. Самарина объемом 4 печ. л. хранятся в фондах Института языка и литературы АН Киргизской ССР. Фотографии участников экспедиции и рабочие моменты записей фольклора хранятся у доцентов Киргизского женского педагогического института им. В. В. Маяковского С. Г. Лебедевой (Котовой) и Г. И. Коротенко (Шульц).

В последующие годы диалектологические экспедиции под руководством зав. кафедрой русского языка Киргизского педагогического института Г. И. Хорольца и преподавателя Г. И. Шульц записывали русский фольклор с целью изучения говоров старожилков.²

С 1955 по 1959 г. студенты 1-го курса филологического факультета Киргизского государственного университета (КГУ) по заданию преподавателя собирали русский фольклор в каникулярное время.

¹ Неумывакин Н. И. Фольклорная экспедиция в Иссык-Кульскую область. — Тр. Кирг. гос. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе. Серия историческая, 1956, вып. 2. См. также: Котова С. Устное творчество молодежи Иссык-Кульской области. — Комсомолец Киргизии, 1949, 7 окт.

² Г. И. Шульц еще в 1947 г. записывала русские фольклорные произведения в Григорьевке, Семеновке, Ананьево. Отрывки из этих произведений широко представлены в ее кандидатской диссертации «Говоры русских старожилков Иссык-Кульской области» (Киргизия), защищенной в институте языкознания АН СССР в 1953 г.

В 1958 и 1959 гг. под руководством автора этих строк были организованы экспедиции по следам двух экспедиций Г. А. Самарина. Мы побывали в Ананьево,³ а на следующий год — в Тюме.⁴ Итоги экспедиции 1958 г. — магнитофонные записи народных песен, среди которых имеются редкие старинные казачьи песни, сказы, частушки, несколько интермедий, произведений дачского фольклора, пословиц, поговорок, антирелигиозных сказов и т. д.⁵

На кафедре русской и зарубежной литературы был подготовлен к печати сборник частушек. Но издать его также не удалось. Было намерение подготовить и издать сборник «Русский фольклор в Киргизии». Но и этот замысел остался неосуществленным.

Ежегодно студенты-филологи после окончания 1-го курса проходят согласно плану двухнедельную (72 ч.) учебную фольклорную практику. Выезжают на практику 5—6 групп (125—150 чел.). Мы побывали почти во всех русских селах Прииссыккуля, а в некоторых дважды. По материалам этих практик подготовлен и прочитан доклад на научной конференции КГУ в 1958 г. «Проблема жанра советской сказки»,⁶ написаны статьи о частушках («Развивающийся фольклорный жанр», 1960 г.), о купальском обряде и купальских песнях («Редкий пережиток старины», 1961 г.), о нашем опыте проведения фольклорной практики (1965 г.) и др. Но и эти наблюдения остались в рукописях.

В 1966 г. университет опубликовал «Программу по фольклорной практике». Ее рецензировал В. Я. Пропп. Вот что он писал о ней: «Программа и объяснительная записка к ней хорошо и детально продуманы и обоснованы. Она — результат увлечения и благородного энтузиазма. Она допускает большую гибкость и разнообразие в зависимости от местных условий. Думаю, что и в студентах она должна вызвать энтузиазм.

Если же говорить о недостатках, то она, может быть, несколько громоздка. Не все научно-теоретические вопросы можно решать на собранном материале...»⁷

Несколько лет студенты проходили практику на южном Алтае, в Курьинском, Краснощековском районах, в селах Курья, Краснощеково, Колывань, Алейка, Березовка, Змеиногорск, где зарождался рабочий фольклор.⁸

На основе фольклорных материалов выполнялись дипломные работы, подготовлен к печати сборник «Сказаний Прииссыккуля», куда включено 70 легенд и преданий, 5 из них опубликовано на киргизском языке, 4 на русском.⁹ На сборник есть положительные отзывы ведущих фольклористов Академии наук Киргизии, вузов республики и Союза. Но опубликовать сборник не удается.

Из-за переездов факультета из здания в здание, из-за отсутствия помещения для хранения и длительности хранения фольклорный рукописный фонд (около 1000 тетрадей разного объема), фототека были утрачены, фонотека пришла в негодность. Сохранилась лишь книга регистрации материалов, дипломная работа с текстами многих киргизских легенд, бытующих среди русских, микрофильм (на 10 мин.), снятый на Алтае, несколько тетрадей с записями 70-х гг.

³ Шерстюк И. А. Некоторые итоги фольклорной экспедиции. — В кн.: Сб. VIII науч. конф. Секция русской филологии: Тез. докл. Фрунзе, 1959.

⁴ Шерстюк И. За фольклором. — Путь к званиям, 1959, 11 июля (многотиражка КГУ).

⁵ Шерстюк И. Неиссякаемый родник. — Там же, 1959, 30 окт.

⁶ Шерстюк И. А. Проблема жанра советской сказки: Тез. докл. и сообщ. на 7-й науч. конф. профессорско-преподавательского состава. Фрунзе, 1959.

⁷ Письмо В. Я. Проппа И. А. Шерстюку от 18.9.65 г. и 30.9.65 г. (Личный архив).

⁸ См.: Песни русских рабочих (XVIII—начало XX в.). М.; Л., 1962, с. 41—54, 248—250. (Б-ка поэта. Большая серия).

⁹ Литературный Киргизстан, 1968, № 4; Кыргызстан маданияты, 1975, 28 авг.

С 1978 г. кафедра теории и истории русской литературы стала проводить практику в русских селах Чуйской долины и вновь начала формировать фольклорный фонд. В нем сейчас насчитывается 110 общих тетрадей, несколько альбомов песен 40—70-х гг., магнитофонные записи, фотографии. Чтобы можно было судить о современном состоянии фольклора в 1979 г., практиканты вели записи фольклора не выборочно, а всеохватно. 5 групп (125 чел.) в трех селениях записали более 5000 произведений разных жанров. Половину из них составляют частушки, меньше — малые жанры, детский фольклор. В песенном репертуаре основное место занимает мещанский дореволюционный романс и малохудожественные песенки безымянных сочинителей с ложной романтикой и экзотикой для напева под гитару. На втором месте — песни литературного происхождения и песни из кинофильмов. Традиционная лирическая необрядовая и обрядовая песня в хорошей сохранности — редкое исключение.

2. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

В Киргизии русские составляют третью часть населения. Если учесть, что многие представители других национальностей в совершенстве владеют русским языком, то процент носителей русского фольклора окажется больше. Всего в республике более ста русских населенных пунктов, где можно проводить групповой сбор фольклора. И в селах со смешанным русско-киргизским населением мы успешно проводим фольклорную практику.

Начало переселения русских крестьян в Киргизию и основание им ряда селений в Чуйской, Таласской долинах и в Прииссыккулье началось в 60—80-е гг. XIX в. В 1869 г. было основано русское укрепление Токмак. Оседали в этих краях прежде всего служилые казаки с Дона. С 1891 г. в Киргизию стали самовольно переселяться голодающие крестьяне из Воронежской, Курской и других губерний. К 1896 г. по Пишпекскому и Пржевальскому уездам насчитывалось уже 26 населенных пунктов с 29 807 жителями. А всего в то время в Киргизии насчитывалось 663 тыс. жителей. Сначала заселялась по указу правительства северная Киргизия, а затем и южная. Первый русский переселенческий поселок на юге Киргизии появился в 1893 г. В 1903 г. были утверждены царским правительством России «Правила о добровольном переселении...» русских крестьян в Туркестан. В связи с революцией 1905—1907 гг. усилилось самовольное переселение крестьян. А после Столыпинской реформы этот процесс стал еще более массовым. Только с 1906 по 1910 г. зарегистрировано 34 658 переселенцев, не наделенных землей. А сколько было землеустроено, неизвестно. Переселение русских в Киргизию продолжалось и в годы Советской власти — в голодный 1921 г., в период коллективизации и отчасти в годы Великой Отечественной войны.¹⁰

Г. И. Коротенко (Шульц), обстоятельно изучавшая говоры русских старожилых Прииссыккулья, выделяет четыре основных потока переселенцев в северную Киргизию.

Обыкновенно русские селения основывались по земляческому призыву и названия селам давались по имени ходоков в эти края, первых поселенцев: Ново-Российка, Курское, Полтавка, Григорьевка, Семеновка, Николаевка, Михайловка, Ивановка, Богатыревка и т. п. В этих селах много старожилых и относительно устойчивый состав населения. Примечательно и то, что здесь очень сильно взаимовлияние русского и украинского фольклора. Это прежде всего проявляется в песнях. Иногда русская

¹⁰ История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968, т. 1. Подробнее см.: Коротенко Г. И. Говор русских старожилых Иссык-Кульской области (Киргизия): Канд. дис. М., 1953. с. 479, 480, 615, 637, 642, 670, 702, 703. (Институт языкознания АН СССР).

песня настолько бывает осложнена украинизмами, а украинская песня так трансформирована русскими, что трудно бывает определить, русская это песня, украинская или казачья. Из всего сказанного следует, что база для развертывания работы по собиранию русского фольклора в Киргизии вполне достаточная. Положительными представляются и перспективы собирательской работы.

Во время фольклорных практик мы записывали не только русский фольклор, но киргизский и украинский. Этот инациональный материал позволял нам типологически рассматривать жизнь фольклорных жанров, их бытование, поэтику и многие другие проблемы, возникающие и в полевой практике, и на семинарских и лекционных занятиях. Мы записали много киргизских легенд, украинских песен, коротких киргизских лирических песен, родственных русским частушкам.

Остановлюсь подробнее на частушке. В Киргизии русская частушка живет активной жизнью повсеместно. Большинство студентов-практикантов записывало произведения в г. Фрунзе: в общежитиях, в обеденные перерывы, на предприятиях, на массовых гуляньях, вечерах, от своих близких и знакомых. 121 практикант записал 7045 частушек, из них 4937 в городе и 2108 в селе. Примечательно, что от неграмотных в городе записано только 172 частушки, а в селе — 20, что среди знающих частушки стариков и старух оказалось очень мало. Создатели частушек, носители их — это чаще всего женщины средних лет, девушки. Мужчины и юноши редко знают частушки. Маляр Цыганкова Анна Ивановна, 35 лет, имеющая неполное среднее образование, проживающая в г. Фрунзе, исполнила 237 частушек. В беседе с автором этих строк частушечница заявила, что она знает их «и больше», и может сочинить частушку «про что захочет». Частушки и песни она поет на вечерах отдыха, в компаниях, в свободное от работы время. В ее репертуаре много новых, сочиненных ею частушек с так называемыми общими местами, т. е. обновленных, встречаются также известные частушки. Все, что волнует ее, как она сказала, у нее выливается в форму частушки. Так, например, на смерть своей матери она сочинила, по ее словам, «много печальных частушек». Цыганкова А. И. у всех своих знакомых пользуется уважением. Ее часто приглашают в компанию, на гулянья, чтобы послушать ее пение.

Фрунзенская санитарка Г. С. Антошина сообщила 83 частушки, завхоз детского сада О. Ковальчик — 39, бухгалтер П. С. Типикина — 43, 18-летняя работница торговли Е. А. Брагинец, имеющая среднее образование, продиктовала 54 частушки, молодая воспитательница детского сада — 34, врач О. В. Горева — 17, служащая Р. П. Ефименко — 60. Студентка С. Ромашова записала от домохозяйки М. А. Лысенко около сотни частушек и несколько десятков от школьниц. По нашим наблюдениям, частушка, как пословица и анекдот, вспоминается к слову, случаю, под наигрыш, во время исполнения другими. В с. Бурулдай мы записали сотни частушек. Там они — самый любимый жанр.

Частушка стала полиритмичной. Законом этого жанра была равносложность рифмующихся строк. В 1958 г. на празднике молодежи на берегу Иссык-Куля (около с. Ананьево) мы записали такого типа частушки, возможно, усвоенные из репертуара профессиональных народных хоров:

Через речку, через мост
Я кричала перевоз.
Меня душенька,
Ванюшенька,
молоденький,
кудрявенький,
пригожецький,
в костюмчике,
при часиках
На ручках перенес.

Или:

На березке много веток.
 На любовь милый некрепок.
 Эх, залеточка, залеточка моя,
 Вертучие глаза.
 На тебя, моя залеточка,
 Надеяться пельзя.

В Бурулдае записано много частушек с «недостающим» или «лишним» слогом.¹¹

Про милеючка сказалп: (8)
 «Некрасивый маленький». (7)
 Поглядела на него, (7)
 А он как цветочек аленький. (9)

Есть частушки пятистишные:

У нас на завалинке,
 Цветут цветочки аленьки.
 Но трудно, трудно расставаться:
 Мы свыкались маленьки
 При родимой мамешке.

В наших записях есть частушки с припевами звуковыми (без слов: «Ай, я, яйа, а-йяя» или: «Ах, ах, ух, ух» и др.), словесными: Елочк-елочки, елочк-метелочки. Есть и частушки-песни диалогического характера (разговор или полемика подруг).

Частушка как оперативный, быстро развивающийся, повсеместно активно живущий, всем доступный жанр оказал большое влияние на сходный жанр киргизского фольклора — секетбай. Частушки как жанра у киргизов не было, но издавна киргизы поют миниатюрные лирические песенки секетбай. Сам термин в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина переводится, объясняется двузачно: «1. Любимая, дорогая, милая; 2. Песня любовного содержания»; вернее было бы сказать песенка, так как секетбай многострочным не бывает. Киргизская лирическая миниатюра отличается от русской прежде всего тематикой. Частушка откликается на все, «на всякую малость», как заметил еще Г. Успенский, и на большие дела. Тематика частушки богата и разнообразна, как сама жизнь. Тематика секетбая — только любовь, начиная от выражения намека на нее, осторожного восхваления какого-либо качества любимой, любимого (секетбая), до признания и объяснения. Вот один из характерных примеров:

Чач мончогун, шурудан,	Бусы твои из бисера.
Тападым сендей урудан.	И нету на свете красивей тебя.
Тплегиме жетермин	И буду я счастлива на свете
Сен оидонгон сулуудан.	Вместе с такой красавицей.

Сейчас тематика секетбаев стала более разнообразной.

Караганда оум кубарды	Сохну с каждым днем я,
Калыстык кылып окумет	все старею.
Пенсияны чыгарды	Спасибо Советской власти
Окумет сизге ыразы.	За то, что обеспечила меня пенсией.

Сама 79-летняя исполнительница этой и других подобных песенок назвала их секетбаями.

¹¹ В работах А. Квятковского и В. Зырянова это явление объяснено достаточно убедительно.

Но киргизские миниатюры не любовного содержания называют и частушками. Еще в 1949 г. в Ананьево во время фольклорной экспедиции были записаны «киргизские частушки»:

Отурганым турганым	Я живу в полях Бил-Булака
Бил-Булактын таласы	И играю с сыном Решетняка.
Ойногонум кулгөнум	
Решетняктын баласы.	

Примечательно, что киргизские частушки записаны от русской Нины Федоровны Бочарниковой, 1929 г. рожд. (русских, знающих киргизский язык, в Киргизии немало).

В 1966 г. на южном берегу Иссык-Куля (в с. Чон-Джаргылчак) мы слышали от школьниц такую шуточную частушку полукаламбурного характера:

— Дорогой, кайда барасын? (куда идешь?)
 — Дорогая, базарда (на базар).
 — Дорогой, купи мне квасу.
 — Дорогая, некогда.

Или вот одна из подобных недавних записей от Мамытовой Рыскан, ученицы 8-го класса киргизской школы:

Трактор айда талаада.	Трактор веду по полю.
Ой, Маруся, садага.	Ой, Маруся милая.
Сейчас хочу баруга,	Сейчас хочу прийти к тебе,
Бирок пока некогда.	Но пока некогда.

Сами исполнители, да и студенты-практиканты, киргизы, знающие киргизский и русский языки, называют секетбай частушками, и наоборот, или пишут: частушки-секетбай. Проблема типологии частушек и секетбая, их взаимовлияния нуждается в специальном исследовании.

Но есть влияния и другого порядка. Так, в широко распространенной киргизской легенде об Иссык-Куле в русском варианте вместо двурогого хана с ослиными ушами — князь, вместо боорсаков (домашнего печенья) — пирожки, и другие русские реалии. И наоборот: киргизские реалии встречаются в русских произведениях. Известная песня «Молодка, молодка, молоденькая...» записана в хорошей сохранности в разных селах в разные годы. Например:

Далеко мил живет,	Не близко ко мне,
Далеко-далече,	Не близко ко мне
На той стороне,	Близко к арыке,

т. е. к канаве для орошения, иногда — реке. Там, где записывалась песня, реки нет, арыков же много. И такая замена стиха «близко ко реке» стихом «близко к арыке» в тех условиях понятна, но не вполне оправдана.

В Киргизии много украинцев. Значительная часть их обрусела. В их песенном репертуаре русские и украинские песни равноправны. Они нередко исполняются на смешанном русско-украинском языке. В 1961 г. на восточном берегу Иссык-Куля, в Михайловке, мы наблюдали, как в канун Ивана Купала на улицах подростки до глубокой ночи жгли огромные костры, прыгали через них; пытались водить хоровод, у девочек на голову были венки из полевых цветов, которые потом несли и клали на капусту, чтобы черви не водились, как сказали нам. На другой день обливали друг друга водой и шли купаться в озеро. В Михайловке от пожилых мы записали купальские песни на украинско-русском языке.

Ой, у Ивана
 Дочка Ульяна
 Сыдыть у садочку
 Вышива сорочку...

Ой та, Купало Ивана...
 Шовком та билэю.
 В пресвяту нэдилю...
 Ой та, Купало Ивана...

. Купався Иван, Довѣдѣцця и нам, А у Ивана сестра Анна Купала она Ивана. Купався Иван, Довѣдѣцця и нам, Купався Мусий, Довѣдѣцця усим. Сѣгодня Купала, Завтра Ивана... Дѣ ж ты, Маринка, Ночувала? Вчера Купала,	Сегодня Ивана... Дѣ ж ты, Маринка, Ночувала? Ночувала во лесочке, На желтом на песочке, Спустила гилочку, Додолочку... Дѣ купався Иван, Там и в воду упал, Скризь вода розлынулася, А на мори хвѣля була. На долину роса упала На Ивана на Купала... Дѣ ж ты, Маринка, ночувала?
---	---

Среди обрусевших украинских песен мы записали и украинскую «Місяц на нѣби, зиронькы сяють», и русскую «Месяц на небе, зори сияют» и т. д. Или вот свадебная корильная песня — трудно сказать, русская она или украинская:

Что это за ворона Стоит у порога, Рота разявила, Крылья расставила, Хочет полетети На погост сис ты? — Мы не вороны, Мы ясны соколы,	Хотем полетети, Сесть у невесты. Девочки-шалуночки, Поднимайтесь с лавочки, Дайте, милые, дорогу Князеве молодому. (П. Каджи-Сай, 1976 г.)
---	--

Подобные явления мы наблюдали и в других жанрах.

Однако следует сказать, что русский фольклор к иноязычной ассимиляции оказывается наиболее устойчивым. Много раз нам встречались песни «Сказал козак через долину», «Ой при лужку, при луна» и многие другие, одинаково любимые как русскими, так и украинцами. И как бы они ни осложнялись украинизмами, они остаются в основе русскими. Многие же старинные русские песни (и произведения других жанров) записаны нами в хорошей сохранности, они как бы законсервировались в отдаленных селах.

Надо думать, что русско-киргизские, русско-украинские фольклорные связи, взаимовлияния фольклора этих народов в киргизском регионе — большая, благодатная фольклористическая целина.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ СОБИРАНИЯ И ХРАНЕНИЯ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В КИРГИЗИИ

1. Разработать единые принципы собирания и хранения фольклора.
2. Создать единую общесоюзную программу по фольклорной практике.
3. Создать в республике единый фольклорный фонд (рукописей, фототеку, фототеку).
4. Выделить помещение для фонда и штатную единицу архивариуса.
5. Решить вопрос о централизованном издании тематических поврежденных научных сборников типа «Русский фольклор» в национальных республиках СССР.

Д. М. БАЛАШОВ

*ОТ ПОЛЕВОЙ ЗАПИСИ — К ИЗДАНИЮ
(СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА)*

В истории каждой нации, по-видимому, неизбежно наступает период, когда устная художественная культура уступает свое место письменной, перестает взаимодействовать с нею и забывается, уходит из живой памяти поколений.

Мы живем, если можно так выразиться, при последнем блеске вечерней зари древней устной культуры русского народа. От нас зависит, будет ли и в какой степени сохранена народная культура прошедших веков.

* * *

Всякая наука, чтобы быть наукой, требует прежде всего точности факта. В археологии, где есть, к примеру, вещественный черепок, легче соблюсти эту точность, да легче и проверить чужую работу. В фольклоре, где фактом является запись, часто уникальная, повторить которую бывает невозможно, точность факта требуется особая: здесь это условие самого бытия науки, самый первый этический принцип ученого; искажение факта в фольклористике отменяет саму науку, превращает ее в ничто. Не будем говорить о явных фальсификациях, о недобросовестности, перечеркивающей иногда даже и огромные труды. Опасны также ошибки невольные, проистекающие из неверно взятых принципов подхода к сбору материала.

Однако что же такое точность факта при записи фольклорных явлений? Когда фиксируются жанры внеобрядовые (песня, былина, сказка и прочее), факт единичен и запись достаточно точно его отражает. Хотя, скажем, запись протяжной хоровой песни от одного исполнителя это уже факт с великим изъяном, а музыковеды вправе сказать, что такая запись попросту непоправимо испорчена.

В обрядовом фольклоре, на стыке фольклора и этнографии, собиратель имеет дело уже с целой системой, в которой явление искусства неотрывно от особых бытовых форм. Понять, к примеру, отдельную игровую песню, не зная игры, или заклинание, не зная самого магического действия, которым оно сопровождается, нельзя. Но в календарном фольклоре все же есть выработанные ориентиры. Гораздо труднее обстоит дело с записью свадебного обряда. Здесь до сих пор научных ориентиров не выработано.

Свадьба — это сложное многосоставное целое, как греческий храм, составленный из отдельных отесанных и покрытых узором камней, которые, однако, каждый в отдельности не имеют «ключа» и раскрывают свой смысл только, сложенные в целую постройку.

Помню, как-то раз мне пришлось спорить с И. Г. Левиным, который утверждал, что для строгой науки нужен единичный факт, одна запись, а не такое обобщение, которое представили мы в «Терской свадьбе».¹ В принципе я согласен с Левиным, но все дело в том, что рассказ отдельного человека о свадьбе еще не вся свадьба, не весь «факт». Ни один исполнитель, даже такой, как Федосова, не передаст всю свадьбу целиком. Фактом в данном случае является обряд в целом, все свадебное действо, а оно коллективно и хранится в коллективной памяти.

Мне уже случалось говорить о методике сбора свадебного фольклора на примере работы на Кокшенье. Запись должна вестись от группы исполнителей с разыгрыванием отдельных сцен. Это, кстати, исключит смешные ошибки собирателей, проистекающие от непонимания или незнания местных обычаев. Так, в одной записи свадебного обряда, сделанной на Кокшенье, утверждалось, что здесь наряжаются куклы в костюмы невесты, жениха, тысяцкого и пр. Когда мы добрались до указанной деревни, то обнаружили, что исполнительница, постоянный участник местной самодеятельности, изготовила для показа детям кукольный свадебный поезд, а затем ввела в обман слишком доверчивых собирателей.

Сказанное относится к методике конкретной записи. Однако есть другая, общетеоретическая сторона, более сложная, а именно: что такое сам этот «факт», сам свадебный обряд, который мы записываем, что такое вариант обряда?

Собиратели до сих пор исходили из молчаливого предположения, что есть некая общерусская свадьба. Потом выделили север и юг России. Наконец, стали делить по областям. Ошибочное «априори» вело к ошибочным выводам. На вопрос, что есть вариант обряда, существуют и ныне три ответа: 1. отдельная запись от отдельного исполнителя. (Как сказано выше, всегда неполная); 2. «областная свадьба» (Донская, Новгородская, Псковская и т. д.); 3. общерусская (делящаяся на северную, центральную и южно-русскую). Второй ответ показываетлень ума: собиратели исходят из современного административного деления и удобства издания. Третий ответ знаменует теоретическую неразработанность вопроса.

Если запись от одного исполнителя (свадебная запись от Федосовой, например) хотя бы не грешит ошибкою фальсификации, то все прочие — это попросту сочинения фольклористов. От факта, который может что-то дать науке, здесь не остается ничего. И худо то, что, не желая сего понимать, собиратели упорно исходят из этого мыльного музья и на нем строят разные теоретические обобщения, выводы, пишут исследовательские работы, которые все не имеют ни малейшего отношения к науке и оказываются чистой воды фальсификациями, независимо от научной добросовестности и желаний исследователя.

«Первоначальным фактом», добросовестной записью свадьбы можно признать два типа записей.

Первый — подробная запись свадебного обряда, взятого в цельности (весь ритуал, все магические элементы в их последовательности, все песни, причеты, вся «режиссура» свадьбы, включая записи напевов), сделанная в одном месте от коллектива исполнителей, от группы женщин например, для которых данная традиция является общей.

Заметим тут, что общность традиции определяется социально-нравственной и психологической общностью, которая лежит в основе группового и, шире, национального сознания людей. При разнице представлений обнаруживается невозможность сговориться, поладить друг с другом.

¹ Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.

И в таком тонком явлении, каковым является свадебный обряд, даже мельчайшие расхождения делают невозможным коллективное действие. У нас был случай в Тотемском районе, когда собравшиеся для исполнения свадебных песен женщины вдруг отчаянно, почти до ненависти, переругались и разошлись, так ничего и не исполнив. Разгадка наступила много позже, когда был обследован весь район и оказалось, что мы попали на стык разных традиций и даже мелкие, казалось бы, незаметные различия в ритуале и некоторых строках песен вызывали у исполнителей реакцию неприятия, хотя все они по отдельности были очень добрыми и спокойными людьми.

Итак, запись должна быть сделана от коллектива, принадлежащего к единой традиции, тогда исполнители могут и дополнить друг друга, и скорректировать взаимные рассказы, и разыграть отдельные моменты свадебного действия, словом, на деле представить свадьбу в ее реальной полноте. Изредка такую запись может представить и один человек, который все (или почти все) помнит, по сути это уже не исполнитель, а ученый-собирающий. Но поди, найди такого! И все же будут затушеваны те узлы действия, где необходимо участие разом нескольких лиц. Словом, полноценную запись первого типа можно сделать все-таки только от группы исполнителей.

Второй тип записи более сложный. В этом случае собирающий находит «куст» — район, где действует целостный свадебный обряд, и делает ряд записей, которые сводятся в одно. (Мы так делали Терскую свадьбу, Переяславскую и свадебный обряд р. Кокшеньги). Ценность последнего рода записей огромна, но и трудность тут велика — нельзя ошибиться в определении границ обряда, а эти границы зачастую размыты и есть «переливы», промежуточные явления: обряд меняется постепенно, от села к селу. Чем руководствоваться в этих случаях? Поделюсь нашим опытом.

Первое. Записывать надо в каждом селе всю свадьбу целиком, от начала до конца. Последующее сопоставление этих записей покажет, где одна традиция, а где уже начинается другая. При подготовке издания нельзя допускать обезлички этих первоначальных записей. Излагая обряд, все время надо делать сопоставительные указания: где записано, какие мелкие отличия от села к селу. Необходимо приложить к описанию сводные таблицы (также и карту). Таким образом, даже ежели вы допустили невольную ошибку, вас можно проверить по вашим же собственным указателям.

Второе. Целостность свадебного обряда определяется магическим и ритуальным костяком свадьбы. Набор песен (величаний, причетов и пр.) изменчив, от села к селу появляются новые песни, а другие пропадают. Тут можно говорить о некоем общем характере традиции, и только. Но все эти изменения вписываются в единый ритуал. По наблюдению музыковедов (например, А. М. Мехпеева, с которым вместе мне пришлось работать над Кокшеньгской свадьбой), целостность музыкальной структуры, стилевое единство совпадает с костяком единого свадебного ритуала, т. е. песни меняются от села к селу, но не меняется песенный стиль, доколе перед нами один и тот же тип свадебного обряда. При подготовке к изданию мы помещали песни группами, с указаниями деревень (мест записи). Поскольку в искомом «кусте» ритуал будет единый, то для издания можно свадьбу не пересказывать сорок раз, а вести один целостный рассказ, все время отмечая, однако, наличие любых мелких изменений каждого последовательного элемента свадебного ритуала в каждом из мест записи.

Излишне говорить, что записывать надо не «перепрыгивая», подряд, от деревни к деревне, не пропуская сел или целых сельсоветов и не надеясь, что ежели вы записали в одном месте так, то и через полсотни километров будет то же самое.

Есть одна специфическая трудность при записи свадебного обряда в наши дни. Это то, что обряд в 1920—1930-е гг. быстро разрушался, сокращался, что были богатые, «полные», и были «краткие» свадьбы, что женщины разных возрастов помнят разные обрядовые песни, что причеты уже очень забыты, да и все прочее, строго говоря, помнят лишь те, кому к 1930 г. было не менее 14—15 лет. Все это трудности, которые собиратель обязан знать и уметь преодолевать.

Помогает в собирательской работе составление кратких конспектов — «последований» свадебного обряда. (Вы для себя составляете на одном листе перечень ритуальных элементов и названия песен — как бы конспективный скелет свадьбы и по нему проверяете изменения в дальнейших записях). Только и тут есть опасность увлечься своим собственным конспектом.

В нашей работе был подобный случай. С переходом с Кокшениги на Устюгу я сначала попал впросак. Все элементы обряда на Устюге были те же самые, но последовательность их перевернута. Я расспрашивал, держа в руках Кокшенигское «последование», а женщины соглашались со мною: «Ну все так, так!» А затем началась путаница, в которой мы разобрались далеко не сразу. Нельзя подсказывать исполнителям, хотя бы ненароком, свой собственный вариант обряда.

Вряд ли надо предупреждать собирателей, что рассказы о свадебном ритуале необходимо записывать, соблюдая строй речи и говор исполнителей. Это, разумеется, обязательное требование полевой записи, да и в издании, если возможно, надо сохранять народную манеру рассказа, строй речи и язык.

Во всяком издании свадьбы необходимо иметь хотя бы краткие сообщения о деревенской жизни в тех местах, где вы записываете обряд — о праздниках, семейных и добрых обычаях и пр. Все это тот необходимый «воздух», в котором существовал свадебный обряд.

И еще одно. Лучше недоохватить, чем переохватить. Лучше не охватить весь район данной традиции, чем слить в одном две разные.

Записанные и подготовленные к изданию свадебные обряды должны обязательно сопровождаться полами. Это неперемное требование, без которого никакое издание нельзя признать полноценным.

Лучше всего, когда кроме нот к изданию прилагается и пластинка. Издание «беззвучных» сборников звучащего материала в наши дни ничем не оправдано.

Записи свадебного обряда на территории нашей страны (в пределах расселения русских), сделанные так, как изложено выше, дадут нам, наконец, возможность, расположив записи по географическим регионам, с учетом путей миграции населения, построить схему развития и изменения фольклорных форм (и в обряде, и в слове, и в музыке). Подчеркиваю, не только свадьбы, но и всего фольклора в целом! Мы наконец-то получим возможность установить последовательность исторических изменений в фольклоре. Сможем мы также установить характер и механизм сложения русской обрядовой традиции, что, кстати, очень поможет выяснению формирования духовного облика русского народа.

И в заключение хочу предложить одну гипотезу. Традиционно считается (точнее, это принимают как некую аксиому), что свадебный обряд менялся постепенно, век от века, уходя корнями во тьму доисторических времен. Ныне появилась новая теория происхождения этносов проф. Л. Н. Гумилева,² по которой сложение этноса взрывоподобно, со-

² Не во всем разделяя точку зрения автора статьи на дискуссионную теорию Л. Н. Гумилева, редколлегия настоящего издания считает научную гипотезу Д. М. Балашова заслуживающей внимания и вполне имеющей право на существование.

проводится всплеском огромной энергии «пассионарности» (способности на сверхусилие, подвиг, самопожертвование), в результате чего разнородные элементы (осколки старых этносов) сплаваются в нацию. Создаются национальный характер, поведенческий стереотип, позволяющий отличать «своих» от «чужих», а на основе этого стереотипа — все прочие приметы этноса, который далее уже и развивается, проходя соответствующие фазы с постепенным снижением пассионарной энергии. Закономерно предположить, что поведенческий стереотип, единство этнического мышления выражает себя в каких-то этических и эстетических нормах, которые тоже должны сложиться с достаточной быстротой. Так вот, обряд — это та связь, которая объединяет живущих друг с другом и с предками. Это нервный столб истории народа. Обряд подобен тому магическому дереву, которое прорастает несколько миров. Только через обряд и в обряде создается и поддерживается психологическая преемственность поколений, осуществляется сохранение того самого поведенческого стереотипа, о котором говорит Л. Н. Гумилев как об основной доминанте бытия этноса.

Предлагаю следующую гипотезу, которую можно проверить, только сделав множество «кустовых» записей русской свадьбы с последующим их сопоставлением и выяснением времени создания, а именно: нельзя ли предположить, что свадебный обряд (или обряды) слагался не постепенно, а более или менее сразу, в момент пассионарного подъема, позднее эти обряды лишь перемещались вместе с колонизационными потоками и медленно дорабатывались? (Подчеркиваю: обряды, а не отдельные их элементы, происхождение которых действительно уходит порою во тьму веков). В этом случае сложение свадебных обрядов следует (по крайней мере, для центральной России) отнести к моменту пассионарного толчка, создавшего Московскую Русь, и несколько позже — ко времени с XIII по XV век (в основном XIV—начало XV столетия).

Мои наблюдения над жанром русской баллады (тогда я не знал о теории Л. Н. Гумилева) как будто подтверждают подобное предположение. Д. С. Лихачев также называет XIV в. известным рубежом русской культуры, но, впрочем, культуры верхней, профессиональной, ежели ее определять в современных терминах.

Исследование этой проблемы и доказательство высказанной гипотезы на материале свадьбы могут дать основополагающие доводы, подтверждающие теорию Л. Н. Гумилева в той области, которой сам он не касался вовсе, но которая меж тем является едва ли не самой важной для оценки общенационального, массового, сплошного, так сказать, уровня пассионарной (действенной, творческой) энергии этноса.

В заключение скажу еще раз: надо спешить! Скоро будет вообще и навсегда поздно что-либо записывать. Хорошо бы создать единый план работы по записи свадебного фольклора. Хорошо бы в «Своде русского фольклора» запланировать уже сейчас, не ожидая очереди, работу над темами русской свадьбы. Хорошо бы всем, кому дорога и близка эта тема, собраться и соединить свои усилия, ибо работу такого объема можно выполнить только сообща.

В. П. КРУГЛЯШОВА

РАБОЧИЙ ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОСТИ

(МЕТОДИКА СОБИРАНИЯ, ЖАНРОВЫЙ СОСТАВ)

Рабочему фольклору, собрание и изучение которого широко развернулось в советской науке в 20—30-е гг., в настоящее время не уделяется необходимого внимания. Если история рабочего фольклора еще освещается в научных публикациях и в отдельных книгах, то современное его состояние предметом специального интереса не стало. Это обстоятельство, безусловно, тормозит изучение закономерностей развития советского фольклора.

Общественную ценность рабочего фольклора трудно преувеличить. К примеру, общественные науки изучают в настоящее время историю рабочего класса. Но так как, по справедливому замечанию А. М. Горького, фольклор всегда «неотступно и своеобразно сопутствует истории», изучение рабочего фольклора оказывается совершенно необходимым. В современных условиях рабочий фольклор продолжает жить и развиваться. Но он слишком мало собирается и изучается. Эта работа почти отсутствует в научных планах не только университетских кафедр, но и фольклорных секторов институтов АН СССР. В вузовских учебниках и хрестоматиях рабочему фольклору отводится незначительное место, не соответствующее его исторической идейно-художественной ценности.

Малочисленны кадры фольклористов, занимающихся этой областью народно-поэтического творчества. В 1977 г. в процессе подготовки межвузовского сборника статей по рабочему фольклору редколлегия обратилась по 50 адресам со следующими вопросами: какие проблемы рабочего фольклора являются актуальными и требуют решения; что вы можете сказать о современном состоянии рабочего фольклора; каким представляется вам методико-методологический подход к собиранию и изучению рабочего фольклора? Ответы пришли лишь от восьми фольклористов.¹

Инструкции и методические пособия по собиранию фольклора нацелены исключительно на крестьянский фольклор, на деревню, на село, а не на фольклор рабочих в современном заводском поселке, в городе.²

В своей собирательской работе на горнозаводском Урале кафедр» фольклора и древней литературы Уральского университета пользовалась методическим пособием, составленным автором данной статьи и канд. филол. наук Кукшановым В. В. (Изучение истории родного края: Методическое пособие по сбору сведений о духовной жизни трудящихся Урала. Свердловск, 1957).

¹ См.: Фольклор Урала: Рабочий фольклор. Свердловск, 1978, с. 4—27.

² См., например: Инструкция по собиранию произведений устно-поэтического народного творчества / Сост. А. М. Астахова, М. И. Богданова, Б. М. Добровольский. Л., 1960; О собирании фольклора / Сост. Н. И. Савушкина: Вопросник сост. С. Г. Лазутиным, М., 1974; Программа и методические рекомендации по проведению учебной практики по фольклору / Сост. С. Г. Лазутин. Воронеж, 1979.

Тип ученого-собирателя стал традиционным и в наше время ведущим в фольклористике. И именно в связи с этим хочется обратить внимание на необходимость целенаправленной, с хорошо продуманными научными задачами собирательской работы. Экспедиционная работа должна стать органичной частью фольклористики. От того, насколько ответственно и полно проведена фольклорная экспедиция, зависят уровень и степень научной точности теоретико- и историко-фольклорных исследований.

Поскольку методика собирания рабочего фольклора не разработана, нам пришлось идти экспериментальным путем. На основании опыта работы в экспедициях 1976—1980 гг. (в городах и на предприятиях Свердловской области — в Каменске-Уральском, Алапаевске, Свердловске) мы считаем возможным дать рекомендации, выполнение которых поможет успешному собиранию.

Собирательская работа в современном крупном промышленном городе должна вестись в масштабе производственно-бытового комплекса (ПБК), вбирающего промышленное предприятие и жилой массив, населенный рабочими и служащими этого предприятия и их семьями. В городе может быть несколько ПБК, возникших в разные годы. Начинать работу целесообразно со старого ПБК. Фольклор «отстаивается» в каждом поколении преимущественно у людей старшей возрастной группы. Поэтому в первую очередь следует обратить внимание на старых производственников, ветеранов труда, старожилков данного населенного пункта, на рабочие семьи, давшие начало трудовым династиям. Для выявления информаторов необходимо установить связь с советами ветеранов труда и Великой Отечественной войны, с руководителями коллективов художественной самодеятельности при рабочих клубах, Домах и Дворцах культуры и т. д.

Очень важно отыскать, установить места бытования фольклора в современном городе. Для живого бытования фольклора необходим комплекс условий, в которых осуществлялся творческий акт исполнения-восприятия. У рабочих разных профессий эти условия имеют свою специфику.

Работа должна вестись в устойчивых социально-профессиональных группах, обеспечивающих как создание, так и передачу определенной конкретной устно-поэтической традиции (рабочие одной профессии, одного завода, одной специальности; рабочие семьи, старые рабочие-пенсионеры и пр.). Устойчивость этих групп, коллективов определяется функционально-бытовыми связями, при этом имеется в виду быт как семейный, так и производственный.

Необходимо знание города (предприятия, цеха), условий его исторического возникновения и развития, его современной структуры, а также знание особенностей рабочей профессии.

В методике собирания необходимо учитывать как диахроническое, так и синхроническое развитие рабочего фольклора. При этом важно охватить все основные возрастные группы. Собираание осуществляется по нескольким направлениям — выявление знатоков различных жанров традиционного рабочего фольклора; работа с участниками молодежной самодеятельности 20-х гг. («Синяя блуза»); собирание репертуара современных цеховых агитбригад; записывание песен непрофессиональных поэтов и композиторов о родном городе, заводе, цехе; выяснение степени частотности их бытования в городе, в районе; работа с участниками гражданской войны (например, с бойцами полка «Красные Орлы», бывшего на Урале с Колчаком), а также с участниками Великой Отечественной войны; фиксация с помощью магнитофона и фотоаппарата рабочих праздников, как всесоюзных праздников профессии, так и местных; выяснение репертуара художественной самодеятельности и места в нем фольклорных произведений, как традиционных, так и новых; ознакомление с рукописными песенниками, вычленение фольклорных материалов; вы-

явление фольклорных материалов на страницах заводских, городских и районных газет.

При этом собирательскую работу необходимо вести с рабочими и их семьями различных национальностей, обращая особое внимание на национальные песни на русском языке, на двуязычие в песнях. Несомненный фольклорный интерес представляет песенное сопровождение национальных праздников (к примеру, русские песни и частушки в рабочих районах с русско-татарским, русско-башкирским населением). Важным является также выявление межэтнических контактов в жанрах фольклорной русской прозы.

Работать следует большими группами собирателей (25—30 человек).

Рабочий фольклор в наши дни достаточно сложное явление, в котором сочетаются произведения традиционных жанров и новых, он вбирает как фольклорные, так и литературные традиции. Коротко остановимся на жанре преданий.

Живое бытование фольклора классических жанров несказочной прозы (рассказы-воспоминания, предания, легенды и др.) протекало в определенных условиях. Может показаться, что в наш век, в обстановке больших городов, подобных условий нет. Но так ли это? Нами проверено, что рассказы о профессиональном мастерстве активно бытуют, включая элементы легенды. При этом собственно фольклорные сюжеты и мотивы могут уживаться с литературными. Рабочей среде издавна свойственна большая определенность общественных позиций, социального поведения, большая мировоззренческая, социальная зрелость, чем среде мещанской, городской и даже крестьянской. Этим объясняется, почему предания имеют прочную традицию в горнозаводской среде. Бытуют предания о различных профессиях рабочих, о «секретах» мастерства, о силачах и трудовых династиях, о крепостниках-заводчиках и борьбе за свободу, топонимические предания различной тематики.

Важность их записи осознается рассказчиками. В период с 1968 по 1979 г. нами была выявлена тематическая группа народных рассказов о подземных ходах в крупных промышленных городах Среднего и Северного Урала. Собрано 88 текстов. Показательна широкая география бытования и известность преданий среди различных социально-профессиональных и возрастных групп городского населения. Рассказчиков и слушателей увлекает необычность, даже исключительность содержания (существование под землей потайных ходов и помещений), драматизм и трагизм ситуаций, сообщающих занимательность рассказу (живых людей замуровывали, обрекали на смерть в подземных ходах). Такие повествования как бы приоткрывают мрачные тайны крепостнической эпохи. Вместе с тем они занимательны и вполне удовлетворяют познавательные и эстетические запросы людей.

В рабочей среде, особенно на тяжелой, «огненной» горнозаводской работе, очень ценилась физическая сила. Именно поэтому силачи и силачки стали объектом изображения в современных преданиях. В сюжетах и мотивах этой тематической группы нередко обнаруживается близость преданиям других народностей (манси, коми-пермяков, башкир).

В фольклористике до сих пор продолжается спор о том, насколько осознанно используется вымысел и домысел в преданиях. Распространено мнение, что художественность преданий и легенд «бессознательная», что они имеют установку лишь на «достоверность», что основная их роль состоит в передаче информации. На самом же деле во всех народных рассказах реализуется и «установка» на занимательность, художественный вымысел. В живом бытовании они имеют разнообразные идейно-эстетические доминанты и могут выступать в роли собственно информации, объяснения прошлого, гневного упрека или даже проклятия прошлому, осмеяния его, восхищения им, в роли примера для подражания.

Функции их разнообразны. Но история в преданиях не всегда принадлежит прошлому, нередко она соотносится с сегодняшним днем: предание может выражать восхищение или укор настоящему. Для решения сложного вопроса классификации преданий следует принять во внимание идейно-эстетическую доминанту.

Буржуазные идеологи в наши дни продолжают утверждать мысли о творческом бесплодии трудового народа в сфере искусства и культуры и на этом основании призывают к созданию дешевой «массовой» культуры на потребу людей труда. Серьезное систематическое собрание рабочего фольклора дает в руки исследователей убедительный материал, свидетельствующий об идейно-эстетическом богатстве неспециализированного народно-поэтического искусства в условиях реального социализма. Таким образом, проблема рабочего фольклора приобретает и острое идеологическое значение.

Рабочий человек предстает творческой, эстетически активной личностью. Произведения афористических жанров, записанные в большом количестве в рабочей среде, убедительно свидетельствуют о развитии современного фольклора. Закон преемственности поколений предполагает овладение культурой прошлого, создание новых культурных ценностей. Так, в цеховых агитбригадах оживают традиции «живой газеты» 20—30-х гг. В сценариях выступлений переплелось искусство профессиональное и неспециализированное, они полны пафоса творческого труда, славят жизнь в деяниях на благо общества, успехи и достижения своего цеха, завода, отдельных рабочих. Традиция органично сочетается с новациями. Сценарии боевиты, агитационны, задиристы и романтичны.

В мае 1963 г. в Уральском университете (г. Свердловск) состоялась первая научная конференция по рабочему фольклору. Ее организовали Научный Совет по фольклору при ОЛЯ АН СССР, секторы фольклора ИРЛИ АН СССР и Уральского государственного университета имени А. М. Горького.³ Это было подведение некоторых итогов и выявление перспектив собрания и изучения рабочего фольклора. Многие вопросы дискутировались: понятие «рабочий фольклор», периодизация, жанровый состав, идейно-художественное своеобразие рабочего фольклора. Поднимались вопросы об эстетической ценности его, о современном состоянии. Конференция имела важное значение в деле собрания и исследования рабочего фольклора, хотя оказалась нацеленной не столько на его современное состояние, сколько на его историю. Об этом писал профессор Н. И. Кравцов: «Надо отметить, что значительное внимание привлекает история рабочего фольклора». Проблеме рабочего фольклора была посвящена специальная конференция в Югославии в 1965 г. Ее материалы опубликованы в журнале «Народно стваралаштво» (Белград, 1966). На этой конференции ставились важные вопросы: происхождения рабочего фольклора, национальной его специфики и исторического изменения, эстетической ценности, его жанрового состава, отношения к традиционным жанрам.⁴

Настала пора проведения в Советском Союзе второй конференции по рабочему фольклору, посвященной проблеме современного состояния фольклора промышленных городов и поселков и роли его в духовной культуре советского общества.

³ Доклады и сообщения, сделанные на пей, помещены в сборнике «Устная поэзия рабочих России» (М.; Л., 1965).

⁴ Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. М., 1972, с. 349.

ПРОГРАММА-ВОПРОСНИК ДЛЯ СОБИРАНИЯ РАБОЧЕГО ФОЛЬКЛОРА *

1. Сведения об информаторе. Длительность проживания в данном населенном пункте (его самого, родителей, деда, прадеда...). Откуда приехала семья, когда, в связи с чем? Как устроилась семья на новом месте, что об этом рассказывали отец, дед, прадед? Каким видом труда занимались родители и предки? Работа основная и временная (вспомогательная): на заводе, в шахте, на углежжении, на перевозке, на обработке камня, па добыче золота (платины) и т. д.

2. Семья как ячейка профессионально-трудовых и фольклорных традиций. Глава семьи, его профессия, его роль в организации семейного коллектива. Рассказы старших о своей работе, о необходимых трудовых навыках, о профессиональных «секретах» и «тайнах». Пословицы, поговорки о труде, профессии. Семейные праздники, их обрядовое и словесно-песенное сопровождение. Любимые песни, рассказы, сказки деда, отца, матери, бабушки... Фамилии официальные и уличные, коллективные прозвища. Семейные предания. Процесс усвоения фольклорной традиции последующим поколением от предыдущего (линии «внук—дед», «сын—отец»). Специальное и неспециальное обучение фольклорному искусству. Формы бытования фольклора в семье. Фольклорная «специализация» членов семьи (дед — сказочник, мать — песенница и т. п.). Межсемейные и соседские фольклорные контакты, обусловленные совместным трудом и досугом.

3. Условия труда в дореволюционной России: длительность рабочего дня, задание (урок), орудия труда, рабочая одежда, система оплаты, меры поощрения и наказания (штрафы, дополнительные задания, телесные наказания, увольнение, занесение в черный список и т. д.). Что об этом пели, рассказывали в преданиях, легендах? Происшествия, случаи, эпизоды на производстве. Увечье, гибель рабочего, вызванные тяжелыми условиями труда, самодурством начальства, авариями и т. д.

4. Народные сведения (знания) о паходке полезных и ценных ископаемых и о пачале шахты, рудника, об основании завода, фабрики, прииска... Взаимоотношения рабочих людей и коренного местного населения.

5. Что рассказывали о первопоселенцах, строительстве поселка и почему он так назван? Структура поселка и народные объяснения названий его частей.

6. Трудовое умение и мастерство рабочих: кто из рабочих был известен как мастер своего дела, умелец, большой знаток производства. Народные рассказы о результатах мастерского труда, топкого профессионального умения (проводака толщиною в нитку, самый лучший, «звошкпй» уголь, чугунные кружева каслинцев и т. п.). Мастера и неквалифицированные рабочие, их отношения. Была ли иерархия в рабочей среде?

7. Представления рабочих об образцовом, идеальном рабочем в различных профессиях (горщик, забойщик, кричный, молотобоец, прокатчик, углежок, старатель, камнерез и др.).

8. Представления о фантастических помощниках и вредителях в работе (Полоз, Горная матка, Хозяйка, зооморфные существа и пр.). Формы общения, виды контактов человека с фантастическими существами и необходимость особых знаний и сведений («словинка», заговор, заклятье, запреты и т. п.). Результаты, последствия общения рабочего с фантастическими существами. Народная морально-этическая оценка фантастических существ и их роли в трудовой деятельности человека.

9. Критическое отношение рабочих к духовенству и церкви. Рабочие пародии на молитвы и другие жанры церковных сочинений и пародирование церковной службы.

10. Осознанное противопоставление трудовых рабочих обрядов официальным обрядовым действиям. Обряды, насаждаемые духовенством и хозяевами предприятий (молебен при задувке домы, крестный ход, молитвы перед началом и в конце работы, юбилейные обеды и т. п.), и трудовые обряды рабочих (обряд «собоя ловить» у углежогов, «дарение реки» перед отправкой «железного» каравана по реке и при строительстве плотин и др.). Трудовые обычаи — действия в различных социально-профессиональных группах рабочих. Словесные заговоры-обращения к природным силам перед началом или во время трудового процесса (особенно в минуту опасности).

11. Хозяева заводов и руководители производства; кому принадлежал завод, где проживал хозяин, у кого и когда купил завод, знал ли производство, занимался ли им, как относился к рабочим. Отношение рабочих к хозяевам и заводской администрации. Предания и анекдоты о хозяевах (о владельце завода, управляющем, управителе, приказчике, надсмотрщике, штейгере, мастере, писаре и т. д.).

* Вопросник написан в соавторстве с В. В. Блажесом.

12. Эпоха феодально-крепостнического и капиталистического гнета и протест рабочих. Проявления крепостнического произвола: обман в учете сделанной работы, обманное удлинение рабочего дня, привлечение рабочих к преступным видам труда и умерщвление их по окончании работы в целях сохранения тайны; различные виды мучительных наказаний (заключение в темницы, приковывание к тачке и т. д.).

13. Попраие семейных устоев, грубое вмешательство в семейную жизнь; произвол в отношении к женщинам, незаконное использование труда малолетних.

14. Формы борьбы: одиночное и коллективное бегство с заводов, категория «вольных людей», «разбойников», угрозы рабочих и их реализация («посадить козла в домну»), физическая расправа с угнетателями; рабочие-мстители; волнения и бунты рабочих; формы протеста и публичного осмеяния заводской администрации (ряжение управляющего заводом в одежду нищего, вывоз мастера, надсмотрщика на тачке за ворота предприятия и т. д.). Рабочая сатира на хозяев, чиновников, кабатчиков-винооторговцев, кушпов.

15. Борьба рабочих в эпоху капитализма за социальную свободу. Забастовки на предприятиях. Тайные сходки, маевки, пение революционных песен. События буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Сатира на царя, царскую фамилию. Стихи и песни поэтов в народной переделке. Маршево-гимническая поэзия, призыв к свержению самодержавно-капиталистического строя.

16. Местные события в период установления Советской власти: деятельность первых Советов рабочих и солдатских депутатов, гражданская война, создание рабочих отрядов и полков Красной Армии, самоотверженная борьба за Советскую власть. Героические эпизоды. Местные революционеры, участники гражданской войны. Памятные места и памятники эпохи борьбы за становление Советской власти.

17. В. И. Ленин, его роль в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. В. И. Ленин — вождь. Встречи с В. И. Лениным, выступления В. И. Ленина на митингах и собраниях. Речи В. И. Ленина. Рассказы-воспоминания, предания и легенды, пословицы, песни о В. И. Ленине.

18. Отражение в устно-поэтическом творчестве трудовой жизни советского общества 20—30-х гг.: реконструкция старых промышленных предприятий, изменение производственного профиля, увеличение объема продукции, проведение коммунистических субботников в период гражданской войны и после ее окончания. Авангардная роль коммунистов и комсомольцев в борьбе с разрухой, за восстановление и реконструкцию народного хозяйства. История предприятий, построенных в советское время. Рассказы кадровых рабочих, участников строительства, о трудовом героизме, о торжественном пуске, открытии новых предприятий. Посещение предприятий истроек в годы народных пятилеток руководителями партии и правительства.

19. Рабочая художественная самодеятельность («живая газета», «снеблужники» и т. п.). Стенная печать тех лет.

20. Антирелигиозный городской фольклор 20—30-х гг.: пародирование церковных обрядов, церковной службы (комсомольский «крестный ход», исполнение сатирических куплетов в костюмах служителей церкви, инсценировки, песни-пародии и т. п.).

21. Становление новой советской обрядности (крестины-октябрины, комсомольские свадьбы и т. п.), советские праздники и их словесно-музыкальное сопровождение, комсомольские политико-агитационные шествия и демонстрации, сатира на врагов Советской власти, на мировую буржуазию. Утверждение социалистических и коммунистических идеалов.

22. Всеобщая популярность советской массовой песни, ставшей народной по бытованию. Ориентация городского песенно-частушечного фольклора на содержание и ритмико-мелодическую основу профессиональной песни. Городская и поселковая улица как место активной жизни частушки. Тема защиты Советской Родины в фольклоре 30-х гг.

23. Воспоминания бывших фронтовиков о важных событиях Великой Отечественной войны: о разгроме фашистских войск под Москвой и Сталинградом, обороне городов, партизанской борьбе в тылу врага и т. д., обращать особое внимание на рассказы о героических подвигах воинов.

24. Песенный репертуар подразделения, воинской части, участка фронта. Народные песни (русские и других национальностей), песни советских поэтов и композиторов, переделки песен литературного происхождения в военных условиях. Средства их распространения (радио, газеты, художественная самодеятельность, песенники и др.). Песни о событиях войны, сложенные на фронте и в партизанских отрядах. Походные песни и марши отдельных воинских частей и соединений (армий, дивизий, полков и т. д.). Сказки, частушки, пословицы, куплеты, меткие слова и т. д., которые создавались и бытовали в армии и партизанских отрядах. Сатира на врагов: на главарей немецкого фашизма, на гитлеровскую «грабь-армию» и т. п. Условия и обстоятельства возникновения и бытования этих произведений.

25. Отражение в фольклоре трудовых подвигов в тылу в годы Великой Отечественной войны. Яркие факты проявления советского патриотизма (сбор средств

в фонд обороны, строительство танков и самолетов, работа в госпиталях, сбор теплых вещей и подарков для фронтовиков и т. п.).

27. Народные хоры и агитбригады. Их репертуар. Записные книжки, альбомы, дневники, письма, боевые листки, стенгазеты, содержащие самодеятельные поэтические отклики на события Великой Отечественной войны. Переписка фронта и тыла.

28. Рассказы рабочих о передовиках производства, о примечательных событиях из жизни предприятия, о различных эпизодах и случаях с отдельными рабочими.

29. Рабочие династии. Верность избранной профессии. Мастерство в труде. Силачи и умельцы. Наставничество. Передача секретов труда, профессии.

30. Песни о своем заводе, цехе, поселке, городе. Их авторы и творческая история песенных произведений. Степень распространенности, частотность бытования этих песен. Жизнь песен в народе, варьирование.

31. Фольклорные контакты рабочих различных национальностей. Национальные песни на русском языке, двуязычие в песнях. Песенное сопровождение национальных праздников (к примеру, русские песни и частушки на сабантуе в рабочих районах с русско-татарским населением). Межэтнические контакты в жанрах фольклорной русской прозы.

32. Традиционные фольклорные произведения в репертуаре художественной самодеятельности. Талантливые исполнители народно-поэтических произведений со сцены.

33. Рабочие праздники: а) всесоюзные (праздник профессии — День металлурга, День шахтера, День строителя и т. п.) и б) местные (юбилей завода, города, поселка, руководителей и передовиков производства, начало строительства предприятия, выпуск (получение) первой продукции, закладка памятника, вечера трудовой славы, слеты рабочих династий, чествование победителей социалистического соревнования, праздник улицы и т. п.). Обрядовая сторона праздников, словесно-поэтическое сопровождение.

34. Упрочение советских обычаев и обрядов: а) общественных (выдача паспорта, прием в ряды ВЛКСМ, проводы на заслуженный отдых, комсомольские факельные шествия в честь торжественных событий, проводы в армию, встречи ветеранов Великой Отечественной войны и др. и б) производственно-трудовых (начало и окончание учебного года в ГПУ, посвящение в рабочие, получение первой зарплаты, окончание этапов работы (к примеру, сборка тысячного экскаватора передовой бригадой, выпуск миллионного автомобиля, укладка «серебряного рельса» и т. д.).

35. Известные в данном населенном пункте (районе, квартале) рассказчики, песенники, сказочники, знатоки частушек. Старые рабочие, «институт заводских стариков». Знатоки местной истории, «летописцы», их устный репертуар и сочинения. Формы и места общения стариков в свободное от работы время (вечерние беседы, застолья по поводу разного рода праздников, юбилеев, а также Советы ветеранов труда и Великой Отечественной войны при местном заводе или музее). Роль представителей «института заводских стариков» в общественной, пропагандистской и воспитательной работе.

36. Устно-поэтическое творчество современных рабочих различных специальностей и разных возрастных групп. Степень бытования традиционного рабочего фольклора в среде рабочих среднего и молодого возраста. Фольклорные новации. Молодежные песни, их локальный и профессиональный характер, их функциональная дифференцированность.

37. Народный юмор и красноречие: прозвища, анекдоты, афоризмы, меткие слова и речения, образные названия орудий труда и средств производства, куплеты. Народное балагурство: присказульки, побасенки, байки, каламбуры, шутки и т. п. Развитие традиций устного искусства слова.

О. В. АНКУДИНОВА

О НЕКОТОРЫХ ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЛАЧА
(ПО СОВРЕМЕННЫМ ЗАПИСЯМ)

Население сел Харьковской области в основном украинское, но соседство с Российской Федерацией заметно сказывается на языке, который сильно отличается не только от языка Западной Украины, но даже от языка полтавчан, непосредственных соседей Харькова с юго-запада. Фольклорные произведения исполняются информантами на смешанном русско-украинском говоре. В народе его называют «суржиком». Однако в Харьковской области есть несколько «кустов» чисто русских сел, где русский язык является доминирующим (конечно, не без некоторого влияния украинского).¹

Одно из таких сел — Староверовка Нововодолажского района Харьковской области, где летом 1975 г. нам удалось сделать магнитофонную запись похоронного плача, исполненного талантливой плакальщицей Ириной Павловной Семькиной во время похоронного обряда.

Село Староверовка фактически объединяет три села (Староверовка I, Староверовка II и Староверовка III), каждое из которых тянется по несколько километров, в нем около 6000 жителей. Самым удаленным от центральной части является Староверовка III, где живет И. П. Семькина.

Староверовка — село песенное. «Играют песни» здесь многие. Нам с охотой называли десятки имен тех, кто помнит и знает «старинские» (так здесь говорят) песни. Тех, кто умеет «голосить», выделяли особо, говорили о них с уважением.

Например, Зорина Анна Тимофеевна, потомственная плакальщица. Таким же даром обладала ее мать, тоже коренная жительница Староверовки. В отличие от Зориной Семькина И. П. утверждала, что ни от кого прежде (т. е. до того времени, как заголосила сама) причетов не слышала, таких людей не помнит. Между тем опрос жителей Староверовки, а также соседних сел показал, что голосить по умершему — явление здесь распространенное, привычное, обыденное. А. Т. Зорина, например, не считает свой дар чем-то особенным. В разговоре с нами она сказала: «Всякий может голосить, только стесняется. Здесь нужно себя один раз пересилить, а потом уж само пойдет, само полетится...» Впрочем, ее соседки, заинтересованно присутствовавшие во время разговора, резонно стали ей возражать, приводя в пример собственное неумение.

Тип причета Семькиной, Зориной, Кондраевой (судя по тому, что они сами о себе рассказывали, а также по тому, что о них говорили односельчане), безусловно, один и тот же. Так что искусство Семькиной, несомненно, впитало в себя определенную местную традицию и в то же время само является ее показателем.

¹ Диалектной особенностью его является южно-русское «акание».

Семыкипа Ирина Павловна, уроженка соседнего русского села Дьячковки, родилась в 1912 г., русская, неграмотная. Работала в сельском хозяйстве, сейчас на пенсии. Она прожила трудную жизнь: раннее сиротство, бедная молодость, затем несчастливое замужество (по поводу смерти мужа она сказала: «Хозяин был строгонький, я об нем не шибок плакала»), война, оккупация, смерть троих детей. Сейчас оставшийся единственный сын живет под Харьковом, отдельно от матери. Самое тягостное впечатление сохранилось у Ирины Павловны от смерти старшего сына: он погиб 23 года назад, неожиданно, в 20-летнем возрасте, от удара молнией. Именно с тех пор она «заголосила». Впрочем, внешний облик этой еще не совсем состарившейся женщины, манера поведения, разговор свидетельствуют о крепком жизнелюбивом характере открытого, оптимистического склада, не лишнего склонности к юмору.

Среди «песенников» она ничем не выделялась, по-видимому, не чувствовала себя в своей роли, говорит о своем умении не без некоторой гордости, с легким пегодованием и как будто удивлением отзываясь о родственниках умерших, которые не умеют оплакать близкого человека: «Сидят, прости господи, как божьи бараны, ничего рассказать (т. е. причитать, — О. А.) не умеют». В записанном нами плаче Семыкиной есть место, где она обращается непосредственно к родственникам умершей старухи, побуждая их голосить и упрекая в безмолвии:

Дорогая моя подруженька,
Невже ж ты своей родной матушке
не найдешь, что сказать.
Она будя на вас обижаться,
что вы ничего-то ей не кажете.
Как же она вас растила
И как же она вас любила.
Как она вас с своего ротика питала...
У тебе сердце крепкое,
Не найдешь по родимой матушке
Слова сказать...

Содержанием похоронных плачей Семыкиной (в частности, записанного) служит рассказ о собственной горестной жизни и жизни умершего: «У меня есть о чем голосить, — рассказывала нам Ирина Павловна. — Жизнь-то тяжелая была...» Аналогичным образом говорили о содержании своих причитаний и Зорина А. Т., и Кондраева М. А. — они голосят, потому что «есть что рассказать о своей тяжелой жизни».

Когда мы настоятельно упросили Семыкину пересказать один из своих плачей, то она принялась вспоминать свою биографию. А когда, приехав с магнитофоном и записью ее собственного плача, мы попросили ее более внятно повторить некоторые неразборчивые места, то она, прозвнеся вслед за своим голосом несколько записанных фраз, вновь переходила на подробный рассказ о своих минувших жизненных тяготах. Это повторялось все время, причем переход от «петого» к рассказываемому был совершенно неуловим.

Сравнивая это обстоятельство с тем, что нам рассказали о содержании похоронных причетов жители Староверовки, и в первую очередь Зорина и Кондраева, можно сделать вывод, что главной чертой причитания, определяемой его содержательной стороной (во всяком случае, в варианте местной староверовской традиции), является его эпическая повествовательность.

Характерно, что записанный нами плач сама Ирина Павловна оценила не очень высоко, ибо, по ее словам, она мало что успела рассказать тогда. «Вот недавно во Власовке молодой залился (т. е. утонул, — О. А.), — добавила Семыкина, — вот вы бы меня тогда послушали». Из ее слов стало ясно, что качество плача она сама (как, впрочем, и другие

староверовские плакальщицы) связывает с умением долго и подробно рассказывать о своих и чужих горестях. «Сперва надо посмотреть пожитки умершего, — объяснила свою „творческую лабораторию“ Семькина. — Узнать, как он жил или, в крайнем случае, отчего его смерть произошла». Чем беднее и несчастнее семья, тем активнее и эмоциональнее становится плач — «рассказ» Ирины Павловны. В нашей беседе Семькина не раз возвращалась к воспоминанию, как хорошо (т. е. особенно долго) она голосила, оплакивая утонувшего молодого мужчину из Власовки. Его жизнь сложилась тяжело: пьяница жена, родившаяся дочка — калека, пустой двор, бедные пожитки... Но неизменным творческим импульсом для Семькиной остается собственное горе, и в частности неожиданная потеря сына. Ведь именно с того момента она и стала «голосить». «Мне старых не очень жалко. А вот если молодой помер, то горю края нема. И свое горе и чужое — все в одно сливается. Я, как начну голосить, уж себя не помню, раз проголосишь, а потом еще раз и еще... Голосишь одинаково, что по своему ребенку, что по чужому. Без конца краю идешь та идешь...»

Плач Ирины Павловны своеобразен и запоминается надолго. Дело в том, что свои причеты-рассказы она сопровождает эмоциональными возгласами, близкими к смеху. Такое сочетание антиномичных начал трагического и смешного создает особенно напряженную эмоциональную атмосферу, внешне сходную с истерией. Сила воздействия плача, с нашей точки зрения, в значительной мере определяется эмоциональным контактом плакальщицы и присутствующих. При незаурядных способностях исполнительницы (что мы имеем в данном конкретном случае) зона эмоциональной сферы фактически беспредельна. Без этой своеобразной зоны эмоционального воздействия фактически не существует плача как специфического явления сипкретического искусства в его жанровой определенности. Здесь важны две неразделимые его ипостаси: и эмоциональность сама по себе как выражение не столько поэтического начала, сколько явления психики, физиологии, и его коммуникативная функция, призванная выполнить определенную общественную роль своеобразного «организатора» аудитории, толпы. Поэтому плач как жанр фактически нельзя изучать вне его звучания. Во всех иных видах, утратив силу эмоционального звучания, воздействия, он просто перестает существовать. Не случайно, при пересказе содержания или попытке повтора он превращается то в устный сказ, рассказ (как в нашем случае с плакальщицей Староверовки), то в своеобразные элегические медитации, которые сразу становятся похожими на долгую песню с несколькими специфическими оборотами (именно такие тексты мы встречаем в сборниках плачей). Информанты очень хорошо чувствуют ложность своего положения, когда их просят пропеть, повторить то, что они проносят во время самого действия, обряда.

И. П. Семькина, очень желая нам помочь, попыталась было повторить свои причеты: «Сыночек мой родненький, — склонившись, запричитала она, — последнюю секундочку лежишь ты в родной хаточке; положут тебе скоро в темную хату, куда солнышко не загляне, ветерок не задуе, не заколишет». Но сразу оборвала себя, почувствовав, видимо, кощунственность того, что происходит: «Да как же это я буду к башмакам обращаться?! Нельзя...» Подумала и вновь попыталась: «Сыночек мой миленький, дорогой, по всем уголкам гляжу, а тебе нигде нету...» Но все-таки продолжить не смогла и стала усиленно приглашать нас на очередные похороны: «Или в Харьков, если случится, пригласите. Надо будет — поеду».

Ситуация с неудавшимся повторением плача знакома каждому собирателю и встречалась в его практике не однажды. Значительно реже удается быть свидетелем, а еще реже — записать подлинный плач.

В нашем случае профессионалка-вопленница, не смущаясь и не видя ничего дурного в своем приглашении, убеждала нас послушать ее во время настоящего исполнения; приглашала так, как могла бы пригласить актриса на спектакль. Осознавая свою индивидуальную способность, она инстинктивно воспринимает ее как явление творческого акта, способного состояться лишь в определенных обстоятельствах и должствующего выполнить определенную общественную функцию. В этом смысле мы видим сходство плача с игровым искусством. Но если последнее предполагает воздействие на аудиторию через создание картины эстетического порядка (и в этом случае область эмоций тесно связана с эстетическими переживаниями), то искусство плакальщицы в другом: максимально возбудить эмоциональную настроенность слушателей, вызвав в них сопереживание по поводу конкретного жизненного случая.

Содержание этих эмоций уже не эстетического плана, а бытового, связанного со всей суммой реально совершившихся обстоятельств, возбуждение же происходит благодаря эпатажу со стороны плакальщицы. По силе эмоционального воздействия плач является аффектированным выражением психической стороны человеческого организма и, с нашей точки зрения, должен стать поэтому предметом изучения не только гуманитарных, но и естественных наук.²

Плач предполагает аудиторию, ибо всякое вслух произнесенное высказывание рассчитано на слушателя. Некоторые исследователи утверждают, что жанр причета, плача не считается с аудиторией и не зависит от нее, полагая это на том основании, что женщина может причитать и в отсутствие слушателей. Последнее обстоятельство, конечно, возможно (заметим, что главным образом не для приглашенной, т. е. профессиональной, плакальщицы). Но сам по себе эмоционально высказанный, а тем более выкрикнутый причет уже создает потенциальную сферу воздействия. Подобно магниту, он таит в себе силу физического притяжения. На него немедленно откликаются находящиеся поблизости люди, и тогда причет вступает в свою функцию организации аудитории на основе общего чувства — переживания, как бы создавая единый монолит человеческих эмоций. В этом его отличие от долгой песни, которая в определенные моменты может быть средством только самовыражения. Плач тяготеет к чувству «общественному», коллективному, лирическая песня — к индивидуальному.

Особенности плача Семькиной, выражающиеся в сочетании антипомических эмоций скорби и смеха, навели нас на мысль о сходстве плача и юродства, кликушества.³

Эту общность мы усматриваем не только потому, что одной из форм юродства зачастую был плач,⁴ но и по ряду других признаков. А. М. Панченко называет юродивого гротескным персонажем на том основании, что тот «объединяет мир смеха и мир благочестивой серьезности».⁵ Плач — выражение только трагического начала, но подчеркнуто аффектированного трагизма, плакальщица — средоточие этого трагизма, центр его об-

² Особое поведение плакальщицы, возбужденно сосредоточенной на определенном жизненном явлении, вполне может быть объяснено принципом доминанты как общим *modus operandi* центральной нервной системы, принципом, который был разработан известным русским физиологом А. А. Ухтомским. (См.: *Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров.* — В кн.: Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978, с. 9).

³ В своем представлении о содержании этих явлений мы опираемся на книгу Д. С. Лихачева и А. М. Панченко «„Смеховой мир“ Древней Руси» (Л., 1976). См., в частности, раздел «Юродство как зрелище».

⁴ См. у Аввакума о юродивом Афанасии: «Плакать zelo же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет». Цит. по: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси, с. 97.

⁵ Там же, с. 109.

щественного выражения. В этом смысле она, подобно юродивому, главное лицо обряда, его своеобразный гротескный персонаж.

Сходна и функция главного персонажа в обряде плача и в юродстве: и плакальщица, и юродивый максимально сосредоточивают в себе общественную мысль, эмоции толпы и выражают их в гротескно-аффектированном качестве. Правда, формы их взаимодействия с толпой различны: юродивый режиссирует толпу эпатажем, нареканиями, постепенно образуя свое единство с нею (впрочем, наверное, могли быть различные варианты этих взаимоотношений), плакальщица же и толпа составляют двуединство изначально, она только с большей эмоциональной силой, чем все остальные, выражает общее чувство скорби.

Парадокс ситуации плача строится на ином обстоятельстве, нежели в юродстве. Посторонняя женщина умеет выразить горе более ярко, чем пострадавшие непосредственно, сосредоточивая при этом все внимание толпы на себе.

Думается, что искусство плакальщицы обретает общественную функцию в обстоятельствах, сходных с юродством. Мы имеем в виду следующий тезис Панченко: «Лицедействует не только юродивый. Он главное, но не единственное лицо представления. Юродство обретает смысл только в том случае, если разворачивается в толпе, на глазах у людей, если становится общедоступным зрелищем».⁶ Плач, как мы указывали выше, также синкретический акт, рассчитанный на слушателей, которые одновременно становятся и участниками действия — сопереживания. «В жестах и выкриках толпы, — пишет ученый о юродстве, — нет притворства, она реагирует непосредственно и страстно. Это не обряд, не „чин“, а эмоциональный отклик».⁷ В случае с плачем происходит то же самое, несмотря на то что в отличие от юродства он связан с обрядностью. Именно эмоциональная атмосфера, возникающая во время исполнения плача, объединяет присутствующих в единый коллективный персонаж и, повторяем, является, с нашей точки зрения, тем ведущим началом, которое определяет жанровую природу плача.

⁶ Там же, с. 109.

⁷ Там же, с. 110.

Г. Л. ВЕНЕДИКТОВ

ОПЫТ ФИКСАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЫ
КАК ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Творчество в фольклорной прозе выступает как результат прошлой работы (прежде всего это сказочные формулы) и в своей непосредственности, где исполнение тождественно творческому процессу. Исполнитель не только вспоминает, но и слагает, строит свои предложения и периоды, само воспоминание здесь не механически-точное, но ситуативное и вариантное: помнится ситуация, а ее оформление варьируется. Применительно к былине еще А. Ф. Гильфердинг писал, что «переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только общий остов, так что всякий раз, как сказитель поет былину, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения».¹

Это оформление определяется рядом текучих факторов. Установка на творчество или отсутствие ее определяет тип исполнителя: творческий или традиционный, точнее, тип реализованного варианта. Так, нами записан от А. В. Горячева (Тихвинский р-н Ленинградской обл.) явно творческий вариант сказки о золотой рыбке: злая баба требует от рыбки сначала дворца, потом стирального корыта, потом чтобы золотая рыбка рассыпалась на мешок золота. Однако повторные записи дали вполне традиционные варианты сюжета.

Вторым фактором выступает психологическое отношение к миру, что определяет стиль исполнителя. Эмоциональный настрой, или «влияние личного настроения минуты»,² определяет успех в реализации названных факторов.

Речь исполнителя планируется и перепланируется на ходу. Отсюда — паузы внутри предложения и между предложениями, недоговоренности и поправки, смена согласований и управлений в рамках одного предложения. От этого не свободен ни один исполнитель. Наоборот, «эстрадное», гладкое исполнение означает заученность текста, отсутствие творчества в момент исполнения.

Как показывает практика записи, всякая повторная фиксация прозы сразу же за первым исполнением, а исполнители идут на это весьма неохотно, проигрывает в красках, иногда же и в полноте сюжета. А если перед первой записью исполнитель бегло вспоминает сюжет, проверяя свою память, то ряд ярких и важных деталей он невольно пропускает. В обоих случаях видим переход от творчества к повторению, к шаблону. Подобно этому фольклорный певец, перемещенный на эстраду, обычно

¹ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. — В кн.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949, т. 1, с. 57.

² Песни, собранные П. П. Рыбниковым. М., 1909, т. 1, с. XCVI.

через некоторое время теряет свою выразительность. Рассказчик или певец перестает исполнять свободно, т. е. играя, свободно варьируя детали, речевые или музыкальные, и переходит к повторению пусть самого удачного исполнения, но не соотношенного с психическим состоянием в данную минуту.

Степень осознания творчества у самого исполнителя может быть разной, по большей части она минимальна. Еще А. Ф. Гильфердинг писал о певцах былин, что «личного творчества никто из них не подозревает, хотя оно существует несомненно».³ Это справедливо и для исполнителей сказки в отношении речи, географических и бытовых примет времени, частично — стиля и сюжетосложения. Творческий процесс здесь стихийный и бессознательный, в противоположность творчеству в авторской литературе.

Изучение творческого процесса требует точной фиксации речи исполнителя во всей ее полноте. Для этого нами предлагается система знаков, отработанная на расшифровке более трехсот фонозаписей.

Прежде всего, это знак неграмматической паузы, задержки речи «=», знак обрыва предложения или слова «...» и знак словесной поправки, часто связанной с интонацией перебора «z». Пример: «Дед купил=оку ... z рыбы на=базаре и ...» В некоторых случаях желательно отмечать динамику ритма. У каждого исполнителя свой темп рассказывания, но независимо от него отдельные блоки речи проговариваются ускоренно. Такие блоки, сходные, но не всегда совпадающие с вводными конструкциями, можно отмечать угловыми скобками. Пример: «Ваня попытился <очень она ему не понравилась>, а лягушка и говорит...».

Мысли об особой роли в сказке «чувства ритма» и интонации, их связь развивал еще А. И. Никифоров: «Интонация нередко бывает со специально ритмической установкой сказа».⁴ К сожалению, он раскрывал их только как орудие «артистизма», как выражение мастерства. Этим роль интонации сужалась. Наши попытки интонационной записи привели к обнаружению бисинтагматического построения фольклорной прозы. Однако такой вывод оказывался не вполне новым. Очень важно, что к близким результатам наука пришла разными путями.

Ритмический характер сказок был замечен давно. Еще И. Снегирев, отмечая «особый склад и лад» сказки, писал: «Многие сказочные выражения отличаются стихотворным складом».⁵ Но эта проблема оказалась заслоненной в ту эпоху проблемой русского народного стиха. Здесь к решению шли через изучение либо музыкального фольклора, либо художественных параллелизмов, либо — самого языка. Плодотворным оказался последний путь.

А. Х. Востоков основу народной ритмики определил не в стихотворном размере, а в «известном ряду слов», объединенных одним господствующим ударением, который он назвал «прозодическим периодом» и связал с дыханием.⁶ Опираясь на тексты музыкального фольклора, он попытался разбить на ритмические периоды и прозу — но не сказки, а «Слово о полку Игореве».⁷

Вслед за ним И. И. Срезневский «мерность речи» обосновывал именно «требованиями гармонии языка»⁸ и распространил понятие мерности на

³ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды, с. 51.

⁴ Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители. — В кн.: Русские народные сказки. М.; Л., 1930, с. 52. (Предисл. С. Ф. Ольденбурга; Вступ. ст. А. И. Никифорова; Сост. О. И. Капица).

⁵ Снегирев И. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, с. 79.

⁶ Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, с. 100.

⁷ Там же, с. 161—162.

⁸ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959, с. 71.

прозу фольклорную и авторскую, включая «Духовную Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве» и многие древние повести.⁹ Хотя он не разделял в термине «сказки» подлинных сказки с былинами и балладами, он говорит о «сказочных присказках» и даже рифмах в них,¹⁰ поэтому его слова о «мерной прозе старинных сказок», «мерных фразеах сказочного рассказа» могут пониматься нами буквально. Недостатком взгляда И. И. Срезневского было то, что основу ритмики он видел в игре долгих и коротких гласных, оп, как и А. Х. Востоков, опирался на одну фонетику языка.

За ними К. С. Аксаков писал: «Между русскою прозою и русским стихом нет ярко проведенного рубежа <...> стих возникает из прозы, как скоро поэтическая сила вдохновения поднимает слово».¹¹ Все трое считали, что народная ритмика не укладывается ни в какие стихотворные размеры, а определяется непосредственно языком. К. С. Аксаков тоже считал, что «гармоническую речь можем мы встретить всюду, в грамотах, посланиях и т. д.»¹²

Далее А. А. Потебня перевел «прозодический период» в понятие синтаксической стопы — как одного слова или как «совокупности членов предложения, объединенной и фонетически единством господствующего ударения».¹³ Однако А. А. Потебня не говорил ни о стихе вне мелодии, ни о сказках.

Несколько шире подходил Ф. Истомирин, который фундамент народной ритмики видел в соотношении двух величин: «... стих, разделенный на два полустипия (равных или неравных по слоговому составу), произносится так, что при этом замечается стремление к уравновешению этих полустипий во времени их произношения» — типа „Вот тебе, бабушка, — Юрьев день“; „А и сам-то говорит — таково слово“».¹⁴

Синтезом всего явилось учение Л. В. Щербы о синтагме. Он определил ее как «единое смысловое целое <...> могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их».¹⁵ По аналогии с французским языком, где синтагма называлась дыхательной группой, Л. В. Щерба и русскую синтагму назвал так же. Наконец, довершая все учение о ритмике, Л. В. Щерба отмечал, что «синтагмы <...> могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями».¹⁶ Далее, раскрывая фразы как «мелодические единства», Л. В. Щерба разделяет их на одночленные и двучленные, где двучленные и характеризуются восходящим и падающим ударениями типа «Ленинград — большой город», «Это замечательное произведение — было вырезано простым ножом», «Он вырезал это замечательное произведение — простым ножом», и где синтагмы разделяются знаком тире.¹⁷ Однако учение Л. В. Щербы делало основной упор на отдельной синтагме, было сковано рамками специальной работы и не имело никакого выхода к фольклору и авторской прозе.

К близкому выводу, об объединении в одном предложении нескольких фраз с восходящим и падающим ударениями, пришел А. М. Пешковский,

⁹ Там же, с. 72, 76.

¹⁰ Там же, с. 72.

¹¹ Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням. — Полн. собр. соч. М., 1861, т. 1, с. 333.

¹² Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими. — Там же, с. 404.

¹³ Потебня А. А. Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок. — Русский филологический вестник, Варшава, 1884, т. 11, вып. 1, с. 19.

¹⁴ Истомирин Ф. Рецензия на «Законы стиха русского народного и нашего литературного» П. Д. Голохвостова. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1885, апр., с. 360.

¹⁵ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 7-е изд. М., 1963, с. 86.

¹⁶ Там же, с. 87.

¹⁷ Там же, с. 122, 123, 129.

распространив это на русскую книжную и разговорную речь.¹⁸ Он же, полагая основой дыхание, заявлял, что «человеческая речь <...> всегда и везде ритмична».¹⁹ Но А. М. Пешковский, не разрабатывая синтагматики в литературе, провозгласил, что пунктуация отражает не грамматические связи, а интонационное членение, чем подорвал доверие к учению о сложных фразах.

Позднее учение Л. В. Щербы, тоже только в рамках языка, поддержал академик И. И. Мещанинов.²⁰

Переходим к собственным выводам.

Устная речь выступает и как речь диалогическая, в целом неорганизованная, опирающаяся на ситуацию и потому часто грамматически и интонационно неполная, восполняющая свои недочеты жестом, междометиями, указанием на обстановку, и как речь монологическая, организованная, хотя следы первой в ней и есть. Но в рамках монолога жесты и междометия не подменяют собой речи, а выступают ее эмоциональными спутниками. Главным фактором организации выступает дыхание с его равномерным подъемом и спадом напряжения. Это подтверждает и практика первых записей от исполнителя: для целого ряда людей, привыкших к диалогу на дворе, улице, в поле, ритмическая, спокойная речь устанавливается с третьей-четвертой записи вместо первоначальных разрозненных слов-выкриков.

Организованная речь паузами дробится на основные единицы — двойные синтагмы, или бисинтагмы. Под бисинтагмой мы понимаем группу предложений, одно предложение или группу слов, разделенных на две части восходящей и падающей интонацией, господством двух доминирующих ударений. На листе бисинтагма достаточно читается простановкой этих ударений и в ряде случаев «тире» между синтагмами, как у Л. В. Щербы. Пример — «Курочка ряба».

Жыл мужик да баба. Была=у них курочка ряба. Курочка=положила яйцо. Яичко не простое, а золотое. Дед бил-бил — не разбил. Баба была-била...

(Е. И. Пугина,
Тихвинский р-н Ленинградской обл.)

Довольно частым вариантом бисинтагмы выступает бисинтагма с дополнительной падающей синтагмой: «Шёл, шёл, шёл — стало темно. Попросился ночовать. Ну ночовать там пустыли» (Е. И. Пугина). Другой вариант — бисинтагма с двойной восходящей синтагмой: «Осенью сидит старуха — прядёт под окном лён. Она прядёт и говорит: „Ой, дедко, дедко! Бё—едны сейчас разбойники! Такая погода“» (Н. К. Голубева, Тихвинский р-н Ленинградской обл.). По нашим наблюдениям, одиночные синтагмы не несут самостоятельности, как думал Л. В. Щерба. В редких случаях ударения в бисинтагме меняются местами: «Он подошёл к ней и спросил: „Завтра-то ждать тебя в гости?“».

Довольно часто падающая интонация сопровождается резким подчеркиванием акцентного слова: наблюдается как бы некий подъем в рамках падения. В таком случае необходимо ставить знак «\» для наглядности сопоставим пары: «Он не знал, чья возьмет» — «Он не знал: чья возьмет?». Особенно часто такая интонация наблюдается в восклицаниях и вопросах: «Да ведь наказать — бить только! Больше чем же наказать!» (В. П. Голубев, Тихвинский р-н Ленинградской обл.); «Нү, говорит, раб

¹⁸ Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959, с. 103.

¹⁹ Пешковский А. М. Стихи и проза с лингвистической точки зрения. — В кн.: Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л., 1925, с. 155.

²⁰ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978, с. 116, 119, 121, 128.

божий = наймись ко мне в работники» (А. А. Воробьева, Тихвинский р-н Ленинградской обл.).

Наконец, в случае скрадывания паузы между бисинтагмами ставится знак «+». Этими знаками можно и ограничиться. Крупные бисинтагматические блоки имеют более сложный интонационный рисунок, но основные особенности и так фиксируются достаточно хорошо.

Объем бисинтагмы в зависимости от навыков монологической речи растет. Исполнители с большим репертуаром тяготеют и к большим бисинтагмам. Однако их величина уступает сложным конструкциям письменной речи. При этом по характеру фольклорная проза не отличается от нежанровых монологов народных исполнителей, но отличается от письменной авторской. Бисинтагматическая расшрифтовка весьма затруднительна в таких текстах:

Было тихое летнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе; но поля еще блестели росой, из недавно проснувшихся долин веяло душистой свежестью, и в лесу, еще сыром и не шумном, весело распевали ранние птички.
(И. С. Тургенев. «Рудин»)

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешительности, отправился в К-ну мосту.

(Ф. М. Достоевский.
«Преступление и наказание»)

Здесь синтагматика заслоняется сложной иерархией интонационных отношений.

Можно сказать, что фольклорная проза не поднимается до такого «симфонизма». Фольклор дает организацию средней сложности, интонационное и грамматическое усреднение. Бисинтагмы тяготеют к равновеликости по объему и рисунку. Это и создает ритм. Он несомненно способствует запоминанию ключевых формул и служит матрицей для конструирования переходных мест прозы.

Наиболее ритмизованными в сказке оказываются сказочные формулы и общие места. Эта художественная отточенность их послужила основанием для гипотезы о «следах профессионально-цеховой поэтики сказки».²¹ Теперь ясно, что это не «следы», а вершины однородной с ними структуры, и гипотеза об особой роли профессионалов здесь делается излишней. Тем более что «для русских сказочников исторически не засвидетельствовано специальных „профессионалов сказки“ как особого цеха».²²

С другой стороны, средняя бисинтагма представляет собой определенную грамматическую сложность, в то время как диалогическая речь тяготеет к предложению. Напрашивается вывод, что в древности фольклор сам оказал организующее влияние на язык и его грамматическую структуру, подобно тому как позднее подобное влияние оказала письменная литература.

По-видимому, и ритмика древнерусской литературы восходит не только к языку, но и к близости с фольклорной стихией.

Остановимся на интонационных типах прозы. Их три. Первый тип, самый распространенный, совпадает с обычным размеренным монологом, где бисинтагматическое членение следует за необходимым содержанием и поэтому синтагмы не настолько соизмеримы, чтобы давать на слух четкое ощущение ритма.

Одно время = Балакирев попал под опалу Петра. И он запретил ходить по евдовой = земле к царю. Тогда Балакирев сообразил, поехал в Финляндию = купил тележку земли = сделал купчую и документы оформил — всё как полагаётца, приехал домой и ... поехал к царю.

(П. П. Сорокин,
Сонновский р-н Калининской обл.)

²¹ Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители, с. 40.

²² Там же.

Вот тоже жили мужик да баба. У их детей не было. Ить грусно без детей-то и скүшно!

А баба-то всё пряла=и кл... клубочек клала всё на столобочек. Пока ни вьет, ён ни надобен — она=на столобочек всё положит.

(А. А. Воробьева,
Тихвинский р-н Ленинградской обл.)

Второй тип представлен потоком более соразмерных бисинтагм с четким ощущением ритмичности.

А папа с мамой говорит: «Ну-ко-те, детки, — сходите принесите ягодок. Я вам испекү — пирожок с вареньем». Вот отправились онé — за ягодкам. Шли-шли-шли — немножко набрали. Пошли дальше.= Попадёт =медведь навстречу.

(А. Н. Александрова,
Вологодская обл.)

Она была заколдованная, эта царевна. =Значит. Уж туды ходили мнó-ого, а ни как. А Иван-царевич, значит, он=он добивался до ей. И вот сделалась война. Война ... это, значит, змёй.

(И. Д. Балканов,
Тихвинский р-н Ленинградской обл.)

Третий тип дает явное преобладание ритма. Парность ударений в бисинтагме, как правило, усложняется: одной синтагме противостоит здесь как бы множество синтагм с одинаковыми ударениями. Случается, что и вся бисинтагма распадается на ряд отрезков с одинаковыми ударениями. Все это существует за счет более четкой организации ритма и пауз, приближая прозу к белому стиху. Отсюда обоснованная возможность записывать этот тип в виде стихов:

— Как мне тебя отыскать?
— А ты вйди только за ворота
и вскрикни:
«Сивко-бурко, вечный каурко,
встань передо мной,
ка-ак лист перед травой!» —
Так я и ... и приду к тебе, прибегу.
Ну вот. Ладно!

(Н. М. Баранова,
Сонковский р-н Калининской обл.)

В некотором царстве,
в некотором государстве
жил=
богатый мужик.
У него было три сына:
два хорошие,
а третьей=
Ваня-дурачок.
Вот.
У них был хороший сад,
в саду=росла=хорошая яблонь золотая.
И вот=к ним повадилася жар-птица летать=
за яблокам +
клевать, эти яблоки воровать.

(Н. М. Баранова)

Надо отметить, что чаще всего в исполнении типы речи смешиваются. Приведенный выше пример первого типа не случайно включает и конструкцию третьего типа.

Именно второй и третий тип, вероятно, имел в виду А. И. Никифоров, говоря о «папевности произнесения», о порой «строгом ритмическом единообразии», о речитативности сказочной речи.²³ Исходя из этого ста-

²³ Там же, с. 52, 53.

новится понятным существование в сказочной прозе «песенок» («Коза-дереза», «Кот, петух и лиса») и родство прозы с присказками и потешками.

Шёл мужик по пожонкѣ — } (по слогам)
 нашёл баску часовенкѣ.
 В часовни свѣчка топится —
 молодчик бѣгу молитце.
 Тѣ-опы, потѣпы!
 Нашево брата
 трои хорѣмы,
 чѣтверты полѣтя.
 На полатах каша.
 Обожрались богачы —
 теперь воля паша.

(Е. Д. Столярова, Тихвинский р-н
 Ленингр. обл., «Детская сказочка»)

Ввиду этого правомерно говорить о доавторском, фольклорном стихе, о возможности возникновения авторской поэзии не из песенных, а из прозаических жанров фольклора.

В заключение отметим, что предлагаемая система интонационной записи годится не только для всех жанров фольклорной прозы, но и для более точной фиксации текстов частушек, плясовых и других «коротких» песен.

Н. А. КРИНИЧНАЯ

О МЕТОДИКЕ СОБИРАНИЯ ПРЕДАНИЙ

Утилитарная функция преданий, в известной мере сохраняемая за ними лишь по традиции, все же продолжает сказываться в том, что они не выделяются в потоке бытовой речи и фактически не имеют сколько-нибудь устойчивого названия (имеется в виду и название жанра, и название произведения). Вот почему для собирания подобного материала нужна особая методика. О некоторых принципах этой методики было уже сказано В. П. Кругляшовой.¹ Наша задача — дополнить и развить наблюдения предшественников, руководствуясь при этом своим опытом собирательской работы.²

Для создания сколько-нибудь цельной картины бытования произведений народной исторической прозы нужно в первую очередь правильно определить регион обследования. Этот регион должен, на наш взгляд, представлять собой такое единство социально-экономических, природных и прежде всего исторических условий, которое бы сказывалось на единстве основных сюжетов бытующей здесь народной исторической прозы. Подобный подход к собиранию материала определяется самим характером преданий как локальных по своему происхождению и бытованию произведений, которые до конца не «прочитываются» без учета условий, связанных с их зарождением и формированием, их дальнейшим развитием и сохранением (или, наоборот, угасанием) в традиции. Вне так называемого историко-географического контекста фактически невозможно раскрыть ни историческую основу произведения, ни всю совокупность разнообразных реалий. Они составляют в системе предания как локального историко-фольклорного произведения довольно-таки значительный удельный вес, тем более что в дошедших до нас преданиях преобладает тенденция к конкретно-историческому способу изображения действительности. Заметим попутно, что региональный принцип собирания преданий и, мало того, региональный принцип исследования всей совокупности реалий, заключенных в каждом из них, отнюдь не исключает типологического подхода к изучению этих же произведений, когда речь идет о сюжетах и особенно мотивах, элементах, составляющих народную историческую прозу в целом, безотносительно к ее региональной или этнической принадлежности. В процессе же собирания материала ставятся совершенно иные задачи: здесь важен сам конкретный текст и его контекст, представленный с наибольшей полнотой и в различных ракурсах: от исторических предпосылок, в том числе и фактов, послуживших основой предания, до бытовой обстановки, на фоне которой оно живет и на фоне которой оно фиксируется.

Следовательно, своеобразный «ключ» к обнаружению преданий определяется самой природой этого жанра — его установкой на историческую действительность. Изучив всевозможные сведения об этой действительности, мы найдем рациональный путь для выявления произведений, в которых конкретные исторические факты получили свое преломление. Вот почему отправляющийся в экспедицию собиратель должен уже предварительно изучить все особенности исследуемого региона, и в первую

¹ Кругляшова В. П. К истории и методике собирания преданий. — В кн.: Фольклор Урала: Народная проза. Свердловск, 1976, с. 14—23.

² См.: Северные предания: (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978.

очередь в историческом аспекте, чтобы суметь направить беседу с исполнителями в наиболее плодотворное русло и в ходе ее лишь откорректировать постановку вопроса. Подобного рода изучение также сопряжено с большими затруднениями, поскольку в преданиях, как правило, отражены факты, связанные не столько с «большой», сколько с «малой» историей, «микроисторией», освоение которой требует специального и кропотливого поиска разрозненных и отрывочных сведений: основу преданий преимущественно составляют факты, так сказать, местного масштаба. Например, в одном из преданий³ сообщается, что Петр Первый захотел «город построить такой знаменитый посеред Онежского озера», на Мягострове. Что послужило основой данного произведения? Во-первых, здесь нашел свое выражение местный патриотизм (Мягостров находится близ родной деревни исполнителя); во-вторых, особое внимание к этому острову было вызвано обильными уловами ряпушки у его берегов⁴ (заметим, что среди промысловых рыб ряпушка находится на особом счету у местного населения); в-третьих, Петр Первый действительно мог проезжать мимо Мягострова на Онежском озере во время похода 1702 г. Но достаточно было спросить у исполнителя: какие острова находятся близ селения, как они называются, что рассказывают о каждом из них? — и упомянутое предание уже оказывается «выловленным», а если не предание, то какое-либо мифологическое произведение, поскольку с островами в Карелии связаны, как правило, древнейшие представления. Выход на указанное предание мог быть осуществлен и через образ Петра Первого. Поэтому результативна и такая постановка вопросов: бывал ли здесь Петр Первый, а не рассказывают ли у вас каких-либо «случаев» («легенд», «побасенок») про Петра? Давая столь различную, но бытующую в народной традиции эмоционально-оценочную терминологию, мы учитываем возможность неоднозначного — то самого серьезного, то, наоборот, недоверчиво-шутливого — отношения к преданиям со стороны рассказчиков. И это отношение зависит от превалирования утилитарной или эстетической функции в каждом конкретном произведении и при каждом конкретном исполнении.

Следует отметить, что обнаружение преданий облегчается благодаря предварительному знакомству с основным кругом сюжетов, которые были ранее записаны в исследуемом регионе. Уже заранее зная состав предания, мы получаем возможность соотнести постановку вопросов с реалиями и коллизией искомого произведения, что наверняка способствует выявлению предания в памяти рассказчика. Приведем пример. Так, зная, что о построении Анхимовской Покровской церкви (в Вытегорском р-не) существует предание,⁵ связанное с именем Петра Первого, мы спрашиваем, когда эта церковь была построена? Учитывая, что основана она в эпоху Петра и что сам он неоднократно (в 1693, 1694, 1702 и 1711 гг.) проезжал эту местность, мы задаем очередной вопрос: бывал ли в то время здесь Петр Первый? И, наконец, делая ставку на припоминание рассказчиком определенной фольклорной коллизии, мы спрашиваем: имел ли Петр какое-либо отношение к построению церкви? Подобными вопросами мы преследуем цель вызвать предание в памяти рассказчика. Но следует при этом оградить исполнителя от заданности сюжета и каких бы то ни было канонов. Если выясняется, что рассказчик действительно знает интересующее нас произведение, мы обычно говорим: «Расскажите нам этот „случай“ — и, стремясь обеспечить максимальную полноту предстоящего повествования, добавляем: «Мы никогда

³ Там же, № 187, с. 133; комментарий, с. 190—191.

⁴ Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1873, т. 3, с. 424.

⁵ Олонецкие губернские ведомости, 1873, № 19, с. 212—213; 1887, № 2, с. 12; 1890, № 16, с. 165; 1895, № 100, с. 6.

об этом не слыхали! Это очень важно!» В результате мы записываем один из вариантов предания «Петр Первый и Вытегорская Покровская церковь».⁶

Несомненно, что с выходом сборников, содержащих произведения народной исторической прозы, а также с составлением общепринятого указателя мотивов преданий, работа по разысканию еще не зафиксированных сюжетов или их вариантов встанет на прочную основу.

Кроме того, работа по выявлению преданий требует от собирателя самого тщательного изучения народно-поэтической традиции данного региона, взятой в целом, но прежде всего в ее фольклорно-исторических аспектах. В связи с этим нужно учитывать, что в структуру предания могут входить мотивы, принадлежащие не только данному жанру, но и другим, в первую очередь эпическим, жанрам: сказке, былине, исторической песне, быличке и т. д. Необходимо также иметь в виду, что предания — лишь одно из «звеньев» фольклорной традиции, и живучесть соседних жанров в известной степени предопределяет сохранность самих произведений народной исторической прозы. Существует устойчивая закономерность, что там, где развита (или была развита) общая эпическая традиция, там имеется почва и для активного бытования преданий. Классическим образцом подобного соответствия эпических жанров может послужить Север, и в частности исследуемый нами Беломорско-Обонежский регион.

Однако некоторая часть сюжетов отыскивается собирателем все же «вслепую». В таком случае подспорьем может послужить автобиографический рассказ исполнителя. О значении его в деле выявления очередных сюжетов чрезвычайно обстоятельно пишет В. П. Кругляшова. Подробно на этом мы останавливаться не будем, но отметим, что в процессе собирательской работы нам довольно часто встречались произведения, в которых наличествовали элементы автобиографического рассказа или семейного предания.

Более сложным, на наш взгляд, является вопрос о выборе самого исполнителя. Однако и здесь существует некая общая закономерность: знатоки преданий — прежде всего коренные жители определенного селения, преимущественно мужчины, в прошлом наиболее причастные к событиям «большой» и «малой» истории; обычно это люди пожилые, хотя здесь нередко наблюдаются исключения. Дело в том, что с потерей утилитарной и усилением эстетической функции предания круг носителей традиции утрачивает определенность очертаний. Все остальные признаки: социальное происхождение, образовательный ценз, род занятий, владение фольклорной традицией в целом, по нашим наблюдениям — крайне неустойчивы. Эти признаки не играют решающей роли в становлении сказителя, но, взятые в совокупности, они оказывают самое непосредственное воздействие на стилистику записанного текста. Вот почему вопрос о паспортизации текста и, в частности, вопрос о личности исполнителя при собирании преданий встает с особой остротой и нуждается во всестороннем освещении.

Сам процесс записи преданий мало чем отличается от процесса фиксации произведений, принадлежащих другим фольклорным жанрам. Однако некоторые частные моменты при записи преданий как менее «каноничных» и устойчивых в словесном отношении текстов (по сравнению с другими жанрами) необходимо иметь в виду и предусмотреть их в собирательской практике (речь идет, например, об устранении по возможности всяческих помех бытового характера, которые бы отвлекали исполнителя от пачатого повествования, о недопустимости «репетиций» перед записью на магнитофон, поскольку это в конечном итоге неизбежно приводит к «свертыванию» произведения и потере «живых красок»).

⁶ Северные предания, № 202, с. 141; комментарий, с. 192—193.

И. П. ВИНДГОЛЬЦ

ПРОБЛЕМА ПЕВЧЕСКОЙ ГРУППЫ

(АСПЕКТЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Под певческими группами мы подразумеваем функционирующие в рамках локальной традиции фольклорные коллективы, в которых бытуют народные песни. Проблема певческой группы в советской фольклористике практически не раскрыта, между тем певческая группа и ее окружение являются важнейшими первичными ячейками локальной традиции, которую мы рассматриваем как культурную ценность — основу сохранения и развития народной песенной культуры, «локальное единство людей, совместно осуществляющих социальную, хозяйственную и культурную жизнь, признающих определенные ценности и связи»,¹ причем для крестьянской общины характерна «обозримость социальных связей, в которых каждый человек и семья занимают строго определенное место, их права и роли строго закреплены».²

Несмотря на отсутствие теории певческой группы как таковой, в работах многих советских исследователей есть немало верных наблюдений о народных певческих коллективах, роли в них ведущих исполнителей. В качестве примера укажем на книгу В. Е. Гусева «Эстетика фольклора».³

Особенно заметно возрос интерес к певческим группам к 70-м гг. Так, в книге З. Можейко «Песенная культура белорусского Полесья» (Минск, 1971) ансамблям с. Тонеж посвящен целый раздел. Каждый ансамбль — «гурт» и все его участники являются носителями полесской песенной традиции, сохраняя при этом в репертуаре и манере пения индивидуальные черты. Можейко указывает на четкое разграничение функций в «гуртах». Интересны наблюдения о различии репертуара и стиля исполнения в разных возрастных группах, о стабильной возрастной циклизации песенного репертуара села и поэтапном освоении исполнителями всех песенных циклов с переходом из одной возрастной категории в другую.

Е. В. Гиппиус делит народные ансамбли на «замкнутые», т. е. поющие неизменным составом, и «открытые» — поющие с разными исполнителями.⁴ Он выделяет в традиции четыре типа стилей, соответствующие типам групп. Идея соответствия разных стилей разным типам групп кажется нам чрезвычайно интересной и плодотворной и требует специального изучения.

¹ König R. Grundformen der Gesellschaft; die Gemeinde. Hamburg, 1958, S. 178.

² Wittrock W. Älteste Melodientypen im Ostdeutschen Volksgesange. Marburg, 1969, S. 9—10.

³ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967.

⁴ Двадцать русских народных песен / Сост., нотировка и ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1979, с. 6—7.

Проблеме народного исполнительства в певческой группе посвящена статья А. И. Мозиаса.⁵ Чрезвычайный интерес представляет сборник Рудневой А., Щурова В., Пушкиной С. «Русские народные песни в много-микрофонной записи» (М., 1979), полностью посвященный отдельным певческим ансамблям. Методика записи и публикации материала, примененные при подготовке сборника, знаменуют новый этап в развитии музыкальной фольклористики.

В зарубежной, в частности немецкой, фольклористике наука о локальных традициях и группах имеет полувековую историю. Она прошла путь от полного отрицания роли отдельного исполнителя и группы в традиции крестьянской общины у Ю. Швитеринга и его школы⁶ к установлению существенной роли отдельного исполнителя в локальной традиции и социальной обусловленности его репертуара у Ф. Шпизера,⁷ выявлению и дифференциации фольклорных групп в соответствии с формами бытования фольклора, к конкретизации элементов внутри- и межгрупповых отношений у Г. Кнорр,⁸ Э. Клузена⁹ и особенно у Д. Штокманн.¹⁰ Штокманн делит группы на молодежные, семейные, трудовые, соседские. В крестьянской традиции решающую роль она отводит семье и молодежным группам. Каждая группа вырабатывает свой стиль, общий для ее членов. Она указывает на важность соотношения бытовой и эстетической функции групп. Группа бытовая по своей природе; певческой она становится на время, в любой момент переставая быть ею.

Поворот к изучению певческой группы как феномену, заслуживающему научного определения, осуществился в работах В. Виттрока¹¹ и Э. Клузена.¹² В. Виттрок синтезирует теорию малых групп зарубежной социологии и данные фольклористических исследований. К сожалению, интересные наброски к проблеме, изложенные во вступлении, в книге развития не получили. Концепция групповой песни Э. Клузена страдает односторонностью. «Было бы ошибкой думать, — утверждает он, — что существовал когда-либо иной носитель фольклора, чем группа».¹³ Клузен отказывается от устоявшихся понятий «народ» и «народная песня» и заменяет их на «качественно нейтральные» (wertneutrale Begriffe) — «группа» и «групповая песня». Но на этом он и останавливается. В 1971 г. Э. Клузен выступает с докладом «К деидеологизации понятия „народная песня“» на интернациональном семинаре немецкой комиссии ЮНЕСКО. «Понятие „народная песня“ слишком отягощено идеологически, — утверждает он (ist ideologisch zu belastet), — и это не допускает возможность беспристрастного (vorurteilsfreie, unbefangene) анализа».¹⁴ К чему ведет в науке использование «качественно нейтральных» и «деидеологизированных» понятий, можно убедиться на примере книги бывшего марксиста В. Карбусицкого «Идеология в песне. Песня в идеологии»,¹⁵ справедливая критика которой содержится в работе А. Фарбштейна «Музыка и эстетика».¹⁶ Концепция «групповой песни» вызвала

⁵ Мозиас А. И. Исследование народно-песенного исполнительства (на материале одного эксперимента). — В кн.: Методы изучения фольклора. Л., 1983, с. 96—103.

⁶ Schwitering J. Volkslied als Gemeinschaftslied. — In: Europhon, 1929, Bd XXX.

⁷ Spieser F. Das Leben des Volksliedes im Rahmen eines Lothringger Dorfes. Buhl—Baden, 1934.

⁸ Knorr H. Das Volkslied im Leben eines hessischen Dorfes. Diss. Marburg, 1945.

⁹ Klusen E. Das Lied im niederheinischen Dorfe. Potsdam, 1941.

¹⁰ Stockmann D. Der Volksgesang in der Altmark. Berlin, 1962.

¹¹ Wittrock W. Älteste Melodientypen im Ostdeutschen Volksgesange.

¹² Klusen E. Volkslied: Fund und Erfindung. Köln, 1969.

¹³ Ibid., S. 29.

¹⁴ Klusen E. Zur Entideologisierung des Begriffs Volkslied. — In: Heutige Probleme der Volksmusik. München, 1973, S. 47.

¹⁵ Karbusicky V. Ideologie im Lied. Lied in der Ideologie. Köln, 1973.

¹⁶ Фарбштейн А. Музыка и эстетика. Л., 1976.

отрицательный резонанс и среди немецких фольклористов. В. Виора, в частности, справедливо указал, что дело не в термине «Volkslied» — «народная песня», а в том, что песня является продуктом коллективного творчества масс. Бытование песни в больших и малых группах не мешает ей быть народной.¹⁷ Односторонность теории Ключеза закономерно отражает недостатки зарубежной социологической теории «малых групп».

Поскольку певческая группа — типичная «малая группа», остановимся на теории малых групп подробнее. В зарубежной науке теория малых групп получила широкое распространение с начала нашего столетия, а с конца 50-х гг. стала интенсивно разрабатываться в советской социологии и социальной психологии. В советской социологии понятие «группа» формулируется как «общность людей», объединенных на основании некоторого или некоторых признаков, относящихся к осуществлению ими совместной деятельности, в том числе общению.¹⁸ Группа понимается как социально-психологическое явление, диалектически связывающее цепную триаду «личность — группа — общество». Общество «запрограммированно» действует на уровне своей общественно-политической системы и основных ценностей. Группа является «не только „проводником“, корректирующим (усиливающим или ослабляющим) влияние общества, но и той „ареной“, где осуществляется „отдача“ личности обществу, где личность реализует усвоенные ею социальные идеалы. Без исследования группы нельзя раскрыть механизм „обратной связи“ между обществом и личностью».¹⁹

Для буржуазных социологов определяющими признаками группы служат психологические особенности протекания коммуникативных актов при взаимодействии ее членов. Они игнорируют влияние общества на малые группы. Американскому социологу Д. Морено современный мир представляется миллионами отдельных маленьких группок, каждая из которых вращается вокруг своего центра, находясь в полной или частичной изоляции от всех остальных групп, а также от влияния общества.

В таком же духе выдержаны определения фольклорных групп у В. Виттрока и Э. Ключеза. Э. Ключез понимает под группой «более или менее устойчивую общность людей, в которой все друг друга знают и могут вступить в непосредственный контакт между собой... общность, в которой бытуют песни: усваиваются, используются, варьируются, передаются дальше».²⁰ Количественный предел группы у него — «три-четыре дюжины». По В. Виттроку, «члены группы знают друг друга лицом к лицу, их объединяет чувство единого коллективного „мы“, групповой опыт для них первичен».²¹

Приведенные определения для нас не совсем приемлемы: в них нет главного — направленности на цель группового взаимодействия, осуществление эстетической деятельности. Имея в виду сращенность фольклора и фольклорных групп с бытом, следует, очевидно, искать первый определяющий признак группы в осуществлении ее конкретной жизненной функции: работа, семейный быт, гуляние молодежи и т. д.

Вторым обязательным признаком является эстетическая деятельность группы: «усвоение, использование, варьирование и передача песен». Третий признак — интенсивность коммуникативных актов в первую очередь внутри группы и группы с ее окружением — обязательным элементом-спутником группы, требующим собственного научного определения. Важно

¹⁷ Wiora W. Das Alter des Begriffs «Volkslied». — Die Musikforschung, 1970, XXIII, S. 420—428.

¹⁸ Петровский А. В., Шпалинский В. В. Социальная психология коллектива. М., 1978, с. 51.

¹⁹ Бугева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, с. 149.

²⁰ Klusen E. Volkslied: Fund und Erfindung, S. 28.

²¹ Wittrock W. Älteste Melodientypen im Ostdeutschen Volksgesange, S. 10.

помнить, что «не группа существует ради песни, а песня в группе»,²² люди «собираются не для пения, они поют, потому что вместе».²³ Песня — средство, а не цель. Тогда мы всегда сможем, оставаясь в пределах специфики фольклора, учитывать его связь с бытом, его «внутри-ситуативность».

Итак: певческая группа — это «социокультурная», конкретней, «социомузыкальная» группа людей, объединенных одним или несколькими конститутивными признаками, находящимися в непосредственном контакте между собой и окружением, в русле локальной традиции, осуществляющих совместную эстетическую деятельность. Мы отказываемся от термина ансамбль. Во-первых, в силу общей тенденции в фольклористике к выработке своего понятийного и исследовательского аппарата, отражающего специфику музыкально-песенного фольклора. Суть ее в данном случае заключается в том, что фольклорное исполнение гораздо шире и сложнее структурировано, чем пение профессиональных и самодеятельных ансамблей. Достаточно указать на взаимобратимость таких компонентов, как «исполнитель — слушатель», «акт исполнения — быт», «традиционность — импровизационность» и др. Социофольклористика — наука о законах функционирования фольклора и его носителей — неизбежно должна будет заимствовать часть понятийного аппарата смежных наук: социологии, социальной психологии, социолингвистики. Основной категорией этих наук является «группа», которая в фольклоре, тесно переплетенном с бытом, образует две взаимобратимые категории: бытовая (певческая или инструментальная) группа; бытовое (певческое или исполнительское) окружение. Окружение: родственники, друзья, соседи, редко участвующие в исполнении, но оказывающие существенное влияние на выработку и поддержание норм и ценности группы. Принципы и формы взаимодействия певческой группы с ее окружением мало изучены, но представляются интересными и важными.

Пока, не ставя перед собой цели создать стройную систему классификации групп, попытаемся хотя бы в общих чертах наметить подход к определению видов и типов групп. На наш взгляд, необходимы два классификационных ряда: классификация общая и на основе конститутивных признаков. Каждой группе обязательно присущ хотя бы один подвижный признак (пение и общение — стабильные признаки), «который определяет ее духовный мир, мышление и атмосферу, действующий (в силу традиции, — *И. В.*) как целенаправленная, связующая сила».²⁴ Г. Фрейденталь считает важнейшими признаками возрастной, территориальной, профессиональной, религиозной и политической, а также признаки отдыха, общения и родства.²⁵ В. Виттрок разделил группы на семейные, соседские и развлекательные. З. Можейко — на трудовые, семейные и молодежные. В с. Кирово бытуют семейные, соседские, дружеские, трудовые, религиозные группы.

Второй тип классификации больше соприкасается с аналогичной в социальной психологии. В общем плане певческие группы можно подразделить на два вида: условные вторичные и реальные первичные. Условная вторичная группа объединяет исполнителей всей локальной традиции, которые могут не иметь непосредственных контактов, но владеют в той или иной степени репертуаром и манерой пения этой традиции, что дает им возможность при случае вступить в творческий контакт. Вторичные временные группы образует слияние нескольких первичных групп в одну (семейно-праздничное пение, свадьба и пр.).

²² Klusen E. Volkslied: Fund und Erfindung, S. 30.

²³ Döinger J. Volkslied und geschichtliche Welt. Leipzig, 1937, S. 191.

²⁴ Klusen E. Volkslied: Fund und Erfindung, S. 29.

²⁵ Freudental H. Die Wissenschaftstheorie der Volkskunde. Hannover, 1965, S. 204.

Реальные первичные — это певческие группы, которые могут быть стабильными (активными и пассивными), временными, эпизодически восстанавливающими свои связи некогда стабильных групп. В фольклорной ситуации (когда исполнение народных песен или музыки становится возможным и необходимым) они становятся реальными и активными. Можно использовать предложенное Е. Гиппиусом подразделение на «замкнутые» и «открытые» группы, хотя полностью замкнутые группы в фольклоре вряд ли возможны.

В пределах локальной традиции нередко выделяются одна-две группы, владеющие большим репертуаром, ярко выраженной манерой пения. Все остальные группы и исполнители ориентируются на эти группы. Такие группы в социальной психологии называются референтными, или эталонными. Элементы эталонности может нести любая группа или исполнитель, лучше всех исполняющие песни одного жанра или даже отдельную песню. По роли групп в локальной традиции их можно разделить на следующие: а) развивающие (референтные группы), б) сохраняющие (все реальные первичные и временные вторичные группы), в) группы, способствующие угасанию традиции (пассивные — постоянные и временные).

Такая система групп характерна для традиций «коренных» и «чистых». Переселенческим традициям присуща более сложная социальная стратификация. Например, в с. Кирово сосуществуют разноэтнические, диалектные, микродиалектные группы исходных традиций, которые породили первичные группы разной степени интегрированности, разного соотношения первичных и вторичных групп разных диалектов и этносов.

Любая локальная традиция имеет сложную многоуровневую структуру. Каждый исполнитель за всю жизнь поет во многих возрастных группах, одновременно может петь в нескольких певческих группах; все эти группы образуют сложнейшую систему, которая в сумме и взаимодействии всех составляющих компонентов формирует и развивает локальную музыкально-песенную традицию.

Аспекты изучения певческой группы определяются прежде всего ее сложностью, полиэлементной структурой. Певческая группа является элементом экопомических, социальных и культурных отношений и может соответственно рассматриваться как их составная часть при исследовании этих отношений. В то же время группа сама по себе является системой со многими взаимодействующими составляющими, имеет определенный статус, играет конкретную роль в жизни локальной традиции и как система может быть изучена в движении и развитии, т. е. в историческом аспекте. Как элемент повседневного быта, часть социальной структуры она может быть объектом социологического изучения. Являясь одновременно носителем музыкально-песенного фольклора, фольклорная группа становится объектом музыкально-социологического анализа, допуская «более широкое понимание искусства (читай — фольклора), при котором предметом ее считается не только процесс функционирования художественной ценности, но и сама эта ценность, и творец этой ценности — художник».²⁶

В связи с постановкой проблемы певческой группы актуальным становится замечание Э. Алексеева о необходимости разработки «самостоятельной методики социально-психологического изучения фольклора»,²⁷ а также приведенные им слова американского социолога Алекса Инкельса о том, что «адекватный социологический анализ многих проблем оказывается невозможным либо чрезвычайно ограниченным без широ-

²⁶ Фарбитейн А. Музыка и эстетика, с. 120.

²⁷ Алексеев Э. Социология и музыкальная фольклористика. — В кн.: Социальные аспекты изучения музыкального фольклора. Алма-Ата, 1978, с. 18.

кого привлечения социологической теории и ее данных и психологических данных и ее теорий».²⁸ Это делает необходимым социально-психологический аспект изучения певческой группы, который, по аналогии с социологией, может быть и музыкальным, образуя музыкальный социально-психологический аспект.²⁹

Круг вопросов, возникающий при изучении внутригрупповых отношений, близок проблематике групп социальной психологии, как их формулируют А. Петровский и В. Шпалинский. Это «проблемы психологической совместимости в замкнутых группах, положение лидера и ведомых в группе, типов групп... количественные пределы малых групп, ценностные ориентации группы и т. д.».³⁰ Важны также социально-психологические проявления личности в группе: «...как и насколько личность соответствует социальным ожиданиям в <...> малых группах, как усваивает ценностные ориентации, каков механизм и динамика самооценки личности и т. д.».³¹

Изучение закономерностей формирования «ядра» группового репертуара, стиля группы, возникновение новых структурных элементов в результате «спевания» исполнителей в условиях формирования новых традиций из разных исходных, складывание певческой школы внутри групп и локальной традиции и т. д. — все это вводит в собственно фольклористический аспект исследования певческой группы. При этом наряду с использованием традиционных методов исследования неизбежен переход на уровень микроанализа, на уровень явлений «едва заметных в потной записи, различимых лишь в тончайших нюансах исполнения».³²

Рассмотрим некоторые практические стороны проблемы.

1. Групповые социальные ценности и нормы.

В процессе жизнедеятельности отдельные члены певческой группы усваивают социальные ценности и нормы, сформировавшиеся в локальной традиции в результате ее исторического развития. Под влиянием многих факторов (степень одаренности и психологические особенности членов группы, интенсивность внутригрупповых и внешних контактов и т. п.) общественно значимые нормы и ценности в группах трансформируются, в них возникают и закрепляются свои особые ценности и нормы. Решающую роль играют конститутивные признаки, определившие процесс складывания группы, ее характер и атмосферу в ней.

Следует еще раз подчеркнуть вторичность, зависимость социальных норм и ценностей группы от аналогичных в локальной традиции и в конечном счете от социальной структуры общества. Тем более что не только зарубежные социологи, но и фольклористы исходят из независимости групповых ценностей от общественных: «Структура и дух группы порождают собственные эстетические ценности и социальные нормы, зависящие не только от общечеловеческих, но и от норм культурных кругов и даже отдельных народов», — считает Э. Клузен.³³ Такой подход разрывает диалектическое единство частного и общего и неизбежно ведет к методологическим просчетам.

Мы различаем три уровня реализации социальных норм в певческой группе. Первый — бытовой (внемузыкальный), т. е. то, что является предметом социальной психологии. Второй уровень — коммуникативно-

²⁸ Американская социология: Проблемы, перспективы, методы. М., 1975, с. 37.

²⁹ См.: Гусев В. Е. 1) Фольклор как источник изучения социальной психологии. — В кн.: Проблемы общей психологии. М., 1965, с. 374—401; 2) Психология коллективного творчества. — В кн.: Содружество наук и тайны творчества. Л., 1968, с. 218—233.

³⁰ Петровский А. В., Шпалинский В. В. Социальная психология коллектива, с. 32.

³¹ Там же, с. 33.

³² Алексеев Э. Социология и музыкальная фольклористика, с. 18.

³³ Klusen E. Volkslied: Fund und Erfindung, S. 44.

исполнительский. Он определяет систему межличностных отношений в процессе совместной эстетической деятельности, ценностные ориентации и критерии как в отношении к произведениям фольклора, так и всем формам его исполнения и самим носителям фольклора. Коммуникативно-исполнительский уровень изучения можно отнести к предмету музыкальной эстетики и социологии. Третий уровень — музыкально-исполнительский, т. е. правила и приемы, музыкальные структуры, существующие и возникающие в процессе исполнения, что может быть предметом специального (в частности, музыкально-теоретического) анализа. Все три уровня взаимосвязаны и реализуются в едином жизненном потоке. В фольклоре, как ни в каком другом виде искусства, исполнение и восприятие (реагирование-оценка) неразделимы, протекают одновременно и слитно, по определенным канонам и в формах, свойственных данной традиции.

2. Система межличностных отношений в певческой группе.

Всестороннее изучение взаимоотношений исполнителей и группы в процессе пения — важное звено при исследовании певческой группы. Именно в системе межличностных отношений внутри группы реализуются социальные нормы, формируется репертуар, вырабатывается характер общения с окружением и другими группами. В стабильных, хорошо интегрированных группах большинство контактов осуществляется в ней, общность взглядов и интересов достигается в результате совместного приобщения, сближения, а также подбором таких членов группы, которые соответствуют ее духу либо сумеют за короткий срок освоить нормы и ценности группы. «Для родственных по духу индивидов группа — место их покоя и безопасности».³⁴ При этом всегда остается возможность исключить из группы чуждые ей элементы.

Интерес с научной точки зрения представляет распределение ролей в группе, взаимоотношения запевалы с остальными членами певческой группы. Фольклористическая литература содержит немало описаний выдающихся народных исполнителей, которые без видимых внешних проявлений, виртуозно, на уровне интуиции управляли группами. Отсутствие запевалы часто делает исполнение песен группой невозможным, либо приводит к тому, что утрачивается своеобразие, колорит звучания, хотя сохраняются все остальные компоненты коллективного пения. Нередко ведущий исполнитель является одновременно знатоком и распорядителем при проведении обрядов, например свадьбы. В социальной психологии такой лидер называется универсальным в отличие от ситуативного, берущего на себя инициативу лишь в определенных ситуациях.

3. Певческая группа — окружение.

В процессе исполнения социальное окружение, как правило, выполняет чисто бытовую функцию (разные виды домашних работ, беседы на бытовые темы, развлечение в этом же или соседнем помещении), хотя нередко возможно слушание как специальное и основное занятие. Предстоит выяснить следующее: как социальное окружение усваивает нормы и ценности группы, каким образом, не участвуя непосредственно в исполнении, реагирует на ошибки исполнителей, подсказывает слова и мелодии. Парадокс: не поют, а знают; знают, но не поют. Как справедливо заметила Э. Можейко, в роли знатоков традиции и критиков чаще выступают мужчины. Она объясняет это более подвижным образом жизни мужчин. В кировской традиции, кроме того, еще полвека назад в пении «на миру» абсолютно доминировали мужчины. У них процветали как групповой, так и ярко выраженный индивидуальный стили исполнения, в то время как женщины культивировали чаще общинный «обиходный»

³⁴ Ibid., S. 28.

стиль. Предстоит исследовать каналы коммуникации и содержание коммуникативных актов между группой и ее окружением, влияющих на выбор и порядок исполнения репертуара, стиль его исполнения певческой группой. От активности «пропаганды» достижений группы зависит и «статус» группы в локальной традиции.

4. Формирование группового репертуара.

В задачу исследователя в этом плане входит установление закономерностей формирования общего для группы репертуара, выявление соотношения индивидуального и группового, репертуара группового и репертуара традиции. Наши наблюдения показывают наличие индивидуального репертуара у каждого исполнителя. В процессе становления группы часть репертуара становится общей, образуя «ядро» группового репертуара; часть остается индивидуальной, составляя его «периферию». Аналогично соотносится репертуар групп и локальной традиции в целом. Обновление почти всегда проходит по линии личность — группа — локальная традиция. Песня, группа песен, постепенно или сразу входя в ядро репертуара, изменяют жанровый состав и стилевые черты локальной традиции.

Важным представляется исследование роли песни в формировании и существовании группы. Песня никогда не является самоцелью, но всегда оказывает существенное влияние на сплоченность группы, атмосферу в ней. При этом она может быть не только интегрирующим, но и дифференцирующим фактором. Как и почему одни исполнители растворяются в группе, утрачивая индивидуальные особенности своего репертуара, другие же, наоборот, расширяют его, обогащая репертуар группы и локальной традиции, предстоит еще выяснить.

5. Отношения группа — группа.

Важно изучение не только внутригрупповых процессов, но отношений и процессов межгрупповых. В рамках локальной традиции каждая певческая группа имеет определенный статус, играет определенную роль. Одна группа лучше поет протяжные песни, другая — романсы, третья — частушки и т. д. Песни, интегрируя группы, порождают одновременно сознание особенности группы и даже исключительности, которые приобретают нередко оттенок «элитарности», служат средством противопоставления другим группам. При этом песни и пение других групп редко оцениваются положительно. «Агрессивность» проявляется не только в виде взаимооценок, но и в форме спонтанно возникающих соревнований: кто лучше споет, кто кого забудет и т. д. Иногда группы имеют свои особые песни, которые служат «знаками», «символами» этих групп в общественном мнении. Агрессивность может способствовать как быстрому обновлению репертуара в одних группах, так и консервации его в других. С другой стороны, стилевое единство репертуара, особенно традиций «коренных», «чистых», способствует кооперации первичных групп во вторичные группы, увеличению репертуарного ядра традиции, формированию общей манеры пения и единых стилевых черт песенной традиции.

Выявление системы певческих групп традиции с. Кирово было осуществлено в процессе сплошного обследования его на фольклор. Для успешного исследования певческой группы важно избрать традицию, где более или менее активно функционируют несколько певческих групп.

Обстоятельством, затруднившим выявление системы групп, оказалось негативное либо нейтральное отношение исполнителей одной группы к репертуару, исполнителям и манере исполнения других групп. Работая в группе, мы всякий раз попадали в замкнутый круг. Причем легче выявлялись новые группы внутри родственных микродиалектных и диалектных групп, т. е. у потомков выходцев из одних сел или регионов (Украины и Поволжья). Труднее выявлялись певческие группы разных

диалектных групп. При этом члены певческих групп одной диалектной группы почти не дифференцировали отдельных исполнителей другой диалектной группы. Для одних существовали «украинцы», для других — «волжане». Первые стали референтной группой для «волжан». Песни и манера пения выходцев из Украины оцениваются «волжанами» высоко. Часть их репертуара вошла в «ядро» репертуара всей традиции.

Поэтапность в полевой исследовательской работе — важное условие при изучении певческих групп. Напомним, что З. Можейко обследовала с. Топеж в течение семи лет, и срок этот нам не кажется слишком большим (даже с учетом того, что она опиралась на материалы своей предшественницы 30-х гг. З. Эвальд).

Для проникновения в дух, атмосферу и исполнительский стиль группы необходимо включенное наблюдение с целью практического освоения репертуара группы, установления тесного контакта с членами группы, освоения, тщательного изучения индивидуальных стилей членов группы. Наряду с включенным наблюдением можно использовать невключенное наблюдение, что дает возможность изучать исполнение, наблюдая со стороны. В первом случае более заметно влияние исследователя на группу, что не очень желательно.

Для исследования природы межличностного общения в процессе исполнения крайне необходима кинозапись либо работа целой группы специально обученных статистов, как это практикуется в социальной психологии.

Важнейшим инструментом исследования является эксперимент. Для выявления соотношения индивидуального и группового стиля нами было использован ряд экспериментальных приемов, в частности создание заочных ансамблей с использованием специальных записей отдельных исполнителей или групп с последующим наложением новых голосов, многоголосные записи от одного исполнителя, запись исполнения народного исполнителя с исследователем, где последний, выполняя разные функции, мог изучать приспособляемость и подвижность народного певца. Кроме того, делались записи одних и тех же исполнителей в разных ситуациях: без окружения, с окружением, с исполнителями других групп и т. д.

В связи с неизбежным угасанием традиционного фольклорного исполнительства все большее распространение получают методы практического изучения фольклорного исполнительства на уровне попыток адекватного его воспроизведения в разного рода фольклорных ансамблях, представляющих собой вокальные либо смешанные вокально-инструментальные ансамбли нефольклорных исполнителей. Исследовательскую работу в этом направлении следует считать важнейшей задачей современной фольклористики. Именно этим ценен опыт таких разных фольклорных групп, как ансамбли под руководством Д. Покровского (Москва), И. Мацневского (Ленинград), И. Тынуриста (Таллин), В. Данилова (Тарту) и др.

В предложенной статье впервые осуществлена попытка поставить проблему певческой группы в контексте локальной традиции. Всестороннее исследование феномена певческой группы предполагает более глубокое проникновение в творческую лабораторию народа, поможет лучше понять механизм усвоения, сохранения, передачи традиционных и формирования новых социальных норм и эстетических ценностей, глубже постичь фольклор как одну из форм жизни народа. И это важно. Ибо «эстетическая деятельность вообще, а искусство в особенности не противостоят жизни, а являются самой жизнью в чистейшей, концентрированной форме».³⁵

³⁵ Muller-Freidenfels R. Psychologie der Kunst. Leipzig; Berlin, 1923, S. 1.

А. К. СОКОЛОВА

ДУНАЙСКИЙ ВАРИАНТ БЫЛИНЫ
«ЖЕНИТЬБА ХОТЕНА БЛУДОВИЧА»

Данный сюжет и вообще былина в районе Нижнего Дуная была обнаружена впервые. Запись сделали участники экспедиции Одесской консерватории (июль 1979 г.) в г. Вилково Килийского района Одесской области.

Территория Одесской области (бывшая южная часть Бессарабии) часто переходила в результате войн XVIII—XIX столетий из рук в руки и служила убежищем для беглых общин, переселявшихся из самых различных мест. Наряду с украинскими, болгарскими, молдавскими, гагаузскими селами здесь появились также и русские села, образованные переселенцами из Курской, Орловской губерний и так называемыми липованами. В большинстве случаев переселенцы жили обособленно, сохраняя однородный национальный состав.

Город Вилково расположен на островах в дельте Дуная. По преданию, на месте современного Вилкова в 1746 г. было основано поселение Липованское. (Населенный пункт с таким названием впервые нанесен на русские географические карты в 1775 г). Его основали бежавшие от религиозного преследования русские раскольники-липоване.¹ В 40-х, а затем в 70—80 гг. XVIII столетия сюда переселяются с Кубани казаки-некрасовцы.² А после разрушения Запорожской Сечи (1775) — запорожские казаки. К 1805 г. Вилково было одним из крупных запорожских поселений. В связи с русско-турецкой войной 1787—1791 гг., видимо, большая часть некрасовцев покинула низовья Дуная, а оставшиеся ассимилировались с липованами.³ Интересно, что только в Вилково в отличие от многих других поселений липоване называют себя казаками. В то же время казак-некрасовец Тумин Л. В., живущий ныне в хуторе Ново-некрасовка Краснодарского края, многие годы работавший с Ф. Тумилевичем, категорически отрицает принадлежность липован к казачеству, подкрепляя это тем, что не было единства между некрасовцами и липованами, жившими в Турции по соседству: «... старики-некрасовцы их дразнили дупаками, называли их хохлы-музданы. Всю время их старики ругали, потому как хвостом за некрасовцами ездили».⁴ По нашим наблюдениям, значительно отличается у липован и некрасовцев говор, песенный репертуар, свадебная обрядность, женский костюм. Липоване Вилкова считают себя казаками, но о Некрасове ничего не знают, некоторые лишь утверждают, что они кубанские на том основании, что так часто говорили их отцы.

¹ История городов и сел Украинской ССР: Одесская обл. Киев, 1978.

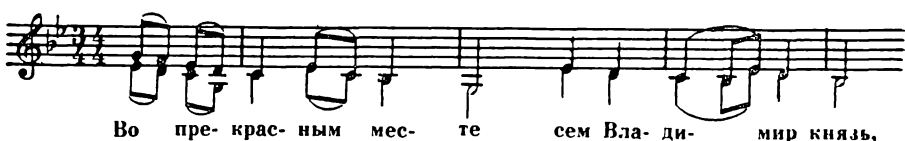
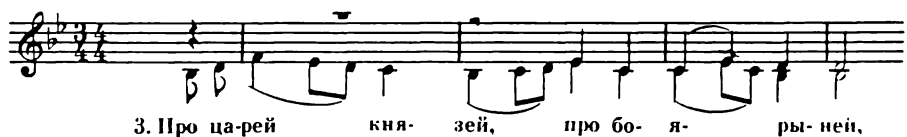
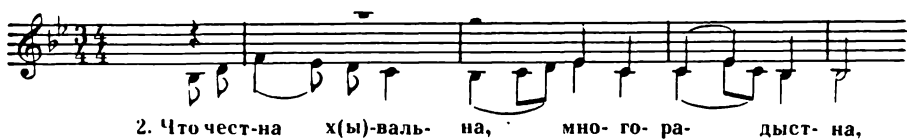
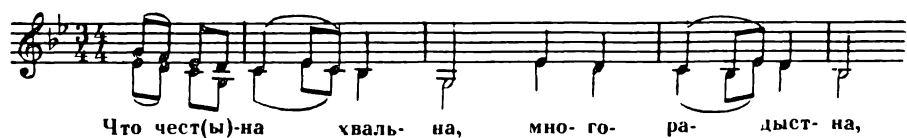
² Бачинский А. Д. Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии. — В кн.: Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1971.

³ Ф. В. Тумилевич отмечает, что в 80-х—начале 90-х гг. некрасовцы частично переселились на Энос (Эгейское море) и в Малую Азию на озеро Майнос. См.: Тумилевич Ф. В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1947, с. 4.

⁴ Соколова А. К. Материалы экспедиции в Краснодарский край: Полевые записи (Лаборатория фольклора Одесской консерватории). Одесса, 1981.

В настоящее время Вилково территориально четко разделен на две части — русскую и украинскую. Русские-липоване живут до сих пор очень обособленно (буквально до последнего десятилетия смешанные браки с украинцами не допускались), сохраняя свои обычаи, нравы, язык, религиозные убеждения, фольклор.

Былина «Женитьба Хотена Блудовича» была записана на русской половине Вилково от липован. В июле 1979 г. ее спели Унгарова Клавдия Еремеевна (1926 г. рожд.) и Скупова Ефросинья (1935 г. рожд.). Унгарова запедала и вела нижний основной голос. Скупова пела менее уверенно, вторила в унисон и лишь иногда переходила на верхний голос (потный пример 1).⁵



⁵ Записали Т. С. Рудиченко, А. К. Соколова. Экспедиция Одесской консерватории, июль 1979 г. Шифр фонограммы ОГК 79—1. Расшифровала А. К. Соколова.

Собирались беседушка почётная,
 Что честна хвальна, многорадысна, (2)
 Про царей-князей, про боярыней, (2)
 Что про сильных могучих, про богатырей. (2)
 Во прекрасным месте сам Владимир-князь, (2)
 А по левый рукою — Дюк Степанович,
 А под левый рукою — Дюк Степанович,
 А по правой рукою — Илья Муромец, (2)
 А во край стола сидять две жапы. (2)
 Ане жёны были не жанастац,
 Ане жёны да были не жанастац,
 Ане да вдовы да были богатырскац,
 Ане вдовы были богатырскац.
 Наливала Евдотья зеленова вина, (2)
 Подносила Марише Чисавой жане: (2)
 — Ой вы выпейте да пожалуйте, (2)
 Я давно сижу и на вас гляжу, (2)
 И не смею вам слова молвити, (2)
 Слова молвити, речь говорити.

Чтобы отыскать возможные варианты данной былины, автором была предпринята еще одна поездка в Вилково. На сей раз (июль 1982 г.) удалось сделать запись от матери Унгаровой — Карасевой Екатерины Фроловны (1899 г. рожд.), которая в свое время слыла известной «песельницей», и ее дочери — Воробьевой Аксины Еремеевны (1925 г. рожд.). Мать запедала и вела верхний подголосок, а Воробьева пела нижний голос, который в точности совпал с записью 1979 г.⁶ (пример 2).

1. Со-би-ра- лись бе- се- душ- ка по- чет- ны- я,
 Что чест- на хваль- на, мно- го- ра- дыст- на,

2. Чточест-на, (я)х(ы)-валь- на, мно- го- ра- дыст- на,
 Про ца- рей кня- зей, про бо- я- ры- ней,

Повторная запись показала, что продолжения сюжета исполнители не знают. Карасева сказала, что на ее памяти иначе эту песню никто не пел. Раньше ее знали все и часто пели в компании хором. При хором исполнении основная масса пела нижний голос и только одна исполнительница выводила верхний подголосок. Такое распределение голосов типично для многоголосия песенной традиции липовац.

⁶ Записала А. К. Соколова. Экспедиция Одесской консерватории, июль 1982 г. Шифр фонограммы ОГК 82-К2. Расшифровала А. К. Соколова.

В отличие от известных публикаций северных вариантов былины «Женитьба Хотена Блудовича»⁷ наш вариант имеет неполный текст и цепную двухстрочную форму поэтической строфы, что объясняется традицией хорового исполнения. В тоническом стихе, который принято считать бесцезурным, явно выделяется пятисложная группа: 5+5, 7+5, 6+5.⁸ Причем цезуры в тексте совпадают с музыкальными цезурами.⁹ Таким образом, былинная строка разделена цезурой на две части. Среди 101 примера из сборника «Былины» аналогичные цезуры есть лишь в трех (№ 14, 70, 76). В сочетании с пятисложником появляется универсальная слогоритмическая формула — $\text{♪ } \text{♪ } \text{♪ } \text{♪ } \text{♪}$, равноприемимая как в первой, так и во второй половинах тонического стиха. Несколько раз повторяясь в каждой строфе, она приобретает значение основной метроритмической структуры. Такого рода повторность типична для обрядовых жанров и крайне редко встречается в былинах (в указанном сборнике «Былины» — только № 76).

Напев былины лирико-эпического характера. В строении мелодических фраз преобладает нисходящее движение, что типично для декламационного стиля северной традиции. Тип мелодического развертывания (особенно первая и заключительная фразы нашего варианта), а также некоторые ладовые особенности, такие как опора на верхней квинте и кварте, мажорное наклонение, довольно близки мезенскому и еще в большей степени печорскому вариантам. Это невольно наводит на мысль о возможном некогда распространении данной былины из одного центра.

Прояснить вопрос о происхождении дунайского варианта былины «Женитьба Хотена Блудовича» могут новые записи данного сюжета в среде потомков казачества, и в частности казаков-некрасовцев. По наблюдениям Ф. Тумилевича некрасовская былина — это хоровая лирическая песня, имеющая 11, 15, 25, максимум 30 стихов.¹⁰ Такая характеристика вполне соответствует и записанной нами былине.

⁷ С напевами опубликовано всего лишь пять вариантов этой былины: Былины / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981, № 8, 49, 63; Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971 («Жило-было на почестном на пиру»).

⁸ Формообразующая роль пятисложника в былинах обнаруживается на уровне соотношения текста и напева. И это, на наш взгляд, заслуживает отдельного внимания.

⁹ Во всех строках, за исключением первой.

¹⁰ Тумилевич Ф. В. Песни казаков-некрасовцев, с. 18.

С. И. КРАШНОШТАНОВ

ТЕКСТ ДОЛЖЕН ПРИНАДЛЕЖАТЬ АВТОРУ

(СУДЬБА ОДНОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ)

Песня «По долинам и по взгорьям» долгое время бытовала как безымянная, хотя известно, что написал ее П. С. Парфенов в 1920 г. во Владивостоке. В 1921—1922 гг. она становится популярной в Приморском крае, а в 1923—1924 гг. ее можно было уже услышать во многих городах страны.

Текст песни подвергался изменениям, следы которых обнаруживаются в массовых песенниках 30-х гг., а фольклористы до сих пор записывают во время экспедиций народные редакции «По долинам, по загорьям».

Композитор А. В. Александров записал эту песню в 1929 г. в красноармейских лагерях под Киевом. В том же году Ансамбль красноармейской песни под его руководством совершил поездку в Забайкалье и на Дальний Восток, где выступал с концертной программой — ораторией С. Я. Алымова «Особая Дальневосточная в песнях». В ораторию была включена и песня «По долинам». С этого времени она прочно вошла в репертуар ансамбля.

Московское музыкальное издательство в 1933 г. выпускает отдельный листок с песней «Партизанская». Автором песни назван С. Алымов. Так впервые в печати появилось имя С. Алымова рядом с этой песней. Судя по словам С. Алымова, издание осуществлялось без его участия. «Я отсутствовал в Москве до конца 1932 г., — говорил он на заседании комиссии Союза писателей. — Когда приехал в Москву и пришел в ПУР и ЦДКА, они мне сказали, что дали текст в Музгиз за подписью С. Алымова». К сожалению, он не отказался от песни и тогда, когда стал известен ее автор.

Публикация Музгиза 1933 г., приписывающая авторство С. Алымову, определила многие издания песни вплоть до наших дней.

Только в июле 1934 г. П. С. Парфенов случайно узнает, что его песня публикуется под другой фамилией. В ноябре этого же года в журнале «Красноармеец и краснофлотец» появляется его статья «Как создавалась песня „По долинам, по загорьям“» с приложением текста песни. По просьбе П. С. Парфенова комиссия СП СССР начала рассматривать дело об авторстве «Партизанской», которое не было завершено. В нескольких массовых сборниках 1935 г. появляется имя П. С. Парфенова и текст его песни. Примечательно, что с парфеновским текстом в Москве в 1935 г. вышел сборник «Песни» под редакцией Н. Н. Асеева и Ю. М. Соколова и одноименный сборник под редакцией Ю. Лукина. В 1936 г. дан парфеновский текст и названо имя автора в сборниках «Песни к Первомайским дням» (Архангельск) и «Песни к 1 Мая» (Калинин), целиком повторяет парфеновский текст без упоминания имени автора сборник «Песни» (Ташкент). В этом же году в Киеве на украинском языке вышла большая книга «Украинская народная песня»

(Сост. Андрей Хвиля). В сборнике есть и «Песня приамурских партизан» в переводе М. Скубы. Автор не назван, но характерно, что переведен текст П. С. Парфенова с сохранением второго куплета «Чтобы выгнать интервентов...». Этот перевод переиздавался и в других украинских песенниках. Позднее утвердился перевод Г. Плоткина.

Сборники после 1936 г. повторяют текст первого музгизовского издания, а авторство на многие годы закрепляется за С. Алымовым. В таком виде песня издавалась почти во всех массовых сборниках 40—50-х гг. вплоть до 1962 г. Были и исключения. В 1938 г. В. М. Сидельников помещает в книге «Красноармейский фольклор» парфеновский текст как безымянный, в 1948 г. в Казани издан «Сборник песен к 30-летию комсомола», в котором хотя автором «Партизанской песни» назван С. Алымов, текст дается целиком парфеновский.

В 1957 г. по решению Союза писателей СССР выходит книга «Песни нашей родины» (Редкол. Л. Опанип, М. Светлов, А. Новиков, Р. Корепев, А. Фатьянов; Сост. М. Лисянский, Я. Шведов), в которой печатается текст П. С. Парфенова и названо имя автора. Этот текст перепечатывается в песенных сборниках. Таким образом, уже до 1962 г., когда Московский городской суд вынес официальное решение: признать автором песни «По долинам, по загорьям» Петра Семеновича Парфенова и не считать правомерными изменения в тексте, произведенные С. Алымовым, — выходили песенники с авторским текстом.

Как же обстоит дело с песней П. С. Парфенова в наши дни? Сам П. С. Парфенов не признавал вмешательства С. Алымова в текст своей песни. Об этом он заявил на заседании комиссии СП СССР в 1935 г., а в «Авторской справке», хранящейся в архиве Московского городского суда, писал, что С. Алымов опубликовал в Музгизе его песню «с некоторыми изменениями в худшую сторону».

К сожалению, и после 1962 г. появляются сборники, где по-прежнему С. Алымов называется автором песни. Упомянем хотя бы «Песни трех поколений» (Воронеж, 1964), «Лирические песни (Волго-Вятское книжное изд-во, 1967), наконец, «Календарь школьника на 1969 г.» тиражом в три миллиона экземпляров (лист за 20 ноября).

Но в 60—70-е гг. стали чаще появляться сборники с сохранением имени и текста автора. С 1963 г. Военное издательство в своих песенниках систематически печатает «По долинам, по загорьям» с указанием авторства П. С. Парфенова. В 1970 г. Апрелевским заводом выпущен комплект пластинок «Песни революции и гражданской войны». «По долинам, по загорьям» записана в исполнении Краснознаменного ансамбля песни имени А. В. Александрова. В одном из серьезных изданий последних лет «Русские советские песни. 1917—1977 гг.» (Сост. Н. Крюков, Я. Шведов) публикуется авторский текст за подписью П. С. Парфенова.

Иногда автором песни называется П. С. Парфенов, а текст печатается с алымовской правкой, например в сборниках «Мы твой, революция» (Москва, 1968), «Красные зори» (Киев, 1968).

В последние годы все чаще наблюдаются случаи, когда в песенниках стоит: «Слова П. Парфенова (в ред. С. Алымова)». Из многих сборников хотелось бы назвать «Этих лет не смолкнет слава. Народные песни Советской Армии и Военно-Морского Флота» (М.: Музыка, 1974) уже потому, что книга вышла под авторитетнейшей редакцией: музыкальный редактор-консультант Е. В. Гиппиус, литературный редактор-консультант Е. А. Долматовский. Тот же составитель А. А. Тищенко подготовил хрестоматийное издание к 60-летию Октября «Этапы большого пути. Песни для хора, в сопровождении фортепьяно, баяна». (М.: Сов. композитор, 1977), где сохраняется та же формула: «Слова П. Парфенова (в ред. С. Алымова)».

Назалось бы, мы знаем волю П. С. Парфенова, который возражал против изменений текста, кроме того, есть решение суда, подтвердившее авторское право. Но песня продолжает публиковаться с алымовской правкой.

Книговед С. А. Рейсер в своем труде «Основы текстологии» относительно песни «По долинам, по загорьям» замечает, что с решением суда, по которому изменения в текст могут вноситься только наследниками, текстолог никогда не согласится. Текст художественного произведения суд принципиально приравнивает к имуществу. Но, добавим мы, ни один текстолог не будет выступать и против авторского текста.

И тем не менее даже текстология не оправдывает упоминания С. Алымова как автора литературной обработки. По тексту, представленному им в секретариат Союза писателей в 1934 г., видно, что некоторые исправления не прижились в песне. Вместо «белой армии оплот» предлагалось «белой гвардии оплот». Неудачным оказалось выражение «Партизанские отавы поднимали города». «Отавы» понадобились С. Алымову явно для рифмы. По справедливому замечанию М. В. Исаковского, этот «изыск» не был воспринят народом. С. А. Рейсер ошибочно приписывает П. С. Парфенову эту алымовскую правку.

Какие изменения принадлежат С. Алымову в публикуемом тексте песни? В первой строке «По долинам, по загорьям» второе слово он заменил близким по смыслу «по взгорьям», в последнем куплете «всех господ» заменил на «воевод». И наконец фразы

Становились под знамена,
Создавали ратный стан...

стала звучать:

Наливались знамена
Кумачом последних ран...

Эту алымовскую правку в печати неоднократно оценивали как неудачную. А. Сурков в статье «Песенник на середину» (Знамя, 1934, № 8) писал, что массовый исполнитель устраняет усложненную метафору и поет по-своему:

Наливались знамена
Кумачом последний раз...

О том же говорил М. В. Исаковский в докладе «Песня в дни Отечественной войны» на творческом совещании писателей в сентябре 1944 г.: «Кумач последних ран — не совсем вразумительный образ...». Действительно, во многих изданиях 30-х гг., в том числе в известном сборнике М. С. Друскина «50 русских революционных песен» (Л., 1938), мы встречаем фразу: «Кумачом последний раз», а в примечании составитель замечает, что стихотворный текст С. Алымова он заменил народной редакцией.

Таким образом, за С. Алымовым остаются два слова, близкие по смыслу к авторским, и метафорический оборот, не всеми признаваемый. Можно ли это принять за литературную обработку песни? Думается, что здесь уместнее говорить о незначительной правке. И если упоминать имя С. Алымова, то не в массовых сборниках, а в специальных филологических исследованиях, посвященных истории песни «По долинам, по загорьям».

Ю. Г. КРУГЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ
И ПРОБЛЕМАХ ПРОВЕДЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРАКТИКИ
В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ¹

Введение в 1977 г. Министерством просвещения СССР в учебный план филологических факультетов педагогических институтов фольклорной практики обусловлено необходимостью дальнейшего улучшения подготовки учителей русского языка и литературы. Студенты на практике не только углубляют и расширяют знания по русскому устному народному творчеству, но и знакомятся с народным бытом. Большую роль играет практика в патриотическом и интернациональном воспитании студентов, а также в их подготовке к воспитательной работе в сельской школе. Огромны ее возможности в деле совершенствования знания русского языка будущими учителями, особенно при проведении в условиях национальной республики. Практика может стать началом научной работы студентов и преподавателей.

Министерством просвещения СССР в связи с введением нового вида учебной работы издано два документа, определивших главные задачи, порядок подготовки и проведения практики, осветивших основные моменты методики собирания фольклорных произведений и технику их записи, сформулировавших основные требования к записям фольклора и их оформлению, давших в руки студентов примерный вопросник по собиранию произведений устного народного творчества.² На основе этих документов создано учебное пособие.³ Как показывают отчеты институтов, все это сыграло свою положительную роль на начальном этапе становления практики, хотя, очевидно, в будущем их предстоит существенно усовершенствовать или заменить другими.

Указанная учебно-методическая литература создана на основе плодотворных традиций в области собирания произведений устного народного творчества, сформированных русской дореволюционной и советской фольклористикой.⁴ Имеется уже и интересный опыт собирания фольклора сту-

¹ Статья написана на основании отчетов пединститутов о проведении фольклорной практики в 1977 и 1978 гг., присланных в Министерство просвещения СССР в мае 1979 г.

² Методические указания к проведению фольклорной практики на филологических факультетах педагогических институтов. М., 1977; Фольклорная практика. М., 1978; М., 1979.

³ *Круглов Ю. Г.* Фольклорная практика. М., 1979.

⁴ *Бродский Н. Л., Гусев Н. А., Сидоров Н. П.* Русская устная словесность: Темы. Библиография. Программы для собирания произведений устной поэзии. Л., 1924; *Азадовский М. К.* Беседы собирателя. Иркутск, 1924; 2-е изд.: Иркутск, 1925; *Виноградов Г. С.* Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. Иркутск, 1925; *Ончуков Н. Е.* Что и как записывать по народному творчеству. — Краеведение, 1925, № 3—4; *Соколовы Б. и Ю.* Поэзия деревни: Руководство для собирания произведений устной словесности. М., 1926; *Крупянская В. Ю., Сидельников В. М.* Спутник

дентами в некоторых университетах и педагогических институтах. Хотелось бы прежде всего указать на опыт Московского и Воронежского университетов, Московского областного, Вологодского, Иркутского, Новосибирского, Омского и Пермского педагогических институтов. В последние годы появились работы, обобщающие опыт сбора фольклора студентами. Большая заслуга в этом принадлежит А. М. Новиковой, под ее редакцией изданы два сборника трудов, в которых опубликованы научно-методические статьи о фольклорной практике.⁵ Правда, приходится признать, что работ, обобщающих опыт проведения фольклорной практики, в современной фольклористике пока еще недостаточно.

В 1977/78 г. подавляющее число педагогических вузов страны провело первую фольклорную практику. Результаты показали, что заданная направленность ее работы вполне реальная. Руководители, основываясь даже на небольшом опыте, увидели в практике большую пользу для учебного процесса, сумели рассмотреть в ней огромные воспитательные возможности. Основная ценность фольклорной практики, по мнению преподавателей Белгородского педагогического института, заключается в том, что «студенты после теоретического курса фольклора увидели его в живом бытовании <...> Песни и частушки, многие из которых воспринимались ими теоретически, прозвучали с могучей, покоряющей обаятельностью». Руководители практики Тираспольского педагогического института пишут: «Студенты приобрели важные для них, как для будущих учителей, навыки общения с людьми, умение расположить к себе, научились собирать фольклор, познакомились и с элементами этнографии (присутствовали на свадьбе, похоронах и т. д.)».

Фольклорную практику рассматривают и как средство, способствующее улучшению научной работы преподавателей и студентов. «При надлежащей подготовке студентов к практике, при должной ее организации и хорошей работе научного фольклорного кружка можно добиться не только хороших учебных и воспитательных результатов, но и научных», — считает кафедра литературы Астраханского педагогического института. Введение в учебный процесс фольклорной практики способствовало тому, что в Шадринском педагогическом институте началось систематическое соби́рание устного народного творчества Курганской области. Планом кафедры предусмотрено сплошное обследование населенных пунктов по берегам р. Исеть. Это вызвано как научными интересами преподавателей, так и тем, что в настоящее время «сносятся целые деревни, возникают объединенные крупные совхозы, и задача фольклорной практики — собрать, сохранить в памяти обычаи, традиции и фольклор исчезающих деревень».

Практика позволила кафедре литературы Архангельского педагогического института возобновить экспедиционную работу по соби́ранию фольклора в бассейне Северной Двины.

фольклориста. М., 1939; *Бачинская Н.* Памятка собирателя народных песен. М., 1953; *Астахова А. М., Богданова М., Добровольский Б. М., Колпакова Н. П.* Инструкция по соби́ранию произведений устно-поэтического творчества. Горький, 1960; *Кулаковский Л. В.* Как собирать и записывать народные песни. М., 1962; *Чистов К. В.* Современное народное творчество, его соби́рание и изучение. М., 1963; Программа для комплексных фольклорных экспедиций / Отв. ред. В. Е. Гусев. М., 1971; *Балашов Д. М.* Как собирать фольклор. М., 1971; *Савушкина Н. И.* О соби́рании фольклора. М., 1974.

⁵ См.: Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, М., 1964, т. 143. (Тр. каф. рус. лит.; Вып. 9) (статьи Р. А. Богомольной, Я. И. Гудошниковой, С. Г. Лазутина и др.); Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1975, вып. 1 (статьи М. А. Вавиловой, Т. Г. Леоновой, Е. И. Шастинной). См. также о фольклорной практике Московского университета и Ростовского-на-Дону педагогического института: *Селиванов Ф. М.* О проведении фольклорной практики на филологическом факультете МГУ. — Вестн. Моск. гос. ун-та, 1974, № 3; *Тумилевич Т. И.* Из опыта проведения фольклорной студенческой практики в вузе. — В кн.: Преподавание художественной литературы в вузе. Ростов н/Д, 1973.

Одну из конечных целей практики многие видят в подготовке и издании собранного материала. Например, Марийский педагогический институт «поставил задачу собрать русский фольклор Марийской АССР и издать сборник текстов русского фольклора края. Осуществление этой работы планируется в течение 10 лет».

Преподаватели в своих отчетах отметили, что студенты с большим энтузиазмом и интересом встретили новый вид учебно-научной работы. В Омском и Новокузнецком педагогических институтах были даже созданы фольклорные студенческие ансамбли.

Итоги первых выездов на фольклорную практику позволяют говорить как об интересном опыте, так и о некоторых проблемах ее проведения.

* * *

Опыт первых практик со всей очевидностью подчеркнул важнейшую роль *руководителей* в организации успешной работы.

В педагогических институтах страны работает большой отряд фольклористов, активно и плодотворно занимающихся собирательской деятельностью. Это М. А. Вавилова (Вологда), В. А. Василенко (Кокчетав), Н. А. Вердеревская (Елабуга), Я. И. Гудошников (Воронеж), И. В. Зырянов (Пермь), И. Е. Карпухин (Стерлитамак), Я. Р. Кошелев (Смоленск), Т. Г. Леонова (Омск), Л. В. Федорова (Архангельск), Е. И. Шастина (Иркутск) и др. Однако для большинства институтов проблема руководителя практики еще долго будет оставаться нерешенной. Именно это, по-видимому, явилось причиной того, что в 1977/78 г. практика состоялась не во всех педагогических институтах.

Имелись и серьезные факты нарушения порядка проведения и содержания практики. В Душанбинском педагогическом институте решением Совета факультета фольклорную практику заменили страноведческой, в Кулябском — написанием реферативных работ по устному народному творчеству.

К сожалению, из-за небольшого количества часов, отводившихся на изучение фольклора учебным планом до введения практики, во многих педагогических вузах курс «Русское устное народное творчество» преподавали не фольклористы. Теперь, когда нагрузка по фольклору увеличилась в несколько раз (с учетом часов на факультатив, спецкурс или спецсеминар она превышает 200 ч), перед кафедрами встала насущная задача передачи курса фольклора в руки специалиста. До тех же пор, пока эта задача не будет решена, успеха в проведении практики, да и в преподавании устного народного творчества ожидать трудно. Дилетанты-руководители только дискредитируют новое интересное начинание. Так, в одном из отчетов о проведенной практике песня «В последний час разлуки» отнесена к обрядовой поэзии. Из другого отчета также становится ясной полная некомпетентность руководителя практики: в нем сообщается, что студенты «писали и сами легенды, сказки после посещения мест, о которых слышали те или иные предания; так, после посещения Гремучего колодца студентам было дано задание написать легенду, сказание, сказку об этом колодце».

Проблема руководителя практики очень сложная. К ее решению необходимо подходить с позиций пересмотра вообще отношения к курсу фольклора на факультетах. Только при понимании всей его важности в учебно-воспитательном процессе можно надеяться на сравнительно быстрое появление в педагогических институтах хороших специалистов-фольклористов.

Введение практики в учебный процесс поставило перед кафедрами еще одну «кадровую» проблему. Проведение практики потребовало выделения из состава преподавателей не одного, а двух или даже трех ру-

ководителей студенческих групп, едущих на практику. Однако эта проблема, как показал опыт, решается несложно. В некоторых институтах руководство практикой осуществлял один преподаватель, который в течение месяца руководил двумя сменявшимися группами. В других институтах (например, в Целиноградском) одна группа студентов поехала на практику в зимние каникулы, другая летом. В тех же институтах, где сильны традиции проведения фольклорных экспедиций, в качестве руководителей групп практики назначались наиболее опытные старшекурсники. К руководству отдельных групп практики, например, в Омском педагогическом институте, были привлечены и учителя — бывшие активные участники экспедиций.

Итоги практики показали также, как важно правильно определить место ее проведения. В большинстве случаев практика проходила в сельской местности. Однако в некоторых институтах часть студентов для прохождения практики была оставлена в городе. Так, группа студентов Костромского педагогического института трудилась в архиве Ипатьевского монастыря, разрабатывая и систематизируя фольклорное собрание Костромского научного общества по изучению местного края. Двенадцать студентов Астраханского педагогического института работали в областном архиве, выявляя в нем фольклорно-этнографические материалы, а также занимались описанием фольклорных публикаций (и составлением библиографической картотеки) в местной дореволюционной и советской печати. Несколько студентов Кокчетавского педагогического института проходили практику в городе, собирая фольклор среди рабочих Кокчетавского маслозавода.

Со всей определенностью можно сказать, что прохождение практики частью студентов в городе вызывает одобрение. И разработка местных фольклорных архивов, и выявление фольклорно-этнографических материалов в местной прессе, и особенно запись фольклора от горожан — насущные проблемы науки. Достаточно сказать, например, что описание фольклорных архивов и выявление опубликованных записей произведений народного творчества в местной прессе — важный этап в работе по подготовке региональных фольклорных собраний, на основе которых с полным учетом имеющегося материала могут быть в дальнейшем изданы более полные, чем вышедшие в свет в 40—50-е гг., областные фольклорные сборники. Кроме того, такая работа окажет ощутимую помощь составителям Свода русского фольклора.

Однако выявление новых объектов практики налагает на ее руководителей еще большую ответственность. С одной стороны, практиканты должны быть подготовлены к работе в архивах, с другой — тем практикантам, которые будут собирать фольклор в городских условиях, необходимы и несколько иная методика работы, и другие вопросники.⁶ В фольклористике по всем этим проблемам решений пока нет.

Имеется еще одна тенденция в определении места проведения практики, которую также нельзя не поддержать. Некоторые институты провели первые практики в селах и деревнях, так или иначе связанных с жизнью русских писателей. Например, практика студентов Смоленского педагогического института состоялась на родине А. Т. Твардовского (в Починковском р-не Смоленской обл.), Тульского — в Ясной Поляне; студенты Николаевского педагогического института побывали в местах,

⁶ Очевидно, первые два—три года на практике в городе собрание фольклора целесообразнее сосредоточить в детской аудитории (в детских садах, школах, пионерских лагерях) и в студенческой среде (в техникумах, институтах, стройотрядах). Таким образом будет решена очень важная для города проблема контактов собирателей с исполнителями. Затем, когда навыки работы окрепнут, а практика станет фактом культурной жизни города, можно переходить к обследованию и других социально-возрастных групп населения.

по которым в 1891 г. прошел А. М. Горький; студенты Елецкого педагогического института записывали фольклор в местах, где жил М. М. Пришвин. Цель таких практик и в учебном, и в научном плане вполне оправдана, но их проведение требует от руководителей определенного видоизменения подготовки студентов, а именно — уделения очень большого внимания уже на первом курсе изучению жизни и творчества того или иного писателя.

Вместе с тем в определении места работы практики наметились и отрицательные тенденции. В некоторых институтах, помимо выезда групп студентов на практику, установилась и форма индивидуального ее прохождения: студенты выезжают в родные села и в них во время каникул записывают фольклор. Таким образом провела практику, например, часть студентов Курского и Костромского педагогических институтов. Думается, индивидуальная запись студентами произведений устного народного творчества может быть успешной только после приобретения основных навыков работы фольклориста-собираателя, поэтому научная ценность записей, сделанных в одиночку студентами-первокурсниками, самая минимальная (они могут служить лишь средством установления репертуара данного села, деревни, округа), да и учебно-воспитательные задачи практики остаются при этом нерешенными.

Однако сама идея проведения практики в родных местах студентов очень интересна. Но собирание фольклора и в этом случае должно осуществляться под руководством опытного собирателя. Например, в Архангельском педагогическом институте кроме двух групп практикантов, поехавших в Виноградовский и Верхнетоемский районы, составила и третья группа — из уроженцев Лещуковского района, которая под руководством Л. В. Федоровой поехала собирать фольклор в этот район.

Существенным недостатком в определении места проведения практики является стремление некоторых руководителей выработать чрезвычайно большие маршруты. Неподготовленность студентов к активной записи фольклора, краткие сроки практики не позволяют обследовать широкий круг населенных пунктов. И это понимают опытные собиратели. 3—5 деревень для одной группы студентов — вполне достаточный объект для напряженной и плодотворной деятельности. «Скакание» же из одной деревни в другую чаще всего снижает результативность практики в целом. Например, в Череповецком педагогическом институте была проделана большая работа по подготовке практики, однако предложенный маршрут (обследовано 40 населенных пунктов силами двух групп из 36 человек) снизил ее эффективность: кроме 2 тыс. частушек записали 12 сказок, 155 песен, 17 притчей, 18 пословиц и поговорок, 27 загадок, 23 считалки, 3 предания и 7 гаданий. 10 студентов Мичуринского педагогического института в 1977 г. за 10 дней обследовали 25 населенных пунктов и записали около 200 песен. То же произошло и в 1978 г.

С проблемой определения места проведения практики тесно переплетаются вопросы *координации* собирательской работы между различными организациями, занимающимися записью произведений народного творчества. Как правило, в каждом республиканском, краевом или областном центре собиранием фольклора могут заниматься и педагогические институты, и университеты, и консерватория, и Дом народного творчества, и Общество охраны памятников истории и культуры. Некоторые руководители практики сразу же сумели скоординировать свою работу с другими организациями, оценив преимущества совместной деятельности. Такую работу успешно провели, например, в Ровенском и Ставропольском педагогических институтах. Кафедра литературы Астраханского педагогического института согласовала место проведения будущей практики с Астраханской консерваторией и Домом народного творчества «с целью проведения комплексного обследования фольклорной традиции

Камызякского района студентами-филологами, музыковедами и этнографами».

Но большинством вузов проблема координации еще не решена. Так, в Челябинской области есть два педагогических института, университет, Институт культуры, Дом народного творчества, но согласованности в собирательской деятельности между этими организациями пока нет.

Очевидно, координация собирательской работы необходима не только в масштабах области, но и республики, всей страны. И так как сбором устного народного творчества занимаются учреждения, подчиненные разным министерствам и ведомствам, а одним из основных итогов практики являются материалы, имеющие научную ценность, то большую роль в этом сложном, но необходимом деле в масштабах страны могли бы сыграть Научный совет по фольклору АН СССР и ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР.

* * *

Имеющийся опыт позволяет в настоящее время более определенно говорить и о других организационно-методических достоинствах и просчетах работы практики. Так, подтвердилась необходимость выделения в ее проведении *трех* этапов: подготовительного, «полевого» и заключительного. Весомых результатов добились те коллективы, которые не только организовали практику в полевых условиях, но и заблаговременно подготовились к ней, а также успешно осуществили заключительные мероприятия. Как показали итоги практики, особое значение имеет подготовительный этап. «Тот небольшой опыт, который мы получили при проведении практики, — пишет, например, Я. Р. Кошелев, — указывает на необходимость более тщательной предварительной подготовки к полевой работе, проведения в течение всего года „стажерской практики“, организации встреч со сказителями, глубокого изучения исторических и этнографических источников, связанных с местом предполагаемой учебной практики».

Во многих вузах уже на лекциях и практических занятиях наряду с общерусским широко использовался местный фольклорный и этнографический материал. В Талды-Курганском педагогическом институте при чтении лекций активно использовался фольклор семиреченских казаков, во время семинарских занятий студенты были ознакомлены с материалами фольклорных экспедиций Казанского университета к семиреченским казакам. В институтах, где ранее проводились фольклорные экспедиции, на лекциях и практических занятиях для иллюстраций широко привлекались записанные участниками экспедиций произведения устного народного творчества. Таким образом, например, читался курс фольклора в Глазовском педагогическом институте. В заключение цикла лекций по фольклору нередко читалась лекция о методике собирания устного народного творчества.

Соответственно изменился и экзамен. Теперь от студентов требовалось знание наизусть местных произведений фольклора, ставились вопросы о бытовании фольклорных жанров в данной области или крае, задавались вопросы о методике и технике записи фольклорных произведений, об изданиях фольклора, о местных собирателях и т. д.

Во многих институтах были организованы фольклорные кружки. Такой кружок, например, работал в Череповецком педагогическом институте. Цель его (как сформулировали руководители) в том, чтобы познакомить студентов с особенностями Вологодского края, с историей собирания фольклора в области, научить записывать произведения народного творчества.

Интересной формой приобщения студентов к условиям практики явились встречи с собирателями и исполнителями фольклора. Руководители

практики Шадринского педагогического института пригласили на занятия кружка И. Ф. Вырышева, рассказавшего студентам и о собранном им фольклоре, и о своих встречах с интересными исполнителями. Перед студентами выступила и песенница З. А. Ухалова. В ее исполнении прозвучали народные лирические песни, что позволило студентам не только услышать фольклор в живом исполнении, но и сделать пробные записи. Преподаватели Новгородского педагогического института организовали встречу с фольклорными хоровыми коллективами. По их мнению, «такие встречи оказывают особенно большое, непосредственное воздействие на студентов и являются наглядной художественной демонстрацией идейных и эстетических ценностей народного поэтического искусства».

Естественно, не во всех педагогических институтах, в которых практика прошла на хорошем уровне, все моменты подготовительного этапа соблюдены одинаково тщательно. В отработке этого этапа подавляющему большинству вузов предстоит еще большая работа. Однако уже сейчас можно отметить: 1) необходимость выделения в фольклорной практике особого, подготовительного, этапа подтверждена опытом многих институтов и 2) найдены основные формы его проведения, определено содержание. Конкретный же опыт организации подготовительного этапа практики требует дальнейшего изучения и обобщения.

Думается, именно оттого, как прошла подготовка к практике, зависят ее результаты. В тех институтах, где студенты получили солидные теоретические знания и практические навыки, итоги практики имеют большую учебную и научную ценность, в тех же институтах, в которых всю работу (и подготовительную тоже) сосредоточили в пределах отведенных учебных планом двух недель, результаты малоутешительные. Например, в Глазовском и Пермском педагогических институтах была проведена хорошая подготовительная работа, поэтому и результаты важные: студентами Глазовского педагогического института записано около 4600 текстов, Пермского — свыше двух тысяч произведений фольклора. Но вот студенты Магаданского педагогического института (15 человек) за две недели записали только 50 произведений устного народного творчества.

Недоработками в подготовительный период можно объяснить и другие недостатки практики, обнаружившиеся в «полевых» условиях. Из одного института сообщили, например, что «студенты были разделены в группы по 3—4 человека, а затем направлены к информаторам, которые были выявлены в местных отделах культуры». В другом институте «не все студенты, получившие индивидуальные задания, выполнили необходимые требования, предъявляемые к паспортизации фольклорного произведения (в некоторых отчетах отсутствуют сведения об информаторах, о характере исполнения произведения, его месте в обряде)». «Проблемой, сложной для студентов, оказалось установление контактов со сказителями, так как старики отказывались от творческих контактов по религиозным соображениям, а молодые требовали вознаграждения», — сказано еще в одном из отчетов.

Недостатки в подготовке практики порою настолько серьезны, что ставят под сомнение ее научные результаты. К сожалению, упоминавшийся выше случай о создании на основе услышанных преданий и легенд своих собственных не единственный. Имеются факты редактирования записанного материала, его обработки.

Конечно, указанные, а также другие недочеты в работе практики в значительной мере объясняются объективными причинами. Для большинства вузов это была первая практика, когда, как написали из Актюбинского педагогического института, «ни руководитель практики, ни тем более студенты еще не обладали опытом и навыками, необходимыми для собирания фольклора». Поэтому с еще большей ответственностью пе-

обходимо отнестись к подготовке и непосредственному проведению практики. Только так можно надеяться на формирование в институте прочных и плодотворных традиций в собирательской работе.

* * *

Большое значение для утверждения в институте фольклорной практики как важного вида учебно-научной работы студентов имеет *подведение итогов* ее работы. Во многих институтах заключительные мероприятия проведены интересно, привлекли к себе внимание общественности.

В центре заключительных мероприятий по итогам практики была конференция. На ней, как правило, руководители давали общую оценку работы студентов и собранного материала, а сами студенты делали доклады, в которых чаще всего рассматривали конкретные вопросы бытования отдельных жанров в обследованной местности. Очень важно обратить внимание на то, что такие выступления студентов на конференциях — их первые шаги в науке. В Иркутском педагогическом институте на конференции по итогам практики 1978 г. были заслушаны сообщения: «К истории изучения устно-поэтического творчества в Восточной Сибири», «Фольклорно-этнографический облик Приленья», «Фольклорное картографирование районов верхней и средней Лены», «Современное состояние устно-поэтической традиции в приленских районах», «Из наблюдений над современным процессом сказительства», «Характер типизации народного бытового опыта в сказке и социальная среда рассказчика» и др.

Интересными формами подведения итогов работы практики стали фотоальбомы, фотовитрины и стенгазеты, явившиеся существенным дополнением и украшением конференций. В них содержится разнообразный материал о быте народа, об исполнителях, о собирателях и пр. Сами названия фотовитрин и стенгазет говорят об их содержании, направленности (например, «Край наш песенный» — Череповецкий педагогический институт, «Прикоснись к истокам народным» — Ставропольский педагогический институт и др.).

После проведения конференции в большинстве вузов были организованы фольклорные концерты, прошедшие с большим успехом. Под впечатлениями, полученными от практики, как уже говорилось, в ряде институтов появились ансамбли, которые впервые показали свое искусство именно на таких концертах. Таков, например, ансамбль «Потешки» Елецкого педагогического института.

Все указанные заключительные мероприятия составляют одно целое. В Новгородском педагогическом институте, например, в начале нового учебного года организуется вечер, на котором «прослушиваются сообщения о результатах практики, некоторые магнитофонные записи, демонстрируются фотографии, участниками экспедиций поются песни из репертуара понравившихся исполнителей и хоровых самодеятельных коллективов». Единство всех составных частей вечера подчеркнуто их общим названием и формой — «За русским чаем».

Особо следует указать на то, что в некоторых институтах ходом работы практики и подведением ее итогов смогли привлечь к ней внимание общественности. Практика стала фактом не только учебно-воспитательного процесса на филологических факультетах, но и явлением общественно-культурной жизни института, города, области. Это проявилось прежде всего в широкой пропаганде устного народного поэтического творчества среди населения. Руководители, студенты использовали всевозможные средства информации. О практике, о фольклоре опубликовано большое количество статей и заметок в институтских многотиражках, районных и областных газетах, прозвучали выступления по радио, под-

готовлены передачи по телевидению. С успехом проходят студенческие фольклорные концерты в клубах и Домах культуры.

Обобщенный выше материал по проведению заключительного этапа практики позволяет говорить об определенном его единстве. Конечно же, в такой системе заключительные мероприятия проводятся далеко не во всех педагогических институтах. Поэтому насущная задача, которая стоит перед всеми руководителями практики в настоящее время, — это овладение указанным опытом.

После проведения первых практик встал и такой вопрос, как организация фольклорных архивов при кафедрах и фольклорных кабинетов. И то и другое — чрезвычайно сложное и многолетнее дело. У большинства институтов в этой работе пока нет никакого опыта, поэтому многое предстоит сделать впервые.

* * *

Указанные выше проблемы и отмечавшийся положительный опыт характеризуют практику в целом. Однако своеобразный опыт и свои проблемы имеются у институтов союзных и автономных республик. Пожалуй, впервые благодаря практике возникли такие благоприятные возможности изучения русского фольклора в иноязычном окружении.

Некоторые вузы уже имеют такой опыт собирания фольклора. Например, в течение ряда лет записывают фольклор среди русского старожильского населения Литовской ССР студенты Вильнюсского педагогического института. Зафиксировано около 120 сказок, преданий, легенд и быличек, более 20 баллад, исторических песен и духовных стихов, свыше 400 лирических песен, много частушек и загадок, 120 описаний обрядов и пр. Особенно удачным оказалось знакомство с Е. И. Колесниковой — знатоком пословиц и поговорок. От нее записано уникальное собрание народных изречений (около 8 тыс.). Интересный материал по русскому фольклору собрали студенты Армянского педагогического института им. Х. Абовяна в Севанском районе Армении.

Но чаще всего границы работы практики в республиках вполне закономерно расширяются: собирая русский фольклор, одновременно записывают фольклор и бок о бок живущих с русскими других народов. «Поскольку на территории Николаевской области проживают люди разных национальностей (украинцы, русские, молдаване, болгары и др.), — пишут руководители практики Николаевского педагогического института, — была дана установка на собирание многонационального фольклора. Отчеты студентов о практике содержат произведения преимущественно русского и украинского населения». Студенты Полтавского педагогического института во время практики изучали проблему «Взаимосвязь русского и украинского фольклоров (традиция, влияние)». Руководителем были определены основные направления в работе: «во-первых, изучалась жанровая природа фольклорных произведений братских народов; во-вторых, устанавливалось тематическое сходство, родство в образной системе (наличие общих образов, мотивов); в-третьих, проводился самостоятельный анализ фольклорных произведений с целью выявления стилевых особенностей, своеобразия языка».

Значительно больший опыт по собиранию фольклора в иноязычном окружении имеют педагогические институты, расположенные в автономных республиках РСФСР. Особенно интересен опыт Стерлитамакского педагогического института.⁷

Из проблем, которые возникают на практике в условиях национальных республик, в числе существенных можно указать три.

⁷ См. об этом статью И. Е. Карпухина в настоящем сборнике.

При собирании фольклора разных народов важно знание собирателями родного языка исполнителей. В некоторых институтах в обязательном порядке в связи с этим включают в состав групп и студентов, в совершенстве владеющих национальными языками. Например, в Бирском педагогическом институте, узнав, что в предполагаемом месте проведения практики живут русские, башкиры и татары, сформировали группы, едущие на практику, таким образом, что в каждой группе оказались студенты, хорошо знающие и башкирский и татарский языки.

Как правило, на филологических факультетах национальных вузов ведется обучение по двум специальностям: «Родной язык и литература» и «Русский язык и литература». Почти во всех вузах по специальности «Родной язык и литература» проводится фольклорная практика. Очевидно, при изучении фольклора коренной национальности республики также очень важно исследовать взаимодействие нерусского устного народного творчества с русским фольклором. Поэтому целесообразно включать в состав русских групп для прохождения фольклорной практики и некоторых студентов национальных отделений.

С другой стороны, на русских отделениях филологических факультетов учатся студенты коренных национальностей республик. В большинстве вузов они едут на практику вместе с русскими студентами. Однако в некоторых институтах поступают иначе. В Магаданском педагогическом институте, например, из-за того, что «не все студенты якуты достаточно хорошо владеют русским языком, чтобы проводить на нем беседы и записи фольклора», сочли возможным «разрешить (при соответствующей предварительной подготовке) якутским студентам пройти фольклорную практику в родных населенных пунктах. Результаты эксперимента оказались удовлетворительными». Как представляется, однако, какими бы положительными ни оказались результаты собирания родного фольклора, нельзя забывать о том, что практика на русских отделениях способствует формированию учителя *русского* языка и литературы, поэтому в условиях национальных республик для студентов, еще слабо владеющих русским языком, она является и своеобразным средством обучения русскому языку. Кроме того, как известно, фольклорная практика вводит нерусского студента в мир русского национального искусства, знакомит его с историей и бытом русского народа. Это ли не важно для профессиональной подготовки учителя русского языка и литературы! Конечно, при всем этом руководителю практики необходимо по-другому представлять себе задачи практики, пересмотреть имеющиеся вопросы. И результаты прохождения практики для студентов, слабо владеющих русским языком, будут другими.

Особый вопрос — место проведения практики в условиях национальных республик. Для большинства вузов решение этого вопроса не вызвало больших сложностей. Но для некоторых вузов в недалеком будущем, когда фольклор русского населения области или края в основном будет собран, проблема места проведения практики станет актуальной. Это настораживает пессимистически некоторых ее руководителей. Однако, во-первых, как показывает опыт экспедиций и практик университетов и педагогических вузов РСФСР, большие и интересные результаты дает повторное изучение фольклорного репертуара одной и той же местности: во-вторых, некоторые национальные вузы с успехом проводят практику и на территории РСФСР. Например, Ивано-Франковский педагогический институт изучал фольклор Новгородской области, Самаркандский педагогический институт организовал практику на территории Тульской области и т. д. Кроме того, в будущем одним из перспективных мест проведения практики может стать город.

Конечно, и указанные выше проблемы и многие другие, возникающие в связи с проведением практики в условиях национальной республики,

ждут более тщательных и разновариантных решений; здесь — огромное поле для экспериментов. Хотелось бы верить, что руководители практики подойдут творчески и ответственно к ее организации и представят интересный в этом плане материал для обобщения.

* * *

Естественно, в данной статье проанализирован не весь опыт и обозначены не все проблемы. Да и вряд ли в будущем это удастся сделать, потому что решение одних проблем создает новые, и это — непрерывный процесс.

Многие проблемы являются свидетельством развития, роста практики. С течением времени они исчезнут. Но, думается, в проведении практики есть три главные проблемы, о которых необходимо помнить всегда. Они были определены выше, но хотелось бы назвать их в заключение еще раз: проблема руководителя; проблема предварительной подготовки студентов к участию в практике; проблема признания фольклорной практики в вузах как серьезной учебно-научной работы, имеющей определенный общественный резонанс в стенах института, в городе и в области. Эти проблемы взаимосвязаны. Их решение — залог успеха практики в целом.

Ф. М. СЕЛИВАНОВ

ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРАКТИКА: ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Подготовка к изданию многосерийного Свода русского фольклора приобщает всех фольклористов-русистов независимо от их ведомственной принадлежности к решению единой задачи, имеющей общенародное значение. Наиболее весомый вклад ожидается от специалистов по фольклору, работающих в вузах. Формы участия их в подготовке Свода могут быть различными. В статье я хотел бы сосредоточить внимание на одной из важнейших — на собирательской работе студентов, проходящей в виде «фольклорной практики».

Материалов, имеющихся в публикациях, в известных и неизвестных архивах, кажется, достаточно для создания Свода, наиболее богатого в международном масштабе среди других коллекций подобного рода. Но, как вытекает из Проспекта Свода русского фольклора, составители не намерены замыкать его имеющимися к началу издания материалами. Предполагается, что каждая из жанровых серий будет отражать результаты всей предшествующей и текущей собирательской работы.

Полная и адекватная картина состояния устного народного творчества может быть воссоздана работой многих экспедиций во всех районах русского расселения, и обследование этих районов желательно не растягивать на многие десятилетия. Нельзя не признать справедливыми выступления ряда ученых на Всесоюзной научной конференции, посвященной координации собирательской работы (октябрь 1979 г.), говоривших о полноценности (в научном плане) лишь тех экспедиций, в составе которых работают высококвалифицированные фольклористы — словесники, музыковеды, этнографы. Однако сеть таких экспедиций, стационарных и передвижных, которые в относительно короткий срок обследовали бы обширные районы страны, — утопия.

В Советском Союзе собираемым русским устным творчеством систематически занимаются немногие научные организации. Музыковедческие учреждения интересуются преимущественно произведениями песенного фольклора. Пока у нас нет карты, на которой видны были бы итоги собирания фольклора. На ней легко представить долю обследованных фольклористами высшей квалификации местностей: она выглядела бы на карте весьма скромно.

В ряде вузов страны фольклорные студенческие экспедиции организуются в течение многих десятилетий. Масштабы собирательской работы возросли с начала 60-х гг., когда в университетские учебные планы (отделения русского языка и литературы филологических факультетов) была включена фольклорная практика. С 1977 г. фольклорная практика введена и в педагогических институтах. Предположим, что учебная программа, касающаяся фольклорной практики, выполняется во всех вузах. Тогда мы имеем сеть ячеек, охватывающих всю страну, ибо в каждой области (республике) есть педагогический институт (в некоторых даже не один), во многих областях кроме того имеются и университеты. Тео-

ретически это как раз то, что необходимо для повсеместного и всеобъемлющего фольклористического обследования.

Несмотря на то что масштабы и интенсивность собирательской работы возросли, на фольклорной (предполагаемой) карте остается немало белых пятен. Их число увеличится при учете давних (50—100 лет назад), односторонних (записывались не все жанры) или выборочных (территориально) обследований многих районов.

Русская фольклористика не располагает систематизированными указателями по большинству жанров. Недавно изданный указатель сказочных сюжетов¹ и относительно полное собрание исторических песен² позволяют заметить неравномерность в обследовании различных областей. Согласно этим источникам, в советское время из Калужской области, например, опубликованы лишь четыре сказки и ни одной исторической песни. В фольклористическом плане Калужская область выглядит крайне бедной. Есть области, никак не представленные в названных источниках. Так, нет послереволюционных записей сказок из Орловской, Смоленской, Костромской областей, исторических песен из Орловской, Тульской и некоторых других областей.

Знакомый с Калужской областью по работе на фольклорной практике, автор может сказать, что здесь записана не одна сотня сказок, не один десяток вариантов исторических песен. Обилие новых записей произведений почти всех жанров русского устного творчества, вероятно, следует ожидать и из других ранее слабо обследованных или необследованных районов, ожидать от собирателей-студентов, отрабатывающих фольклорную практику. По-видимому, имеющиеся в архивах материалы, записанные студентами в последние десятилетия, по объему значительно превосходят все собранное научными учреждениями. А по качеству?

На Советщанин по изданию Свода русского фольклора В. В. Митрофанова говорила: «Обширный материал студенческих записей, к сожалению, недостаточно достоверен, неравноценен и может быть использован при подготовке Свода лишь как подсобный».³ Сомнения в научной ценности записей, сделанных студенческими экспедициями, в определенной степени оправданны. В то же время в ИРЛИ сказалось некоторое безразличие к результатам огромного труда, к затратам значительных средств на собирательскую работу, проводимую в высших учебных заведениях.

В данном случае нелишне напомнить и о нравственном аспекте фольклористических обследований. Население, как правило, с уважением относится к собирателям, будь они научными работниками или студентами, к их экспедиционным интересам. Научные цели собирательской работы в наше время почти не встречают недопонимания у исполнителей. В дальнейшем же процессе работы со стороны студентов иногда проявляется недопонимание серьезности и ценности полученных от населения материалов. Невнимательная фиксация текста (пропуски, неточности в передаче слов и словосочетаний), небрежная переписка, отсутствие паспортных данных делают любую новую запись ненужной с научной точки зрения и, следовательно, вообще бесполезной. Люди, доверившиеся собирателям, обмануты: исполнение, в научном значении которого исполнители были уверены, из-за легкомысленного отношения к делу или неумения студента-практиканта не получило адекватного отражения в записи, не стало научным документом. Студент либо сразу не

¹ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барак, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

² Исторические песни XIII—XVI вв.; Исторические песни XVII в.; Исторические песни XVIII в.; Исторические песни XIX в. Л., 1960—1973.

³ Русская литература, 1979, № 4, с. 220.

осознает пагубности подобного отношения к делу, либо забудет свои промахи после прохождения практики — ему, по учебной программе, дальше заниматься изучением фольклора не обязательно. Все остается на совести специалиста по фольклору, руководившего собирательской работой. Здесь возникает вопрос: а все ли руководители студенческой фольклорной практики сами осознают необходимость серьезного научного подхода к собирательской работе, к оформлению фольклорных записей?

Мне известен факт, когда студенты одного из университетов выезжали на «практику» в с. Михайловское (Пушкиногорский р-н Псковской обл.). Конечно, преподаватель отчитался в своем вузе о выполнении учебного плана, но в сущности это была туристская поездка, так как сколько-нибудь серьезной собирательской работы не проводилось. Ю. Г. Круглов в докладе на конференции 1979 г. привел ряд примеров, когда студенческие группы за 10 дней «обследуют» 20—25 населенных пунктов, когда студенты, не прошедшие никакой специальной подготовки, распускаются на каникулы с индивидуальными заданиями по сбору фольклорных произведений.⁴ Ясно, что результаты собирательства подобного рода научного значения не имеют и дискредитируют идею участия студентов в исследовательской работе.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой кадров — квалифицированных руководителей фольклорной практики. Эта проблема достаточно остро поставлена в докладе Ю. Г. Круглова, о ней говорили и другие участники конференции, и нет необходимости еще раз на ней останавливаться. Рассчитывать на то, что многие сотни студенческих групп, обрабатывающих фольклорную практику, в ближайшие годы будут возглавлены опытными собирателями-фольклористами, не приходится. Вероятно, основную надежду надо возлагать на рост квалифицированных собирателей на местах. Привлечение их к участию в подготовке Свода поднимет их ответственность в научном плане (а не только перед учебной частью своего факультета).

Напомню, что классические собрания русского фольклора (А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова, братьев Соколовых и др.) были подготовлены людьми, впервые ведшими запись произведений устного народного творчества. Конечно, им были известны научные требования своего времени, они изучали опыт своих предшественников. Однако в то время еще не было такого обилия инструктивной и методической литературы по собирательской работе, какими располагает современная фольклористика. В библиографических указателях по русскому фольклору за 1917—1965 гг. названо 89 методических пособий, инструкций, программ, многими из которых при желании могут воспользоваться преподаватели

⁴ Глубоко признателен Ю. Г. Круглову за предоставленную мне возможность пользоваться текстом его доклада при написании своей статьи. Возвращаясь к практике в с. Михайловском, все же должен возразить уважаемому коллеге, который одобрительно отзывался о самих фактах проведения фольклорной практики в селениях, так или иначе связанных с жизнью русских писателей (на родине А. Т. Твардовского, в Ясной Поляне и др.). Отстаивая «равноправие» фольклорной практики (при выполнении ею весьма жестких требований) с научными экспедициями, я не поддерживаю проведение ее в некоторых заповедных зонах по следующим причинам: 1) при современном массовом паломничестве в места, связанные с жизнью и деятельностью знаменитых писателей, композиторов, художников, у местных жителей, с одной стороны, зарождается сомнение в серьезности интересующихся народным творчеством, а с другой — появляются «воспоминания» и «предания», далекие от устной традиции; 2) работа в заповедных зонах требует не только общей фольклорно-собирательской, но и глубокой специальной — по творчеству данного писателя, художника — подготовки (а таковой очень и очень немногие студенты 1-го курса обладают). На мой взгляд, любая фольклористическая акция в заповедных зонах может быть санкционирована только Координационным центром по собирательской работе.

фольклора. Кроме того, краткие методические указания по собиранию фольклора содержатся в учебных пособиях для вузов.⁵

В течение многих лет руководители практики и студенты в своей работе ориентировались на инструкции и методические пособия по собиранию произведений устного народного творчества, разработанные для фольклорных экспедиций, что с точки зрения научных задач практики вполне приемлемо. Однако у фольклорной практики по сравнению с научными экспедициями есть своя специфика, обусловленная составом ее участников — их знания по устному народному творчеству, как правило, ограничиваются общим обязательным курсом по этому предмету. В 1979 г. вышло первое пособие «Фольклорная практика», адресованное преподавателям и студентам (автор Ю. Г. Круглов).

В различных вузовских и научных изданиях печатается информация о фольклорных кружках и семинарах, в которых студенты готовятся к собиранию произведений устного народного творчества. Организация кружков и семинаров по подготовке к фольклорной практике рекомендуется и в названном пособии Ю. Г. Круглова. Значение подготовительной работы трудно переоценить. И все же надо сказать, что она ведется далеко не во всех вузах и там, где ведется, в нее вовлечена незначительная часть студентов. А фольклорную практику должны отработать все студенты русского отделения в университетах и около половины студентов в педагогических институтах. Задача преподавателей-фольклористов заключается в том, чтобы получить максимально возможные научные результаты от работы каждого студента.

Основная трудность проведения практики состоит в том, что на подготовку к ней учебные программы времени не предусматривают (упомянутые кружки и семинары — внепрограммные, обязать всех студентов работать в них шельзя). Следовательно, обучение собирательской работе надо проводить в процессе самой работы. Решение научных задач фольклорной практикой зависит от того, насколько умело налажено такое обучение. Но как его организовать? В инструкциях и методических пособиях, предназначенных для фольклорных экспедиций, вопрос этот не затрагивается.

Работа в течение ряда лет со студентами филологического факультета МГУ позволяет автору этой статьи поделиться некоторыми наблюдениями и опытом по организации учебного процесса в полевых условиях фольклорной практики. Основной формой учебного процесса, дающего в итоге полноценные фольклорные записи, на наш взгляд, являются ежедневные обзорные занятия.

* * *

Собираемый материал наблюдений и текстов останется «вещью в себе», если его не использовать для учебной и воспитательной работы во время практики. Особенности ее проведения диктуются необходимостью вызвать интерес студентов к фольклору и проблемам фольклористики, постоянно улучшать качество записей и их оформления.

У студентов 1-го курса навыки самостоятельного научного анализа весьма слабы либо их совсем нет. На фольклорной практике они сталкиваются с внепрограммным, неожиданным (иногда и для опытного собирателя) материалом. Простое накопление текстов без их осмысления, без их первичной систематизации и оценки со стороны преподавателя не

⁵ Померанцева Э. В. Как собирать фольклор. — В кн.: Богатырев П. Г., Гусев В. Е. и др. Русское народное творчество. М., 1966, с. 353—358; Новикова А. М. Как записывать фольклор. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия / Под ред. А. М. Новиковой. М., 1971, с. 483—485. (2-е изд.: М., 1978, с. 515—517).

имеет ни учебно-воспитательного, ни научного значения. Необходим ежедневный обзор всех записей, анализ работы каждого студента.

В первые (да и в последующие) дни работы не всякой паре (студенты обычно работают парами) сопутствует успех. Попадают на практику и совершенно равнодушные к народному творчеству студенты; они безрезультатно бродят по селениям, вызывая недоброжелательное отношение жителей к работе собирателей. Руководитель прежде всего выделяет успешно работающие пары и выясняет причины неудач у других студентов.

Требую описания условий собирания, деталей бытовой обстановки, записи высказываний исполнителей и их пояснений к фольклорным текстам, преподаватель ежедневно получает богатый материал для анализа и первичных обобщений. По характеру записей он отмечает больший или меньший доверительный контакт собирателей и исполнителей, наблюдательность или отсутствие ее у студента; принимается во внимание также полнота или отрывочность сведений о каком-либо явлении, проверяется наличие необходимых паспортных данных для исполнителей, пояснений к текстам. Предмет особой заботы руководителя — качество переписки текстов в чистовых тетрадах: разборчивость и четкость почерка, точность воспроизведения текста, внешнее композиционное и пунктуационное оформление чистовых записей.

Неопытные собиратели иногда неверно фиксируют слова и сочетания слов, которые надо уловить в пении, причем в непривычном диалектном произношении. Так, однажды студентка написала в песне такую строку:

Уж я выгону ворону от огня...

Оказалось, что слова здесь были такие:

Уж я выгону воробного коня...

Оставленная «без присмотра» преподавателя строка могла бы иметь в дальнейшем и научные последствия (ворона и огонь — важнейшие символические образы!).

При проверке качества записей большую помощь оказывает магнитофон. Подобрав соответствующие записи в тетрадах и на магнитной пленке, преподаватель последовательно контролирует весь текст, затем на занятиях демонстрирует промахи переписчиков.

Руководитель отмечает тетради, в которых выполнены требования внешнего оформления записей: выдержаны интервалы между ними, в текстах выделена прямая речь, верно расставлены знаки препинания; поскольку особую трудность представляет переписка традиционных лирических песен, подбираются такие тексты, оформление которых адекватно отражает структуру словесно-музыкальных периодов и всей песни в целом. Разумеется, не должны быть обойдены недостаточно красиво и неряшливо оформленные материалы.

По мере поступления нового материала преподаватель заводит карточку на каждое произведение песенных и прозаических жанров, на записи обрядов и игр. В карточке указывается название произведения и его жанровая принадлежность; затем с новой строки ставится номер тетради (с самого начала практики все чистовые тетради нумеруются) и номер текста в ней. При работе в одном и смежных селениях неизбежно повторение части местного репертуара; наиболее популярные в наше время или в недавнем прошлом произведения попадают в тетради всех или почти всех собирателей. Все записи одного произведения или описания обряда регистрируются на одной карточке. В случае неполной или фрагментарной записи (начало, конец, отдельные строки произведения) делается соответствующая пометка в скобках. В скобках же после номера записи отмечается местная бытовая приуроченность (главным образом песен).

Примеры карточек учета

Из-за лесу, из-за гор шла ротушка солдат.
Протяжная лирическая солдатская песня.

- I.
II. 27 (конец песни)
III. 103 (сенокосная)
IV. 72
V. 183 (когда жать ходили, пели)

Рощица моя (Жена мужа зарезала)
Баллада

- I. 56, 88 (троицкая. Не закончена)
II.
III. 164 (троицкая)
IV. 34, 92, 126
V.

Из-за лесу, лесу темного. Хороводная песня.

- I. 101 (весенняя, хороводная)
II.
III. 115 (троицкая)
IV. 102
V. 61 (на пасху играли)

Про медведя (Медведь на липовой ноге)
Сказка о животных

- I.
II. 2, 129 (контаминация с сюжетом «Мужик лезет на небо»)
III.
IV.
V. 91, 99

Произведения малых жанров, в том числе частушки и произведения детского фольклора, учитываются на карточке по следующему образцу:

Частушки⁶

- I. 10—15, 22—38, 46, 47, 49, 103—144
II. 215—225, 244—275
III. 61, 62, 70—92, 136
IV. 1—5, 29—55, 57, 58, 98, 99
V. 37—58, 100—164, 296—350

⁶При бытовании в районе обследования частушек разных типов (собственно частушки, плясовые, «страдалия», «Семеновна») для каждого типа желательна особая карточка.

Картотека позволяет вести точный учет записей, регулярно информировать группу об успехах каждого из собирателей и всего коллектива, определять направление собирательской работы.

Сопоставление записей с фольклорной картиной прошлого (если собирательская работа в данной местности когда-нибудь велась) диктует поиск ненайденных на какой-то день произведений, а фиксирование ранее неизвестных дает возможность судить об изменениях в фольклорном репертуаре местности либо о недостатках и особенностях работы предшественников.

Анализ редких вариантов и произведений, особенностей их бытования, научной ценности записей стимулирует более глубокую заинтересованность собирателей в поисках материала, не лежащего на поверхности. Фиксирование внимания на интересных в художественном и историческом отношении или на трудных с точки зрения жанровой принадлежности текстах готовит студентов к итоговой систематизации своего материала.

Для руководителя картотека является контрольным документом при проверке систематизации записей в тетрадях и при подведении общих итогов работы. Дифференцированные по жанрам записи, число сюжетов и вариантов каждого сюжета, зафиксированные в карточках, — основной источник сведений для всестороннего и полного анализа результатов фольклорной практики.

При выполнении перечисленных требований преподаватель получает многостороннее представление о составе и качестве записей и о сопутствующих им материалах. Постоянная контролирующая и аналитическая работа обеспечивает проведение полноценных обзорных занятий на высоком научном уровне.

Порядок освещения вопросов избирает сам преподаватель. По мере приобретения опыта студентами вопросы оформления и переписки становятся менее актуальными, на первый план выдвигаются проблемы собственно научного порядка. Собранный на месте материал и реальные условия работы предопределяют конкретное содержание занятий. Кроме ежедневных обязательных вопросов предметом обзора могут быть различные темы, например местная история, быт и обычаи в фольклорных произведениях; особенности местного говора и его отражение в записях; наиболее одаренные местные исполнители и их репертуар; своеобразие хозяйственно-бытовой приуроченности традиционных лирических песен; роль современных средств массовой информации в жизни фольклора; современный фольклор деревни; соотношение старого и нового фольклора.

Тематические обзоры вызывают интерес студентов к тем или иным проблемам фольклористики и стимулируют выбор определенной направленности в собирательской работе.

После нескольких обзорных занятий отдельным студентам по их желанию поручается подготовить сообщение о своих записях или, более узко, об интересном исполнителе, о каком-либо обряде, жанре, об опыте работы с исполнителями разных возрастов и пр.

Занятия завершаются итоговым обобщением (общее число записей, наиболее успешно работающие пары, степень обследования того или иного селения, жанровая характеристика материала). Хорошо организованная работа, приносящая ежедневно много свежего материала и дающая ответы на ряд ранее возникших вопросов, одновременно выдвигает все новые проблемы, которые руководитель должен выявлять и ставить с целью их разрешения перед студентами. В конечном счете чем шире круг вопросов, на которые хочет получить ответ преподаватель-фольклорист, тем больших научных результатов можно ожидать от фольклорной практики, которой он руководит.

В одном месте кто-то из исполнителей припомнил строчку из былины или редкой песни, в другом услышан намек на сохранность каких-то древних обрядов, в третьем — предполагается проведение неизвестного пока современного ритуала... В соответствии с реальными задачами участники экспедиции получают специальные «наказы» руководителя. Такие указы становятся особенно нужными через 6—8 дней работы группы, когда записи, сопровождающие фольклорные тексты, как бы теряют свое значение для собирателей. Относительная однотипность встреч, бесед, ответов исполнителей, с одной стороны, сдерживает от повторения аналогичных зарисовок и пояснений, а с другой — снижает наблюдательность. Расширение круга объектов наблюдения, углубление целевых поисков не только не дает угаснуть интересу к собирательской работе, но и усиливает его.

Кроме обзора работы за предшествующий день рекомендуется подводить итоги за неделю, за 10 дней (за 20 дней, если практика продолжается месяц). В конце практики проводится заключительное занятие, на котором анализируются результаты собирательской деятельности всей группы, отмечаются наиболее ценные находки, характеризуется научное значение собранного материала.

Рассмотрев направленность и тематику обзорных занятий в общем плане, считаем необходимым напомнить, что в самом начале практики должны быть изучены примерно следующие темы.

1. Хозяйственно-экономическое и культурное своеобразие района обследования. Налаживание взаимоотношений с местным населением.
2. Техника записи произведений различных жанров.
3. Правила оформления записей в чистовых тетрадах.
4. Предполагаемый фольклорный материал обследуемой местности.
5. Оформление справочного аппарата в тетрадах.

Может показаться, что предлагаемые рекомендации невыполнимы: у руководителя практики не хватает времени, чтобы самому ходить на запись, просматривать внимательно все тетради, вести учет и систематизацию материала, «управлять» хозяйством и бытом студенческой группы в полевых условиях. Думаю, что все зависит от умелой организации работы и рабочего дня.

Существует точка зрения, согласно которой невозможно регламентировать рабочий день экспедиции. Такая точка зрения неоправданна. Случаи собственно собирательской работы в первой половине дня весьма редки. В это время все трудоспособное население занято производственными делами (не следует забывать, что июль в деревне — пора сенокоса и начала жатвы), а остающиеся дома пожилые люди управляют с домашним хозяйством. Последние становятся относительно свободными только во второй половине дня, ближе к вечеру.

С учетом рабочего времени сельского населения и необходимости сочетания учебно-воспитательных и научных задач на фольклорной практике соблюдается строгий распорядок дня. Его устанавливает руководитель. Наиболее рациональным представляется такое распределение рабочего времени. С 9 утра до 13 ч — переписка материала.⁷ Одни пары (студенты) заканчивают ее раньше, другие — позже, и это дает возможность руководителю просмотреть весь материал. С 13 до 15 ч — обзор записей, подведение итогов; вторая половина дня и вечер — отдых и выход на запись.

⁷ Сказанное не означает, что переписка ведется только в это время дня: кто-то накануне пришел с записей раньше и начал переписку, кто-то из поздно вернувшихся с большим объемом переписки начал эту работу с вечера, чтобы успеть к обзору.

При обязательности ежедневного обзора собирательской работы встречи с исполнителями в первую половину дня назначаются лишь в исключительных случаях.

Соблюдение порядка и дисциплины во время проведения фольклорной практики вытекает из требований, предъявляемых к любым студенческим коллективам, работающим в полевых условиях. В организации быта, питания, распорядка дня, культурно-просветительской работы руководитель опирается на помощников. Поскольку это полевые условия, из студентов назначаются командир (им может быть староста группы), комиссар (комсорг), заведующий хозяйством. Последняя должность необходима, когда в группе больше 10—12 человек; при меньшей группе обязанности завхоза выполняет командир. Кроме того, все члены экспедиции поочередно несут дежурство (приготовление пищи, уборка помещения и др.).

Командир несет ответственность за дисциплину в группе и соблюдение рабочего распорядка дня, распределяет поручения, не относящиеся к собирательской работе. В случае временного отсутствия научного руководителя командир принимает решения по всем вопросам.

В ведении комиссара группы находятся вопросы, связанные с организацией политико-воспитательной (политинформации, выпуск стенгазеты, поездки по памятным местам, посещение музеев, театра, кино) и культурно-массовой работы (проведение бесед и лекций, организация концерта художественной самодеятельности). Комиссар ведет учет всех форм своей работы.

Обязанности завхоза состоят в налаживании (совместно с командиром) быта и питания участников экспедиции. Он приходит все привезенные из дома студентами продукты питания; в его распоряжение поступают денежные средства, полученные в учебном заведении, а также дополнительные взносы (их сумма зависит от конкретных условий).

Руководителю, конечно, не возбраняется вести собирательскую работу, однако результаты практики оцениваются не по тому, сколько произведений он сам записал, а по качеству материалов, собранных студенческой группой. Даже в самом начале работы, когда у студентов нет никакого опыта, преподаватель не может выходить на запись одновременно со всеми парами. Во время предварительных учебных записей он присматривается к способностям студентов «схватывать» фольклорный текст, вести разговор с исполнителями и выходит на запись с той парой, в успехе которой сомневается. И в дальнейшем выходы преподавателя на запись диктуются наиболее неудачливыми собирателями. При численности группы более 10—12 человек ежедневный выход руководителя на запись отрицательно сказывается на выполнении задач всей группой. Стремление самому увидеть и обследовать как можно больше ведет к тому, что преподаватель упускает возможность анализировать записи и обобщать наблюдения участников фольклорной практики, направлять их поиски, поправлять ошибки начинающих собирателей, а также контролировать каждую пару, полученные ею результаты, ежедневную обработку материала.

Безусловно, качество записей и их оформления — главное в требованиях к «вещественным» результатам фольклорной практики. Все же, пожалуй, не следует совсем забывать о количественной стороне работы. Трудно говорить о тех «практических» экспедициях, информация о которых не печатается. Но вот опубликованные итоги: Экспедиция в составе 71 человека за две недели сделала 278 записей малых произведений (260 частушек, 7 заговоров, 11 загадок) и 77 более крупных (45 песен, 18 сказок, 14 устных рассказов).⁸ На одного члена экспедиции

⁸ См.: Русский фольклор. Л., 1972, вып. 13, с. 275.

(в том числе на преподавателей) приходится около четырех мелких записей и чуть больше одной крупной; при этом «обследовано» 16 селений.

Не каждый день и у опытных фольклористов бывает удачным. Но в данном случае только с большой натяжкой можно допустить, что каждый из собирателей работал или у каждого из них был удачным в среднем один день. На что ушли остальные дни? Стоило ли тратить средства на экспедицию подобного рода?

Думается, четыре-пять песен, две-три сказки, десяток-два частушек студент за один день может записать и оформить в чистовике согласно самым строгим требованиям. И дело не столько в установлении норм для практикантов, а в том, чтобы ежедневная учебная и научная оценка труда студентов была обязательной нормой преподавателя-фольклориста, руководителя практики.

* * *

В ряде вузов ежегодно до сотни студентов должны пройти фольклорную практику. Необходимость расширения масштабов собирательской работы пока, однако, не свидетельствует в пользу такой «массовости». Поскольку почти в любом вузе не найдется нужного числа руководителей практики (для десятка групп), студенческие группы будут слишком громоздкими (25—30 человек), неуправляемыми и необучаемыми, а «массовое» собирательство не встретит поддержки у местного населения. По крайней мере половина студентов может быть направлена на фольклорную практику в другой форме.

Вузовские фольклористы в ближайшие годы и десятилетия будут привлечены к участию в формировании местных материалов для Свода русского фольклора. В настоящее время лишь отдельным преподавателям известны требования, предъявляемые к оформлению текстов, предназначенных для Свода, очень немногие практически смогут выполнить эти требования.

Как уже говорилось, у нас есть литература об организации фольклорных экспедиций, о работе с исполнителями, об оформлении чистовых записей. Однако инструкции по архивному хранению и обработке фольклорных материалов изданы ограниченным тиражом и практически недоступны для периферийных фольклористов. И, в данном случае самое главное, совсем нет инструкций по подготовке фольклорных текстов к изданию их в Своде. Систематизация записей, подготовка текстов с их паспортами и комментариями к печати требует единых по Союзу правил, знанием которых надо вооружить всех фольклористов.

Но одни специалисты, особенно в тех вузах, в архивах которых накопились материалы за многие годы, вряд ли справятся с подготовкой местных фольклорных материалов. Без студентов не обойтись. Собирательская практика проводится обычно в июле, для архивной можно выбрать другое время. Поскольку тем и другим видом фольклорной практики могут руководить одни и те же преподаватели, необходимое их число уменьшится наполовину. Снимается и проблема «внепрограммной работы»: работа в архивах со студентами включается в учебную нагрузку преподавателей.

Кроме инструкций по подготовке текстов к печати для специалистов по фольклору надо бы иметь и методические рекомендации по работе со студентами в архивах, памятки по оформлению произведений различных жанров. Пока трудно сказать, какие виды и формы работы будут выполнять студенты. Методические советы по полевой практике зарождались в процессе самой работы. Вероятно, широкое привлечение студентов к работе в фольклорных архивах поможет создать и соответствующие правила, которые будут общими для всех вузов.

И. Е. КАРПУХИН

ОПЫТ РАБОТЫ
СТЕРЛИТАМАКСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ПО СОБИРАНИЮ ФОЛЬКЛОРА
НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ

Вопрос о собирании произведений устного народного поэтического творчества остается злободневным в современной фольклористике. Актуальность его для Башкирии очевидна: слабая изученность современного состояния традиционного и нового фольклора, взаимодействие фольклора разных народов, проживающих в одном регионе, наличие целых районов, где в прошлом не записывалось русское народное творчество. Русские появились в Башкирии в XVI в. в связи с добровольным присоединением ее к Московской Руси (1557), а затем пополнялись из центра, юга и севера России несколькими переселенческими волнами и в XX столетии по численности превзошли другие народы. Однако фольклор русского населения Башкирии практически почти не изучался. Именно этим объясняется тот факт, что известные нам четыре публикации свадьбы, осуществленные до 1917 г., содержат преимущественно описание обрядов.¹ Так, у Р. Игнатьева и С. Пономарева помещено мало песен и причитаний. У А. Умова они встречаются, но не указано, в какой конкретно местности сделаны записи. Более внимательным к обрядовому фольклору был М. Колесников в «Этнографических очерках...», но и там отсутствуют необходимые паспортные сведения.

Не случайно в 1928 г., ставя новые задачи перед членами краеведческого общества БАСССР, А. Черданцев писал: «...мы ничего не имеем о русских, живущих в Башкирии... уже более 300 лет. Мы слишком мало обращаем внимание на это дело».² Однако только на десятый год после выступления Черданцева работа по собиранию русского (и нерусского) фольклора на территории БАСССР несколько оживилась. В 1938 г. Башкирский НИИЯЛИ им. Гафури по решению Совнаркома республики организовал экспедицию в Баймакский, Белорецкий и Хайбуллинский районы, где по словам ее участницы — ленинградской фольклористики

¹ *Игнатьев Р.* Мясский завод. — В кн.: Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губернии / Под ред. Н. Гурвича. Уфа, 1868, с. 62—87; *Колесников М.* Этнографические очерки русского населения Уфимской губернии в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. — Уфямские губернские ведомости, 1889, № 2, 3, 6, 7, 10, 14; *Пономарев С.* Очерки народного быта: Обрядовый обычай. — Северный вестник, 1890, № 6. с. 58—80; *Умов А.* Старинный свадебный обряд у русских в Уфимской губернии. — Вестник Оренбургского учебного округа, 1912, № 7 и 8, с. 233—248.

² *Черданцев А.* Новые задачи для краеведов Башкирии. — Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения. Уфа, 1928, № 3, с. 13.

Н. П. Колпаковой, записано множество самого разнообразного материала от русского населения. Но только небольшая доля его опубликована.³

Новая попытка записать русский фольклор предпринята также на десятый год после первой. В 1948 и 1949 гг. состоялись совместные экспедиции Башкирского НИИЯЛИ им. Гафури и кафедры фольклора МГУ им. Ломоносова, которыми руководила Э. В. Померанцева. Изучалось состояние русского фольклора в отдельных населенных пунктах шести северо-восточных районов БАССР. Записано было около 5 тыс. текстов.

Затем снова на десятилетие работа по изучению русского фольклора в республике замерла. Толчком к ее возрождению и систематическому продолжению послужило два события: 1) выход в свет в 1957 г. сборника «Русское народное творчество в Башкирии», вместившего 465 текстов сказок, разных жанров песен и частушек, записанных в экспедициях 1948 и 1949 гг.; составители рассматривали его как первый шаг по изучению русского фольклора Башкирии, как первый опыт,⁴ но книга по значимости переросла намеченные рамки; 2) преобразование в 1957 г. Башкирского педагогического института в Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября.

К 60-м гг. XX в. центр собирательской работы переносится в Башкирский государственный университет, где ее до сих пор возглавляет профессор Л. Г. Бараг. Десятки тысяч художественных текстов, записанных преподавателями и студентами университета, оказались в фольклорном архиве кафедры. Часть материала опубликована,⁵ другая часть ждет своей очереди.

В современной Башкирии, занимающей значительную территорию (54 административных района), проживает 3 млн. 818 тыс. человек, в том числе русские составляют свыше 40 %.⁶ Здесь оказались выходы из разных губерний России со своими говорами, фольклором, обрядами и обычаями. И хотя переселенцы держались своего, процесс смешения был неотвратим. В таких условиях собрать все разнообразие фольклорного материала не только в одиночку, но и силами одного вуза практически невозможно. Вот почему начиная с 1965 г. собирательской работой занялся и Стерлитамакский педагогический институт под руководством автора данной статьи.

Первоначально внимание было сосредоточено на территории бывшей Стерлитамакской области, охватившей верховье и среднюю часть рек Белой и Сакмары с их притоками. Данная часть БАССР представляет особый интерес для фольклористов и этнографов, потому что старые обычаи, обряды и фольклор еще не ушли окончательно из народного быта. Например, в июле 1979 г. студентка-заочница Т. И. Романова записала от своей матери Л. С. Романовой (1937 г. рожд.), проживающей в пос. Белое Озеро Гафурийского района БАССР, 242 частушки. Кроме того, там же ей напели 44 частушки Л. И. Горбунова (1952 г. рожд.) и А. И. Мещанинова (1962 г. рожд.), перенявшие тексты от старших.

³ Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филологических наук. Л., 1941, вып. 12, с. 143—154. 17 песен помещено Н. П. Колпаковой в кн.: Лирика русской свадьбы. Л., 1973.

⁴ Непубликованные материалы экспедиций 1938, 1948 и 1949 гг. хранятся в архивах ИРЛИ АН СССР, Государственного литературного музея в Москве и в БФ АН СССР. См., например, архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 321—335.

⁵ Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960—1966 гг. / Подбор текстов, ред., вступ. ст. и примеч. Л. Г. Барага. Уфа, 1969; Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974, вып. 1, с. 3—195; Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке / Под ред. и с коммент. проф. Л. Г. Барага. Уфа, 1975, и др.

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: В 7-ми т. Т. 4. М., 1973, с. 16.

Студентка З. З. Закирова в октябре 1979 г. представила старинные свадебные песни «Вьюны над рекой», «Эх, где, лебедь, был», «Я не знала, не ведала», «Друженька хорошенький», «Как у голубя сизова золотая голова», «Уж как вьется хмель, возвивается», «Как по сеним, по сенечкам» и др., исполненные Н. М. Свистуновой (1893 г. рожд. из г. Стерлитамака). Песни эти знает и ее дочь.

Исследованию подверглись оазисы русского населения, находящиеся в окружении других народов — башкир, татар, марийцев и т. п. Русский фольклор здесь сохранился лучше, нежели в селениях смешанного типа. Приведу лишь три случая.

В июле 1978 г. в дер. Игровке, находящейся вместе с Орловкой в иноязычном окружении, от Н. А. и Л. В. Шампуриных (1939 и 1951 гг. рожд.) мы записали 34 свадебные песни, которые, по словам исполнительниц, пелись на местной свадьбе в июне того же года.

В дер. Надеждино Калтасинского района (в округе живут марийцы) во время июльской экспедиции 1977 г. записан обряд проводов весны, приуроченный к следующему воскресению после троицы. Обряд представляет большой интерес, так как в нем сохранились традиционные игры «ходить в ворота» и «водить медведя». Совершается он вечером, когда солнце скроется за горизонт. Все жители выходят на улицу в лучших нарядах. Собираются в западной части деревни. Встают в шеренгу, держась за руки. Две стоящие впереди женщины поворачиваются лицом к народу и образуют из поднятых рук «арку ворот». Замыкающая шеренгу женщина идет в ворота, увлекая всех за собой. Оказавшись впереди, она вместе с соседкой образует «ворота» и т. д. Участники обряда движутся на восток и все время поют песню «Вейся, хмель, перевейся, хмель, на нашу сторону». В это время в одном из домов, откуда начиналось шествие, наряжают «медведя». Им бывает мужчина, одетый в шубу и шапку мехом наверх (по словам А. Ф. Коноваловой, 1912 г. рожд., раньше для этой цели использовались снопы соломы). Лицо «медведя» закрыто, ведут его на вожжах двое мужчин. Он пытается вырваться, донгать девушек. Начинается хождение с медведем обязательно с пения песни «Вдоль по улице, вдоль по Питерской», а заканчивается в установленном месте деревни всеобщей пляской под песню «Ах, вы сени мои, сени».

В июле 1975 г. в дер. Ивановке Гафурийского района записан обряд похорон Костромы, проводившийся там в то лето в связи с засухой. В связи с тем что в фольклористической литературе этот обряд считается исчезнувшим еще в XIX в.,⁷ позволим себе сказать о нем несколько слов. Кострома напоминала женщину. Сделали ее из снопа, нарядили лентами и цветами. Несли через деревню вместе с яйцом и горшком под песню:

Костромушка, Кострома,	Поминки будут...
Цвет Костромушка моя.	Кисели да блины,
По тебе да тут, Костромушка,	Пшеничные горячие пироги.

За околицей Кострому топили в речке. Участвовали в обряде пожилые женщины — А. Т. Казакова (1903 г. рожд.), А. И. Куликова (1909 г. рожд.) и др.

В 70-х гг. нас заинтересовала проблема взаимодействия русского фольклора с мордовским, украинским, татарским, башкирским, чувашским, удмуртским и марийским. Экспедиционному изучению подверглись отдельные районы центральной и северо-западной части республики: Гафурийский, Калтасинский, Янаульский, Мишкинский и др. При этом мы

⁷ Савушкина Н. И. Обрядовая поэзия. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество / Под ред. проф. Н. И. Кравцова. М., 1971, с. 49.

исходили из методологических соображений, что целесообразно и необходимо вести фольклористические наблюдения над совершенно конкретным, хронологически и географически ограниченным материалом. Такого подхода требовали в свое время Е. Н. Елеонская, Ю. М. Соколов⁸ и др. Более того, мы старались выполнять указание М. К. Азадовского, считавшего, что «собиратели не должны ограничиваться двумя-тремя образцами... но давать по возможности исчерпывающую картину»⁹ бытования и характера произведений той или иной местности. И здесь открывалось широкое поле деятельности, потому что не только русский, но и другой, не башкирский (над последним работает целая плеяда ученых из БашГУ и Башкирский филиал АН СССР) фольклор БАССР изучен недостаточно. Мало внимания обращалось на взаимодействие устного народного творчества разных национальностей, хотя этот процесс тут выражен отчетливо. Он охватил не только селения смешанного типа, но и однонациональные деревни.

Так, в июльской экспедиции 1975 г. мы наблюдали интересную картину на вечеринке в чувашской дер. Антоновке Гафурийского района. Молодежь исполняла частушки на родном языке, но под русскую мелодию подгорной, а также частушки, построенные по принципу чередования рифмующихся между собой стихов на русском и чувашском языках. Здесь же звучали русские частушки в переводе и без перевода на чувашский язык. Билингвизм местных жителей позволяет им не только свободно смешивать национальный и русский фольклор, но и испытывать при этом эстетическое удовлетворение. В этой же Антоновке от Л. Ф. Вырысова (1890 г. рожд.) записано на русском языке 24 сказки и свыше двух десятков чувашских, русских и татарских песен и частушек.

Аналогичное явление распространено и среди местных башкир, татар, мордвы, удмуртов, марийцев и украинцев. Но проблема межэтнических фольклорных взаимодействий в современных условиях многоязычия ждет еще своего изучения.¹⁰

Таким образом, перед нами стояло одновременно несколько задач: 1) выявить и записать с максимальной полнотой произведения традиционного фольклора; 2) зафиксировать все многообразие вариантов современного устного поэтического творчества; 3) обратить внимание на полуфольклорные, полулитературные явления; 4) изучить бытование русского устного народного поэтического творчества в иноязычной среде; 5) обратить внимание на процесс проникновения иноязычного фольклора в русский, и т. п.

Выдвинутые задачи определили формы и методику собирательской работы, которые постепенно совершенствовались. Накопление материала шло несколькими путями.

1. Личные наблюдения и описания. В процессе записи фольклора от информаторов предпочтение отдается работе с талантливыми исполнителями, ибо они лучше представляют местные фольклор и традиции. Так, в Большесухоязове от участницы почти всех свадеб М. Н. Гавриловой (1929 г. рожд.) записан полный ритуал традиционной марийской свадьбы и 95 свадебных и гостевых песен.

⁸ Художественный фольклор. М., 1926, № 1, с. 15.

⁹ Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960, с. 121.

¹⁰ Данный вопрос нами частично рассматривался. См.: Карпухин И. Е. Взаимодействие русских и украинских свадебных обрядов в Башкирии. — В кн.: Фольклор и литература Урала. Пермь, 1975, с. 82—92; Взаимодействие русской и мордовской свадеб в Башкирии. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1975, вып. 2, с. 107—114; Взаимодействие русской, башкирской и татарской свадеб в Башкирии (по записям 1967—1971 гг.). — В кн.: Там же, 1976, с. 97—105; Взаимодействие русской и чувашской свадеб в Башкирии (по записям 1967—1975 гг.). — В кн.: Там же, 1977, с. 55—64.

2 Под руководством автора статьи проведено 7 экспедиций, в которых приняли участие члены кружка фольклористики, предварительно подготовленные к полевой работе. В экспедициях сочетается сплошная запись произведений фольклора с тематической. Каждый ее участник специализируется на одном-двух жанрах (учитывается интерес и профиль исследовательской работы студента). Обследование населенного пункта ведут одновременно несколько человек, что позволяет достаточно полно выявить произведения традиционного и нового фольклора, а также полуфольклорные, полулитературные явления. Записи ведутся одновременно на бумаге и магнитофоне. Сверка материалов осуществляется в тот же день или на следующий. Раньше в целях экономии магнитофонной ленты оставляли лишь самые ценные записи, теперь стараемся сохранить в архиве по возможности все магнитофонные материалы.

3. Члены кружка фольклористики вели стационарное изучение отдельных жанров фольклора в определенной местности. Так, В. Маркина в дер. Нордовке Мелеузовского района с этой целью наблюдала две свадьбы на стороне жениха и две на стороне невесты с 1967 по 1971 г. Итоги представлены в виде описаний, которые вместе с другими материалами из района легли в основу научных докладов, прочитанных на заседаниях кружка и конференции СНО, курсового и дипломного сочинений. Студентка А. Ситникова вела наблюдения за жизнью традиционных песен в дер. Рязановке Стерлитамакского района, а Т. Миногина представила 450 частушек из дер. Кананикольск Зилаирского района. Студент Н. Мальков с 1966 по 1972 г. записывал устное народное творчество в с. Мраково Кугарчинского района от знатоков русского фольклора, в числе которых оказались украинки и мордовки. Талантливая певица А. Г. Якименко (1885 г. рожд., украинка) напела ему 150 песен, в числе которых немного меньше половины — русские. В свою очередь в репертуаре русской семьи Туленковых около двух десятков украинских песен. В общей сложности им записано свыше 500 песен разных жанров, начиная от обрядовых и кончая песнями литературного происхождения.¹¹ Число таких примеров можно легко умножить.

4. В последние годы проводится фольклорная практика студентов в связи с включением этой работы в учебные планы педагогических институтов. Выезжают 3—4 группы по 10—17 человек каждая. Так, группа, возглавляемая автором статьи, выезжала в июле 1978 г. в Янаульский район республики, где преобладает удмуртское население, так как перед ней стояла задача исследовать русско-удмуртские фольклорные связи. В июле 1979 г. для выявления русско-марийских контактов избран был Мишкинский район с преобладающим марийским населением. Там мы наблюдали две свадьбы марийцев и собрали в общей сложности свыше 3 тыс. марийских и русских текстов, среди них такие редкие песни, как «Бурлацкая марсельеза», «По пыльной дороге телега несется» и др. Найдено около 100 марийских песен, в которых употребляются русизмы. От марийцев записано свыше двух десятков русских частушек и песен и т. д.

5. Обширный материал собран студентами-заочниками,¹² которым давались тематические задания по записи русского или нерусского фольклора, в том числе русского фольклора от нерусских. Выдвигая такие тре-

¹¹ СобираТЕЛЬСкая работа была продолжена Н. Мальковым и после окончания им педагогического института. Под его руководством организованы и функционируют школьный кружок фольклористики и хор русской народной песни, состоящий из местных колхозников. Теперь Мальков поет в Пензенском народном хоре.

¹² Подробнее об этом см.: Карпухин И. Е. Опыт собирания фольклора студентами-заочниками Стерлитамакского педагогического института. — В кн.: Методические материалы по заочному педагогическому образованию: (из опыта преподавания литературоведческих дисциплин). М., 1974, с. 24—31.

бования, мы исходили из реальных условий: национальный состав студенчества института отражает пестроту этнического состава населения республики.

Так, студентка Т. Н. Куликова в ноябре—декабре 1977 г. собрала среди русских дер. Верхотор Ишимбаевского района 14 песен, 5 плачей, 350 частушек, 198 пословиц и поговорок, 7 прибауток и 2 сказки, а Л. И. Потеряхина записала в дер. Покровке Стерлитамакского района от мордовки Л. Н. Алексеевой (1954 г. рожд.) 87 русских частушек. Мордовка К. Я. Волкова (1907 г. рожд.) из дер. Подлесное Федоровского района напела студентке Л. И. Сергеевой в августе 1976 г. 95 русских частушек, а русская женщина К. Л. Скворцова (1910 г. рожд.) — 8 песен.

6. Разработана программа¹³ для собрания и изучения свадебных обрядов и поэзии в условиях Башкирии, позволяющая студентам-заочникам увидеть и описать во всех подробностях свадьбу как комплекс обрядов и поэзии.

Разнообразя таким образом формы и пути собирательской работы, преподаватели и студенты Стерлитамакского педагогического института собрали свыше 20 тыс. произведений русского и нерусского фольклора. Часть его классифицирована и лишь небольшая доля опубликована.¹⁴

Итак, собранный материал на территории БАССР позволяет увидеть процессы, которые в центральных областях нашей страны либо не встречаются вовсе, либо выражены очень слабо. Они вызваны, во-первых, особенностями заселения русскими территории Башкирии, где по соседству оказывались выходцы из разных губерний России, что приводило к смешению фольклорных традиций и появлению новых вариантов и произведений. К примеру, только в БАССР нам удалось найти свадебную песню «Построй баню на меже».

Во-вторых, русские Башкирии, оказавшись в окружении других народов, стремились сохранить свои обычаи, обряды и фольклор, а потому здесь удается обнаружить в хорошей сохранности многие произведения традиционного фольклора.

В-третьих, происходил и происходит процесс взаимодействия фольклора разных народов. Формы взаимовлияния разные при наличии общих закономерностей. Нами записаны, к примеру, более полные варианты русских свадебных песен от украинок, морденок и т. п. Полагаю, в Своде русского фольклора необходимо предусмотреть тома песен, частушек, сказок и т. д., записанных от нерусских исполнителей. Такие материалы могут быть представлены фольклористами союзных, автономных республик и национальных округов.

¹³ Получила одобрительную оценку у фольклористов Куйбышева и Новгорода. При ее составлении учтен опыт Ф. Волкова (Программа для собрания сведений о свадебных обрядах у великороссов и других инородцев Восточной России. СПб., 1911).

¹⁴ Уральская величальная: Советский фольклор народов Урала. Пермь, 1972, № 16; Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974, вып. 1, с. 193—218.

Д. В. АБАШЕВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОЛЬКЛОРА ПРИСУРЬЯ

Проблема современного состояния народного творчества является одной из центральных проблем советской фольклористики. И не случайно многие фольклористы стремятся глубже разобраться в основных тенденциях развития народного творчества на современном этапе, в его взаимодействиях с художественной литературой, в существовании советского фольклора. Вопросы эти чрезвычайно сложны, ответ на них могут дать только коллективные исследования, опирающиеся на анализ конкретного устно-поэтического материала, собранного в разных регионах нашей страны. Только объективные наблюдения над живыми творческими процессами в народном творчестве могут привести к научно обоснованным теоретическим выводам и определениям.

Тема «Современный фольклор Присурья» — одна из перспективных с точки зрения собирания, изучения и систематизации фольклора.

Кафедра русской и зарубежной литературы Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева лишь в последнее время стала ежегодно проводить фольклорные экспедиции. Остановлюсь на двух экспедициях — 1978 и 1979 гг. Нами обследованы шесть русских деревень (Междуречье, Ичиксы, Сурский Майдан, Кувакино, Злобино, Березовый Майдан) Алатырского района Чувашской АССР, расположенных вблизи р. Суры. Духовную жизнь народа этих сел участники экспедиций старались изучать комплексно, в связи с материальной культурой, привлекая этнографические сведения.

История записи фольклора Присурья и конкретно Алатырского района невелика. Несмотря на то что этот край богат русским фольклором, он до настоящего времени не привлекал пристального внимания исследователей. До 60-х гг. фольклор здесь записывался лишь отдельными энтузиастами, чаще всего учителями, но и эти записи не сохранились.

После открытия в 1967 г. Чувашского государственного университета положение с собиранием местного фольклора несколько изменилось, так как в учебный план историко-филологического факультета была включена фольклорная практика. Студенты университета сделали первые записи русского фольклора в некоторых селах Алатырского Присурья в 1970—1971 гг. Планомерно исследовать все села Присурья — такую задачу эта кратковременная студенческая экспедиция не ставила и не могла осуществить. С тех пор экспедиции в эти районы не направлялись. Между тем повторные записи в одном районе позволяют проследить динамику развития народного творчества уже в течение десятилетия.¹

Река Сура, протекающая через всю территорию Чувашии и сливающаяся с великой Волгой, издавна воспевается в народных песнях. Обживание этих мест русским населением связано было с переселенчеством,

¹ В изданное Чувашским университетом учебное пособие З. Е. Семеновой «Русский фольклор в Чувашии» (Чебоксары, 1976) вошли лишь отдельные записи песен указанной местности.

с раскольниками, бежавшими в глухие лесные края, а также с походами Ивана Грозного. История сел, расположенных в окрестностях р. Суры, представляет значительный интерес. В настоящее время здесь нет еще больших городов, заводов, население в основном занимается сельским хозяйством. Это способствует сохранению в данной местности традиционного фольклора. Специфической особенностью региона является и давнее соседство русских с чувашами, мордвой, благодаря чему происходило не только «перемешивание» фольклора разных местностей, но и творческое взаимодействие русского фольклора с инациональным.²

Известно, что население Присурья занималось и отхожими промыслами. Прежде чем начать записи фольклорных произведений, мы разыскивали сведения из истории местности. Так, до настоящего времени сохранилось первоначальное название одной из улиц с. Кувакино — Курмень, что означает «мое обжитое место». Это является дополнительным фольклорно-этнографическим свидетельством того процесса, когда первым переселенцам приходилось тяжким трудом обживать облюбованные для жительства места, отвоевывая их у лесной глухомани.

Основным занятием кувакинцев издавна было земледелие, но крестьяне искали и дополнительные средства к существованию. Развивались отхожие промыслы и некоторые ремесла: плотничество, столярное дело, гончарное и бондарное производство. Были в селе и люди таких профессий, как жестянщики, сапожники и др. Один раз в год в Кувакино проходила ярмарка, которая собирала большое количество народа со всех сторон, а с 1889 г. по средам проводился и базар. Здесь происходил оживленный обмен не только товарами, но и народно-песенным репертуаром.

Нашими экспедициями были записаны произведения разных жанров фольклора: песни, сказки, частушки; сделаны единичные записи свадебных песен и причитаний, обрядовой поэзии, загадок, образцов детского фольклора. Члены фольклорных экспедиций придерживались фронтального метода накопления материала: записывалось все, что бытовало и бытует в данной местности. Так, в 1978 г. нами было записано от 120 информаторов (в том числе 10 мужчин) 238 песенных текстов, частушек 657, загадок 83, сказок 11, легенд 2, произведений детского фольклора 220, примет 6, а в 1979 г. сказок и легенд — 5, песен — 507, частушек — 1224, обрядов — 8, свадебных песен — 17, плачей — 5, святочных песен — 10 и 1 заговор против зубной боли. Нам не встретились исполнители былин. Сказок удалось записать немного, при этом часто они модернизировались. Топонимические предания (о возникновении сел, например, легенда о Кувакине, записанная от Голынина Федора Павловича, 1913 г. рожд.) также встречались в единичных случаях.

Обрядовая поэзия сохранилась лучше. Нам удалось записать в 1978, 1979 гг. в селах Алатырского района полное описание свадебного обряда, много свадебных песен и даже причитания. Исполнители отмечают, что причитания в этой местности на свадьбах исполнялись очень редко. От Прасковьи Ивановны Титовой (1932 г. рожд.) нами был записан в 1979 г. плач по невесте, в котором имеются следующие строки:

Вставай-ка, разумильна доченька,
Спалось ли тебе темной ноченькой?
Не спалось, а много виделось.
Прилетал ли к тебе черный ворон,
Разделил тебе русу косоньку надвое?
Будет тебя будить свекровушка строгим голосом,
Уйдешь ты, умильна доченька, в чужие люди,
Будешь ты теперича перед всеми унижаться,
Назовешь чужую тетеньку — маменькой,
Назовешь чужого дяденьку — папенькой.

² Вопрос о взаимодействии русского и чувашского фольклора заслуживает серьезного исследования, в настоящей статье он не рассматривается.

Вообще же исполнители крайне неохотно рассказывают о своем умении «плакать», а многих, по преимуществу старых женщин, невозможно уговорить исполнить плач, хотя односельчане и указывают на них как на мастериц жанра плачей. В экспедиции 1978 г. нами было записано всего два плача в с. Междуречье от переселенки из Вологодской области.

Свадьба Присурья в основном была та же, что и в других районах центральной России (сватовство, запой, баня, вечеринка у невесты, собственно свадьба), но имела и отличия. Например, из рассказа Раисы Владимировны Шиваловой (1915 г. рожд.) мы узнали об интересном обряде: в день бани девушки идут к жениху за венником: «Невеста затопляет баню. До этого девушки помогают невесте шить приданое, а жениху шьют лутейные кальсоны. Идут к жениху и шутя выпрашивают у него за них венник. Когда идут с венником назад, пляшут, и от венника остаются одни голяки». Из свадебных песен нам удалось записать: «Ветру не было — вдруг навенуло, Гостей не было — вдруг наехали» (в 4 вариантах), «Молодка моя, молодочка, головка твоя победенькая» (в 2 вариантах), «Во кузнице кузнецы» (в 6 вариантах, сами исполнители определяют эту песню как свадебную), «Недолго цветочку во саду цвести, Недолго вепочку на столе лежать», «Не коли меня хмелина...»

После исполнения песни «Как по морю, морю синему» на свадьбе по местным обычаям бьют горшки «на счастье» (записано от Анны Федоровны Панькиной, 60 л.).

Из календарных обрядов сохранились рассказы об Ивановом дне, о масленице, о святках. Десять песен сами исполнители определили как святочные, но многие из них не имеют начала или концовки. Встречаются интересные колядки, например, записанная от Прасковьи Ивановны Титовой (1932 г. рожд., с. Березовый Майдан):

Коляда-маледа —
Пасконная борода,
Тишки-лепешки,
Свиные ножки.
В печи посидели,
На нас поглядели,
Мы их и съели.
Ванюшка-братец,
Поедем-ка в лес,
Срубим-ка сосенку,
Намостим-ка мостик.
Кому по мосту ходить

С рождеством Христовым?
Тишки-лепешки,
Свиные ножки.
В печке посидели,
На нас поглядели,
А мы их и съели.
Не дадите пирога —
Уведем корову за рога,
Не дадите пышки —
Разобьем все крышки,
Не дадите ватрушки —
Посадим в кадлушки!

Несмотря на небольшое количество, записи обрядовой поэзии в алатырском Присурье имеют несомненный научный интерес.

Особенно широко представлены в Присурье, как, впрочем, и в других районах, песни и частушки; эти жанры являются наиболее популярными. Нас в большей степени интересовала сохранность и современное бытование традиционных песен: любовных, бытовых, солдатских, тюремных, разбойничьих. По результатам экспедиций можно сделать вывод о том, что многие песни с традиционной тематикой поются и любимы в настоящее время. Встретились нам и большие знатоки песен, такие как Головин Михаил Степанович (86 л.). Он исполнил по нашей просьбе более пятидесяти песен; в его репертуаре были и традиционные любовные песни, и бытовые, и шуточные, и солдатские, и даже «жестокие» романсы. Этот несомненно одаренный исполнитель в свои преклонные годы сохранил и отменную память, и негасимое желание петь.

Основное место в материалах экспедиций занимает бытовая лирика: любовные и семейные песни. Традиционные песни о горькой доле, несчастной любви и тяжелой жизни в доме мужа записаны нами в ряде интересных вариантов, например, «Как жила я у маменьки родной, Эх,

я не знала кручинушки той...»; «Без поры, без времени меня замуж выдали, Золотой век девичий навек укоротили, Выдали без времени за неровнюшку, Замуж за неровнюшку на чужу сторонушку...», «Зеленый дубочек на яр поселился, Ах, тятенька с мамкою померли, а я не женился...». Традиционная лирика в Присурье сохранилась хорошо.

Среди песен литературного происхождения популярны «Уродилася я, как былинка в поле», «То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит», «Спускается солнце за степью. Вдали золотится ковыль», «Вот мчится тройка почтовая», «Мне все равно: враги ль, друзья найдутся», «Гляжу я безмолвно на черную шаль», «Потеряла я колечко...» (6¹-вариантов), «Когда я на почте служил ямщиком...» и многие другие.

Из песен-баллад наиболее полно сохранилась и записана в пяти вариантах песня о Ване-ключнике «В саду ягода малина под закрытием росла...». В середине XIX в. появилось, как известно, стихотворение В. Крестовского «Ванька-ключник», которое было вольным изложением старинной народной песни, еще ранее отмеченной собирателями. Это стихотворение и поется сейчас в алатырском Присурье.

Все подобные песни осознаются исполнителями как «старинные народные». Под этой же рубрикой бытуют в народе и так называемые жестокие романсы, или «городские песни», которых отмечено значительное количество. Сохранность их объясняется, видимо, тем, что в них поднимаются вопросы, волнующие и более молодое поколение, и благодаря этому усиливается фольклорная преемственность — это актуальные во все времена вопросы любви, измены, коварства, взаимоотношения любящих сердец.

Наряду с общерусскими народными песнями («Окрасился месяц багрянцем...», «На Муромской дороженьке стояли три сосны...», «При бурной ночи...») удалось записать и не получившие широкого распространения («Какой забавненький мальчишка...», «Невинная жертва как дорога мне...», «Ах, милые подружки, вам счастье, а мне нет...» и др.).

Нами были записаны, хотя и в малом количестве, песни солдатские, тюремные, исторические. Все эти и последующие записи, несомненно, позволят сделать в дальнейшем более подробный анализ русских песен Присурья.

Достаточно широкое бытование имеют популярные песни советских поэтов и композиторов, а также безымянных авторов. В них в основном отражаются героические события, связанные с гражданской и Великой Отечественной войнами («Стоит гора за небосклоном», «Запад погас, и лучи догорали» в 3 вариантах и др.).

Лучшие песни периода Великой Отечественной войны любимы народом и в настоящее время, это живая народная память и постоянное предупреждение о недопустимости новой трагедии. Разумеется, в этом кратком обзоре мы не ставим задачи подробно анализировать их идейно-тематический состав и богатые выразительные средства.

Весьма популярным жанром фольклора на современном этапе являются частушки. В алатырском Присурье частушки местное население называет по-разному: подгорные, нескладушки, «Семеновна», просто частушки. Частушки знают все, независимо от возраста исполнителей.

Наибольший интерес представляют частушки, отражающие местный колорит, как, например:

От Ичисы до Кувакино
Дороженька дугой.
У меня в Ичисах милый,
А в Кувакино — другой.

Частушек, отразивших прошлый быт, нами записано относительно мало. Это связано, очевидно, с тем, что они ушли из живого бытования вместе

с той действительностью, с теми реалиями, которые логикой истории заменены новыми; их место заняла новая частушка.

В ходе экспедиций нами были сделаны в алатырском Присурье и записи детского фольклора в полном его жанровом разнообразии (дразнилки, прибаутки, считалки и т. п.).

Экспедиции по фольклорной практике, проводимые педагогическими институтами, как известно, имеют целью закрепить теоретические знания по устному народному творчеству, познакомить студентов с бытованием фольклора в народе, с особенностями записи фольклорных произведений, но при правильной подготовке и проведении экспедиции ее материалы должны иметь и научное значение, являться вкладом в собирательскую деятельность фольклористов. В фольклорную экспедицию в нашем институте ежегодно направляются две группы студентов 1-го курса (30 человек). Этот мобильный состав под руководством преподавателей может обследовать несколько населенных пунктов и обработать собранные материалы. Но на нашем пути встречаются еще значительные трудности. Оснащенность экспедиционных групп современными техническими средствами работы в настоящее время совершенно недостаточная. Современные же информаторы чаще всего охотно и с воодушевлением исполняют песни именно тогда, когда запись их ведется на магнитофон. Вопрос о материально-техническом обеспечении фольклорной практики в педагогических институтах, включая подготовку и проведение экспедиций, соответствующую обработку и хранение собранных ценнейших материалов, следует решать безотлагательно на уровне министерств просвещения и торговли, положив конец межведомственным препятствиям.

В нашем институте после каждой фольклорной практики студенты сдают руководителю дневник и отчет (студенты работают по три человека и готовят один подробный отчет), а также набепо переписанные фольклорные тексты и, по возможности, магнитофонные ленты. Дневники, отчеты и записи сшиваются вместе и хранятся в архиве по годам и районам. После каждой экспедиции осуществляется обработка записей: все тексты переписываются на карточки (где, кроме текста и всех паспортных данных, указывается также год и район записи) и карточки расставляются по жанрам. Такая картотека удобна для научного использования собранных материалов, для сравнения вариантов одних и тех же произведений, изучения фольклорных жанров. Студенты пользуются указанной картотекой при написании докладов для научных конференций по проблемам фольклора, при выполнении курсовых и дипломных работ. В перспективе наша кафедра хотела бы подготовить сборник наиболее интересных фольклорных текстов Присурья с комментариями и обобщающей статьей.

С. В. ПЬЯНКОВА

СОБИРАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА НА СМОЛЕНЩИНЕ

(МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР)

Фольклорная работа на Смоленщине ведется в основном в трех направлениях: научная, методическая и музыкально-просветительская. Почти все формы такой работы осуществляются здесь кабинетом народного творчества при музыкальном училище совместно с Областным Домом народного творчества. Это фольклорные экспедиции, организация и проведение фольклорных конференций, концертов, семинаров, участие в работе республиканских и всесоюзных фольклорных конференций и семинаров-практикумов, решение вопросов пропаганды фольклора на Смоленщине и ряд других. Основным содержанием всей нашей работы является организация и осуществление фольклорных экспедиций.

Смоленщина — край песенный. Народная память сберегла для нас лучшие образцы смоленской старинной песни самых разных жанров, традиции народной хореографии и инструментальной музыки.

Хорошо сохранились на Смоленщине древнейшие календарные песни. Повсеместно распространены веснянки, невольно обращающие на себя внимание обилием тематики и разнообразием интонационно-ладовой основы. Повсюду широко представлен слой «духовских» — майских песен, часто встречаются гадальные, дожиночные, волочебные и толочанские песни. Купальские же довольно редки и бытуют в основном в деревнях и селах Ельнинского, Демидовского, Велижского и Руднянского районов. Ни в одном из обследованных нами районов не смогли мы услышать настоящую колядку, хотя из опыта работы Ленинградской консерватории точно известно, что они сохранились на Смоленщине, в Монастырщинском, например, районе. В тех же районах, где работали наши экспедиции — Ельнинском, Рославльском, Хиславичском, Велижском, Починковском, колядами обычно называют святковские хороводы.

Отлично помнятся на Смоленщине свадебные песни с их величавыми, суровыми, а чаще всего открыто праздничными напевами, с искренним весельем и юмором дразнилок. Свадьбы в деревнях по-прежнему играют с традиционными песнями, поэтому здесь каждый исполнитель знает, как правило, не только ту или иную свадебную песню, а весь свод свадебных песен своего села.

Исключительно широко бытуют в деревнях и селах Смоленской области лирические песни, среди которых можно найти все типы мелодики от древней квартности до интонаций советской массовой песни. Тематика лирических песен самая разнообразная: песни-жалобы, любовные, семейно-бытовые; очень много песен о горе «молодешеньки», рано выданной замуж, о горькой доле сироты-невестки в семье мужа. Среди лирических немало общерусских песен («Экой Ваня», «Веселая беседушка», «Нам не для чего в чужи люди торопиться»). Нередки и украинские песни («Как за гаем», «Шумят вербы», «Зеленые вишни» и др.).

Звонкие плясовые, хороводные, игровые и шуточные песни распространены на Смоленщине повсеместно. Больше всего святочных и веселых хороводов. Сохранились в быту типы старинной хореографии: круговое движение, «воротца», «цепочка», «змейка», «звездочка», узорный хоровод с образованием 2—4 кругов. Из более поздних танцев известны «ланцей» и кадрили.

Хотя и редко, но можно встретить сегодня на Смоленщине и плачи, и духовные стихи, и исторические песни об Иване Сусанине, Стеньке Разине и Петре I. А в небольшом городке Починке, что расположен в 62 км южнее Смоленска, довелось нам услышать песнь о князе Владимире, что жил во стольном городе во Киеве. В Смоленской области очень популярны и любимы баллады разной тематики. По мелодике они явно связаны с лирическими песнями крестьянской и городской традиции.

По всей Смоленщине широко бытует городская песня. Здесь много песен на слова поэтов XIX в.: Пушкина («Под вечер осенью ненастной»), Некрасова («Катерина», «Хорошо было детинушке»), Сурикова («Казнь Степана Разина», «Уродилась я, как в поле былинка», «Спишь ты, спишь, моя родная», «Доля бедняка»).

При всем разнообразии жанров песенного традиционного фольклора ведущими являются на Смоленщине жанры обрядовые. Воздействие музыкально-стилистических черт одного из таких ведущих жанров календаря очень заметно в музыкальном и поэтическом облике песен других жанров, в частности лирических, хороводных, свадебных. Стилистика календарных песен во многом определила их интонации, особенности лада, ритма, строфики. Видимо, этим объясняется и лаконичность звучания смоленских народных песен, особенно лирических. Широка шапелов им не свойственна. Форма протяжной лирической песни встречается довольно редко. Многие песни звучат в квартových, квинтовых либо секстовых звукорядах, представленных кварт-терцовой организацией попевок, либо квинтовой интонацией с прилегающей секстой. Объем октавы и выход за ее пределы внутри одной мелодической линии — явление далеко не частое.

Народная песня Смоленщины многообразна в ладовом отношении. Помимо языческих ладов — звукорядов (мижорнотрихордового, кварт-терцового, квинтового пентахорда и тетрахорда) для нее характерны проявления фригийского и миксолидийского ладов, а в песнях более позднего времени типичными являются натуральные мажор и минор и гармонический минор.

Традиции развитого многоголосия, богатого контрастом мелодического и ритмического рисунка подголосков, для Смоленщины в целом не характерны. Но своеобразные традиции многоголосия здесь есть и встречаются повсеместно. Это подчеркивание кульминаций и кадансов в напеве неожиданным расхождением голосов, образующих 3-звучные, реже — 4-звучные аккорды. Это выдерживание 1—2 голосов-подголосков в виде фона над основной мелодией либо проведение над нею одного из нижних голосов в более высоком регистре. Такая традиция получила на Смоленщине название «пение с „подголосником“». Часто встречается и как бы «ярусное» расположение голосов, которое создается при дублировании верхними голосами всех нижних, включая и основной.

Манера женского народного пения на Смоленщине нередко отличается специфическим тембром, в котором выделяется 1-й октавный обертоп, в связи с чем напев слышится словно сразу в 2 регистрах с верхним октавным его удвоением.

В исполнении ряда смоленских песен сказывается древнеславянская традиция «гукания» — окончания песенной строфы высоким просветленным возгласом «гу!» или «у». Это характерно для исполнения майских, купальских, некоторых лирических и свадебных песен.

Среди народных песен, сложенных на Смоленщине в наши дни, есть песни, связанные с именем В. И. Ленина, героев гражданской войны Чапаева и Ворошилова, есть песни о первых девушках-комсомолках, песни о Великой Отечественной войне, но, к сожалению, песен этих очень мало. Мелодика современных смоленских народных песен опирается на интонации крестьянской лирической и солдатской песни, городской бытовой лирики, советской массовой песни и частушек.

Богаты на Смоленщине традиции инструментальной музыки. Здесь издавна пользовались славой умельцы играть на дудках, гудках и цимбалах, ложках и бересте. Один из самых любимых инструментов — скрипка. Не обходились без нее ни праздник, ни гулянье. Большое значение имела игра на скрипке в свадебном обряде: скрипачи сопровождали своей игрой почти все его этапы.

В наши дни на Смоленщине бытуют скрипка и цимбалы, балалайка, мандолина и гитара, бубен и гармонь. В ряде местных традиций на высоком уровне искусство игры на бересте и ложках (Краснинский р-н). Встречается и самобытный ударный инструмент — «бутылки» — набор бутылок, заполненных водой на разном уровне. Звук извлекается металлическим стержнем (совх. Лонница Краснинского р-на).

Основной репертуар исполнителей-инструменталистов состоит сейчас из плясовых и танцевальных наигрышей. Среди них «Барышня», «Камаринская», полька, тустеп, краковяк, страдания. Есть и песни в исполнении на народных инструментах: свадебные, лирические, общерусские песни, вошедшие в кадрили («Выйду ль я на реченьку», «Светит месяц»).

Плановая систематическая работа по записи народных песен началась на Смоленщине в 1968 г. и особенно активизировалась со времени создания в 1970 г. кабинета народного творчества при музыкальном училище. Проведено более 30 экспедиций. Обследованы Ельнинский, Починковский, Рославльский, Хиславичский районы Смоленщины. Проведен ряд записей в деревнях Демидовского и Ершичского районов, в г. Велиже и в самом Смоленске. Всего записано около 7000 песен.

В планах нашей экспедиционной деятельности есть и детальное обследование целых районов, и походы по прежним маршрутам и адресам с целью получения вариантов песен, есть и практика записи песен от одного исполнителя или группы в течение ряда лет. Так, работая с Починковским народным хором в течение 6 лет, мы записали от него и его участников более 800 песен. За 3 года (с 1971 по 1974) в несколько приемов записывали мы прекрасные песни Ф. С. Красновой, жительницы г. Велижа. Без учета вариантов записано от нее свыше 500 песен. С вариантами их число достигает 700, и работа с Ф. С. Красновой еще не окончена.

Сроки наших экспедиций различны: от 2 дней до 2 недель. Большие сроки возможны лишь в летнее время, поскольку участниками экспедиций являются у нас учащиеся. Непродолжительные по времени экспедиции проводятся и в учебном году, но основное время записи народных песен приходится на конец июня — начало июля. В экспедициях принимают участие учащиеся 2—3-х курсов музыкального училища, чаще всего «народники» и теоретики. Желających отправиться в экспедицию, как правило, довольно много, и мы стараемся взять всех, о чем жалеть еще не доводилось.

Работа в экспедиции ведется группами (по 2—4 человека), что позволяет вести записи одновременно в 4—5 населенных пунктах данного района. Обычно группы расходятся по разным (противоположным) направлениям, чтобы уже через 2—3 дня работы имелось общее представление о фольклоре данной местности. Практикуется предварительная под-

готовка записи (выявление лучших исполнителей, запись текстов), но опыт показывает, что она далеко не всегда себя оправдывает.

В экспедициях мы записываем вокальную и инструментальную народную музыку. Во время записи обязательно объявляется дата, место записи, фамилия, имя и отчество исполнителя, название (зачиш) песни и ее жанр, сведения исполнителей о назначении данной песни в жизни. Одновременно с записью на магнитофон пишется в тетрадь текст песни. Тексты записываются целиком и обязательно с учетом диалекта. Каждый текст пишется заново, если даже он встречался уже неоднократно и хорошо знаком. Записи текстов песен каждой деревни проводятся в отдельной тетради. Так потом удобнее хранить материалы и, главное, удобнее пользоваться ими. На магнитофон записывается часть песни — 3—4 строфы. Если ярко выражено варьирование, песня записывается целиком. Небольшие по объему песни тоже стараемся записывать на магнитофон до конца, а также хорошее исполнение. Запись песен производится только на одной дорожке.

С учащимися, желающими поехать в экспедицию, проводятся практические занятия по записи текстов и работе на магнитофоне, оформлению реестров, пленок и тетрадей с текстами; даются инструкции по ведению записи. В помощь участникам экспедиции разработан примерный опросник и образец реестра.

В начале работы экспедиции перед разездом группы по своим маршрутам всегда проводится не менее 2 показательных записей, что является практикой для новых участников экспедиций.

Материалы фольклорных экспедиций хранятся, систематизируются, нотируются, изучаются в кабинете народного творчества при музыкальном училище. Кабинет имеет отдельное помещение с соответствующей аппаратурой, с закрывающимися (закрытого типа) шкафами, где хранятся наши песенные фонды.

Магнитоленты распределены по годам записи и по местам записи песен в разных районах Смоленщины. Материалы той или иной экспедиции можно найти по указателям. Внутри каждого экспедиционного фонда материал расположен по местам записи, в алфавитном порядке. Для этого после каждой экспедиции проводится соответствующая работа по перераспределению материала на ее пленках, где записи, сделанные в одном населенном пункте, сводятся вместе. Тогда появляется возможность расположить пленки в алфавитном порядке. Практикуем мы и систематизацию материала по исполнителям (песни Ф. Красновой, песни Починковского хора). Способы хранения текстов песен и нотации аналогичны. Никакие записи, никакие пленки не уничтожаются, не размагничиваются. Хранятся также с соответствующими указателями пленки, подготовленные для иллюстрации материала на конференциях, записи фольклорных концертов, конференций, подборки песен по отдельным жанрам. Их очень удобно использовать в учебном процессе, на лекциях о народной песне.

Нас беспокоит судьба песен в дальнейшем, во времени. Они не охраняются государством. Их сохранность не контролируется. Между тем песенные фонды просто необходимо учитывать и хранить как государственную ценность. Вопрос о том, как это сделать.

В меру своих сил мы делаем все для того, чтобы наши песенные фонды не лежали мертвым грузом. Для нас песенный фонд — источник для научной работы и прекрасный материал для иллюстраций в учебном процессе, в лекциях о народной песне, в радиопередачах. Песенный фонд — золотая кладовая репертуара коллективов художественной самодеятельности.

Результатом работы с фондами явился сборник «Свадебные песни родины Глинки» (М.: Сов. композитор, 1977), организация и проведение 2 научных фольклорных конференций в Смоленске и Ельне Смоленской

области, нотации и обработки народных песен. (Отмечу, кстати, что ряд нотаций и обработок опубликован в репертуарных листках ОДНТ и в серии «В помощь коллективам художественной самодеятельности»). К 175-летию со дня рождения М. И. Глинки подготовлен и сдан на Всесоюзную фирму «Мелодия» материал для выпуска долгоиграющей стереогрампластинки «Народные песни Смоленщины» (поет Починковский женский народный хор). В нее вошли 23 песни Починковского района, среди которых календарные, лирические, хороводные и свадебные песни, одна колыбельная, современные народные песни и частушки.

Наши песенные фонды мы широко используем в музыкально-просветительской деятельности. Вопросам пропаганды фольклора у нас уделяется большое внимание. Мы решаем их через сеть радиопередач, серии лекций, через организацию и проведение фольклорных концертов.

В мемориальном зале им. М. И. Глинки, который находится в Смоленском музее-заповеднике, уже больше 5 лет постоянно работает фольклорный музей. Здесь звучат песни, записанные нами в экспедициях, здесь выступают и талантливые исполнители народных песен, «открытые» в экспедициях. Практика фольклорных концертов появилась у нас в 1974 г. и сейчас применяется довольно широко.

Важным средством пропаганды народного творчества являются у нас радиопередачи. Большинство их проводится по областному радио. Тематика их самая разная: о каком-либо жанре, виде народных песен («Лирические песни», «Купальские песни»), об одном исполнителе («Песни Фёклы Красновой») или творческом коллективе («Поет Починковский хор»), о народной песне в жизни и творчестве композиторов, поэтов, писателей («Народная песня в творчестве М. И. Глинки», «Народная музыка в жизни и творчестве А. Т. Твардовского» и т. д.). Иллюстрируют такие передачи народные исполнители, которых мы вызываем в Смоленск и записываем в студии радиокомитета.

Особое внимание обращено у нас на приобщение к народной музыке молодого поколения. Слушатели большинства лекций и фольклорных концертов — школьники, учащиеся ГПТУ, рабочая молодежь, студенты. В Смоленском музыкальном училище существует фольклорная группа — хор любителей народной музыки, народной песни и танца. Фольклорная группа часто выступает с концертами. Значительную часть ее репертуара составляют смоленские народные песни из наших экспедиционных фондов. Почти все в коллективе — участники экспедиций.

Думается, необходимо как можно более широко привлекать молодое поколение к фольклорной работе во всех ее проявлениях, чтобы оно стало достойным преемником, носителем, хранителем и продолжателем замечательных традиций народного творчества.

А. Т. ХРОЛЕНКО

СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА И ОРФОГРАФИЯ

(ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ
И СЛОЖНЫХ СЛОВ В УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ)

Такое грандиозное национальное предприятие, каким является работа над созданием Свода русского фольклора, требует не только колоссального труда по учету, систематизации и отбору имеющегося фольклорного материала, но и теоретического решения многих вопросов эдиции, в частности связанных с орфографией публикуемых текстов.

О том, что эти вопросы пока еще удовлетворительно не решены, свидетельствует тот факт, что даже в одном из последних по времени изданий высокоавторитетном академическом «Собрании народных песен П. В. Киреевского»¹ найдется не один пример орфографической непоследовательности в разграничении сложных слов и устойчивых словесных комплексов. Ср.:

Надёжинька, надёжа, мил сердечный друг (Кир., т. 1, с. 290).
Ты скажи, не утай, мил-сердечный друг (Кир., т. 1, с. 302).
Раскидывал-разметывал бел-танкой шатёр (Кир., т. 1, с. 227).
Раскидывал, развёртывал
Бел тонкой шатёр (Кир., т. 1, с. 229).
Полети ты, млад-ясен сокол далекомько (Кир., т. 1, с. 303).
Растужился млад ясен сокол (Кир., т. 1, с. 320).
Он стрельнул в сыр матер дуб (Кир., т. 1, с. 1).
Породился сыр, матерый дуб (Кир., т. 1, с. 146).
Он скидал тут скоро сафьян-сапог (Кир., т. 1, с. 11).
На ним черной бархатной кафтанчик,
Зелен сафьян сапожки (Кир., т. 1, с. 53).
Как по камешку бежит быстра реченька,
Быстра реченька, славная Дон река (Кир., т. 1, с. 142).
Приезжает добрый молодец ко Неве-реке (Кир., т. 1, с. 162).
Они били-разбивали наш Чернигов-град (Кир., т. 1, с. 234).
А еду в Киев град (Кир., т. 1, с. 1).

Список примеров подобной непоследовательности можно было бы продолжить.

Эти и аналогичные случаи нельзя отнести только на счет непоследовательности собирателя или небрежности редактора. Они объективно свидетельствуют, что проблема цельности фольклорного слова трудна и требует специального рассмотрения с целью установления строгих критериев разграничения устойчивых словесных комплексов и сложных слов в тексте устно-поэтического произведения.

Невозможно полное и адекватное описание лексического, фразеологического и синтаксического строя, особенностей словообразования устно-

¹ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 1: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л., 1977. Далее в тексте: Кир., т. 1.

поэтической речи без решения вопроса о границах фольклорного слова. Особенно остро этот вопрос стоит в эдиционной практике.

Если в литературном языке разграничение сложных слов и сочетаний слов таит многие теоретические и практические трудности,² то в устно-поэтической речи эти трудности возрастают. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, нет детального описания фольклорной лексики, не подвергались углубленному обследованию многие фундаментальные вопросы устно-поэтической лексикологии и фразеологии, отсутствует отечественная народно-поэтическая лексикография (в противном случае вопрос об отдельности слова встал бы гораздо раньше). Во-вторых, в диалектологических работах и описаниях разговорной речи этот вопрос почти не рассматривался.³

Считается, что характерными признаками сложного слова в литературном языке и говорах являются следующие: 1) контактность частей слова, невозможность самостоятельного функционирования компонентов; 2) одноударность; 3) неизменяемость первой части; 4) наличие соединительной гласной.

Полагают, что третий критерий обладает наиболее универсальным характером, все остальные — факультативны. Т. Н. Молошная, монографически описывая субстантивные словосочетания в славянских языках и разграничивая словосочетания и сложные слова, приходит к выводу, что «никакие другие критерии, кроме формального <...> не продуктивны», а таким формальным критерием для нее является морфологическая цельноформленность, выражающаяся в неизменяемости по падежам и числам первого компонента анализируемого образования.⁴ Однако этот критерий, в целом успешно «работающий» при описании сложных слов литературного языка, не всегда выдерживает проверку на материале фольклорных текстов.

Во-первых, для устно-поэтического текста характерна частая дистактность частей тех образований, которые в литературном языке считаются сложными словами типа *жар-птица* (мы не имеем в виду разрывы слов при распеве): «*Жар как птицу опустила я со клеточки*».⁵

Во-вторых, не «работает» в качестве дифференцирующего признака и критерий фонетической цельноформленности (единичности ударения). Известно, что фольклорному тексту свойственна повышенная подвижность акцента,⁶ а также постоянная тенденция к энклитизации и проклитизации. Недаром в фольклористической литературе появилось понятие эпической лексемы (А. Лорд), которая может включать два морфологически цельноформленных слова. Например, одним ударением обладают устойчивые сочетания типа *сине море, чисто поле* и т. п. Предельная подвижность ударения, снятие речевой интонации и замена ее просодией, повышенная вариативность и т. п. обуславливают гибкость и прихотливость фольклорного слова.⁷

² См.: Смирницкий А. И. К вопросу о слове. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952; Жирмунский В. М. О границах слова. — Вопросы языкознания, 1961, № 3. Из более поздних обобщающих работ на эту тему: Букчина Б. З., Каламуцкая Л. П. Сложные слова. М., 1974.

³ Одна из немногих работ на эту тему: Блинова О. И. Об отдельности слова в диалектном языке. — В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975. (Учен. зап. / Томский ун-т; Вып. 3; № 92).

⁴ См.: Молошная Т. М. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975, с. 36—40 и др.

⁵ Причитания Северного края, собранные Е. Б. Барсовым. М., 1872, ч. 1, с. 61. Далее в тексте: Барс.

⁶ См.: Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

⁷ Например: Ты писала б письма-грамотки
По-заране-пору-времечко (Орлов О. В. Плачи Ильменского Поозерья. — Филол. науки, 1962, № 2).

В-третьих, неизменяемость компонента графически изоморфного слову в литературном языке служит достаточно убедительным аргументом в пользу того, что перед нами часть сложного слова. Согласно критерию морфологической цельнооформленности мы должны были бы следующие случаи вывести за пределы сложных слов:

И стал Васильюшко по *Нову-граду* похаживать.⁸
Ище есть ему цена да во *Новё-городё*.⁹

Однако столь же широко распространены аналогичные слова с неизменяемым первым компонентом:

Давно ль выехал из *Волин-града* из Галпча? (Рыбн. П., с. 28).

Неизменяемым может стать компонент, который обычно склоняется:

Красну девочку в полон взяли,
К *граф-Румянцеву* приводили (Рыбн. П., с. 44).

Близки к этому случаи, когда первый компонент изменяется, но по своей падежной форме не совпадает со вторым компонентом:

Ай, по бережку конь идёт <...>
Сива-гривушкой помахивает.¹⁰
Да на подушке *плица бархатной* <...>
Да тут Иван-от чесал кудри (Лир. рус. свадьбы, с. 140).

С учетом критерия морфологической цельнооформленности сочетания с приложениями *свет-батюшка*, *свет-дубровушка* Т. Н. Молошная безоговорочно относит к разряду сложных слов.¹¹ И действительно, в значительном количестве случаев компонент *свет* морфологически не меняется:

— Ой кому же эти перья подбирать будет?
— Да вдовушке да *свет Марьюшке*.¹²

Однако компонент *свет* очень часто варьируется в морфологическом и словообразовательном отношении:

По мостиночке с утра стану похаживать,
Я на *светушков* — на братьщов поглядывать (Барс., с. 43).
Разрядят да *светы* — братцы богоданыи (Барс., с. 43).
Светов братьщов я не одобряю (Барс., с. 43).
У кормильца *света* — батюшка (Барс., с. 51).

Аналогично и приложение может не соответствовать определяемому существительному в падеже:

Я проглупала *родитель* свою матушку (Барс., с. 62).
Как приду я понь, горющица,
Ко *родитель* — своей *матушке*? (Барс., с. 52).¹³

⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. 2-е изд. М., 1910, т. 1—2, с. 33. Далее в тексте: Рыбн. П.

⁹ Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969, с. 47.

¹⁰ Лирика русской свадьбы. Л., 1973, с. 107. Далее в тексте: Лир. рус. свадьбы.
¹¹ См.: Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках, с. 39.

¹² Русский фольклор в Латвии / Сост. И. Д. Фридрих. Рига, 1972, с. 163. Далее в тексте: РФЛ.

¹³ Факультативность изменения первого компонента приводит к парадоксальным случаям, когда одноклассные конструкции в пределах одного и того же контекста принципиально различны: по критерию литературного языка, в первом случае это слово, во втором — сочетание слов. Например:

Как я буду величать *свёкр-батюшка*,
Как я буду называть *свёкру-матушку* (РФЛ, с. 66).

Думается, что решение вопроса о границах фольклорного слова возможно только при том условии, что мы откажемся от привычных нам критериев литературного языка и взглянем на фольклорный текст как явление особого рода.¹⁴

Строка народно-поэтического произведения пульсирует, сжимаясь и разжимаясь, гибко подчиняясь напеву или плясовому ритму. Это отражается на грамматической структуре стиха. Вот почему мы обнаруживаем две полярные тенденции. С одной стороны, разрывы слова при распеве,¹⁵ функционирование частей слова в качестве эквивалента полного слова. С другой стороны, слова сжимаются, прессыются в композиты, наличествующие только в фольклорных текстах. Именно здесь мы видим, как один и тот же комплекс то меняется, уподобляясь слову, то окостеневает и в силу этого сливается с последующим словом.

Фольклорное слово в стихотворном тексте становится своеобразной «поэтической морфемой», т. е. такой речевой единицей, которая равно может быть и отдельным словом, и частью окказионального композита.¹⁶

Основной единицей стихотворно-песенного фольклора является строка, которая характеризуется музыкальной, просодической и синтаксической цельностью. Составляющей строки и является «поэтическая морфема» — аналог узуального слова.¹⁷

Относительная самостоятельность таких «поэтических морфем» получается из-за ослабления связи между ними, возможной дистактности и перестановки. Например, частое в причитаниях, записанных Е. Барсовым, «слово» *дайволюте-тко* объясняется в сноске как результат перестановки внутри сочетания *дайте-тко волю*: «Дайволюте-тко народ да люди добрые» (Барс., с. 64).

¹⁴ Ср.: «В самом деле, что такое „слово“? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого собственно следует, что понятия „слово вообще“ не существует» (*Шерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. 1, с. 9). Этот тезис необходимо иметь в виду в анализе такого специфического явления, как народно-поэтическая речь, где почти каждое слово «запрограммировано» другим словом и всем текстом произведения в целом.

¹⁵ Ср.: *При-прикладничка* кленовая (Традиционный фольклор владимирской деревни: В записях 1963—1969 гг. М., 1972, № 61). Далее в тексте: Владимир.

¹⁶ Только в песенной строке мы можем встретить окказионализмы, которые представляют собой усеченные имена существительные:

Еду я лесом — лес мой невесел,

Еду я полем — *поль* мой незелен (Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976, № 60. Далее в тексте: Прибалтика);

Венок вила милому.

— Кому этот *вен* достанется?

Достался *вен* ровнюшке (*Мартыненко О. Н.* Фольклор Пензенской области. Рязань, 1977, № 87. Далее в тексте: Пенза);

Куст *черемухи* стоит,

А под этой *чермой*

Солдат битый лежит (Прибалтика, с. 69), — или слова, в равной степени относящиеся к существительным и к прилагательным:

Ты подуй-ка, подуи,

Бурь-погодушка (Пенза, с. 92).

Во *секрет* слова говаривали (Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия. М., 1917, вып. 1; М., 1929, вып. 2. Далее в тексте: Кир. П.).

Милый бережком идёт,

Радость-песенки поёт (Прибалтика, с. 278).

¹⁷ Думается, что именно это обстоятельство обусловило сохранность кратких прилагательных в атрибутивной функции. Совпадающие по структуре с изолированным корнем, они в равной степени воспринимаются и как автономные определения, и как часть специфического фольклорного композита. В исходной форме (им.-вин. пад. ед. ч. м. р.) они так похожи на морфемы, что в тех случаях, когда одно краткое прилагательное следует за другим, собиратель или редактор соединяют их дефисом: *част-крупен дождик, сив-бур-шахматный, бел-горюч камень, сив-космат* (Кир., т. 1, с. 110, 244, 254, 362). Впрочем, соединяются дефисом и полные прилагательные: *удалый-добрый* (Кир., т. 1, с. 138, 140).

Диалектическое единство отдельности и связанности «поэтической морфемы» в устно-песенной строке первым уловил А. А. Потебня, обозначив его термином *сближение*.¹⁸ Это сближение определяет уникальность композитов, их окказиональный характер, предельный динамизм каждого сложного образования, который проявляется в большой амплитуде вариаций от сочетаний слов до несомненного сложного слова. Наличие постоянного сближения как раз и вызывает затруднения собирателей и редакторов в определении границ слова. Сложные образования, возникшие вследствие интенсивного сближения, мы условно назовем *композирами*, понимая под этим термином случаи промежуточного состояния между словосочетанием и сложным словом.

Каковы же критерии выделения фольклорных слов, этих «поэтических морфем» песенной строки? Кажется, что легче решить вопрос с теми композитами, в которых грамматически активные компоненты — по форме имена существительные (типа *нов город, свет братец, столько Киев град* и т. п.). Второй, находящийся в препозиции компонент представляет собой краткое или усеченное прилагательное, утратившее способность изменяться по родам, числам и падежам. Полагаем, что перед нами атрибутивные словосочетания с тенденцией наиболее частых превращений в поэтические фразеологизмы. Нет нужды считать сложным словом (с соответствующим орфографическим оформлением) словосочетание *буй ветер*, если в одновременно бытующих в Воронежской области песенных текстах мы находим примеры морфологической вариативности прилагательного *буйный* в одном и том же словосочетании. Ср.:

Буйный ветер в лицо бьёт (Воронеж, с. 42).¹⁹

Буен ветер воротца растворил (Воронеж, с. 14).

Шумит вода без *буй* ветра (Воронеж, с. 13).²⁰

Конечно, не во всех спорных случаях мы можем представить полную парадигму определения — полное / краткое / усеченное. В текстах найдем значительное количество окказиональных образований типа *искат гора, золото цепочка* и др. Например: «По *искат-горам* вы издили высокими». ²¹ (Комментарий па с. 300: *искат* (*искатная*) гора — крутая, со скатами.)

Выше мы уже приводили мнение Т. Н. Молошной о принадлежности образований с компонентом *свет* к разряду сложных слов, а также показали, что в фольклорных текстах компонент этот ведет себя как грамматически активное слово. Не оспаривая мнения Т. Н. Молошной (она говорит только о нормах современного русского *литературного* языка), полагаем, что для устно-поэтической речи это самостоятельная лексема. В двух примерах из одного и того же сборника:

Будут грубо *светы* братцы разговаривать (Федосова, с. 106).

И я иду, да подневольна красна девушка,

И по своим *светам* — желанным родителям (Федосова, с. 216) —

графическое оформление первого из них больше соответствует истинной природе лексемы *свет*.

¹⁸ «В устной словесности, а отчасти в просторечии довольно часты не сложенные <...> а *сближения грамматически самостоятельных слов* (Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968, т. 3, с. 415. Подчеркнуто мной, — А. Х.).

¹⁹ Народные песни Воронежской области. Воронеж, 1974. Далее в тексте: Воронеж.

²⁰ В последнем случае логично написание *буй ветер*. В своей работе «Лексика русской народной поэзии» (Курск, 1976) этот и подобные ему случаи я отнес к сложным окказиональным словам, что теперь представляется неверным.

²¹ Федосова И. А. Избранное. Петрозаводск, 1981, с. 15. Далее в тексте: Федосова.

В современном русском литературном языке самым бесспорным показателем сложного слова считается наличие соединительной гласной *о* или *е*. Применительно к фольклорным композитам надежность этого критерия не столь очевидна. В русских песнях, записанных на территории Латвии, мы встретим *золото-ключи* и *золото-цепочку*. Наличие *о* в конце первого компонента не дает основания автоматически отнести оба эти образования к числу бесспорных сложных слов, поскольку в одном и том же тексте, но в различных метрических условиях равноправно используется бесспорное атрибутивное словосочетание *золотой ключ* и *золота цепочка*. Ср.:

Разгулялась красна девица-душа,
Потеряла свои *золото-ключи* <...>
Мойм поясом помахивает,
Золотым ключам побрызгивает (РФЛ, с. 408).
Тебя хочет Иван-сударь целовать,
Через цветную платю парчевую,
Через *золото-цепочку* жемчужную...
Уж я *золоту цепочку* разорвала (РФЛ, с. 56).

Наличие подобной «соединительной» гласной *о* у компонента *стольно*: На бумагу-то продаст пусть *стольно-Киев-град*²² — так же не дает оснований квалифицировать композит *стольно Киев-град* сложным словом (мы пока не принимаем во внимание принадлежность компонента *град*). Само соединение нарицательного определения с именем собственным существительным кажется противоестественным, да и примеров с полным прилагательным *стольный* в сочетании с существительным *Киев* былинные тексты дадут нам в значительном количестве.

«Соединительная» гласная *о* и в композите *часто рыбий (гребень)*: И *часто-рыбий-го* несет да она грёбешок (Федосова, с. 219) тоже не дает оснований отнести его к сложным словам. Нет в фольклорном тексте словосочетания *частая рыба* (?!), а есть цепочка определений к существительному *гребень* — *частый и рыбий*.

Любопытно остановиться на простом, казалось бы, случае с композитом *нов город* (собиратели и составители предпочитают *Нов-город*).

Народно-песенные тексты насыщены словосочетаниями с определением *новый*, которые практически не противопоставлены словосочетаниям с прилагательным *старый*:

Вы сходите-ко, дети, в *нову роцицу*.²³
Новы травоньки помял.²⁴
Что за речкой село, *село новенькое*.²⁵
Жил я в *новенькой деревне*, не видал веселья (Соб., т. 5, с. 124).
По *улочке* по *новой*
Ехал мальчик молодой (Соб., т. 3, с. 351).

Отсутствие противопоставления дает основание полагать, что определение *новый* включает в свою семантическую структуру сему положительной оценки. Это подтверждается случаями квазиалогизмов:

Долина ж, моя *долинушка, нова*, широкая (Соб., т. 5, с. 205).
Я ни вор был ни разбойничик, маладой был охотничик
ходить гулять по прилукам,
Па прилучушкам ходить, па *новиньким* по *речонкам*,
Па *красненьким* по девчонкам (Кир. П., 2, 1842).

²² Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981, с. 172.

²³ Песни Печоры. М.; Л., 1963, с. 196. Далее в тексте: Печора.

²⁴ Великорусские народные песни: В 7-ми т. СПб., 1895—1902, т. 5, с. 247. Далее в тексте: Соб.

²⁵ Традиционный фольклор Новгородской области: По записям 1963—1976 гг. Л., 1979, с. 111. Далее в тексте: Новгород.

Если не принимать во внимание предположения о наличии в прилагательном *новый* оценочного компонента, трудно объяснить эти окказиональные словосочетания. Близок к этим пример:

Он (француз, — А. Х.) в свою землю жить пошёл,
Он пошёл, к новой речки подошёл (Кир. П., вып. 2, с. 1857).

В поэтических текстах устойчивый бином *зеленый сад* может дополняться эпитетом *новый*:

Ах да во *зелененькой новенькой садок*.²⁶
Не прокладывай следа
К *нову зелену саду* (Соб., т. 4, с. 647).
А за тыном было тыничком,
За *зеленым новым садичком*.²⁷
По-за рощице сизенький спустился
Во *зелененький новенький садок* (Соб., т. 4, с. 577).

Аналогичным может быть объяснение генезиса таких словосочетаний, как *новый город, новая песня, новая слобода, новое веселье* и др. Даже губернатор может быть новым, хотя о другом, старом, не было и речи:

Астраханскому *новому губернатору* просьбу сучиняла (Кир. П., 2, 1648. То же: 1795).

Оценочность в слове *новый* и объясняет повышенную частотность его в русской лирике.

Теперь мы можем иначе взглянуть на часто используемый в фольклорных текстах композит *нов/Нов/город*:

Он пошёл по *Нову-городу* (Кир., т. 1, с. 211).
Не диковинка во *Нов город* сходить (Кир. П., вып. 1, с. 1587).

Думается, что только наличие реалии — города Новгород заставляет собирателя или редактора в тексте песни оформлять композит как сложное имя собственное. В поэтическом сознании носителей русской лирики *нов город* — составное обозначение города вообще с положительным знаком оценки. Об этом свидетельствует контекст:

Поеду я, удалец,
Во дальние *города*,
Во *новые ворота* (Соб., т. 3, с. 549), —

и аттракция определения *нов*:

Ах, да что пойду, молодец, во *Нов-город*,
Кушлю *нов тесов корабль* (РФЛ, с. 325), —

и замена определения *нов* кратким прилагательным *бел, царь* и др. в устойчивом фрагменте различных вариантов одной и той же песни. Ср.:

Пойду, пойду
Под *бел город* каменный (Соб., т. 2, с. 608).
Уж я подойду, подойду,
Я под *Царь-город* подойду (Соб., т. 2, с. 609).
Пойду ли я
Под *нов город* я подойду (Соб., т. 2, с. 612).

²⁶ Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г./Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — С. М. Лянунов. СПб., 1899, с. 224.

²⁷ Песенный фольклор Мезени. Л., 1967, с. 99. Далее в тексте: Мезень.

На месте *Новгорода* часто используется *Китай город*. Ср.:

Я поеду, молодецек, во *Новгород*,
Я закупочки там буду закупати (Соб., т. 3, с. 537).
А я уеду да во *Китай город*.
В *Китай город* торговать,
Да всякие товары да закупати (Соб., т. 3, с. 538).

Любопытно отметить, что в новгородских вариантах этой распространенной песни мы найдем только *Китай город* (Соб., т. 3, с. 543, 547). *Новгород* зафиксирован в костромском и сибирском вариантах песни.²⁸

Определение *нов* сочетается с названиями городов:

Распостроился ещё *нов город Москва*.²⁹
В *новом городе* во *Спленскому* (=Смоленск)
Стоят верей точены (Кир. П., вып. 2, с. 4759).

Краткая форма прилагательного *нов* и создает иллюзию, что в композите *нов город* имеется в виду определенный географический объект. Как только появляется полная форма, становится очевидным, что прилагательное не часть сложного слова, а определение:

Стоять со полком под тынком,
Под *новеньким городком*,
Под каменной стеной.³⁰
Сама пошла матушка
Во *новенький городок*
Купила сударыня
Легкое суденышко (Кир. П., вып. 2, с. 1951).

Полагаем, что в песенных текстах мы должны воспринимать композит как атрибутивное словосочетание *нов город* (исключая, естественно, случаи, когда в тексте былины, например, *Нов город* служит обозначением реального города Новгорода, центра древнерусской цивилизации). Ср.:

Подойду ли я,
Под *нов город* подойду (Соб., т. 2, с. 612).

Труднее разграничивать сложное слово и устойчивое сочетание слов в тех случаях, когда оба компонента изоморфны прилагательному. Имеем в виду примеры типа *бел кудрявый*, *мил сердечный*, *чужа мужняя*, *млад ясен* и т. п. В самом начале своих заметок мы как раз и приводили их в ряду других как пример орфографической непоследовательности. Попытаемся и здесь дать однозначное решение вопроса их правописания, попутно решая для того и теоретическую проблему цельности слова.

В песенных текстах очень част композит *бел кудрявый*. Почти всегда это сложный/составной эпитет к существительному *молодец*. В значительном числе случаев определяемое существительное опускается и композит совмещает функции и определяемого и определяющего: Не ходи, *бел-кудреватый*, мимо моей хаты (Соб., т. 3, с. 159; т. 4, с. 329, с. 330). Видимо, это обстоятельство и послужило основанием для более тесного стяжения компонентов, что и отразилось в дефисном оформлении композита. Если расширить круг примеров использования композита, то заметим существенную морфологическую вариативность компонента *бел*.

²⁸ Этот парадокс отмечен на примере лексемы *Дунай*: чем дальше от реальной реки живут носители фольклора, тем чаще вспоминают *дунай*, превращая название реалии в знак особой реки. И вообще имена собственные в фольклоре обнаруживают постоянную тенденцию к обобщению и превращению в имена нарицательные.

²⁹ Песни русского народа: Собраны в губ. Архангельск. и Олонецк. в 1886 г./Записали: слова — Ф. М. Истомина, напевы — Г. О. Дютш, СПб., 1894, с. 34.

³⁰ Курские народные песни / Сост. П. Бульбанюк, П. Лебедев. Курск, 1962, с. 52.

Во-первых, он достаточно часто выступает в форме полного прилагательного:

Нельзя Машеньке любить парня браваго,
Парня браваго, белого, кудрявого (Кир. П., вып. 1, с. 1544).
Ваня белый, кудреватый, холост, не женатый (Соб., т. 4, с. 382).
Приходил к её детина, белый, кудреватый.³¹

Во-вторых, компонент в форме краткого прилагательного обладает способностью изменяться по родам и числам:

Лебедушка белая,
Коса кудренная, бела-кудреная.
Уже кто кудри кудрил (Соб., т. 4, с. 81).
Два удалых идут молодца.
Да два-то уда... ой, два-то удалые, белы-кудря...
кудрявые (Новгород, с. 48).

В-третьих, компоненты могут меняться местами:

Молодец — кудрявый, белый (Соб., т. 4, с. 537),

соединяться сочинительным союзом:

Э-ой, Ванька ле белой да ку ... кудреватой (Печора, с. 37),

относиться к различным существительным:

Э-ой, Ванька-то белой, парень кудреватой (Печора, с. 201).³²

Совершенно очевидно, что компоненты параллельно определяют существительное и не находятся между собой в отношении семантической зависимости. Нет в русском фольклоре устойчивого сочетания *белые кудри* (есть *русые* и *желтые*). Отсутствие словосочетания *белые кудри* — еще один аргумент в пользу того, что *бел кудрявый* не сложное слово, а цепочка автономных определений. И мы совершенно солидарны с составителями сборников, в которых композит оформлен без дефиса:

Ходя Вапя бел кудрявый,
Бел кудрявый, кучерявый (Воронеж, с. 126).
Да постой, парень бел кудрявый (Печора, с. 284).

В общем языкознании для нужд фонологии разработана так называемая методика коммутационной проверки, которая в общем виде формулируется так: «Если в звуковой последовательности АВ оба элемента А и В или один из этих элементов (либо А, либо В) не могут быть заменены никаким другим элементом, в том числе нулевым, то АВ является реализацией одной фонемы, в противном случае комплекс АВ может рассматриваться как реализация двуфонемного сочетания».³³

Думается, что эта методика пригодна и на более высоком языковом ярусе. Возьмем, к примеру, композит *бел горюч (камень)*, который в сборниках орфографически оформляется непоследовательно: *бел-горюч*

³¹ Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971, с. 118. Далее в тексте: Кар. Помор.

³² В пределах узкого контекста *бел кудрявый* употребляется параллельно с эпитетом *кудрявый*:

Люблю, девка, молодчика,
Кудрявую голову.
Он, мой милый, бел-кудрявый (Соб., т. 5, с. 77).

³³ Общее языкознание: Методы лингвистического исследования. М., 1973, с. 180.

(чаще), *бел горюч* (очень редко). Методика коммутационной проверки свидетельствует однозначно: перед нами ряд определений, а не сложное слово. Во-первых, в пределах узкого контекста сосуществуют сочетания *бел горюч камень/белый камень/горючий камень*. Ср.:

Бел-горюч камень лежит,
Из камешка, из белого,
Бела рыбаца воду мутит (Жир, т. 1, с. 169).
На синнем море *бел-горюч* камень
Из-под белого камешка ручьи-воды бьют <...>
Горючему камешку наверх не всплывать (Жир., т. 1, с. 244).

Приведенные контексты дают основание полагать, что в поэтическом сознании носителей традиционного русского фольклора определения *белый (бел)* и *горючий (горюч)* автономны.

Во-вторых, компонент *бел* легко заменяется формами *сер, синь*:

Как *синь горюч* камень,
Камень разгорается.³⁴
Ой, да спородили-то вы, да горы, ой, горы, да
Сер-то горяч ка... ой, камень (Печора, с. 152).³⁵

Аналогично рассуждая, приходим к выводу, что и другие композиты с компонентом *бел (белы каменны, бел полотняный, бел крупичатый, бел тонкой)* относятся к рядам автономных определений, а не к сложным словам. Ограничимся одним примером. Ср.:

Белы каменны палаты велю убирати (Соб., т. 4, с. 439).
Отвезите Семенушку —
Победную головушку
Во *каменны белы* палаты (РФЛ, с. 472).

Сравнение песенных контекстов в аспекте методики коммутационной проверки позволяет уверенно относить к числу сочетаний слов композит *мил сердечный*:³⁶

Говорил-то мне *мил-сердечный* друг (Соб., т. 5, с. 218).
Зазнобушка, *милый сердечный* друг,
Зазнобил меня, повысушил (Соб., т. 5, с. 225).
Зазнобил сердце *сердечный друг* (Соб., т. 5, с. 229).
Уж как третья-то заботушка —
Ея *миленький сердечный* друг (Соб., т. 5, с. 230).

Милу дружку на подушечку,
Сердечному, сердечному,
Сердечному под головушку (Воронеж, с. 58).³⁷

Думается, что такие частые определения, как *новый (нов)*, *белый (бел)*, можно и должно рассматривать как своеобразный аналог артикля сверхположительной оценки. Этим можно объяснить, что *нов* и особенно *бел* начинают ряды определений к одному существительному, а также стремление к морфологическому окостенению, как в примере:

Ох, огороды горожу
Да *бел капустоньку* сажу (Печора, с. 280).

³⁴ Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898, т. 1, вып. 1, с. 446.

³⁵ Обратим внимание на вставку частицы *то* внутрь анализируемого композита.

³⁶ *Мил-сердечный* включено как сложное слово в словарь-справочник «Слитно или раздельно?» (М., 1972, с. 194).

³⁷ В последних собраниях *мил сердечный* оформляется как сочетание определений:

Ты скажи, не утай, *мил сердечный* друг (Жир, т. 1, с. 302).
Ох на синем на море — больша погодушка,
Уж погодушка, да *мил сердечный друг* (Жир. Помор., с. 119).

Краткость формы тоже свойство артиклей.

Близки к статусу артикля и такие частые краткие прилагательные, как *мил* (*мил сердечный, мил любезный*), *млад* (*млад ясен, млад сизой*), *чуж* (*чужа дальняя, чужа мужняя*) и др.

По аналогии сочетаниями самостоятельных слов мы считаем случаи типа: *шито мытую, мил молодой, мил добёр* и т. д.

Возникает закономерный вопрос: а разве не могут окказиональные композиты, появившиеся в результате стяжения грамматически самостоятельных слов, считаться сложным словом? Есть ли вообще сугубо фольклорные сложные слова? «Поэтическая морфема» в ряде случаев стремится стать морфемой в прямом, грамматическом, смысле этого слова.

Превращению «поэтической морфемы» в собственно морфему в большой степени способствует смысловая близость контактирующих компонентов. Известно, что тавтологические конструкции обнаруживают тенденцию к слиянию в одно слово. Подчеркнем: тенденцию, а не обязательную реализацию. Например, в ряде случаев *мил-милёшенек* мы считаем одной лексемой, в которой компонент *мил* теряет семантическую определенность и уподобляется приставке *раз-* в значении «предельная степень качества». Ср.:

Только *размплёшенек* добрый молодец,
Да *мил-милёшенек* добрый молодец (РФЛ, с. 255).

Однако и *мил*, и *милёшенек* могут вести себя как самостоятельные единицы:

Не *мил*, не *милешенек* ни мать, ни отец (Владимир, с. 70).

Относительно примеров типа *трудным-труднешенько, красён-красной* А. П. Евгеньева пишет: «Творительный тавтологический образа действия или способа становится средством усиления значения глагола, прилагательного, наречия и существительного <...> превращаясь из самостоятельного значимого слова в составную часть сложного целого (в большинстве случаев даже сложного слова)».³⁸ Яркий пример тому прилагательное *белояровый*, где корни *бел-* и *-яр-* (=светлый) этимологически тавтологичны.

В. А. Сирцев, описывая сложные прилагательные в народно-песенной речи, приходит к выводу о том, что фольклорные образования, характеризующиеся разнооформленностью компонентов, твердым порядком расположения их и одним основным ударением, представляют собой сближения, находящиеся на пути превращения в сложные слова. Причем конструкции *сиз косатый, млад сизой* и т. п., по его мнению, пахотятся ближе к словосочетаниям, а конструкции *зла-лиха, мил-сердечный* тяготеют к сложным словам, поскольку компоненты их синонимичны.³⁹ Однако, думается, нет нужды фетишизировать словообразующую роль синонимии, иначе в фольклоре, где удельный вес ее необычайно высок, многое пришлось бы неоправданно квалифицировать как сложное слово. Сложным словом будем считать композит *мил-миллой*:

Без *мил-миллого* грусть тоска берет (Воронеж, с. 5).

Признак тавтологичности (повторы корня) как признак сложного слова учитывается нами только в том случае, если композит состоит из прилагательных. Если же один из компонентов изоморфен существитель-

³⁸ Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии. М.; Л., 1963, с. 244.

³⁹ См.: Сирцев В. А. Из наблюдений над сложными прилагательными в народно-песенной речи. — В кн.: Вопросы теории и методики преподавания русского языка в школе. Воронеж, 1975, с. 71.

ному, то для нас это словосочетание. Например, *чуж чуженин* (*чуж чужбинничек*), тем более что компоненты часто разведены другими словами строки:

И столько *чуж* сидит теперечко *чужбинничек* (Федосова, с. 196).

Учитывая особую связь слов внутри народно-песенной строки, следовало бы в эдиционных целях ввести особый знак — поднятую над строкой точку между стягивающимися компонентами (например, *хлеб·соль*). Употребляемые в фольклорных сборниках дефис или запятая не отражают сути связи компонентов: дефис представляет композит как сложное слово, запятая — как независимое слово.

Мы не ставили перед собой цели дать исчерпывающие рекомендации по орфографическому оформлению всех спорных случаев. Наша задача скромнее — на конкретном материале показать необходимость обсуждения многих вопросов написания, а также показать, что решение нелегко и требует учета многих факторов.

А. Н. МАРТЫНОВА

*СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ
ФОЛЬКЛОРНЫХ ХРАНИЛИЩ*

В государственных архивах различных учреждений страны хранятся богатейшие фонды произведений устного народного поэтического творчества. В итоге собирательской работы многих фольклористов-исследователей, научных экспедиций, краеведов, студентов эти фонды ежегодно пополняются, увеличивая бесценную сокровищницу нашей национальной культуры. Именно поэтому одной из основных задач является не только координация собирательской деятельности всех учреждений и коллективов, не только дальнейшая разработка методики собирания фольклора, но и обеспечение сохранности материалов и их правильного хранения.

Правильное хранение записей произведений устного народного творчества предполагает их систематизацию, а также составление и издание каталогов, без которых все собранные материалы остаются недоступными или малодоступными для исследователей. Между тем в настоящее время отсутствует даже самая необходимая информация как о специальных фольклорных хранилищах, так и об архивах, рукописных отделах библиотек, музеях, личных коллекциях отдельных собирателей, располагающих записями фольклора. К сожалению, очень часто единственным источником первоначальных сведений о том или ином архиве для исследователя-фольклориста является опрос коллег, ранее в нем работавших.

Очень немногочисленны указатели, справочники-путеводители фольклорных фондов и хранилищ. К таким исключениям относится недавно изданный Архивом АН СССР «Справочник архивов АН СССР»,¹ в составе которого указаны и фольклорные фонды академических учреждений. Но этот справочник подготовлен не фольклористами, а архивными работниками, подходившими к изданию со своими целями, и описание фольклорных материалов в нем оказалось явно недостаточным.

Примером рассчитанного на фольклористов справочника является «Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета»,² подготовленный К. Е. Кореповой, несколько выпусков которого уже состоялось, а другие ждут своей очереди. Очевидна необходимость таких справочников, а между тем уже подготовленные (причем часто

¹ Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1978.

² Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета. Вып. 1, ч. 1: Эпические жанры. Сказки / Сост. К. Е. Корепова, Ф. С. Эйдельман, Т. М. Волкова. Горький, 1976; ч. 2: Несказочная проза. Исторические песни. Баллады. Горький, 1976; Вып. 2, ч. 1: Календарные обряды. Заговоры. Горький, 1977; ч. 2: Свадебный обряд. Горький, 1978.

в результате больших усилий и личной инициативы, сверх плановых нагрузок) с трудом попадают в издательства.

Еще в Постановлении ЦК КПСС 1967 г. о дальнейшем развитии общественных наук и повышении их роли в коммунистическом строительстве отмечалось неудовлетворительное состояние научной информации в области гуманитарных исследований. За истекшие годы многое было сделано для устранения недостатков, но только не в области фольклористики: при розыске архивных материалов фольклористы по-прежнему преимущественно пользуются устной информацией. Совершенно очевидно, что необходим справочник «Фольклорные архивы СССР», который открывает возможность сделать фольклорные фонды страны достоянием фольклористики. Необходимость подобного справочника особенно чувствуется в настоящее время, когда началась подготовка Свода русского фольклора. Такой справочник давно мог быть издан. Начиная с 1969 г. сектор народного творчества ИРЛИ совместно с ЛО Архива АН СССР неоднократно ставил вопрос о его подготовке и издании. Была проделана начальная работа: составлены аннотация и схемы описания хранилищ, найдены исполнители и т. д. Но не была получена необходимая поддержка, и идея осталась неосуществленной.

Подобный справочник, включающий хотя бы самые общие сведения о хранящихся в архивах материалах, можно было бы подготовить довольно просто путем анкетирования. Об этом убедительно свидетельствуют ответы на анкету, разосланную в различные учреждения страны оргкомитетом Всесоюзной научной конференции, состоявшейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и посвященной вопросам координации собирания и хранения русского фольклора. Было разослано 400 анкет и получена информация о времени возникновения фондов, количестве записей, некоторые данные о жанровом составе материалов, хранящихся в 60 архивах страны. Несколько расширив анкету и заручившись поддержкой со стороны Министерства просвещения СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Министерства культуры, можно получить сведения, которые послужат основой для справочника «Фольклорные хранилища Советского Союза».

* * *

Постановления Совета Министров СССР, Президиума Академии наук, рекомендации Главного архивного управления, касающиеся организации архивного дела, до настоящего времени имели отношение лишь к части фольклорных фондов страны, а именно к фольклорным фондам, хранящимся в академических учреждениях и центральных архивах. Между тем фольклорные фонды имеются во многих других учреждениях. Основные группы фольклорных хранилищ страны предварительно могут быть распределены следующим образом.

1. Фольклорные архивы институтов АН СССР и АН союзных республик.
2. Архивы институтов Академии наук в автономных республиках, краях и областях РСФСР (НИИЯЛИЭ в Саранске и др.);
3. Фонды и коллекции в ЦГАЛИ СССР и других государственных архивах СССР;
4. Фонды в архивах Географического общества СССР и его филиалов и отделений на местах;
5. Коллекции в рукописных отделах библиотек СССР;
6. Фольклорные коллекции при кафедрах литературы и фольклора университетов, педагогических институтов, институтов культуры;
7. Коллекции (фонограммархивы) консерваторий и музыкальных училищ Министерства высшего и среднего специального образования;

8. Фонды (в том числе звукозаписей) в Центральном, республиканских и областных Домах народного творчества;

9. Фольклорные материалы фонотеки (дискотеки и магнитофильмотеки) Центрального дома звукозаписей; материалы Всесоюзного и республиканских и областных комитетов по радиовещанию и телевидению;

10. Фольклорные коллекции в музеях (в том числе краеведческих);

11. Личные коллекции собирателей.

В одной статье невозможно охарактеризовать хранилища каждой из групп и затронуть все связанные с хранением проблемы. Остановимся на некоторых из них.

Из ответов на анкету оргкомитета конференции и некоторого личного знакомства с фольклорными хранилищами можно заключить, что наиболее благополучно обстоит дело в академических архивах. Многие из них разработали свои принципы систематизации и каталогизации фольклорных материалов. В этом отношении исключительно ценен опыт Прибалтийских республик, фольклорные архивы которых давно пользуются заслуженной славой. Именно поэтому в 60-е гг. Научный совет по фольклору при ОЛЯ АН СССР обратился к Академиям наук Латвийской, Литовской и Эстонской союзных республик с просьбой поделиться своим опытом. Созданная сотрудниками этих академий «Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов», опубликованная под редакцией В. Я. Проппа (Вильнюс, 1964), является образцом, на который могут ориентироваться фольклорные архивы. К сожалению, это методическое пособие было издано всего в 500 экземплярах и давно стало библиографической редкостью.

Интересно разработана систематизация и каталогизация материалов отдела фольклора Института языка и литературы Академии наук Таджикской ССР. По системе, предложенной И. Г. Левиным, сотрудники отдела фольклора подвергли каждый хранящийся в архиве текст географической, хронологической, социологической и предметной классификации и всю информацию перенесли на перфокарты; при помощи электронно-механических табуляторов были созданы каталоги по любому из перечисленных параметров. Сводные каталоги содержат статистические сведения и открывают легкий доступ к текстам. Систематизация архивных материалов послужила основой для подготовки сводов по многим видам таджикского фольклора.

Плодотворно и интересно работают сотрудники архива Карельского филиала АН СССР. Созданная ими информационно-поисковая система с применением ручных перфокарт заменяет собой целую серию карточек (жанровую, тематическую, географическую и др.) и удобна при систематизации, учете и изучении материала.³ Ведется параллельно и работа по составлению путеводителя «Фольклор в архиве Карельского филиала АН СССР».

Некоторый опыт по систематизации и каталогизации материалов, основанный главным образом на работах наших прибалтийских коллег, имеет фольклорное хранилище ИРЛИ. Кроме того, сектором народного поэтического творчества разработаны инструкции и правила по подготовке материалов к архивному хранению, жанровая схема по их систематизации и другие документы.

Введение Министерством просвещения СССР в учебный план филологических факультетов педагогических институтов фольклорной практики неизбежно приведет к созданию в каждом из них фольклорного архива. Полезные рекомендации по организации архивов содержатся в учебных

³ Каталогизация фольклорно-этнографических материалов архива на перфокартах. Петрозаводск, 1978.

пособиях Н. И. Савушкиной⁴ и Ю. Г. Круглова.⁵ В методическом пособии о проведении фольклорной практики в педагогических институтах, разработанном группой авторов,⁶ два раздела посвящены вопросу архивохранения. Опираясь на опыт нескольких вузов по организации архивов, авторы предложили рекомендации, которые будут без сомнения полезны для филологических факультетов высших учебных заведений.

В настоящее время кафедра фольклора МГУ подготовила методическое пособие по обработке фольклорных материалов. Пособие, разработанное А. В. Кулагиной, отражает поиски кафедрой фольклора МГУ путей систематизации материала и опирается на весь имеющийся в этой области опыт.

Здесь приведено лишь несколько из известных нам положительных примеров работы по систематизации архивных материалов. Плодотворные результаты она может принести только в том случае, если руководство учреждения, отдела, кафедры задачи систематизации архива ставит перед целым коллективом или группой ученых. В том случае, когда архивной работой, как это чаще случается, занят один человек, ведущий, кроме того, исследовательскую и преподавательскую работу, трудно осуществить систему учета фольклора и информации.

* * *

В какой-то степени решению этого вопроса может способствовать правильно организованная практика студентов. Она не должна быть ограничена рамками только собирательской работы. Опыт некоторых вузов свидетельствует, что студенты вполне могут быть привлечены и к работе по систематизации материалов. В течение ряда лет, например, студенты филологического факультета Уральского государственного университета, занимающиеся в семинаре В. П. Кругляшовой, проходят архивную практику в фольклорном хранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Студенты, получившие, как правило, хорошую филологическую подготовку, в течение месяца выполняют задания по разборке, систематизации материалов, составляют описи. Такая работа должна быть включена в общую систему обучения студентов-филологов. Министерство просвещения СССР, в связи с введением нового вида учебной работы подготовившее и издавшее документы, в которых определены задачи и порядок проведения фольклорной практики,⁷ настоятельно рекомендует шире привлекать к работе по систематизации архива студентов.⁸ Общее положение о фольклорной практике должно быть введено и в университетах, поскольку в настоящее время понятие «филологическая практика» руководством филологических факультетов разных университетов истолковывается по-разному, а нередко и слишком узко. Обязательная фольклорная практика имеет место в ряде университетов (МГУ, Горьковский, Уральский, Иркутский, Донецкий и др.). В то же время она отсутствует, например, в Ленинградском государственном университете. Здесь филологическая практика понимается как

⁴ Савушкина Н. И. О собирании фольклора: Учебное пособие для студентов-заочников филол. фак. гос. ун-тов. М., 1974, с. 60—64.

⁵ Круглов Ю. Г. Фольклорная практика. М., 1979, с. 70—78.

⁶ О проведении фольклорной практики на филологических факультетах педагогических институтов: Методические рекомендации для специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Сост. И. Е. Карпухин, К. Е. Каропова, Ю. Г. Круглов, Т. Г. Леонова, Ф. М. Селиванов. М., 1980.

⁷ Методические указания к проведению фольклорной практики на филологических факультетах педагогических институтов. М., 1977; Фольклорная практика: Программа-вопросник. М., 1978; 2-е изд. М., 1979.

⁸ О проведении фольклорной практики на филологических факультетах: Методические рекомендации... с. 22.

диалектологическая, обязательная для каждого студента. Вероятно, наступило время, когда необходимо поставить вопрос об обязательной фольклорной практике на филологических факультетах университетов перед Министерством высшего и среднего специального образования. Но даже в тех университетах, где регулярно проводится фольклорная практика, положение нельзя считать благополучным. В Горьковском университете, например, преподавателю за руководство архивной практикой студента, который работает 20—30 часов в архиве, планируется всего 2 часа.

В результате ежегодных экспедиций увеличиваются собранные общими усилиями материалы. Более 200 тыс. записей хранятся в Горьковском университете, 40 тыс. в Омском педагогическом институте, 12 тыс. в Башкирском, свыше 7 тыс. в Смоленском музыкальном училище и т. д. Между тем, за редким исключением (к ним относится, например, Омский педагогический институт, ректорат и деканат которого оказывают большую помощь в вопросах хранения записей фольклора), собранные материалы сдаются студентами преподавателю-фольклористу, поскольку лаборанта, материально ответственного за архив, нет, а часто отсутствует и помещение архива. Как правило, материалы хранятся на кафедре литературы или дома у преподавателя. Поэтому не случайны пропажи собраний, являющихся плодом работы многих собирателей, от недосмотра, небрежности, особенно при смене преподавателей.

Нам известны и факты, когда преподаватели, переходя из вуза в вуз, переезжая из города в город, забирают все собранные со студентами в экспедициях материалы, считая их своей личной собственностью. На вопрос нашей анкеты «общее количество отдельных записей в хранилище» был, например, следующий ответ: «...около 900 записей в хранилище и 30 тыс. записей личных». Чтобы сделать 30 тыс. записей, одному человеку нужно несколько лет вести собирательскую работу, не занимаясь ничем иным, а между тем преподаватели не только вели учебную, но и исследовательскую работу, защищали диссертации. Известны и более странные факты, когда архиву ИРЛИ предлагали купить материалы, собранные в экспедициях, которые финансировало государство. Вероятно, возникла настоятельная потребность официально поставить вопрос о том, что все фольклорно-этнографические материалы, собранные в экспедициях, организованных государственными учреждениями, являются народной собственностью, которую необходимо сохранять, как всякую иную народную собственность. Необходимо, видимо, утвердить сеть фольклорных хранилищ и определить, какие лица несут материальную ответственность за сохранность архивных документов.

* * *

В связи со сложившимся в фольклорных хранилищах положением было бы полезно в составе межведомственного Координационного центра, который, вероятно, будет организован под эгидой Научного совета по фольклору при ОЛЯ АН СССР, создать Совет по комплектованию, учету, хранению произведений народного творчества. В его состав следовало бы ввести фольклористов, имеющих опыт систематизации архивов. Программа координационных и информационных работ, осуществляемых таким органом на первом этапе, может включать следующие пункты: 1) определение сети фольклорных хранилищ; 2) учет коллекционеров-фольклористов; 3) разработку типового положения для фольклорных хранилищ; 4) координацию деятельности архивов по хранению и систематизации фольклорных материалов; 5) создание инструкций по методике обработки, систематизации и хранения фольклорных материалов; 6) осуществление научно-методического руководства деятельностью фольклор-

ных архивов; 7) организацию всесоюзных семинаров для фольклористов-хранителей на базе учреждений, в которых наиболее успешно налажена работа; 8) издание справочника «Фольклорные хранилища СССР». Для подготовки его следует распространить соответствующие инструктивные материалы в виде опросных листов и опубликовать обращения с приложением методических указаний в фольклористических, этнографических, литературоведческих, периодических и продолжающихся изданиях.

Учитывая, что указанная работа связана с деятельностью академических архивов высших и средних специальных учебных заведений, домов народного творчества, представляется необходимым осуществить ее совместно с Советом по комплектованию и использованию документов АН СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Министерством просвещения СССР, Министерством культуры. В связи с этим необходимо обратиться в названные министерства и Главное архивное управление при Совете Министров СССР, в Совет по комплектованию и использованию документов АН СССР с просьбой оказать содействие в вопросах укрепления материальной и организационной основы фольклорных хранилищ (выделение помещений, ставок для лаборантов — хранителей фольклорных архивов и др.).

В ходе осуществления предполагаемой программы будет налажен централизованный учет фольклорных хранилищ и личных коллекций, а также упорядочится использование фольклорных материалов, учет такого использования и налаживаются связи с ранее незарегистрированными хранилищами.

В. П. АНИКИН

**ПРИНЦИПЫ ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
И АРХИВНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СКАЗОК**

Подготовительная работа над «Сводом русского фольклора» побуждает решать проблему классификации сказок в чисто практическом плане, но по существу это проблема теоретическая и сопрягается с решением исследовательских задач. Так было еще в 20-е гг. нашего века.¹ Даже в статье о составлении алфавитных указателей к собраниям сказок В. Я. Пропп писал: «Составление указателя не может считаться только технической работой. Оно основано на *определении и распределении* явлений и представляет собой сложную научную задачу».² Когда имеешь дело с обширным материалом, всегда испытываешь потребность разделить его на части, чтобы осмысление всей массы шло успешнее. От исследовательского подхода зависит основание деления.

В. Я. Пропп для своей классификации волшебных сказок в качестве жанрообразующего признака взял тип структуры, проще сказать, композицию (сейчас несущественно отличие этих понятий).³ В. Я. Пропп называл этот подход «морфологическим». «Морфологический» подход был весьма распространенным в 20-х гг. Достаточно познакомиться с такой книгой, как «Теория литературы» Б. В. Томашевского,⁴ в особенности с ее разделами «Сюжетное построение», «Литературные жанры», чтобы убедиться в этом. Осознание композиционного принципа как жанрообразующего было принято многими. Это был общий у ряда ученых подход к произведению как единству тематических частей. Самым мелким, неразлагаемым элементом считался мотив. «Мотивы,— писал Б. В. Томашевский,— сочетаясь между собой, образуют тематическую связь произведения».⁵ Б. В. Томашевский отделил *динамические* мотивы от *статических*, т. е. действия, ведущие к изменению или смене ситуаций, от описаний природы, персонажей и пр.⁶ Ученый допускал возможность изучения мотивов, типичных для литературных школ и жанров (набор, перечень мотивов, несущих определенную функцию).⁷ Был выдвинут тезис

¹ См.: *Андреев Н. П.* 1) Система Аарне и каталогизация русских сказок. — В кн.: Сказочная комиссия в 1924—1925 гг.: Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1926, с. 15—20; 2) К обзору русских сказочных сюжетов. — В кн.: Художественный фольклор / Под ред. Ю. М. Соколова. М., 1927, т. 2—3, с. 59—70 и др.

² *Пропп В. Я.* О составлении алфавитных указателей к собраниям сказок. — В кн.: Сказочная комиссия в 1927 г.: Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1928, с. 64.

³ См. об этом: *Пропп В. Я.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки. — В кн.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976, с. 141—143.

⁴ *Томашевский Б. В.* Теория литературы. 1-е изд. М.; Л., 1925; 6-е изд. М.; Л., 1931.

⁵ *Томашевский Б. В.* Теория литературы, 6-е изд., с. 137.

⁶ Там же, с. 139.

⁷ Там же, с. 138.

о динамических мотивах как «центральных движущихся мотивах фавбулы»⁸ (т. е. сюжета, — В. А.). Относительно эпических жанров Б. В. Томашевский писал, что они являют в себе «систему динамических мотивов».⁹

С этими представлениями о жанре и связана концепция «Морфологии сказки» (1928). Оперируя традиционно устойчивым материалом сказки, В. Я. Пропп усмотрел повторяемость «динамических мотивов» и в отвлечении от носителей действия, т. е. *обобщая* мотивы, дал им название «функции». В небольшом извещении-заметке о завершении своей работы «Морфология русской волшебной сказки», в своего рода автореферате, он писал: «Исследование исходит из наблюдения, что самые разнообразные сказочные персонажи в различных сказках действуют одинаково. Так, испытывать и награждать героя могут и яга, и леший, и медведь, и встречный старичок, и т. д. Атрибуты действующих лиц меняются, меняется способ осуществления функций (различны, например, способы испытания), но функции как таковые повторяются. Одинаковые функции встречаются в самых разнообразных сюжетах. Это наблюдение заставляет нас изучать сказки по функциям действующих лиц. Наблюдаемая повторность их приводит к предположению, что число этих функций для волшебных сказок вообще весьма ограничено».¹⁰ Отсюда было выведено заключение о том, что волшебная сказка обладает устойчивой традиционной структурой, обусловленной действиями героев в особой их группировке и последовательности. Самое понятие жанра волшебной сказки В. Я. Пропп связал с установленной им структурой.

В другой жанровой тип на тех же исследовательских основаниях позднее В. Я. Пропп выделил так называемую кумулятивную сказку — цепь действий-функций.¹¹ Других жанровых типов сказки он касался эпизодически и не оставил какой-либо системы.

Жанрообразующий признак для В. Я. Проппа — функция, динамический мотив, устойчивое соединение мотивов, иначе сказать, — морфология, структура. Принцип такого подхода к изучению жанра обнаруживает очевидную односторонность. Конечно, каждому жанру присуща своя традиционная структура, но это не единственный жанрообразующий признак. Например, по структурному принципу кумуляции можно сблизить между собой сказки и песни вроде детской:

- | | |
|----------------------|-----------------------|
| — Куда, Фома, едешь, | — На что тебе корова? |
| Куда погоняешь? | — Молоко доить. |
| — Сено косить. | — На что тебе молоко? |
| — На что тебе сено? | — Ребяток поить. |
| — Корову кормить. | |

А ведь это не сказка, а прибаутка. Что же касается «морфологии» волшебной сказки, то некоторые неволшебные сказки, такие как «Кот, петух и лиса», «Коза-дереза» и ряд других, вполне подойдут под морфологический критерий исследователя, на что правильно указал один из авторов XVII выпуска «Русского фольклора».¹² Относительность композиционного принципа сказки как определяющего жанр чувствовал сам В. Я. Пропп. Упомянутую выше заметку о своей книге исследователь закончил признанием: «Всеми этими данными (т. е. выводом о структуре волшебной сказки, — В. А.) можно пользоваться для точного определения разряда волшебных сказок. Разряд этот оказывается чрезвычайно широким.

⁸ Там же, с. 139.

⁹ Там же, с. 194.

¹⁰ Пропп В. Я. Морфология русской волшебной сказки. — В кн.: Сказочная комиссия в 1926 г.: Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927, с. 48.

¹¹ См.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность, с. 241—257.

¹² Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977, т. 17, с. 66.

К нему, кроме тех сказок, которые давно определены как волшебные, принадлежат также некоторые из сказок, в которых действующими лицами являются *исключительно животные, а также ряд так называемых легенд* (курсив мой, — В. А.)».¹³

Полагаю, что сказанное дает право не разделять пафоса Ю. И. Юдина, который в статье «О группировке и издании сказок в „Своде русского фольклора“» высказался в том смысле, что «композиционный принцип» должен стать «основным и ведущим» принципом научно-практической классификации сказок.¹⁴

К чему приводит увлечение классификационными схемами в фольклористике, свидетельствует логико-семиотическая система, разработанная Г. Л. Пермяковым применительно к пословицам.¹⁵

Морфологическая, как и логико-семиотическая, классификация грешит недооценкой художественной природы изучаемого материала. Невозможно опспорить положение о том, что сказка — искусство, художественное творчество. Об этом приходится напоминать по той причине, что классификация должна считаться с художественным единством и художественным своеобразием каждой своей единицы. Отдельная сказка как фольклорное явление представляет собой совокупность вариантов, традиционно бытующих или бытовавших в народе. Сопоставляя, сравнивая варианты, с полным правом ищут это художественное единство, ту художественную логику, которая делает сказку (как сюжетное произведение) цельным проявлением художественного творчества. Всякий иной подход уводит от материала. Хотя в исследовательском плане он может быть в некоторых отношениях плодотворным, но сказка как художественное целое теряется из виду. Это касается и исследовательской операции разложения сказочного сюжета на мотивы.

Всем известно, что в сознании сказочников существует не сказка о «пожирании собственных внутренностей», а сказка «Звери в яме», в которой указанный мотив — частность. Нет сказки «О лисе и ее хвосте» — есть сказка о мужике, медведе и лисе с концовкой-мотивом: лиса досаждает на хвост и высовывает его из норы, чтобы его разорвали собаки. Нет сказки «Битый небитого везет» — есть сказка о лисе и волке со своим известным сюжетом и пр. Это замечание в еще большей степени следует отнести к волшебным сказкам. Нет сказки «Кощеева смерть в яйце», как нет и сказки «Муж ищет исчезнувшую жену». Есть сказки о Кощее, в которых мотив его смерти — один из конечных эпизодов. Есть сказки о Царевне-лягушке, о Елене Прекрасной — и поиск жен в них не единственный их мотив. Примеры можно множить. Мотив не является основополагающей единицей анализа сказки.

Сказка — отнюдь не свободная комбинация самостоятельных мотивов, а сложное художественное целое. Самая мысль о самостоятельности мотива возникла в лоне особой теории и сориентирована не на изучение сказки как художественного целого, а на изучение генетической основы сказок, распавшейся с течением времен.

В этом легко убедиться, обратившись к «источнику» воззрения на сказку как комбинацию мотивов. В статье «Сравнительная мифология и ее метод» (1873) А. Н. Веселовский, захваченный мыслью отыскать древнейшие мифологические основы сказок, писал: «Для меня несомненно,

¹³ *Пропь В. Я.* Морфология русской волшебной сказки, с. 49.

¹⁴ См.: *Юдин Ю. И.* О группировке и издании сказок в «Своде русского фольклора». — В кн.: *Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора»*, т. 17, с. 46.

¹⁵ Парамидологический сборник: Пословица, загадка (структура, смысл, текст) / Сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М., 1978; *Пермяков Г. Л.* Пословицы и поговорки народов Востока: Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М., 1979, и др.

что только в некоторых сказках животные или другие сказочные образы удержали свой исконный символический смысл; в других, где они являются с противоположным значением, они введены позднее, из других циклов сказаний, как пришлая подробность и общее место, почему их невозможно толковать в связи с фактами, среди которых они поместились совершенно случайно. Весь вопрос в том, как отличить эти поздние приставки от того, что в сказках может быть признано коренным и неслучайным. На это может быть тот же старый ответ: надо предварительно изучить содержащее народных сказок вообще с точки зрения главных мотивов, которыми они пользуются (курсив мой, — В. А.). Чем в большем количестве сказок повторен будет один и тот же мотив, тем ближе мы к цели критики: из сличения различных редакций одного и того же рассказа легко будет вывести заключение о его общих, неизменяемых чертах, и, с другой стороны, о тех, которыми он видоизменялся там или здесь. Первые должны быть признаны принадлежащими к основному сказочным типам, и я понимаю, что может явиться идея сблизить их с народными мифами и даже объяснить из них происхождение всей сказочной литературы. Что до вторых, то подобное объяснение касаться их не должно, они принадлежат собственной истории сказки, ее стилистике. Тогда, когда это разделение будет сделано, мифологическая экзегеза ощутит впервые твердую почву под ногами. Задача нелегкая: отделить во множестве иногда спутанных вариантов чистое золото от олова».¹⁶

Приведенная по необходимости большая выдержка из статьи А. Н. Веселовского наглядно указывает на контекст рассуждений о сказке как комплексе мотивов. Тут начальный пункт в суждениях, от которых ученый в сущности никогда не отказывался, хотя идея о мотиве как единице анализа с течением времени стала им сопрягаться с общим намерением создать историческую поэтику («стилистику», о которой упоминает А. Н. Веселовский в своей ранней статье). Учение о мотиве — часть историко-генетических разысканий А. Н. Веселовского. В последующих работах это учение трансформировалось сообразно миграционистской методологии, так как отвечала стремлению фиксировать даже формальные сближения далеких друг от друга сказок. Части сюжета, мотивы удавалось сблизить чаще и успешнее, чем сюжеты, взятые в целом.

Структурализм подновил старые идеи, абсолютизировал частный момент процесса сложения сказок. Конечно, соединение мотивов в сюжете — не исследовательский домысел. Он имеет место в творческом процессе сложения сказок, но он и не генеральное их свойство. Таким следует признать иное свойство, а именно — традиционно устойчивое сочетание мотивов в сюжетное единство, сочетание, подчиненное художественной логике. Оно-то и обнаруживает существование отдельных сюжетных произведений среди сказок, со своими фабульными границами.

Сказки как художественные произведения мы должны рассматривать прежде всего как сюжетно оформленную единицу, но в отличие от литературного произведения фольклорная сказка обнаруживает это свое художественное (в том числе и сюжетное) единство не в виде канонического текста, а в виде текста устного, варьируемого. Изучение какой-либо сказки обязывает к анализу вариантов, к анализу той динамики, которая, однако, обнаруживает и статичность, границы, пределы возможных колебаний. Сказка знает вариации и версии, но с устойчивой сюжетной основой. Сверх этой сюжетной статичности есть и общность жанрово-стилистических основ, порой общность составляющих сказки некоторых мотивов. Но в целом исходить следует из сюжетного единства в передаче одного и того же художественного замысла.

¹⁶ Веселовский А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1938, т. 16, с. 117—118.

Из этого, естественно, следует и другой вывод — о том, что общежанровой (для сказок) классификации должна предшествовать сводка-перечень сказок-сюжетов с библиографической справкой (где, когда и кем опубликованы варианты, где хранятся неопубликованные). Думаю, что такая сводка лишь частично совпала бы с тем, что предложено Н. П. Андреевым в известном «Указателе сказочных сюжетов и мотивов» по системе Аарне. Ведь этот «Указатель» (как и указатель Томпсона) дает прежде всего международные параллели. Он сориентирован не на национальный русский материал. Он указывает параллели из русского сказочного фольклора к западно-европейскому. Параллели не могли быть полными и покрывать русский, как и иной национальный материал. Типологический анализ, в целях которого создавался «Указатель», — вещь нужная и необходимая, но не может служить основой ни для анализа сказок в границах национальных культур, ни для анализа сказок как художественного целого, так как он пронизан в формулировочной части идеями формальной типологии.¹⁷ Неудовлетворительность, недостаточность «Указателя» для русской науки давно выяснена. Она осознавалась еще Н. П. Андреевым, потом Ю. М. Соколовым, В. Я. Проппом, неоднократно отмечалась и другими исследователями.

Стоит только сожалеть о том, что у сказковедов не хватало времени, усердия и смелости отойти от канона международного указателя и создать свои национальные перечни-индексы сказок, всецело сориентированные на изучение сказок как цельных художественных произведений (с перечнем вариантов и версий). А между тем некоторая научная традиция, которую просто игнорировали, была — и еще в старой, дореволюционной науке.

К примеру, что собой представляют обширные примечания Д. К. Зеленина к известным сборникам «Великорусские сказки Вятской губ.» (Пг., 1915), «Великорусские сказки Пермской губ.» (Пг., 1914)? Здесь дано краткое изложение содержания каждой из напечатанных сказок с разбивкой сюжетного действия на эпизоды (отдельные мотивы или их соединения, охваченные единством места, времени и действия). Эпизоды получали порядковый номер. Это своего рода конспект сюжетного действия с указанием на действующее лицо и объект действия, т. е. это мотивы в самом точном смысле слова. Здесь нет односторонности в выделении какого-либо одного компонента, чем отмечен и подход В. Я. Проппа, и классификационные рубрики «Указателя» Аарне — Андреева. После конспекта сюжета Д. К. Зеленин давал указания на «главнейшие русские варианты» (см., к примеру, «Великорусские сказки Вятск. губ.», с. 465) из сборников А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, Д. Н. Садовникова, Н. А. Ивапицкого, Н. Е. Опчукова, т. е. классических собраний. Не оставлены и менее значительные работы — сборник А. А. Эрлепвейна, труды архивных комиссий и пр.

Можно себе представить конечный итог такой работы, будь она осуществлена по всем публикациям. Она могла бы стать основой национального каталога сказок. После предварительной росписи сказок по типу примечаний Д. К. Зеленина нетрудно было бы дать и обобщения, непосредственно следующие из описания вариантов и версий сказок, а на более высоком уровне обобщений мог встать вопрос о выделении сказочных типов, их разновидностей. И в любом случае можно было бы определить традиционные границы, отделяющие один сказочный сюжет от

¹⁷ Высказанное критическое замечание относится и к новейшему «Сравнительному указателю сюжетов: Восточнославянская сказка» (сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979), хотя ценность библиографических сведений указателя, как и в предшествующих ему аналогичных работах, не подлежит сомнению.

другого, т. е. сказка оказалась бы понятой как отдельное художественное произведение со своей структурой, идеями, разнообразившимися по вариантам и версиям.

При этом пришлось бы, конечно, столкнуться с разными случаями контаминирования, повторяемость некоторых мотивов, вернее сказать, с их многофункциональностью, разным назначением в пределах нескольких сказок. Но это чисто практическая проблема, а не та якобы неразрешимая ситуация, которая вынуждает к отказу от сказки как целого сюжетного образования. Проблема контаминации и мотива становится неразрешимой, когда сказки понимаются с общих ложных позиций относительно творческого процесса в фольклоре.

Так называемые творческие контаминации — плод представлений, возникших на почве преувеличенных понятий о значении индивидуального творчества в фольклоре. Будто бы отдельное лицо, ничем не рискуя, может сламывать устойчивые традиции цельности сюжета. Контаминация, как правило, заурядная порча сказки неудачливым рассказчиком или свидетельство забвения подлинных границ фольклорного произведения. Анализ конкретных случаев прямо указывает на эту природу контаминаций. Такова контаминация — соединение трех сказок в одну: война птиц и зверей, царь и орел, Морской царь и Василиса Премудрая (Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, № 220 и др.). Часты контаминированные записи, полученные и от современных сказочников в условиях ослабленной традиции рассказывания сказок.

Представление о многозначности мотива тоже является в значительной степени ложным. Оно тоже связано с некоторыми общими положениями, касающимися фольклорного процесса. Мотиву в этом случае придается то значение, которое принадлежит сюжету. Согласно получившимся некоторое распространение представлениям, не мотив обретает смысл в составе сюжета, а сами мотивы определяют характер сюжета, т. е. художественного целого. Статья Б. Н. Путилова так и называется: «Мотив как сюжетобразующий элемент».¹⁸ Мотивы в конечном счете оказываются такими жизнеспособными, что определяют, обуславливают тип сказки, ее содержание, как бы реализуется многозначность мотива. Между тем многозначность мотива не безгранична (ограничено число сказок, способных принять в себе тот или иной мотив). Кроме того, в составе сказок значимость мотивов разная.

Мотивы с точки зрения их функции и места в художественном целом могут быть разделены на следующие типы.

1. Мотивы, входящие в «ядро» художественного целого. Их сочетание основано на принципе *согласования*, они отмечены взаимной связью. Например, мотив: герой женится на лягушке — влечет за собой другой: она безобразна — и герой сжигает ее шкурку.

2. Мотивы, связанные с предыдущими, на основе принципа *односторонней зависимости — управления* со стороны ядерного мотива по отношению к зависимому от него: таковы мотивы-следствия необычности лягушки, являющейся царевной-оборотнем — она печет чудо-пирог, в пляске творит чудеса преобразования и пр.

3. Мотивы, присоединенные, *примыкающие* к предыдущим на основе некоторой пезависимости, сопряженной с относительной автономностью их содержания. Это мотив обретения человеческого облика через бросание веретена, получение доброго совета у яги в той же сказке о царевне-лягушке.

Многозначность присуща мотивам именно последнего типа в составе разных сказок. Случаи такого присоединения, примыкания можно пере-

¹⁸ См. в кн.: Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). М., 1975, с. 141—155.

числить, как можно определить и сюжетную функцию, назначение такого мотива в каждом отдельном случае.

Так что контаминация, а тем более относительная самостоятельность некоторых мотивов — не помеха для составления индекса сказок. Полагаю, если бы работа, начатая Д. К. Зелениным, была продолжена и завершена по всем сборникам (и старым и новым), сказковедение оказалось бы на ином исследовательском уровне по сравнению с сегодняшним — далеко продвинутом в сторону изучения сказок как художественных единств. Возможно, и классификация сказок не осталась бы на том интуитивном уровне, на котором она сейчас находится. Сейчас в классификационных рубриках и в разнесении сказок по разделам много произвола и субъективности. Классификации менее всего опираются на самый материал, понятый в его эстетической значимости. Схемы классификации привносятся, накладываются сверху на материал. Е. А. Тудоровская предложила классификацию волшебных сказок по таким разделам:

1. *Архаические* сказки (основаны на конфликте людей с фантастическими существами, пример «Финист-Ясный сокол»); 2. *Героические* сказки (о богатырской борьбе за царевну; о столкновении с чудовищным похитителем — вроде «Кощея Бессмертного»); 3. Сказки с *семейным конфликтом* (о семейной вражде — типа «Морозко»); 4. Сказки с *классовым конфликтом* (о борьбе героя-бедняка с богачом — сказки типа «Волшебное кольцо»).¹⁹

Логика тут нет. Классификация хотя и основана на рассмотрении конфликта, что само по себе не вызывает возражения, но в основание деления сказочных конфликтов положены разные признаки: историко-хронологический (1-я и 4-я группы) и тематический (героика — 2-я группа; семейная вражда — 3-я).

Конечно, не следует переоценивать значение классификаций для осмысления сказок, но она важна для научных разработок. Для издательских целей значение классификаций меньше, а для архивного хранения — еще меньше, хотя она желательна. Было бы полезным выработать единый для всех архивов страны тип описания и систематизации сказок. Из последних работ заслуживает рассмотрения скромный опыт кафедры русской литературы Горьковского университета. В 1976—1977 гг. К. Е. Кореповой, Ф. С. Эйдельман, Т. М. Волковой были выпущены четыре брошюры (2 выпуска) под общим названием «Библиографический указатель материалов фольклорного архива». Первая часть 1-го выпуска посвящена сказкам. Зарегистрировано сравнительно немного номеров — всего 270. Указатель предназначен студентам и имеет целью, как пишут его составители, помочь им пользоваться фольклорным собранием при работе над курсовыми и дипломными сочинениями.²⁰

Описание сказочного материала дается по областям, районам, населенным пунктам, а внутри — по сказочникам, что обычно в практике архивов и фольклорных записей. К примеру, в «Библиографическом указателе» называется Костромская область, Шарьинский район, населенный пункт Матыхино, сказочница А. П. Иванова, 75 лет. Следует описание сказки: «Старуха отправляет бычка в город на инженера учиться. Приходит осведомиться, не найдя, решает: „Вот выучился и зазнался“». Далее дана отсылка: АТ 1675. Кол. 29, ед. хр. 3, № 58, 1965.²¹

Такое описание может помочь студенту и научному работнику, но было бы желательным описание давать строже: дать *полный* перечень

¹⁹ См.: Проблемы «Свода русского фольклора». — В кн.: Русский фольклор, т. 17, с. 72—73.

²⁰ Корепова К. Е., Эйдельман Ф. С., Волкова Т. М. Библиографический указатель материалов фольклорного архива. Горький, 1976, вып. 1, ч. 1, с. 3.

²¹ Там же, с. 57.

мотивов сказки в их последовательности. Здесь только намек на известный сюжет. Отсылка к «Указателю сказочных сюжетов» по системе Аарне—Томпсона, конечно, полезна в условиях, когда нет другого технического справочника. Что же касается региональных справок, то они очень важны для уяснения границ в бытовании сюжета, его версий и вариантов, а вот что касается сведений о сказочниках, то пока личный «паспорт» лежит на периферии сегодняшней исследовательской работы, не открывает исследовательских перспектив и так будет до тех пор, пока изучение индивидуальности сказочника останется в рамках понятий науки 20—40-х гг. Изучение творческого облика сказочников надо связывать с изучением традиций региона. Сведения о сказочниках, конечно, кому-то и пригодятся и даже при изучении сказочных сюжетов, но обдуманности в личном паспорте сказочников нет. Это дань научной привычке, если не выражение стремления оправдать давние заблуждения.

В архивном хранении кроме обязательных сведений о номере коллекции, указания времени записи, ед. хранения, номере тетради (или страниц) необходимо заводить карточку с конспективным описанием сюжета (с разбивкой на мотивы). Возможно в архиве на этих же карточках и взаимные отсылки от карточки к карточке. И обязательно должно быть оставлено место для будущей регистрации сюжета — для того номера, который получит сюжет-сказка в общерусском каталоге. С течением времени, когда система нумерации будет установлена сказковедами, возможно, окажется полезной и таблица соответствий с номером указателя Аарне—Томпсона. Таблица соответствий будет иметь смысл только для тех, кто станет типологически изучать сказку на фоне международного сказочного фольклора (миграции, типологические параллели и пр.).

Работе по тематической и жанровой классификации сказок следует придать общесоюзный и республиканский масштаб, а главное, внести в эту работу четкость теоретико-методологического подхода, отделяя ветхое от нового, рутинное от плодотворного. Такой подход перспективен как в теоретической, так и в практической фольклористике.

Н. Ф. ОНЕГИНА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА,
ХРАНЯЩЕГОСЯ В ФОНДАХ АРХИВА
КАРЕЛЬСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР (1926—1980 гг.)

Фольклорные богатства Карелии привлекли внимание ученых еще во второй половине XIX в., в период, когда П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, обнаружив здесь былины в прекрасной сохранности, записали и издали их,¹ Е. В. Барсов обнаружил богатейшее собрание заонежских причитаний,² Н. Е. Ончуков опубликовал полтораста олонекских сказок,³ а Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш представили музыкальную культуру края сборником «Песни русского народа».⁴

Однако целенаправленная и планомерная деятельность по накоплению и изучению фольклорного наследия началась лишь в советское время в связи с организацией Карельского научно-исследовательского института.⁵

Первые экспедиции проводились совместно с учеными Ленинграда и Москвы. Начало большой фольклористической научной работе в Карелии положили известные ученые М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова, В. Г. Базанов, Ю. М. и Б. М. Соколовы, позже А. Д. Соймонов, К. В. Чистов, Э. В. Померанцева и др.

Цель данной статьи — охарактеризовать количественно и со стороны жанрового состава русский фольклор в Карелии по материалам научного Архива Карельского филиала АН СССР (в дальнейшем — архив КФАН).

Все записи (1926—1980 гг.) архива КФАН хранятся в 144 коллекциях, скомпонованных по годам поступления и ареалам собирания. Это составляет более 50 тыс. единиц хранения. Часть коллекций содержит материал, собранный за пределами Карелии: в Мурманской (кол. 37—39), Архангельской (кол. 128), Вологодской (кол. 134), Ленинградской (кол. 99, 111, 139) областях. В архиве нет записей русского фольклора из ряда районов (Калевальского и Муезерского — северо-запад; Пряжинского, Суоярвского, Питкярантского и Сортавальского — юг республики), где собран значительный по объему карельский фольклор (130 кол., более 35 тыс. ед. хр.). Некоторое количество неучтенного нами материала,

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909, т. 1; М., 1910, т. 2, 3; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.

² Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872—1885, т. 1—3.

³ Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова. — Записки РГО. СПб., 1908, т. 33.

⁴ Песни русского народа: Собраны в губерниях Архангельской и Олонекской в 1886 г. Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — Г. О. Дютш. СПб., 1894.

⁵ Карельский научно-исследовательский институт учрежден в 1930 г., в 1937 г. его переименовали в Институт культуры (КНИИК), с 1945 г. это Институт истории, языка и литературы (ИИЯЛ), с 1946 г. — Институт языка, литературы и истории АН СССР (ИЯЛИ).

находящегося в процессе обработки, содержит фонотека.⁶ Общее представление о содержании архива по русскому фольклору можно получить из приведенной в Приложении 1 таблицы.

В архиве КФАН широко представлены эпические песни: 705 былин и баллад. Основная масса записей сделана в Пудожском, Медвежьегорском (бывшем Заонежском), Кемском и Беломорском районах. На северо-востоке Карелии записано более 200 духовных стихов и 60 исторических песен. Несказочная проза представлена преданиями, собранными преимущественно в 60—70-е гг. (468 текстов), и быличками (470). Научный архив богат сказками, их около 2,5 тыс., в том числе 1045 волшебных, 320 о животных (подробнее см. табл. 1).

Большую группу фольклорных произведений составляют тексты песен — 29 977, из них около 3000 — на любовную и семейно-бытовые темы, рабочая песня представлена единичными записями. Почти нет календарной обрядовой поэзии, по много свадебных песен (более 1000) и причитаний (свадебных свыше 500, похоронных более 200, рекрутских — 80, бытовых свыше 70). Основной материал записан в Поморье (Беломорский, Кемский, Лоухский районы) и в Пудожье.

Остановимся несколько подробнее на истории собирания и изучения наиболее крупных жанров русского фольклора Карелии.

СТИХОТВОРНЫЙ ЭПОС

Первые экспедиции по сбору былин в Карелии шли по следам первооткрывателей «Исландии русского эпоса» — П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга.

В 1926—1928 гг. состоялась Московская экспедиция Государственной академии художественных наук (ГАХН), организаторами и руководителями которой были Б. М. и Ю. М. Соколовы. Они задались целью изучить изменения эпоса, происшедшие с 60-х гг. XIX в. Ю. М. Соколов писал: «Совершенно очевидно, что вопрос об изменениях в эпическом репертуаре, стиле, условиях сохранения и бытования былин может быть серьезно поставлен лишь при наличии под руками материала, собранного в разные периоды, но непременно в одной и той же социальной среде».⁷ Поэтому обследовались именно те места, где Рыбников и Гильфердинг нашли когда-то наибольшее количество былин. Начали с Кижей — родины прославленных сказителей Рябининых. Записали 93 полноценных текста былин. В 1928 г. работа была продолжена на Пудожском берегу Онежского озера⁸ по маршруту: Шала, Водлозеро, Сумозеро, Рагнозеро, Купецкое озеро (записано 195 былин).

Во время этих экспедиций удалось выявить таких крупных сказителей, как Г. А. Якушев, А. Б. Суриков, Н. С. Богданова, Ф. А. Конашков. Материалы, собранные экспедицией ГАХН, хранятся в Гослитмузее в Москве, 280 текстов опубликовано и упомянутом сборнике «Онежские былины» (М., 1948).

Одновременно здесь же сбором эпических песен руководила А. М. Астахова, возглавившая группу Ленинградского института истории искусств (ГИИС). От многочисленных сказителей записано более 100 текстов, обследованы места, не охваченные прежними собирателями (северная и средняя часть Шульгского п-ова), впервые записаны на фонограф былин-

⁶ Фонозаписи с 1963 по 1980 г. полностью расшифрованы и хранятся в рукописном архиве КФАН.

⁷ Соколов Ю. М. Заметки о фольклорной экспедиции 1926—1928 гг. — В кн.: Онежские былины. М., 1948, с. 3.

⁸ Экспедиция 1927 г. обследовала район Кенозера (ныне Архангельская обл.).

ные напевы Прионежья. Материалы экспедиции ГИИС помещены в двухтомнике «Былины Севера».⁹

В дальнейшем работу по сбору и изучению эпических песен Севера продолжали фольклористы секции Института этнографии АН СССР и Карельского научно-исследовательского института. Заонежская экспедиция 1932 г. в составе А. М. Астаховой, М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной и К. В. Чистова записала 40 былин и 10 баллад на севере Шуньгского полуострова. Материалы находятся в архиве КФАН (кол. 68).

В 1937—1938 гг. в Заонежье силами сотрудников КНИИК вновь было записано 23 былины от П. И. Рябинина-Андреева (кол. 69) и 11 от М. Е. Самылина (кол. 72). Детальное изучение бытования жанра переносится в окрестности озера Купецкого для выявления потомков былинных сказителей. Здесь записано более 100 текстов, в том числе от новых крупных сказителей — А. М. Пашковой (кол. 12), И. Т. Фофанова (кол. 14), Н. А. Ремезова (кол. 13), Н. В. Кигачева (кол. 1, 10), А. Л. Фадеевой (кол. 8) и др. На этом материале составлен сборник «Былины Пудожского края», куда вошли 72 текста от 14 сказителей.¹⁰

В те же годы (1937—1938) сотрудниками КНИИК Е. П. Родиной и М. А. Ивановой был повторно (через 10 лет после братьев Соколовых) записан репертуар Ф. А. Конашкова (кол. 15). Из 23 записанных былин 18 повторяют известное ранее.¹¹

Спустя 30 лет после братьев Соколовых студенты МГУ под руководством Э. В. Померанцевой собрали в Пудожском районе и в Кижях лишь 19 былин (кол. 79, копии, 1956—1958 гг.), зато выявилось обилие эпических песен балладного типа (90 баллад в кол. 79). В свое время А. М. Астахова отмечала: «На Севере эти баллады по напевам и исполнению резко отличаются от песен и самими певцами воспринимаются как жанр, родственный былинам».¹²

В 1961 г. в Пудожском районе, в деревнях вокруг озера Купецкого студентами Петрозаводского университета (руководитель Г. Григорьева) записано 22 былины и 14 баллад, а также 16 текстов прозаических пересказов эпических песен (кол. 24). В 1969 г. сотрудниками ИЯЛИ записано в Пудоже 9 баллад и 1 былина (кол. 23).

Уже в 30-е гг. А. М. Астахова признавала, что собрано достаточное количество материала, необходимого для изучения былинной традиции Заонежья и Пудожья.¹³ Сейчас мы располагаем гораздо более солидным фондом эпических песен данного региона.

В 1932, 1933 и 1935 гг. велась запись фольклора на Карельском берегу Белого моря экспедицией в составе А. М. Астаховой, И. Н. Этиной, А. Н. Нечаева, Б. М. Каминской, Н. Н. Тяпонкиной, И. В. Карнауховой и др. Обследовано все Карельское Поморье от Кандалакши до Нюхчи, изучались «белые пятна» на севере названного ареала, велись записи «по следам» А. Д. Григорьева, побывавшего в южной части Поморского берега в 1898 г. Здесь было записано 130 текстов разных жанров, из них 4 былины, 6 баллад (кол. 26). Общее представление о былинной традиции района дают в основном материалы 1935 г., собранные И. Н. Этиной в дер. Калгалакша и Гридино Кемского района. Ей уда-

⁹ Былины Севера / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. Т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье. М.; Л., 1951 (из Карелии — 106 вариантов).

¹⁰ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова; Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

¹¹ Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Липевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

¹² Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Зап., вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938, с. 4.

¹³ Астахова А. М. Былинная традиция на современном Севере. — В кн.: К сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934.

лось записать 29 былин, 5 баллад, 2 сказки на былинные сюжеты (кол. 56).¹⁴

В 1956 г. экспедицию ИЯЛИ в этот же район возглавил К. В. Чистов. В его отчете сообщается: «Особенный интерес среди сделанных записей представляют былины, не только своим количеством (40 записей в двух селах — Гридино и Калгалакша), но и хорошей сохранностью текстов и наличием исполнителей, знающих по многу былин (А. В. Иванова — 13 былин, А. С. Михнина — 9, А. И. Ефремова — 6, А. Т. Бурая — 3 и т. д.)» (кол. 35, с. 2). Отмечалось также разнообразие и наличие редких сюжетов («Иван Гостиный сын», «Дунай», «Потык», «Соломан», «Щелкан»). Характерно, что записи былин производились в основном от исполнителей, не учтенных Этиной, или от следующего поколения сказителей.

Через два года в тех же местах К. В. Чистов и Д. М. Балашов записали 8 былин и 8 баллад (кол. 36). А в 1963—1964 гг. в дер. Гридино и Калгалакша А. П. Разумовой и А. А. Митрофановой удалось записать 19 былин и 17 баллад (кол. 42, 45, 51). Повторные записи с былинными напевами сделаны от А. В. Ивановой (дер. Гридино) и А. И. Ефремовой (дер. Калгалакша). А. Т. Бурая, исполнявшая былины в 1956 г., заявила собирателям: «Забыла все...» (кол. 42, отчет, л. 1).

Итак, изучение былинной традиции в Карелии велось целенаправленно и дало хорошие результаты. Не случайно в архивном материале нами зафиксировано наличие 65 сюжетов, а в рукописных фондах хранится более 700 текстов былин и баллад.

В Карелии популярен цикл о борьбе героя с чудовищами и разбойниками. Это былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (сюжет отражен в 35 текстах), «Добрыня Никитич и Змей» (в 25), «Илья Муромец и разбойники» (в 20). Серия эпических песен об отражении татар представлена сюжетами «Илья Муромец и Калин-царь», «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (20), «Илья Муромец и Идолище» (14), «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром» (7). Особенно близка сказителям тема сватовства. Сюжет «Неудачная женитьба Алеши Поповича» имеется в 57 вариантах. Другие сюжеты встречаются реже: «Ставр Годинович» (29), «Дюк» (20), «Козарин» (16), «Дунай и Настасья Королевична» (16), «Женитьба Дуная и князя Владимира. Гибель Дуная» (15), «Соломан и Василий Окулович» (12) и т. д.

В живом бытовании до сих пор сохранились баллады. Чаще других исполняются «Братья-разбойники и сестра» (64), «Князь, княгиня и старицы» (46), «Дмитрий и Домна» (43), «Муж губит свою жену» (34), «Василий и Софья» (27), «Мать князя Михайла губит его жену» (18).

Переход от былин к исполнению баллад — тенденция, характерная для позднего этапа бытования эпоса на русском Севере, что отмечено в работах А. М. Астаховой и Д. М. Балашова.

Более конкретное представление о количественном и сюжетном составе эпоса (былин, баллад, духовных стихов, исторических песен), хранящегося в рукописном архиве КФАН, дают Приложения 2—5, где отмечены и изданные тексты.¹⁵

В сборнике «Русские народные песни Карельского Поморья» помещено 15 былин и 13 баллад, записанных в 1963—1964 гг. в Кемском районе. Сборник «Русские эпические песни Карелии» включает 40 былин

¹⁴ Только 12 из них опубликовано, см.: Студенческие записки филологического факультета ЛГУ. Л., 1937, с. 1—31.

¹⁵ Автором подготовлен к печати каталог «Русские эпические песни Карелии (былины, баллады, исторические песни, духовные стихи). Каталог рукописного фонда научного архива Карельского филиала АН СССР (1932—1980)».

и 5 баллад.¹⁶ Однако значительная часть материала, собранного в 40—70-х гг. в Беломорье и на Терском берегу Белого моря, не издана. Опубликованные записи эпических песен архива составляют лишь четвертую часть всего материала.

СКАЗКА

Русская сказка дореволюционной Карелии представлена в основном записями А. А. Шахматова, Д. Георгиевского и М. М. Пришвина в сборнике Н. Е. Опчукова «Северные сказки» (143 текста из Олонецкой губ.). Долгие годы сказочный эпос Олонецкого края, собранный А. Баласогло, П. Н. Рыбниковым, Н. Шайжиным, М. А. Колосовым, С. Лосевым, П. Минорским, Г. Цейтлинным и др., печатался в многочисленных разрозненных изданиях.¹⁷ Сведения о русской сказке Карелии были отрывочны. Назрела необходимость планомерного сбора и изучения материала, что осуществилось лишь в советское время.

В 1926 г. комплексная экспедиция из Ленинграда, организованная Институтом истории искусств, записала около 200 сказок, 65 заонежских сказок было опубликовано И. В. Карнауховой.¹⁸ На основе материалов экспедиции написан ряд статей.¹⁹

Экспедиции А. И. Никифорова в Заонежье, на Пинегу и Мезень (1926—1928 гг.) стали значительным событием в истории собирания и изучения русской сказки Севера и Карелии. Коллекция А. И. Никифорова является самой крупной из всех собраний русских сказок. Из нее опубликована 131 сказка (заонежских — 43, в описи — 196).²⁰

Сотрудники Карельского НИИ начали изучать фольклорные традиции Заонежья с момента организации Института. Первые записи сказок сделаны от известных былищников П. И. Рябинина-Андреева, П. Г. Горшкова, В. В. Амосова, М. Е. Самылина, а также от рядовых исполнителей собирателями Н. М. Тяпонкиной, Б. М. Каминской, А. Д. Соймоновым, М. А. Ивановой, Е. П. Родиной и др. в 1932—1938 гг. (кол. 68—70, 72—74, 147 текстов). Перерыв в собирании материала был до студенческой экспедиции МГУ 1956—1957 гг. под руководством Э. В. Померанцевой. И вновь долгое время сказки Заонежья не собирались. Сотрудникам ИЯЛИ — Онегиной Н. Ф., Э. П. Кемппен, А. Т. Паккопен — удалось в 1980 г. дважды побывать в Заонежье, где записали более 30 сказок.²¹ Предполагается дальнейшее фронтальное изучение ареала.

В 1936/37 гг. была организована бригада из студентов ЛГУ для записи рабочего фольклора на Онежском заводе. От 40 информаторов А. Д. Соймоновым, Н. В. Новиковым, К. В. Чистовым и др. было записано 160 сказок (кол. 61, 62). А. Д. Соймонов издал сборник «Песни и сказки на Онежском заводе», в состав которого вошло 50 песен и 14 сказок рабочих-онежцев.²²

Неоценимой находкой для науки считается сказочный репертуар бывшего рабочего Онежского завода Ф. П. Господарева. Честь открытия этого

¹⁶ Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971; Русские эпические песни Карелии / Сост. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.

¹⁷ Эти публикации были сведены воедино М. К. Азадовским в сборнике: Русские сказки Карелии: Старые записи. Петрозаводск, 1947.

¹⁸ Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой; Предисл. Ю. М. Соколова. М., 1934 (материал экспедиции хранится в архиве ИРЛИ АН СССР — кол. 2)

¹⁹ Крестьянское искусство СССР. Вып. 1: Искусство Севера: Заонежье. Л., 1927.

²⁰ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

²¹ Кол. 142, 147. Подготовлен к печати сборник «Сказки Заонежья», составитель Н. Ф. Онегина.

²² Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937.

замечательного сказителя принадлежит Н. В. Новикову, записавшему от него 102 сказки (кол. 62).²³

Самой крупной коллекцией беломорских сказок в архиве КФАН является материал, собранный в 1938 г. студентами ЛГУ под руководством И. М. Колесницкой (кол. 29, 148 текстов). По нему составлен рукописный сборник «Поморские сказки» (архив, ф. 1, оп. 39, № 35, 243 л.). Не издано богатое сказочное наследие сумпосадского сказителя Ф. Н. Свинына (кол. 32, 66 текстов), записи 1938 г. Е. П. Родиной, В. Р. Дмитриченко, Хайкиной, Войновой и др. В эти же годы записывались сказки от самого даровитого из северокарельских сказителей — М. М. Коргуева (кол. 47).²⁴

Русская сказка Карелии заняла, наконец, достойное место среди лучших образцов русского народного творчества. «Монументальные издания „Сказок Карельского Беломорья“ и „Сказок Господарева“ начинают собой новую эру в истории изучения сказки в Карелии и принадлежат к крупнейшим явлениям русского сказковедения в целом», — отмечал М. К. Азадовский.²⁵

Материалы архива регулярно пополняются и за счет рядовых исполнителей. С 1935 по 1941 г. от них было записано более ста сказок в северной части Карелии (кол. 46, 48, 49, 50, 55, 56).

В послевоенный период собирание устного народного творчества продолжалось довольно интенсивно. В 1948 г. в Лоухском районе производилась запись сказок на родине М. М. Коргуева. К. Ф. Прохорова и А. Ф. Солякова привезли из с. Кереть и дер. Черная Река 63 текста (кол. 58). Значительный по объему материал был собран в 1956 г. московскими студентами под руководством Э. В. Померанцевой. Ими записано в Беломорском и Сегежском районах 127 сказок (кол. 79).

Несколько позже, с 1967 вплоть до 1977 г. сбором сказок в Беломорском и Кемском районах занимались сотрудники Карельского филиала АН СССР. А. А. Митрофановой, Т. И. Сенькиной, Н. А. Лавонен, Т. А. Коски, Е. И. Русаковой под руководством А. П. Разумовой записано 253 сказки (кол. 81, 94, 124—127, 131). На основе всех записей по Лоухскому, Кемскому и Беломорскому районам был составлен сборник «Русские народные сказки Карельского Поморья», в который вошло 72 текста.²⁶

Не только эпическими песнями, но и сказками богато Пудожье, что отмечал еще Ю. М. Соколов в «Заметках о фольклорной экспедиции 1926—1928 гг.». Однако в предвоенные годы здесь было записано немного более 150 сказок. По-настоящему сбор их начался с 50-х гг.

В 1945—1948 гг. обильный сказочный материал обнаружила сотрудница КНИИ А. В. Белованова. Ею записано свыше 100 текстов (кол. 17, 19, 20). В Пудожском районе неоднократно работали и студенты Петрозаводского университета, ими записано 54 сказки (студенческими экспедициями руководили Г. Григорьева, В. Н. Захаров, В. В. Павлюченко, Ф. Р. Макарова — см. кол. 21, 103, 138).

С 1969 по 1978 г. экспедициями, которые возглавляла А. П. Разумова, было записано в Пудожском районе около 400 сказок (кол. 23, 73, 82, 83, 85, 93, 98, 102, 140). В 1971—1974 гг. в этих местах студенты

²³ 97 текстов издано в сборнике: Сказки Ф. П. Господарева / Зап. текстов, вступ. ст., примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

²⁴ Сказки Карельского Беломорья. Т. 1: Сказки М. М. Коргуева, кн. 1—2 / Зап., вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева; Предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1939.

²⁵ Азадовский М. К. О русской сказочной традиции в Карелии. — В кн.: Русские сказки Карелии: Старые записи, с. 12—13.

²⁶ Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974. В сборнике дана опись сказок Карельского Поморья из архива КФАН.

Петрозаводского педагогического института (руководитель С. М. Лойтер) записали 72 сказки (кол. 92).

Наиболее интенсивно велись записи в деревнях, расположенных по р. Водле. Почти две трети сказок Пудожья собрано на территории четырех сельсоветов: Пудожском — 186, Авдеевском — 156, Кубовском — 146, Семеновском — 62. На Водлозере записано свыше ста сказок в дер. Куганаволок, Пога, Пелгостров, Канзанаволок.

По Пудожскому району имеется 37 коллекций. Нами составлен каталог «Сказки Пудожья» (1932—1978).²⁷ В 1982 г. вышел сборник «Русские народные сказки Пудожского края» (составители А. П. Разумова и Т. И. Сенькина).

Из 800 пудожских текстов первое место принадлежит волшебной сказке (377), второе — анекдотам (208), третье — сказкам о животных (120), затем идут сказки новеллистические (79) и легендарные (18). Материалы охватывают 310 сюжетов, т. е. почти весь активный состав, отмеченный в «Указателе» Аарне — Андреева: в отдельных текстах и контаминациях находим 40 сюжетов сказок о животных (из 80, отмеченных в «Указателе»), 113 сюжетов волшебных сказок (из 200), 13 сюжетов легендарных сказок (из 70), 114 анекдотов.

Сказочный репертуар каждого района отражает Приложение 6.

ПРЕДАНИЯ

До революции наиболее целенаправленно занимался сбором преданий Е. В. Барсов, а также многочисленные краеведы и путешественники по северу России. Тексты северных преданий, зафиксированные до революции, опубликованы в старой периодической печати, в описаниях путешественников, в краеведческой литературе.²⁸

В советский период, преимущественно в 30—70-е гг., предания Беломорско-Обонежского региона записывались наряду с произведениями других фольклорных жанров такими собирателями, как А. В. и Е. А. Беловановы, О. Г. Большакова, Н. Бутинов, Г. Григорьева, В. Р. Дмитриченко, И. В. Карнаухова, Н. В. и А. Н. Нечаевы, Н. В. Новиков, Ю. А. Новиков, Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов, Н. С. Полищук, Э. В. Померанцева, А. П. Разумова, К. В. Чистов и др. (кол. 6, 8, 17, 23, 129, 131, 133).

Более всего собрано преданий Н. А. Криничной и В. И. Пулькиным в Вытегорском районе Вологодской области (кол. 134, 116 текстов), в Каргопольском районе Архангельской области (кол. 128, 90 текстов), в Беломорском и Медвежьегорском районах Карелии (кол. 135, 112 текстов). В общей сложности это свыше 400 текстов. На основе этих материалов издан сборник «Северные предания»,²⁹ куда не вошли лишь полевые записи июля 1975 г., среди которых имеется около десятка преданий (кол. 84).

В отношении преданий совершенно не обследовались Лоухский, Сегежский, Кондопожский и Прионежский районы.

²⁷ Фольклор в архиве Карельского филиала АН СССР. Сказки Пудожья (1932—1978): Каталог русского рукописного фонда научного архива Карельского филиала АН СССР / Сост. Н. Ф. Онегина; Отв. ред. А. П. Разумова. Петрозаводск, 1979.

²⁸ В архиве имеется неизданный рукописный сборник «Народные предания о Петре I в Карелии», составленный А. П. Разумовой и А. В. Беловановой. В нем собрано 27 преданий из сборника Е. В. Барсова (Петр Великий в народных преданиях Северного края. М., 1872) и из «Олонецких губернских ведомостей» за разные годы (см. Ф. 1, оп. 45, № 14).

²⁹ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978.

ПРИЧИТАНИЯ

Как известно, «Причитания Северного края» Е. В. Барсова положили начало изучению русской причеты вообще, и в частности в Карелии.³⁰

В 30-е гг. XX в. записями причитаний, наряду с другими жанрами, занимались М. М. Михайлов, Е. П. Родина, А. Д. Соймонов, Г. Н. Парилова и др. В Беломорье, Заонежье и в Кондопожье ими было зафиксировано более полусотни причитаний (кол. 31, 34, 107, 108 и др.). Из текстов, записанных на территории Карелии в 1937—1940 гг. М. М. Михайловым, был составлен сборник.³¹ В Заонежье и Пудожском крае в 1944—1945 гг. В. Г. Базанов, А. П. Разумова записали 325 текстов плачей (кол. 16, 75). Из них издано 199 плачей.³²

Долгое время никто не занимался записями свадебных причитаний. В 1961 г. силами студентов ПГУ под руководством Григорьевой было записано более 30 свадебных причитаний (кол. 21). Занявшись изучением поморской свадьбы, сотрудники ИЯЛИ А. П. Разумова, Т. А. Коски и др. собрали и опубликовали весь свадебный ритуал с песнями и причитаниями.³³ Всего в архиве КФАН хранится 924 текста различных причитаний, включая единичные записи в разножанровых коллекциях.

Итак, за многие годы собирательской работы накоплен богатый архивный фонд, постоянно пополняемый фронтальными и тематическими сборами в период экспедиций.³⁴

Научно-исследовательская работа на базе архивных материалов началась уже во второй половине 1930-х гг. Вначале это были информационные статьи об экспедициях Института с обзором и выводами о характере и значении собранного материала, а в предвоенное пятилетие уже вышел целый ряд изданий.³⁵

В 50—70-е гг. издательская деятельность Института приобрела особо широкий размах. Все крупные издания упоминались нами в статье в связи с жанровой характеристикой основных фондов архива.

Материал, регулярно поступающий в наши фонды, берется на учет, систематизируется для дальнейшего использования в исследовательской работе. Согласно современному уровню обработки фольклорно-этнографических архивов предпринято составление новых картотек в рукописном отделе архива КФАН; в последнем каталогизация идет на перфокартах, что снимает необходимость составления разнородных картотек. Дескрипторный список жанров и их разновидностей и система кодирования приняты сотрудниками сектора фольклора и этнографии ИЯЛИ.³⁶

³⁰ См.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова: Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955.

³¹ Русские плачи Карелии / Подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940.

³² Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л., 1962.

³³ Свадьба Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1980.

³⁴ В архиве КФАН хранится и научно обрабатывается не только русский фольклор, но и карельский, вепсский, ингерманландский.

³⁵ См.: Астахова А. М. Собрание и изучение русского фольклора Карелии за 15 лет. — В кн.: Материалы юбилейной сессии. Петрозаводск, 1946.

³⁶ См.: Каталогизация фольклорно-этнографических материалов архива на перфокартах / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1978.

ОБЩИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДАННЫЕ ПОЖАНРОВОГО СОСТАВА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ФОНДА
АРХИВА КФАН (1926—1980 гг.)

Место записи	Былины, баллады, сказорощины	Исторические песни	Духовные стихи	Препания	Былички	Сказки						Пословицы и поговорки	Загадки	Год записи	
						о животных	волшебные	легендарные	новелистические	сказки-анекдоты	вид сказки не определен				
Районы КАССР:															
Лоухский	26	2	2	1	2	6	40	3	18	35	57	7	381	1933, 1936, 1938—1941, 1948, 1959, 1965	
Кемский	110	5	32	—	1	19	75	2	9	4	—	103	41	1933—1935, 1937, 1940—1941, 1948, 1956—1957, 1963—1965, 1967	
Беломорский	62	6	72	79	98	104	288	7	55	93	2	364	716	1926—1973, 1975—1977	
Сеgezский	8	1	3	—	—	4	13	—	3	26	1	80	12	1956, 1949	
Медвежьегорский	119	18	35	61	7	12	37	10	15	49	15	137	39	1926—1971, 1980	
Кондопожский	7	4	4	—	2	4	52	1	5	11	2	6	6	1937—1940, 1957	
Цудожский	342	26	47	68	239	121	383	17	81	215	35	426	924	1925—1926, 1932, 1938—1948, 1960—1961, 1971—1980	
Прионежский	3	—	—	36	41	13	44	13	27	93	41	95	183	1937—1940, 1950, 1975, 1977	
Олонецкий	—	—	—	—	—	—	8	3	11	21	1	77	7	1936—1937	
Случайные поступления из разных областей	—	1	—	—	—	—	4	—	2	1	—	45	537		
Ленинградская обл.	—	—	—	5	—	2	6	—	—	1	—	114	29	1977—1978	
Мурманская обл.	28	1	16	5	45	35	95	4	28	41	—	197	82	1932—1933, 1957—1958, 1961—1964	
Архангельская обл.	—	—	—	93	11	—	—	—	1	—	—	—	—	1970	
Вологодская обл.	—	—	—	120	24	—	—	—	—	—	—	—	—	1971, 1978	
ОБЩИЙ ИТОГ по жанрам	705	60	211	468	470	320	1045	60	255	590	156	1651	2957		

Место записи	Песни										Частушки	Причитания				Год записи
	любовные	Семейно-быто-вые	игровые	солдатские, рекрутские,	разбойничьи, бродячие, торрельные	романсы, в том числе мешанские	шуточные, сатирические	разряд не опре-делен	свадебные	Причитания						
										свадебные		похоронные	рекрутские	бытовые		
Районы КАССР: Лоухский Кемский Беломорский Сегежский Медвежьегорский Кондопожский Пудожский Прионежский Олонецкий Случайные поступи- ния из разных об- ластей Ленинградская обл. Мурманская обл. Архангельская обл. Вологодская обл.	135	22	63	27	14	39	10	3	30	3052	12	—	—	—	1933, 1936, 1938—1941, 1948, 1959, 1965	
	487	55	332	54	18	76	32	8	103	1130	10	4	—	1	1933—1935, 1937, 1940—1941, 1948, 1956—1957, 1963— 1965, 1967	
	536	73	246	43	59	28	44	2	287	2957	130	25	2	7	1926—1973, 1975—1977	
	83	46	88	14	7	17	13	7	44	481	10	1	—	—	1956, 1949	
	215	52	52	37	20	53	38	31	61	3116	27	13	2	16	1926—1971, 1980	
	253	77	29	48	17	79	39	23	30	406	13	9	4	4	1937—1940, 1957	
	359	99	307	117	43	343	92	40	264	4083	275	158	68	32	1925—1926, 1932, 1938—1948, 1960—1961, 1971—1980	
	85	40	37	42	49	160	43	246	69	1789	27	6	3	7	1937—1940, 1950, 1975, 1977	
	35	5	12	22	11	99	1	49	1	924	—	—	—	—	1936—1937	
	73	11	12	37	2	9	9	2	9	1620	3	1	—	3		
13	2	17	3	6	24	5	17	17	1618	11	1	1	—	1977—1978		
166	28	185	73	11	275	49	182	168	1421	23	4	2	—	1932—1933, 1957—1958, 1961— 1964		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1970		
1	—	—	—	—	13	—	—	—	65	3	—	—	—	1971, 1978		
2441	510	1380	517	257	1215	375	610	1091	22673	544	222	81	77			
ОБЩИЙ ИТОГ по жанрам																

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

БЫЛИНЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВЕ КФАН^а

1. Волх Всеславьевич 6; 2/25-а, 15/41, 32/144, 79/632; 15/61, 76/84.
2. Святогор и тяга земная 2; 1/60; 12/17.
3. Святогор и Илья Муромец 17; 2/11, 2/12, 2/43, 6/49, 8/23-а, 8/40, 8/47, 12/17, 14/23, 18/64, 21/63, 21/64, 47/16, 70/1, 76/83, 102/77; 8/67.
4. Добрыня Никитич и Змей 25; 1/62, 2/3, 2/67, 2/68, 8/55, 8/132, 8/301, 13/29, 15/3, 15/32, 16/184, 20/76, 40/15, 40/16; 2/3, 8/29, 13/1, 14/14, 15/53, 20/76, 47/7, 47/41, 68/33, 68/33-а, 69/3.
5. Первая поездка Ильи Муромца 35; 2/13, 2/43, 2/88, 4/16, 8/16, 8/133, 8/227, 8/231, 12/12, 15/1, 17/98, 20/8, 20/77, 21/117, 21/118, 21/191, 21/254, 44/87, 70/1, 72/5, 76/82, 79/32, 102/76; 2/10, 2/29, 8/23, 12/12-а, 13/4, 14/9, 15/57, 17/92, 47/16, 68/16, 69/4, 76/35, 76/83.
6. Илья Муромец и Идолище 14; 2/13-а, 2/90, 20/8, 21/65, 70/1; 2/10, 13/4, 14/7, 15/40, 15/52, 47/16, 61/306, 68/15, 76/83.
7. Алеша Попович и Тугарин 3; 2/22; 12/80, 68/25.
8. Садко состязается с Новгородом 2; 1/64; 12/16.
9. Садко в подводном царстве 5; 1/64, 12/16; 15/30, 15/48, 72/36.
10. Михайло Потык 11; 2/23, 2/92; 10/19, 12/65-а, 14/8, 14/22, 15/43, 35/185, 51/158, 68/36, 68/36-а.
11. Иван Годинович 2; 44/203-1, 44/297; 2/40.
12. Дунай. Женитьба Дуная и князя Владимира 11; 8/132, 15/10, 70/35; 12/84, 15/63, 47/102, 68/11, 68/5, 70/6, 72/47, 75/108.
13. Дунай и Настасья-королевична 16; 13/20, 26/24, 27/174, 28/109, 34/47, 35/141, 35/9, 36/201, 56/122, 56/157, 56/231, 58/46; 7/54, 13/5, 35/179, 51/159.
14. Непра и Дон (Гибель Дуная и Настасьи) 5; 2/46, 6/91, 7/60, 21/134; 68/11.
15. Соловей Будимирович 4; 2/44, 15/4; 7/55, 15/50.
16. Хотен Блудович 5; 10/24, 35/5, 35/142; 35/178, 51/146.
17. Алеша Попович и сестра Петровичей (Збродовичей) 2; 8/42, 56/103, —.
18. Соломан и Василий Окулович 12; 8/134, 35/45, 36/198, 56/92, 79/274, 79/341, 79/1104; 51/284, 68/7, 68/40.
19. Добрыня Никитич и поляница 10; 2/68, 4/15, 8/55-а, 16/184, 20/74, 21/253, 35/4; 2/31, 8/132, 47/7.
20. Добрыня Никитич и Маринка 6; 15/33, 79/51; 2/47, 13/3, 15/60, 68/10.
21. Добрыня Никитич в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши 57; 2/3, 2/68, 2/89, 4/52, 4/55, 5/9, 6/50, 6/92, 7/34, 8/8, 8/20, 8/51, 8/99, 8/106, 8/164, 8/290, 14/10-а, 15/44, 16/184, 17/99, 21/108, 21/129, 21/253, 23/387, 35/4, 35/180, 36/30, 51/155, 56/91, 56/224, 68/24, 70/3, 74/46, 79/32, 79/149, 102/78; 2/1, 2/8, 2/32, 2/39, 4/43, 7/45, 8/132, 12/29, 13/1, 15/58, 17/92, 20/76-а, 21/130, 45/45, 47/7, 68/1, 68/19, 68/201, 69/2, 72/37.
22. Козарин 16; 35/1, 35/44, 35/248, 35/252, 36/29, 36/197, 54/197, 56/66, 56/123, 58/49; 35/46, 45/43, 47/41, 51/2, 51/148, 56/145.
23. Илья Муромец и сын (брат) 14; 2/14, 2/15, 2/91, 4/27, 20/9, 35/2, 35/176, 47/16, 70/1, 79/1107; 14/6, 42/45, 51/283, 76/83.
24. Королевичи из Кракова 3; 10/25, 10/25-а; 69/6.
25. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром 7; 2/16, 2/46, 13/20, 15/36; 12/68, 13/5, 68/27.

^а В приведенных таблицах цифры, выделенные курсивом, обозначают количество сюжетов; данные обычным шрифтом — неопубликованные тексты, полужирным — опубликованные; первая цифра дроби указывает номер коллекции, вторая — номер текста.

26. Илья Муромец и голи кабацкие 1; —; 15/49.
27. Илья Муромец и Калин-царь 11; 2/19, 2/20, 40/62, 70/1; 15/3, 15/62, 47/16, 68/8, 68/18, 68/27, 76/83.
28. Илья Муромец, Ермак и Калин-царь 10; 4/12, 8/52, 8/303, 13/19, 20/77, 21/128, 21/131, 21/132; 13/6, 14/1.
29. Илья Муромец и Тугарин (Татарин под Киевом) 1; 68/17; —.
30. Василий Игнатьевич и Батыга 3; 15/38, 15/66; 15/56.
31. Гибель богатырей (Камское побоище) 3; 2/21, 8/47; 8/67.
32. Добрыня Никитич и Василий Казимирович 3; 79/1107; 2/39, 69/2.
33. Илья Муромец и Суровец-богатырь 1; —; 2/27.
34. Илья Муромец и разбойники 21; 2/17, 8/16, 20/8, 26/1, 26/5, 26/8-а, 27/177, 35/3, 35/55, 35/182, 35/247, 35/251, 40/205, 56/93, 56/104, 58/47, 70/1, 130/11, 130/65; 47/16, 56/143.
35. Три поездки Ильи Муромца 8; 2/18, 6/90, 7/58, 12/12, 70/1; 12/12-а, 51/8, 51/160.
36. Вольга и Микула Селянинович 14; 2/25, 8/41, 12/10, 15/29, 15/67, 32/144-а, 79/632, 102/75; 12/20, 15/59, 61/306, 68/29, 69/7, 76/84.
37. Сорок калик со каликою 2; 21/137; 13/7.
38. Василий Буслаевич и новгородцы 8; 2/24, 4/45, 8/48, 8/157, 72/35, 79/272; 68/6, 68/12.
39. Смерть Василия Буслаевича 5; 2/26, 8/48, 8/157, 79/272; 68/6.
40. Наезд литовцев (Роман Дмитриевич и братья Ливики) 4; 15/39; 14/13, 15/45, 17/97.
41. Саул Леванидович 2; —; 35/57, 51/7.
42. Сухман 10; 1/61, 14/16, 16/7, 36/202, 36—1/36, 49/20; 4/26, 5/16, 15/64, 58/52.
43. Ставр Гоудинович 29; 2/42, 4/4, 5/20, 8/56, 8/238, 13/14, 15/55, 17/101, 21/136, 68/14, 79/629, 79/271, 79/968, 83/58, 98/79; 1/59, 1/62-а, 2/34, 2/37, 12/21, 15/34, 20/75, 68/26, 68/35, 68/35-а, 68/197, 69/5, 70/5, 72/48.
44. Аксенко 1; —; 47/102.
45. Чурила Пленкович и князь Владимир 2; 79/32-а; 12/18.
46. Дюк Степанович и Чурила Пленкович 20; 1/65, 8/164, 15/2, 20/73, 21/88, 21/133, 40/119, 79/51; 2/33, 2/74, 2/74-б, 12/30, 12/136, 13/80, 14/15, 15/54, 51/287, 68/34, 68/34-а, 76/85.
47. Чурила Пленкович и Катерина 18; 8/105, 8/130, 8/136, 8/226, 15/31, 21/135, 21/244, 21/245, 44/278, 68/23, 68/41, 80/51; 12/18, 14/2, 15/47, 68/3, 68/196, 69/9.
48. Данила Белый (Про Индею богатую) 2; 15/46; 15/4.
49. Рахта Рагнозерский 3; 8/49, 13/28, 13/28-а; 8/63, 10/20.^б

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

СТАРШИЕ БАЛЛАДЫ

1. Дмитрий и Домна 43; 26/3, 26/7, 26/8, 27/175, 29/14, 30/81, 35/7, 35/183, 36/200, 36—1/49, 37/11, 43/81, 44/4, 44/5, 44/43, 44/86, 44/289, 44/295-а, 44/298, 47/129, 54/168, 54/196, 54/201, 56/74-а, 56/121, 56/214, 56/223, 56/226, 58/51, 59/25, 59/107, 59/352, 79/65, 79/433, 79/662, 94/48, 94/49, 126/25, 126/32, 131/271; 35/52, 51/4, 51/157.
2. Василий и Софья 27; 6/74, 7/27, 7/44, 8/4, 8/37, 8/78, 8/105-а, 8/126, 8/149, 8/246, 12/134, 21/249, 23/20, 23/237, 23/618, 35/6-а, 56/187,

^б Нерасшифрованные матерпалы хранятся в фонотеке, записанные на магнитную ленту или пластинки; см.: Разряд 3, оп. 1—4, ед. хр. 1—335 (Былины, переписанные на магнитофонную ленту, числятся в описи под № 56, 57, 59—64, 66, 75, 76, 104, 105, 119, 120, 121, 125, 174—213).

- 68/31, 68/39, 79/339, 79/642, 79/705, 89/39, 140/1, 140/279; 8/137, 68/22.
3. Мать князя Михайла губит его жену 18; 35/6, 36/31, 36—1/42, 37/114, 41/97, 43/144, 44/72, 44/281, 44/301, 54/224, 54/242, 55/70, 56/74-6, 56/228; 35/184, 45/44, 51/147, 51/277.
 4. Князь Роман губит свою жену 3; 37/112, 44/280, 44/300; —.
 5. Князь, княгиня и старицы 46; 8/232, 8/241, 26/2, 26/6, 29/110-а, 31/150, 33/104, 35/10, 35/43, 35/53, 35/181, 36/28, 36/145, 36/199, 36—1/41, 36—1/51, 37/113, 43/82, 44/88, 44/204, 44/282, 44/299, 54/241, 56/72, 56/94, 56/222, 56/227, 79/71, 79/437, 79/645, 79/729, 79/750, 79/935, 79/962, 94/57, 94/89, 109/56, 109/58, 109/126, 126/33, 126/54, 130/12, 130/27; 45/47, 51/5, 51/156.
 6. Молодец и горе 3; 6/89, 8/113, 79/435-а; —.
 7. Молодец и худая жена 6; 8/148, 21/242, 72/38, 74/47, 79/29; 69/8.
 8. Молодец и королевична 2; 15/68; 12/130.
 9. Муж губит свою жену (Казак жену губил) 34; 7/35, 7/43, 8/83, 8/107, 8/127, 8/162, 8/233, 8/234, 12/19, 12/131, 18/61, 21/65, 21/93, 21/101, 21/139, 21/193, 21/229, 21/248, 22/11, 63/32, 72/46, 73/259, 79/334, 79/521, 79/563, 82/88, 82/92, 86/50, 88/48, 91/70, 107/29, 120/434, 138/349, 141/175; —.
 10. Сестра отравляет своего брата 1; 8/140; —.
 11. Братья-разбойники и сестра 64; 5/10, 7/30, 8/3, 8/82, 8/108, 8/125, 8/145, 8/160, 8/166, 8/235, 8/236, 15/37, 15/65, 21/33, 21/92, 21/166, 21/228, 21/239, 21/251, 23/403, 26/11, 29/111, 30/82, 31/151, 44/290, 44/295, 50/24, 54/240, 59/236, 68/28, 68/32, 74/48, 79/31, 79/72, 79/224, 79/338, 79/434, 79/491, 79/491-а, 79/562, 79/631, 79/647, 79/730, 79/749, 79/768, 79/769, 79/793, 79/893, 79/969, 79/1051, 80/35, 89/36, 98/64, 107/49, 136/80, 140/5, 142/379; 12/15, 15/37-а, 68/21, 68/37, 69/10, 72/43.
 12. Насильственное пострижение 10; 25/50, 79/64, 79/178, 79/438, 79/669, 79/1103, 89/38, 107/51; 68/20, 68/38.
 13. Мать продает своего сына 6; 29/112, 35/56, 56/107, 79/435; 51/6, 58/48.
 14. Русская девушка в татарском плену 1; 36/27; —.
 15. Сестра князя Владимира обманывает и убивает сватов-татар 1; 30/80; —.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Щелкан Задудентьевич 2; —; 35/177, 51/154.
2. Кострюк 9; 2/42, 2/87-а, 4/44, 6/135, 8/135, 15/41-а, 68/9, 79/270; 14/5.
3. О татарском полоне 2; 45/42; 10/23.
4. Иван Грозный и сын 8; 12/13, 15/42, 70/2; 8/43, 8/161, 15/51, 35/143, 42/44.
5. Взятие Казани 4; 6/141, 60/63; 12/14, 76/33.
6. Скопин-Шуйский 1; 7/64; —.
7. Гришка-расстрижка 6; 8/18, 8/138, 21/246, 21/247; 68/2, 68/30.
8. О Степане Разине 9; 8/230, 8/242, 8/244, 14/12, 26/36, 48/55, 61/68-6, 61/175, 76/4; —.
9. Девушка видит сон о гибели 2; 72/42, 76/3; —.
10. Про Петра I 1; 23/455; —.
11. Граф Пашкевич 1; 72/41; —.
12. Песня Наполеона 1; 88/39; —.

13. Русские войска одолевают французов. Русские войска готовы вступить в Париж 2; 79/937, 79/938; —.
14. Платов 12; 26/9, 28/73, 34/53, 52/125, 56/51-б, 59/73, 79/33, 79/66, 79/554, 79/1106, 79/1078; 40/120.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1. О Егории
Егорий и змей: 21; 2/2, 15/12, 17/95, 21/142, 23/388, 26/46, 29/105, 36—1/39, 36—1/47-б, 36/146, 79/30, 79/726, 79/934, 80/50, 89/37, 93/229, 107/50, 131/272, 140/2, 140/278; 70/4.
Мучения Егория 28; 8/163, 8/228, 21/66, 21/142, 21/212, 22/10, 37/12, 44/246, 44/247, 44/248, 51/275, 59/353, 79/22, 79/112, 79/134, 79/340, 79/424, 79/439, 79/638, 79/726, 79/902, 79/970, 80/96, 80/35; 23/19, 35/54, 44/43, 70/4.
2. Алексей — человек божий 28; 8/146, 8/298, 12/11, 15/11, 23/21, 28/125, 33/74, 34/49, 36—1/50, 36/162, 40/164, 56/73-а, 56/78, 56/142, 79/141, 79/369, 79/646, 79/901, 79/971, 80/47, 80/48, 80/49, 80/98, 86/17, 98/63, 127/51; 21/138.
3. Два Лазаря 23; 6/125, 8/100, 21/112, 21/192, 22/10-а, 23/199, 36—1/47, 37/115, 38/66, 38/231, 45/48, 72/44, 79/24, 79/326, 79/423, 79/643, 79/936, 80/33, 126/85, 138/277; 21/140, 23/18, 56/144.
4. Голубиная книга 6; 15/13, 27/176, 27/198, 40/61, 40/174; 131/286.
5. О старце 2; 35/54, 35/100; —.
6. Про грудника 1; 6/124; —.
7. Ашика-воин 3; 8/245, 6/49; 2/7.
8. Про нищую братию 1; 15/35; —.
9. Стихи о Прасковии Пятнице 8; 6/124, 15/35-а, 56/245, 79/731, 79/751, 80/97, 130/99, 141/176; —.
10. Михаил Архангел 7; 15/35-б, 21/141, 36—1/46, 56/65, 56/95, 56/147, 79/1009-а; —.
11. Завещание матери 7; 26/10, 26/182, 27/193, 28/124, 33/48, 34/48, 79/728; —.
12. Про Варвару Великомученицу 1; 21/213; —.
13. Старица и старец 2; 26/12, 94/92; —.
14. О монахах и пустынноиках 16; 26/47, 27/178, 179, 190, 195, 197; 28/54, 55, 56-а, 58, 62—64; 37/60, 37/71, 43/161.
15. Помышление о смерти 5; 27/180, 27/196, 37/61, 38/67, 39/125; —.
16. О молодой юности 2; 27/181, 27/194; —.
17. Рождение Христова 9; 27/183-а, б, д, 27/189-а, б; 28/60-а, 33/50, 43/127, 56/246.
18. О распятии 3; 26/45, 27/191, 28/60; —.
19. Вознесение Христа 10; 15/35, 56/73, 56/154, 79/63, 79/436, 79/644, 79/727, 126/27, 126/68, 130/28; —.
20. О страшном суде 2; 27/186, 56/74; —.
21. Стихи о смерти 7; 36—1/47-а, 36/215, 27/192, 38/68, 43/145, 56/153, 79/367; —.
22. О погоде 1; 27/188; —.
23. Сон Марии 10; 56/75; 56/105, 56/215, 79/113, 79/150, 79/325, 82/139, 140/143, 140/144, 140/291; —.
24. Брак в Кане Галилейской 1; 27/185; —.
25. Царевич Иосиф 2; 27/190, 38/70; —.
26. Борис и Глеб 1; 27/189; —.
27. О спасении души 1; 27/187; —.

28. Архангел — мой хранитель I; 56/153; —.
 29. О старце. Испытание старца 2; 35/100, 79/1108; —.
 30. Плач Адама I; 79/368; —.
 31. О расколе I; 28/57; —.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ а

- Пудожский район 1 (8), 2 (7), 3 (3), 4 (4), 5 (1), 15 (8), 20А (3), 20В (1), 20С (3), 21 (1), 36 (1), 37 (4), 43 (3), 56*С (1), 60 (3), 61 (1), *61 II (15), 85 (1), 101 (1), 103 (2), 122 (1), 123 (4), 130 (1), *154 I (1), 158 (13), 159 (1), *160 I (3), *161 (4), *162 (26), 170 (14), 212 (3), 222*В (2), *241 I (7), *241 III (2), *242 I (1), *254 (5), *282 (1), *296 (4), *298 I (1), *299 (1).
 Лоухский район 20А (1), 20В (1), 20С (1), 21 (1), 212 (1), 254 (1), 297 (1), 400А (1).
 Кемский район 1 (1), 15 (1), 43 (1), 57 (1), 61 (1), 162 (1), 254 (1).
 Медвежьегорский район *61 (1), 61 I (1), 170 (3), *241 I (1), *254 (1).
 Кондопожский район 61 II (1), *61 II (1), 130 (1).
 Прионежский район 1 (1), 26 (1), 33 (1), *61 I (1), *61 II (1), 116 (1), 130 (1), 156 (1), 157 (1), *162 (1), *162 II (1), 200 (1), 230 (1), *254 (1), *296 (1), *298 (1), *298 I (1).
 Сегежский район 1 (1), 21 (1), 56А (1), *154 (1), *162 (1).

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

- Пудожский район 300*В (5), 301А (10), 301В (1), 302 (10), 303 (9), 306 (1), 307 (5), 311 (10), *312 I (2), 313А (14), 313В (1), 313С (7), *313 I (7), *314 I (1), 315А (6), 315*В (3), 325 (7), 327В (1), 327С (1), 329 (5), 330А (4), 330В (1), 332 (4), 333А (1), 333*В (7), 365 (1), 400А (10), 400*В (4), 401 (1), 402 (19), 403А (2), 403В (1), 409 (1), 410 (3), *410 I (2), 425А (10), 425С (2), 432 (4), 440 (1), *449А (9), *449В (1), 450 (12), 451 (1), 461 (4), 465А (5), 465В (1), 465С (3), 480А (2), 480*В (10), 480*С (10), 480*Е (6), 480*F (1), 502 (8), 506В (1), 507С (1), 508 (4), 508А (1), 510А (5), 510В (5), 511 (6), 513А (4), 516 (2), 517 (1), 518 (7), 519 (11), 530А (21), 530В* (8), 531 (9), 532 (3), 533А (1), 545В (3), 550 (4), 551 (6), 552 (5), 553 (1), 554 (3), 555 (5), 559 (1), 550 (10), 561 (3), 563 (7), 564 (4), 566 (5), 569 (1), 570 (1), 571 (3), 575 (6), 612 (1), 650А (4), 650В (1), *650 I (4), *654 I (1), *664А (1), 665 (1), 670 (1), 671 (2), 671 I (1), 675 (5), 677 (2), *677 I (1), 700 (1), *703 (4), 705 (1), 706 (2), 707 (12), 709 (14), 715 (8), 725 (3), 735 (1), *735 I (5), 736 (1).
 Лоухский район 300А (6), 300В (1), 300*В (2), 301 (4), 301А (2), 301В (3), 301*С (3), 302 (4), 303 (5), 304 (1), 313 (1), 313А (2), 313В (1), 313 I (1), 314 (4), 315А (5), 315*В (2), 325 (2), 327В (2), 327С (2), 329 (1), 330 (1), 330А (1), 330В (1), 332 (1), 341 (1), 361 (1), 400А (4), 400*В (5), 401 (1), 402 (3), 403 (2), 405 (1), 410 I (2), 425А (2), 425С (1), 428 (1), *449 (1), 449А (1), 461 (3), 465В (2), 465А (1), 480*С (2), 502 (3), 507А (1), 508А (1), 512 (1), 513А (3), 513В (1), 515 I (2), 516 (1), 518 (2), 519 (2), 530А (2), 530В (1), 530*В (1), 531 (8), 532 (2), 545 (1), 550 (3), 551 (2),

а Первая цифра обозначает номер сюжета по Аарне—Андрееву, цифра в скобках — количество вариантов.

- 552 (4), 554 (2), 555 (1), 560 (2), 561 (1), 563 (1), 564 (1), 565 (1), 566 (4), 567 (3), 571 (1), 575 (1), *611 I (1), 650 (2), 650A (2), 650 I (1), 650 II (1), 653 (2), 660 (1), 667 (1), 676 (1), 677 (1), 707 (5), *707 I (2), 709 (1).
- Кемский район 300A (2), 302 (1), 303 (1), 311 (1), 313 (1), 313B (2), 315A (1), 315B (1), 327 (1), 327A (2), 327C (1), 400 (1), 400B (1), 400*В (1), 402 (2), 403 (2), 403A (3), 425C (2), 432 (1), 433A (1), 440 (1), 450 (3), 451 (2), 465 (1), 480 (5), 480A (1), 480B (1), 480E (1), 502 (1), 510 (1), 510A (3), 530 (1), 530A (2), 531 (1), 545B (2), 550 (1), 552 (1), 555 (2), 650 (2), 563 (1), 566 (1), 580A (1), *650 (1), 653 (1), *703 (1), 706 (2), 707 (2), 709 (1), 715 (1), 725 (1).
- Беломорский район 300 (1), 300A (2), 301A (1), 301B (1), 301C (2), 302 (3), 303 (1), 304 (1), 307 (3), 313 (7), 313 I (1), 313A (3), 313C (2), *313 (1), 314 (1), *314 (1), 314 I (1), 315 (3), 315A (1), 325 (1), 327A (1), 327B (2), 327C (1), 329 (1), 330 (1), 330A (1), 333*В (2), 361 (2), 400A (4), 400*В (1), 402 (6), 403 (7), 403A (1), 409 (2), 410 (1), 425 (1), 425A (5), 425C (3), 449A (1), 450 (5), 451 (5), 461 (3), 465A (1), 480 (3), 480A (1), 480*В (2), 480*С (3), 480*F (2), *485 (1), 485A (1), *485A (2), 502 (6), 508 (1), 510 (2), 510A (5), 510B (1), 511 (2), 513A (1), 514 (1), 518 (3), 519 (2), 530 (1), 530A (2), 530*В (1), 531 (2), 532 (1), 533A (1), 550 (2), 551 (2), 552 (1), 555 (9), 560 (2), 560A (1), 563 (1), 566 (2), 567 (2), 592 (3), *611 I (1), 612 (1), 613 (1), 650 (2), *650 I (2), *654 (1), *664B (1), 670 (1), 671 (2), 671 I (1), 676 (2), 677 (1), 706 (3), 707 (5), 707 I (1), *707 I (1), 709 (4), 715 (1), 725 (2), 735 (2), 750A (1), *766 (1).
- Медвежьегорский район 300A (1), 327C (1), 365 (1), 425A (2), *425 (1), 465C (1), 480*E (1), 480C (1), 510B (2), 530 (1), 550 (1), 552 (1), 613 (1), *650 I (1), 650 II (1), 675 (3), 709 (1), 715 (1).
- Кондопожский район 301*С (1), 313A (1), 313B (2), 315A (1), 333*В (1), 400A (2), 402 (3), 409 (1), *410 I (1), 425A (1), 450 (2), 451 (1), 461 (1), 480* (1), 480A (1), 480*В (1), 480*E (1), 506 (1), 507 (2), 508 (1), 510A (1), 510B (1), 511 (1), 518 (1), 519 (1), 530A (1), 563 (1), 566 (1), 567 (1), 675 (1), 700 (1), 705 (1), 706 (1), 707 (1), 709 (1), 725 (1), *735 II (1).
- Прионежский район 300A (1), 301 (1), 301A (1), 301C (1), 302 (1), 303 (1), 303B (1), 307 (1), 313 I (1), *314 (2), 315A (1), 315B (2), 325 (1), 326*В (1), 327B (1), 332 (1), 400A (3), 400*В (1), 402 (2), 410 (1), 461 (1), 465A (1), 480 (1), 502 (1), 506B (1), 518 (1), 530A (2), 530B (2), 531 (1), 532 (2), 554 (1), 555 (2), 559 (1), 560 (1), 566 (1), 567 (1), 600 (1), 610 (1), 613 (1), *650 I (1), 675 (2).
- Сегежский район 306 (1), 311 (1), 327A (1), 450 (1), 480*С (2), 552 (1), 554 (1), 564 (1), 567 (2), 677 (1), 706 (1).
- Олонецкий район 301 (1), 432 (1), 480*В (1), 530*В (1), 566 (1), 570 (1).

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СКАЗКИ

- Пудожский район 750A (1), 753 (1), 756A (1), *766A (2), *766B (1), 780 (3), 795A* (2), 796 I (1), *813A (4), 840*В (1), 842* (1), *846 (1), *847 (1).
- Лоухский район 706 (1), 725 (1), 735 (2), *813 (1), *849B (1).
- Беломорский район 753 (1), 780 (1), *813 (1), *849B (1), 852* (1), 875 (1), 881 (1), 883 (1).
- Медвежьегорский район 780 (1), 800 (2), 813 (1), *849 (2).
- Кондопожский район 845 (1), 847 (1).
- Прионежский район 770 (1), 785* (1), 804 (1), 839 (1), 846 (1), *846 (1), 847 (1), 849B (1).
- Олонецкий район 709 (1).

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

- Пудожский район 851 (1), 854 (1), *855 (1), *860 (2), 870 (1), 873 (3), 875 (6), *875 II (1), *880 I (2), 881 (3)/882A (4), 883 (2), 889 (1), *891 (4), 901A (2), 901*B (1), 902A* (1), *905 (4), 910B (2), 920 (2), 921 (1), *921 IAB* (3), 921 II (2), 930 (1), 931 (2), *931 II (1), 950 (3), 952 (3), 955 (10), 956A (2), 956B (4), *967 (3).
- Лоухский район *860 (1), 870 (1), 873 (1), 875 II (1), 875 (1), 880 I (1), 882A (1), 882*B (1), 887 (1), 887 (1), 887 I (1), 901 I (1), 910B (1), *921 IA (2), 926 (3), *946 (1), 952 (1).
- Кемский район 882A (1), 883 (2), 901A (1), 931 (1), 952 (3), 956B (2).
- Беломорский район 900 (1), 905 (1), *905 (1), 910 (3), 910A (1), 910B (1), 920 (1), 921 (1), 930 (1), *931 (1), 950 (1)/952 (6), 955 (3), 956B (1), *967 (4).
- Медвежьегорский район 850 (1), 880 I* (1), 900 (1), *905 (1), 921 (1), 952 (1), 992 (1).
- Кондопожский район 922 (1), 955 (1).
- Прионежский район 850 (3), 855 (1), 875 (2), 880 I (1), 889 (1), 901A (1), 910B (1), 910Д (1), 920 (1), 921 (1), 922 (3), 950 (2), 951Д* (1), 952 (2).
- Сегежский район 930 (1), 910 (1), 956 (1).
- Олонецкий район 854 (1), 882A (1), 883 (1), 889 (1), 891 (1).

СКАЗКИ О ЧЕРТЕ И АНЕКДОТЫ

- Пудожский район 1002 (1), 1007 (2), 1030 (4), 1031 (1), 1045 (1), 1060 (1), 1061 (2), 1063 (2), 1071 (1), 1072 (1), 1082 (1), 1084 (1), 1130 (7), 1131 (1), 1132 (4), 1136 (2), 1137 (2), 1138 (2), 1159 (2), 1162 (2), 1164 (1), 1240 (2), 1275 (1), 1313 (2), 1351 (1), 1360B (1), *1360 I (1), *1360 II (1), *1361 I (12), 1365A (3), *1370 I (1), 1371 (1), 1380 (11), 1383 (2), 1384 (2), 1405 (1), 1406A (1), 1406*B (2), 1406*C (1), 1408 (1), 1425 (2), *1425 (1), 1450 (2), 1457 (1), *1480 (1), 1525 (3), 1525A (11), 1525*C I (1), 1525Д (1), 1525E (2), 1525C* (1), 1525F (1), *1525 I (1), *1525 II (3), 1526 (1), 1527 (2), 1528 (1), 1535A (2), 1535*B (3), 1536 (5), 1537 I (4), 1538 I (1), 1539 (4), 1540 (6), 1541 I (3), 1545 (2), 1548 (3), 1600A (1), *1637 (1), 1641 (6), 1643 (2), 1653A (1), 1653B (4), 1654 (1), 1670* (1), *1681 I (6), 1685A (10), 1685B (3), 1696A (3), 1725 (1), 1730 (1), *1730 I (1), 1736 (2), 1737 (1), 1750 (1), 1775 (1), 1776 (1), 1825A (3), 1825B (2), 1825*Д (4), 1831 (5), 1837 (1), 1875 (1), 1877 (1), 1880 (1), *1885 (3), 1887 (1), 1900*B (1), 1910 (4), 1920*Д (4), 1931*B (2), 1940 (2), 1960*Д I (11), 1960*C I (1), 1960C (1), 2008* (2), *2015 I (1), 2015 (1), *2020 (6), 2100 (2), 2102 (1).
- Лоухский район 1045 (1), 1052 (1), 1061 (1), 1072 (1), 1085 (1), 1091 (1), *1135 (1), 1159 (1), 1162 (1), 1225 (1), 1351 (1), 1359 (1), *1361 (1), 1361 I (1), 1365A (2), *1376B (1), 1381 (1), 1383 (1), 1440 (1), 1525A (2), *1527 (1), 1529 II (1), 1531 (1), 1535*B (2), 1539 (2), 1573* (2), 1600A (1), 1641 (2), 1643 (1), *1681 I (1), 1730 (2), *1730 (1), *1743 (1), 1775 (3), 1920*Д (1), 1940 (1), 2102B (1).
- Кемский район 1007 (1), 1052 (1), 1138 (1), 1365*Д (1), 1406 (1), 1406*C (1), 1440 (1), 1528 (1), 1535 (1), 1536 (1), 1539 (1), 1575 (1), 1730 (2), 1739 (1), 1920 (1), 1920Д (1).
- Беломорский район 1045 (1), 1132 (1), 1162 (1), 1202 (2), 1210 (1), 1245 (1), 1264 (1), 1279 (1), 1286 (1), 1030 (1), 1060 (4), 1060* (1), 1071 (2), 1072 (1), 1164 (4), 1351 (1), 1361 (1), *1370 I (1), *1370 II (1), *1375 (1), 1380 (1), 1405 (1), 1406 (2), 1415 (1), 1430*A (2), 1430B (1).

- 1441 (1), *1525 I (1), 1525A (1), 1531 (2), 1535 (1), 1537 (1), 1539 (2), 1561 (3), 1584 (1), 1585 (1), *1525 I (1), 1525A (1), 1531 (2), 1535 (1), 1537 (1), 1539 (2), 1561 (3), 1584 (1), 1585 (1), 1600A (1), 1636 (1), 1641 (4), 1643 (1), 1651 (2), *1681 (1), 1696 (1), 1701 (1), 1730 (2), *1735 (1), 1737 (1), 1825 I (2), 1960 (3).
- Медвежьегорский район 1091 (1), 1136 (1), 1159 (1), 1164 (1), 1165 (1), 1225 (1), 1337 (1), 1381 (1), *1525 II (1), 1528 (2), 1536 (2), 1537 (1), 1539 (2), 1635 (1), 1641 (2), *1641 (1), 1676* (1), 1725 (1), 1726* (1), 1730 I (1), 1736 (1), 1737 (1), 1825*Д (1), 1880 (1), 2080 (1), 2100 (1).
- Кондопожский район 1063 (1), 1071 (1), 1072 (2), 1331 (1), 1525 (3), *1525 II (2), 1540 (1), 1725 (2), 1735 (1), 1739 (1), 1885 (1), 1920*Д (1).
- Прионежский район 1000 (1), 1030 (1), 1052 (1), 1060 (1), 1061 (1), 1091 (1), 1133 (1), 1164 (3), 1165* (1), 1210 (1), 1245 (1), *1353 (1), 1360 I (1), 1361 I (2), 1365A (1), 1365C (1), 1370 (1), 1370E (1), 1380 (1), 1525 (1), 1526 (1), 1528 (2), *1528 I (1), 1531 (1), 1536B (1), 1539 (1), 1541 (2), 1544 (1), 1548 (1), 1572*С (1), 1580 (1), 1641 (1), 1650 I (1), 1651* (1), 1724 (1), 1725 (1), 1726** (1), 1730 (3), *1730 I (2), 1730 II (1), 1731 (1), *1731 I (1), 1736 (1), 1775 (1), 1940 (1), 2100 (1).
- Сегежский район 1045 (1), 1063 (1), 1072 (2), 1210 (1), 1225 (2), 1244 (1), 1245 (1), 1288 (1), 1289 (1), *1292 (1), 1351 (1), 1451 (1), 1425 (1), 1528 (1), 1529 (1), 1593 (1), 1641 (1), 1650 (1), 1685A (1), 1701 (1), 1736 (1), 1887 (1), *2020 (2), *2106 (1).
- Олонецкий район 1361 (1), 1380 (1), 1531 (1), 1535*В (1), 1537 I (1), 1580 (1), 1736 (1), 1825 (2), 1920B (1), 1920*Д (1).

Л. Г. БАРАГ

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ ФОНД
И ЭКСПЕДИЦИИ КАФЕДРЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ФОЛЬКЛОРА БАШКИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1. Общая характеристика фонда. Он состоит из материалов, собранных с 1960 по 1979 гг. студентами, аспирантами и преподавателями в 54 районах Башкирской АССР и сопредельных районах Челябинской, Оренбургской областей, Удмуртской АССР в период ежегодно проводимой учебной фольклорной практики студентов 1-го курса русского отделения филологического факультета, а также тематическими фольклорными экспедициями и отдельными собирателями — авторами диссертационных, дипломных и курсовых работ. В систематизированном виде хранятся в записях на русском языке до 9000 песен, 8000 частушек, 1500 сказок и произведений несказочной народной прозы, 1000 прочих фольклорных текстов, описаний свадебных обрядов — русских, украинских, марийских, чувашских, мордовских, удмуртских, татарских, башкирских. Записи производились как в русских, украинских, так и в смешанных по национальному составу местах, а также в неславяноязычных селениях на русском и отчасти на других языках. Украинских песен имеется до 500. Главная часть текстов фольклорного фонда переписана на пишущей машинке, составляется их каталог. Магнитофонные записи (выборочные), фотоснимки и этнографические дневники, отчеты участников экспедиций составляют неотъемлемую часть фольклорного фонда. Вместе с тем при нем хранятся курсовые работы и 50 выполненных со времени основания университета дипломных работ, в которых использованы собранные студентами фольклорные материалы.

2. Обработка и систематизация экспедиционных материалов. Записанные и паспортизованные согласно научным правилам фольклорные тексты проходят первичную камеральную обработку под наблюдением руководителя экспедиционной группы. В архивный фонд они поступают в чистовых тетрадях, обложки которых оформляются как типовые карточки (указывается, где, когда, от кого, кем записан материал, где жанровый и количественный состав, номера магнитофонных кассет и фотоснимков, служащих приложением). При первичной обработке обрядовые, хороводные, игровые, плясовые песни снабжаются примечаниями об особенностях бытования и исполнения, о соединении текста, мелодии с обрядовым действием, игровыми плясовыми движениями. К некоторым песенным и прозаическим текстам прилагаются примечания исторического, этнографического и литературоведческого характера, словарные пояснения, а также зафиксированные высказывания исполнителя. В примечании к каждому сказочному тексту руководитель фольклорной практики дополнительно отмечает сюжетный тип или конкретизируемые сюжетные типы по международному указателю Аарпе—Томпсона либо по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославян-

ская сказка» (Л., 1979), отмечаются и случаи несоответствия определенным номерам указателей. К сказкам и песням выдающихся исполнителей также прилагаются краткие биографии. Шифр поступивших в рукописный фонд материалов соответствует году записи; единицей хранения считаются материалы, собранные каждой отдельной экспедиционной группой или самостоятельно работавшим в течение определенного периода собирателем. Принимая материалы в фонд, заведующий кафедрой отмечает тексты, подлежащие переписке в 4 экземплярах на машинке (не копируются неполноценные записи, весьма часто повторяющиеся романсы, песни литературного происхождения с устойчивым текстом и т. п.). На оборотной стороне машинописной копии каждого фольклорного текста переписываются паспортика и примечания, отмечаются варианты, опубликованные в сборнике Э. В. Померанцевой «Русское пародное творчество в Башкирии» (Уфа, 1957) и в других сборниках песенного и прозаического русского фольклора Башкирии. Машинописные копии новых песенных текстов распределяются в папках соответствующих тематических подразделов таких отделов фонда, как «Исторические песни», «Баллады», «Календарные обрядовые песни», «Игровые и хороводные», «Плясовые и шуточные», «Свадебные песни и причеты», «Кольбельные», «Лирические — любовные, семейные», «Удалые», «Рекрутские и солдатские», «Казачьи», «Рабочий фольклор», «Революционные песни», «Городские романсы», «Песни поэтов XVIII—XX вв.». Отдельные папки лирических песен, в которых варианты, записанные в разные годы, располагаются рядом, имеют, например, такие условные заголовки: «Счастливая любовь», «Любовь и социальное неравенство», «Разлука», «Измена», «Смерть», «Нелюбимый муж или нелюбимая жена». В отделе свадебных песен величальные, посвященные определенным участникам обряда, располагаются в одних папках; «прикрепленные» к отдельным актам обрядовой игры другие песни — в папках соответственно озаглавленных («Сговор», «Девичник», «Баня», «Утро дня свадьбы» и т. п.); в особых папках находятся «не прикрепленные» свадебные песни и лирические необрядовые песни, часто исполняемые на свадьбе и названные исполнителями свадебными. В каждой папке песен имеется краткая опись текстов по стандартной форме (№ п. п., первая строка песни, год записи, район). Машинописные копии прозаических текстов в папках «Сказок» размещены по сюжетным типам, а в папках «Предания и легенды», «Былички», «Разные другие устные рассказы» — по внутрижапровым подразделениям и циклам. Музыкальные записи пока еще не вполне систематизированы, имеются описи лишь некоторых магнитофонных кассет. Усовершенствование работы фольклорного хранилища затрудняется отсутствием специальной научно-учебной лаборатории фольклористики (межкафедральной), открытие которой запланировано пятилетним планом развития Башкирского университета. Предстоит еще большая работа по составлению библиографического указателя всех материалов фольклорного фонда по отдельным жанрам — по примеру Горьковского университета, издавшего на роталитне уже четыре выпуска (брошюры) подобного указателя. Следующей задачей, реальной лишь в условиях научной лаборатории, будет составление специальных каталогов — топографического, собирателей, исполнителей, фото- и фоно-тематических картотек.

3. Некоторые наиболее примечательные материалы фольклорного архива кафедры. Обзор имеющихся в этом фонде записей песен дан в статьях Л. И. Брянцева «Песни из фольклорного фонда кафедры русской литературы Башкирского государственного университета. 1960—1976» и «Песни русских поэтов XVIII—XIX вв. в фольклорном фонде кафедры русской литературы и фольклора Башкирского государственного университета» (Фольклор народов РСФСР,

Уфа, 1977 и 1979). См. также публикацию, подготовленную Л. Г. Барановым, — «Русские исторические песни XVI—XIX вв. Из материалов фольклорных экспедиций Башкирского университета» (Фольклор народов РСФСР, Уфа, 1975). Из редко встречающихся в записях нашего времени старинных песен в кафедральном архиве хранятся, например, былина об отъезде Добрыни Никитича из родительского дома («Посидите, мои гости, побеседуйте» — исполнялась хором в бывшей казачьей ст-це Кизильской Челябинской обл., текст неполный), баллада «Не чаяла матушка сыночка своего сбыть» (имеет отдаленное сходство с песней о войсковой службе, записанной в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса; вариант в рукописном «Сборнике песен и причитаний крестьян Рязанской губернии» Рудинского — Ленинградский архив Русского географического общества), исторические песни о взятии Казани Иваном Грозным, о строительстве храма Василия Блаженного (3 текста), о строительстве церкви семиглавой разинцами («Ты взойди, взойди, солнце красное»), о допросе царем доброго молодца перед казнью («Как из сильного да было царства, из Московского»), о взятии казаками Азова с помощью подкопа («Еще как бы нам, казакам, раскуканский город взять»), о морском походе казаков («С по морю, да с поморечку» — песня, сложившаяся, вероятно, под впечатлением Азовского похода 1696 г. и затем приуроченная к событиям более поздним, например 1812 г.; 2 текста), о смерти генерала В. А. Лопухина в сражении при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 г. («Пушки палят да палят, дымом сажицей валят» — неполный вариант), о Захаре Чернышове, заключенном в темницу, о Кутузове и французском майоре («Выезжает князь Кутузов в чисто поле»), о разоренной французами дороге в Москву («Разорена путь дороженька»), о переправе войск Наполеона через Березину («Ты, француз, шельма-грабитель» — неполный вариант), о вступлении русских войск в Париж 1813 г. («Барабаны, барабаны... Не одни мы там гуляли»), о событиях 14 декабря 1825 г. («Во святой было Руси» — 2 текста). К ним примыкают «недокументальные» исторические песни, такие как «Мать встречает дочь в татарском плену», «Расправа над девушкой-полонянкой» и др. Есть в этом фонде весьма полные варианты редких календарных обрядовых песен («Таусень», «Кострома» и т. п.). Большим количеством вариантов представлены некоторые хороводные, игровые, плясовые, шуточные, а также лирические и, в частности, свадебные песни. От целого ряда выдающихся народных песельниц записан весь или почти весь их репертуар, так же как и от целого ряда сказочников, русских, украинских, башкирских, татарских, чувашских. Записано много местных русских и нерусских преданий Башкирии. Широко представлен в материалах фольклорных экспедиций репертуар горнозаводских преданий Башкирии и преданий отдельных селений. Например, только в одной дер. Ильчино Учалинского района записано в течение двух лет более 120 текстов преданий и легенд на русском и башкирском языках. Башкирские, татарские и другие нерусские сказки нередко записывались участниками фольклорных экспедиций Башкирского университета от русских рассказчиков, а русские сказки от нерусских рассказчиков. Материалы для изучения межэтнических связей повествовательного русского и нерусского фольклора Урала и Поволжья составляют существенную часть архивного фонда.

4. Об организации собирания фольклора. Главной формой полевой собирательской и исследовательской фольклористической работы во всех университетах является студенческая фольклорная практика. В Башкирском университете из 75 студентов дневного русского отделения филологического факультета, прошедших предварительную подготовку (участвовали в отчетной конференции по итогам полевой фольклорной практики прошлого года, прослушали инструктивные лекции),

обычно формируются три экспедиционных отряда до 20 человек в каждом, направляемых в разные районы под руководством преподавателей и аспирантов кафедры. Иногда в состав одного или двух отрядов входят специализирующиеся по фольклору студенты старших курсов или студенты Уфимского института искусств, специализирующиеся по народной хореографии и музыкальному фольклору. Несколько студентов-филологов 1-го курса проходят фольклорную практику по специальному заданию в составе этнографической или комплексной этнографическо-археологической экспедиции исторического факультета. Несколько же студентов проходят практику по специальным индивидуальным планам в родных селениях. Кафедрой разработана программа фольклорной практики, которой руководствуются практиканты. Основной целью ставится изучение современного состояния местной русской устной традиции и процессов взаимодействия ее с другими этническими традициями, например башкирской, татарской, украинской. Вместе с тем каждый экспедиционный отряд имеет свой проблемный профиль, связанный преимущественно с исследованием бытования, творческой жизни песенных или сказочных жанров или несказочной прозы, горнозаводского фольклора. В экспедиционном отряде студенты работают бригадами по 2—3 человека, и каждая бригада уделяет особое внимание определенному фольклорному жанру. Экспедиционный отряд в течение двух недель базируется в двух или трех населенных пунктах, но обследует обычно большее их количество. Записанный материал ежедневно переписывается на белом и систематизируется. Научный отчет по разработанной кафедрой схеме студенты пишут накануне завершения практики на основе своих текстуальных записей и этнографических дневников. Через несколько месяцев после ее завершения, в новом учебном году, обсуждаются итоги фольклорной практики студентов, перешедших уже на 2-й курс. Наряду с ними в конференции принимают участие первокурсники нового набора и все преподаватели кафедры. С докладом, посвященным анализу материалов, собранных всеми экспедиционными отрядами, выступает заведующий кафедрой, руководивший одним из отрядов. Сводклады делают руководители других отрядов. Затем выступают с сообщениями студенты. К этому времени основная часть собранных ими произведений устно-поэтического творчества переписана на машинке, магнитофонные записи обработаны, фотоснимки изготовлены. Некоторые магнитофонные записи прослушиваются на конференции. К конференции приурочивается выпуск стенной фотогозеты «За песнями, за сказками!» и фотоальбомов. Студенты, занимавшиеся сборанием фольклора по индивидуальным заданиям, отчитавшись о проделанной работе и надлежащим образом ее оформив, так же, как и студенты, прошедшие фольклорную практику, получают дифференцированные отметки в зачетных книжках. В последние годы учебная практика по устному народному творчеству стала обязательной также для студентов-филологов 1-го курса вечернего отделения, которым, однако, не предоставляется для прохождения практики оплачиваемый отпуск, она не предусматривается финансовой сметой, и поэтому организовать выезд в сельские районы на двухнедельную практику всех студентов вечернего отделения филологического факультета не удастся. Фактически большинство их получает зачет по фольклорной практике за вторичную обработку экспедиционных материалов. Отдельные же студенты в течение пятилетней учебы в университете несколько раз проходят практику по устному народному творчеству и, кроме того, самостоятельно выезжают в районы для собирания фольклора по темам своих работ. Студенты-дипломники и аспиранты-фольклористы нередко направляются в командировки для записи произведений устной поэзии. Наряду с фольклорной практикой кафедра организует тематические фольклорные экспедиции небольших групп студентов, которыми обычно руководят аспиранты. Так, например,

Б. Г. Ахметшин, ныне доцент, в годы своей аспирантской подготовки многократно руководил студенческими экспедициями по сбору горнозаводских преданий Южного Урала. Студенты-заочники чаще, чем студенты дневного и вечернего отделений филологического факультета, пишут дипломные работы на материале лично ими собранного местного фольклора. Некоторые выпускники кафедры, специализировавшиеся по фольклору и работающие ныне учителями сельских школ, руководят фольклорными кружками, систематически занимаются изучением народного творчества и присылают свои новые записи на кафедру. Она имеет научные связи и с теми местными знатоками народного творчества, которые не учились в университете, но оказывали содействие нашим экспедициям и с тех пор занимаются собиранием местного фольклора в контакте с кафедрой. Назову, например, рабочего Тирлянского листопрокатного завода И. И. Лахмостова, активного собирателя исторических преданий Белорецкого района Башкирии.

5. Использование собранных фольклорных материалов. Они используются не только в научной, но и в учебной работе, например на лекциях и практических, семинарских занятиях. В связи со своим участием в просеминаре по технике литературоведческого исследования некоторые студенты 2-го курса дневного отделения занимаются составлением комментариев к архивным фольклорным текстам. Такие занятия обычно завершаются оформлением курсовой работы на 3-м курсе. За 20 лет студентами-филологами нашего университета выполнено более трехсот пятидесяти разнообразных курсовых, семинарских, преддипломных работ и дипломных исследований на основе неопубликованных фольклорных материалов. Некоторые из студенческих работ впоследствии переросли в фольклористические диссертации, например, работы М. Г. Рахимкулова, Б. Г. Ахметшина, Л. И. Брянцевой, В. В. Шмакова, В. В. Сидорова — ныне доцентов, ассистентов, аспирантов, научных сотрудников. Не только в их диссертациях, но и в диссертациях преподавателей иногородних вузов использованы материалы фольклорного фонда нашей кафедры, например в диссертации доцента Стерлитамакского педагогического института И. Е. Карпухина о межэтнических связях русского и нерусского свадебного обряда и фольклора Башкирии. Названными фольклористами, а также другими преподавателями кафедры (Л. Т. Романовой, Л. Г. Барагом) опубликовано около 100 исследований и статей по новым фольклорным материалам университетского архива. Опубликовано из этого архива до 200 народных сказок, 300 преданий и легенд, 50 песен в различных местных и центральных изданиях, большая их часть в книгах: Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960—1966 гг. (Сост., вступ. ст. и примеч. Л. Г. Барага. Уфа, 1969); Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала (Отв. ред. Л. Г. Бараг. Уфа, 1974); Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке (Под ред. и с коммент. Л. Г. Барага. Уфа, 1975); Народ и революция в литературе и устном творчестве (Уфа, 1967); Фольклор народов РСФСР: Межвузовский сборник (Уфа, 1974—1979). Информационные сообщения о фольклорных экспедициях кафедры и рецензии на ее сборники печатались в газетах и журналах, а также в ежегоднике «Русский фольклор». Фольклористы нашей кафедры занимаются собиранием и изучением не только русского фольклора. Они совместно с фольклористами кафедры башкирской литературы и Башкирского филиала АН СССР принимают участие в подготовке отдельных томов серии «Башкирское народное творчество» на башкирском языке. В очередном томе башкирских преданий и легенд печатаются записи доцента кафедры Б. Г. Ахметшина. При участии кафедры русской литературы и фольклора готовится к изданию книга богатых башкирских сказок в переводах на русский язык.

К. Е. КОРЕПОВА

*ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРХИВ КАФЕДРЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ГОРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета был создан в 1955 г. доц. В. М. Потявиным.¹ В 1955—1961 гг. под его руководством были организованы студенческие фольклорные экспедиции в районы Горьковской области и ряд областей Поволжья: Ульяновскую, Саратовскую, Астраханскую, Татарскую АССР. Наиболее интересными по результатам были экспедиции: 1957 г. «По пушкинским местам» (Болдинский и Лукояновский р-ны области), 1959/60 гг. «По областям Поволжья», 1961 г. «По следам А. В. Карпова» в Арзамасский район Горьковской области. Материалы экспедиций легли в основу архива.

После 1961 г. работа по собиранию фольклора возглавлялась доц. К. Е. Кореповой. Были проведены две экспедиции в промышленные центры области: Сормово и Выксунский район; в течение ряда лет обследовались районы Горьковского Заволжья, районы Костромской области, расположенные в верхнем Поволжье,² проводилась запись фольклора на промышленных предприятиях г. Горького.

Кроме студенческих записей в архиве представлены коллекции отдельных краеведов-собрателей. Из них наиболее значительны и интересны собрания А. П. Марковой (кол. 7, ед. хр. 1—5), П. Н. Скворцова и В. П. Протасова (кол. 35, ед. хр. 1—10). Ныне покойная А. П. Маркова, 1873 г. рожд., жительница г. Богородска, слыла в округе мастерицей рассказывать сказки. Ее как сказочницу часто приглашали выступать в школы, охотно слушали ее взрослые в больнице, где она долгие годы работала санитаркой. А. П. Маркова прекрасно знала местную сказочную традицию и, кроме того, постоянно пополняла свой репертуар за счет чтения печатных сборников сказок народов СССР. Время от времени А. П. Маркова записывала в толстые тетради известные ей сказки, содержание литературных произведений, бытовые истории и придуманные ею самой по мотивам традиционных новые сказки. Эти тетради затем служили ей репертуарными книгами. В начале 60-х гг. А. П. Маркова передала свои тетради в архив кафедры русской литературы ГГУ. Некоторые сказки А. П. Марковой в обработке для детей были изданы В. Н. Морохным и С. А. Червяковским.³

¹ В Горьковском университете фольклорные материалы имеются также при кафедре советской литературы. Они собраны под руководством доц. В. Н. Морохина.

² См. об этом нашу информацию: Советская этнография, 1974, № 2, 1975. № 1, с. 151.

³ Сказки бабушки Марковой / Отбор текстов С. А. Червяковского. Горький, 1958; Сказки бабушки Марковой / Лит. обработка С. А. Червяковского. Горький, 1962; Сказки бабушки Марковой / Сост. В. Н. Морохным и С. А. Червяковским. Горький, 1966.

Собрание В. П. Протасова, краеведа из г. Богородска, включает местные предания, былички, легенды и сказки. Сказки (20 текстов) записаны им от Зюзюкиной М. Е., которая выучила их еще в детстве от матери. Сказки Зюзюкиной отличаются разработанностью сказочной обрядности, высокими художественными достоинствами.

П. Н. Скворцов, в прошлом директор краеведческого музея г. Ветлуги, передал в архив свою рукопись «К вопросу о заселении среднего Поветлужья», написанную по материалам летописей и содержащую большое количество народных преданий, записанных самим автором в разные годы в Поветлужье (кол. 24).

В итоге двадцатилетней собирательской работы в архиве кафедры скопился большой и интересный материал, общее количество текстов в архиве приближается к 50 тыс. Материалы по календарным обрядам и обрядовому фольклору (более 300 номеров) представлены описаниями различных игр на святочных «беседках», текстами беседных «святошных» песен (игровых, заканчивающихся поцелуем), описаниями ряжения в «цыгана», «бабу», «мужика», «кобылу», «медведя», «сенокоса» («чтобы лен родился»), «покойника», «агента» и т. п. Среди этих материалов особенно интересно описание разыгрываемой на беседках сценки: выбор «медведем» девушки и катание с нею по полу (дер. Зубово, Тонкинский р-н, кол. 33, ед. хр. 2, № 254). Имеются описания колядования, тексты «овсеней», «таусеней», подблюдных песен (по местной терминологии «илейных», свыше 30 номеров), описание гаданий (свыше 80 номеров).

Масленичные обряды представлены описаниями катаний на лошадях, кулачных боев, катаний молодых с гор, ряжения, поездок к теще на блины, проводов масленицы (сжигания снопа, костра, реже — чучела), бани в «чистый» понедельник. Интересно среди этих материалов описание объезда в «чистый» понедельник дворов «молокоонником», которое носит в народе название «собирать косточки» (дер. Урюшино, Ветлужский р-н, кол. 23, ед. хр. 2, № 3). Тексты масленичных песен малочисленны. В архиве есть описания обряда кликания весны (около 20 номеров) и тексты «веснянок»; есть описания обхода дворов в середине Великого поста и тексты приговоров-просьб подать «крестики». В нескольких вариантах описан первый выгон скота, есть тексты формул-обращений к Егорию. Многочисленны описания пасхальных игр, тропцких обрядов, «дожинок». Есть описания обхода дворов в первое воскресенье после пасхи, тексты «окликаний» молодых.

Семейно-обрядовая поэзия представлена текстами свадебных песен (520 номеров), свадебных причитаний (140 номеров), относящихся к различным моментам свадебного обряда, текстами приговоров дружки, описаниями похоронного обряда и текстами похоронных причитаний (более 20 номеров), текстами рекрутских причитаний, описанием обряда «бантить елочку» в связи с проводами в солдаты. Среди материалов по свадебному фольклору в архиве есть рукопись 20-х гг. — запись самим дружкой его приговоров. К сожалению, многочисленные в архиве описания свадебных обрядов в большинстве схематичны и не воссоздают полностью структуру местного варианта обряда, не всегда уточнено место свадебной песни в структуре обряда. В связи с этим в ближайшие годы планируется посвятить летние экспедиции уточнению материалов по семейной обрядности.

В архиве около 600 текстов устной прозы: около 300 сказок, около 200 преданий, около 100 устных рассказов. В сказочном собрании архива представлено 172 сюжета (по системе Аарне—Андреева). Кроме того, ряд сказок, в основном рассказанных А. П. Марковой, не находит соответствий в указателе Аарне—Андреева.

Среди несказочной прозы в архиве преобладают топонимические и исторические предания, предания-былички о кладах. Исторические предания связаны с именами Ивана Грозного, Петра I, Пугачева, Разина и разинцев, многочисленна группа преданий о разбойниках-борцах за социальную справедливость.

Песенных текстов в архиве около 11 тыс., из них 247 исторических песен, 518 баллад, остальные — песни лирические. Исторические песни представлены сюжетами (в скобках указано количество вариантов сюжета): Молодец зовет девушку в Казань (35), Взятие Казани (1), Часовой плачет у гроба Ивана Грозного (2), Разин и казачий круг (1), Сынок Разина (6), Солдаты жалеют сержанта, которого состарила служба Петру I (1), Чернышов в плену (2), Румянцев и красная девица (1), Наполеон в Москве (2), Русские войска разбивают французов (4), Платов в гостях у французов (8), Курьер сообщает о смерти Александра I (6), Хоронят Александра I (1), Царя требуют в сенат (6), Корабельщики бранят Аракчеева (3), Турецкий султан пишет письмо (2), Турки похваляются разбить русские войска (12), Переход кабардинцев через реку Яик (1), Казаки получают приказ идти в поход («Как за Дарьей за рекою...» — 1), Столкновение на пограничной линии (1), Поход на Варшаву (2), Поход на Хиву (1), Солдаты под Севастополем (1), Нахимов разбивает турецкий флот (1) и еще ряд сюжетов, связанных с русско-турецкой войной.

Исторические песни записаны не только в Горьковской области, но и в ряде областей Поволжья: Ульяновской, Астраханской, Татарской АССР. В архиве есть 3 варианта былины «Илья Муромец на Соколе-корабле».⁴

В архиве представлены следующие баллады: «Оклеветанная жена» (10), «Молодец просит, чтобы смерть взяла нелюбимую жену» (1), «Жена мужа зарезала» (7), «Жена мужа в саду повесила» (8), «Девица отравила молодца» (2), «Братья разбойники и сестра» (17), «Жена разбойника» (39), «Казак жену губил» (45), «Муж-солдат в гостях у жены» (4), «Монашка — мать ребенка» (39), «Мать губит незаконнорожденное дитя» (поздняя редакция баллады «Монашка — мать ребенка» — 3), «Загадки молодца» (2), «Три жребия» (2), «Дочь-пташка» (12; в Горьковской области она часто бытует как свадебная песня), «Убийство дочери купца» (4), «Один из казаков, наездник лихой...» (24), «Казак губит жену по клевете матери» (24), «Шли со службы два героя» (5), «Ванька-ключник» (поздняя редакция — 61), а также рядом сюжетов поздних баллад, приближающихся к жестокому романсу: «Мальвина», «Морячка», «Сестры-соперницы», «Отец сыну не поверил, что на свете есть любовь», «Возвращение дочери» и т. п.

Среди лирических песен в архиве многочисленны жанры и тематические группы протяжных лирических песен о любви и семейной жизни (свыше 2800), авторских и романсов (2176), хороводных и игровых (свыше 1500), рекрутских и солдатских (свыше 500), малочисленны бурлацкие, разбойничьи, ямщицкие песни.

Немногочисленно, но интересно собрание рабочих и революционных песен в архиве. Так, бесспорно, представляют интерес как свидетельство широкого бытования ранних рабочих песен (первой половины XIX в.) текст песни о мальчике, которому оторвало машиной руку (кол. 4, ед. хр. 13, № 70); песня, названная исполнителем Николаевым А. Г., 1865 г. рожд., «сибирской», о пригнанных в Сибирь рабочих, которых губернатор заставляет рыть канавы (кол. 1, п. 1, ед. хр. 1, № 3); песня о рабочих

⁴ Один из них опубликован в кн.: Русский фольклор, М.; Л., 1957, вып. 2, с. 272—276; Народная поэзия Горьковской области / Сост. и ред. В. Потявич. Горький, 1960, с. 197—200.

Нерчинского завода, начинающаяся «Ермизон (гарнизон, — К. К.) стоит порядком, барабаны по бокам...» (кол. 4, ед. хр. 12, № 106). Никогда не публиковалась и неизвестна исследователям песня рабочих одного из выксунских металлургических заводов, возникшего еще в XVIII в. (кол. 18, ед. хр. 1, № 140). В архиве несколько местных песен о революционных событиях в нижегородской деревне: «Как во Шуде Базилевский господин...» (кол. 31, ед. хр. 6, № 1), «Как у Васи председателя, у иудова предателя» (кол. 31, ед. хр. 3, № 16), «Это было дело, братцы, не у нас, в селе Здвиженском кампания собралась...» (кол. 30, ед. хр. 4, № 13) и др. Есть в архиве варианты известных общерусских сатирических революционных песен «Всероссийский император», «Нагайка», «Дело было под Артуром...» и др. Есть текст большого сатирического стихотворения о Распутине (кол. 24, ед. хр. 48, № 49). Несколькими вариантами представлены авторские песни «Слушай!», «Часовой», «Стаповой» (8 вариантов) и др.

Собрание советских песен (более 100) состоит из переделок песен советских композиторов, песен времен Великой Отечественной войны (около 30), песен студенческих, туристских.

В архиве большое собрание детского фольклора (около 800). Детский фольклор (считалки, дразнилки, страшилки, колыбельные песни, потешки, детские частушки и т. п.) записывался как в сельской местности, так и в детских учреждениях г. Горького. В 1966—1968 гг. было организовано собрание детского фольклора в Поветлужье «по следам Д. А. Маркова».⁵

Загадок, пословиц и поговорок в архиве около 2200. К сожалению, часть текстов, переданных в архив местными краеведами, не паспортизирована должным образом: есть сведения о районе, где собран материал, но не указано, от кого записан.

Самое крупное в архиве собрание частушек — более 30 тыс. Частушки в основном записывались в Горьковской области, но в архиве представлены и материалы, записанные студентами-заочниками в Башкирской АССР, Владимирской, Вологодской, Ивановской, Кировской, Костромской, Московской, Куйбышевской, Пензенской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Ульяновской, Ярославской областях. Часть частушек записана в коллективах художественной самодеятельности, но основная масса от отдельных исполнителей или от коллектива в сельском клубе, на поле-вом стане и т. п. Частушки записывались в сельской местности и в городе. В 1956 г. В. М. Потявиным и в 1965—1969 гг. К. Е. Кореповой была организована запись частушек в г. Горьком в молодежных общежитиях строительных организаций, заводов, в областной больнице и т. д. Частушки записаны от исполнителей в возрасте от 4 до 96 лет, причем от пожилых людей записана значительная часть собрания, а потому собрание отражает не только современный частушечный репертуар, но и включает частушки империалистической войны 1914—1918 гг., революции, гражданской войны, периода организации колхозов, Великой Отечественной войны. Собрание включает не только тексты, но и многочисленные сведения о бытовании частушек, местных названиях их, формах исполнения, таких внутриапроновых разновидностях, как «Семеновиа», «барыня», «цыганочка», «Елецкий», «сормач» и т. д.

Весь фольклорный материал в архиве кафедры русской литературы систематизирован по коллекциям, внутри коллекции по единицам хранения. Всего в архиве 36 коллекций. Коллекцию образуют материалы одной экспедиции или материалы одного краеведа-собиравателя. Есть опись

⁵ Д. А. Марков записывал детский фольклор в Поветлужье в 20-е гг. Его собрание находится в ЦГАЛИ (ф. 1509, оп. 1, ед. хр. 6).

архива, которая содержит сведения о времени записи материала, месте записи, собирателе, исполнителе (фамилия, имя, отчество, возраст), количественную характеристику материала по жанрам. В настоящее время составляются каталоги отдельных жанров.

К сожалению, фонотека архива незначительна. Кафедра не имеет специальных условий, необходимых для хранения магнитофонных записей. И многие записи, сделанные в 1955—1965 гг., практически в настоящее время оказались испорченными.

Из имеющихся в архиве 50 тыс. текстов опубликовано лишь небольшое количество сказок, исторических песен и частушек в упомянутом выше сборнике В. М. Потявина.

А. А. КАЛИНИНА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

(НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Русский свадебный обряд в основных чертах сложился уже к X в.¹ Со времени крещения Руси на протяжении длительного времени наблюдается развитие и обогащение его. К XVII в. свадебная церемония в России сложилась как драматическое действо, в котором были органически слиты ритуальные и игровые моменты, словесно-музыкальный фольклор и предметы материальной культуры; роль каждого участника строго регламентирована. Свадьба вобрала в себя и сохранила складывавшиеся веками правовые, религиозно-бытовые и этические нормы. Публикации описаний свадебного обряда стали появляться с первой половины XIX в.² Но, как справедливо заметил К. В. Чистов во введении к сборнику «Русский народный свадебный обряд», «русский свадебный ритуал, несмотря на то, что этнография и фольклористика накопили сотни и даже тысячи описаний и записей свадебного фольклора, принадлежит до сих пор к числу недостаточно изученных».³

Свадебный обряд благодаря присущей ему консервативности донес вплоть до пачала XX в. древнейшие представления и верования крестьян, отразил языческое и христианское мировоззрение, т. е. наиболее крупные исторически сложившиеся пласты свадебной обрядности. В данной статье мы стремились на примере Вологодской свадьбы выявить основные языческие и христианские элементы свадьбы и способы их сочетания в обрядовой действительности, уделив основное внимание причитаниям. Как известно, особенностью свадьбы Вологодской области является обилие причети, в которой своеобразно переплелись социально-этнографические элементы свадебной игры разных исторических эпох.

Нами учтены 172 опубликованных и архивных описаний свадебного обряда Вологодской области. Источники фиксируют обряд, бытовавший в период второй половины XIX—первой трети XX в. Это представляет особую сложность для исследования: поздний материал не дает возможности судить, какой была языческая свадьба, так как нет ее полных описаний, но отдельные обрядовые действия, их функции в свадебной церемонии дают основание предполагать древнее языческое происхождение.

¹ См.: *Козаченко А. И.* К истории великорусского свадебного обряда. — Советская этнография, 1957, № 1, с. 57—71.

² Наиболее значительные публикации: *Тереженко А. А.* Быт русского народа. СПб., 1848, ч. 2; *Агренева-Славянская О. X.* Описание русской крестьянской свадьбы. Москва; Тверь, 1887—1889, т. 1—3; *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах... СПб., 1900, т. 1, ч. 2; *Едемский М.* Свадьба в Кокшенинге Тотемского уезда Вологодской области. СПб., 1911; *Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969; и др.

³ Русский народный свадебный обряд. Л., 1978, с. 3.

Прежде всего приведем обобщенное описание свадьбы Вологодской области, выделив основные структурные элементы свадебной обрядности.

В Вологодской области, как и везде, свадьба начиналась со сватовства. Сватать невесту обычно ездили окольными путями, старались выбрать позднее время, разговор начинали с иносказания «У вас товар, у нас купец». Таким образом, сваты старались держать свадьбу в тайне с самого начала, оберегая ее от недобрых сил. После сватовства были смотрины сначала в доме жениха, потом в доме невесты, при этом обязательно учитывали нравственные качества жениха и невесты. Прежде всего осматривали хозяйство. Подробно условливались о приданом, о дарах, которые невеста должна была приготовить для родни жениха, о расходах, связанных со свадьбой.

Договорную часть свадьбы завершали традиционным обрядом рукобитья — отцы жениха и невесты пожимали друг другу руку через полу кафтана, устраивали пропиванье и совместное богомоление. Начиная с этого момента и до отъезда к венцу все акты свадебного обряда представляют собой прощание невесты с девичеством, семьей, родной стороной.

В предвечную неделю невеста готовила приданое. К ней приходили подруги помогать, навещали родственники и соседи, приезжал с гостинцами жених. Невеста также ходила в гости к родственникам, приглашала всех на свадьбу. Если невеста сирота, то она ходила на кладбище прочитать.

Накануне или утром в день венчания подруги невесты водили ее в баню. После бани обычно устраивали девичник. Невеста последний раз красовалась в девичьей красоте.⁴ Подруги пели прощальные песни. «Красование» заканчивалось ритуальным расплетением косы или прощанием с красотой.

Наступал один из ответственных моментов свадьбы: приготовление невесты к венцу. В связи с этим умывание и обряжение невесты сопровождалось совершением различных магических действий. Невеста умывалась особо приготовленной водой, в которую были опущены кольца и деньги. Этой водой на следующий день обливали жениха или его коня, часть воды выливали на веревку входных дверей. В Великоустюжском районе кольца в воду спускали, чтобы невеста «поглянулась».⁵

Чтобы уберечься от порчи, невеста широко пользовалась профилактической магией: опоясывалась мережечным поясом или сеткой, под пятку клала кончик своей косы, огниво или можжевельные ягоды, брала в рот серебряную монету, втыкала в платье безухую иглу.

Жених с поезжанами приезжал за невестой. Гости заходили в избу. За столом уже сидели подруги невесты и требовали выкуп за место возле молодой. Друга выкупал место, потом косу и красоту невесты. Гости со стороны жениха платили за невестины дары и за стакан вина из рук невесты. Иногда плата была чисто символической — две-три копейки, но она была строго обязательной. Обилие мелких выкупов на протяжении всей свадьбы позволяет с полным основанием назвать вологодскую свадьбу денежной. Это не случайно. Вологодский край не знал крепостничества, население занималось отхожими промыслами, и денежная система была хорошо развита. На наш взгляд, выкупы на свадьбе являлись магическим действием, цель которого обеспечить будущий достаток молодой семьи.

Во время отъезда молодых к венцу стреляли из ружей, свадебный поезд никому не уступал дороги. Все это делалось с целью уберечь молодых от порчи. Самый распространенный способ порчи свадьбы состоял

⁴ Красота — коса, лента в косе или коса, сплетенная из льна, девичья повязка, иногда наряженное деревце.

⁵ Архив ЛГУ, кол. 11, п. 1, № 34.

в том, чтобы найти стручок с девятью горошинами (а это большая редкость) и положить его в сани, приговаривая: «В стручке девять горошин, десятая невеста, и конь ни с места». Чтобы кони пошли, надо все перетряхнуть и найти этот стручок. Необходимо отметить, что колдун играл на свадьбе важную роль. Распространено поверие, что если колдуна на свадьбу не пригласить, то он рассердится: «Ну не знаю, что там сделает, какое слово скажет, и побежит свадьба волками. Рассказывали, что одного волка убили, а у него янтари под шкурой — невеста значит».⁶

Время приезда молодых от венца в дом жениха активно использовалось для отправления действий продуцирующей магии. Родственники молодых пытались всеми известными им способами воздействовать на создание идеальной по их представлениям семьи. Чтобы молодые жили богато и счастливо, их осыпали зерном или хмелем, невеста сыпала в чулки льняное семя. Чтобы хорошо родились овцы, невеста клала в валенки овечью шерсть. В представлении народа понятие богатства связывалось также с мехом. Молодых сажали за стол на шубу, вывернутую мехом вверх. При этом считали, что чем мохнатее шубу положишь, тем богаче молодые будут жить. Родители жениха встречали молодых после венца также в вывернутых шубах. При этом молодая спрашивала: «Батюшка и матушка, отчего вы мохнаты?» Они отвечали: «Оттого мохнаты, чтобы вы жили богато».

В доме жениха по случаю свадьбы устраивался большой стол. Здесь происходил «вскрыш», или «скрышка», когда снимали покрывавший невесту до сих пор головной платок. В Вельском уезде свекор обносил этим платком головы молодых и отдавал его сыну. После этого новобрачная, по мнению селян, делалась молодницей.⁷ Либо молодых обводили вокруг стола. В конце свадебного пира молодых торжественно уводили на подклеть «почивать».

Основная масса обрядов второго дня свадьбы связана с приобщением невесты к новому дому. Утром молодые выходили, и пачиналось «умыванье». Невеста дарила гостям полотенца, расчесывала каждого и целовала. Молодых водили в баню.

Своеобразным испытанием невесты в новом доме была проверка ее хозяйственных способностей. В записях XIX—XX вв. эти испытания носили по преимуществу игровой, шуточный характер. Чаще всего невесте старались помешать, наблюдая, как она будет на это реагировать. Когда она пыталась растопить печь, затыкали трубу. Когда молодая мела пол, гости, стараясь ей помешать, бросали на пол всякий мусор, сено, били горшки, кидали деньги. Когда молодая ходила за водой, на обратном пути ее подстерегали женщины и выливали воду. Так повторялось 5—6 раз, пока молодая с поклоном не откупалась пирогом.⁸

В Вологодской области широко было распространено ряженье на второй день свадьбы. Чаще всего мазались сажей, выворачивали шубы. Одна из исполнительниц сообщила, что рядились, «чтобы больше деток было».⁹ Но первоначальный смысл ряженья на свадьбе забыт. Говорили даже, что рядились, чтобы напугать молодых.

Как видно из описания, свадебный обряд Вологодской области был тесно связан с языческими обычаями и представлениями. Важное место в нем занимали магические действия, своими корнями уходящие в глубины веков.

Однако языческая основа отдельных актов свадебного обряда посте-

⁶ Там же, № 60.

⁷ Воронов С. Вельские свадебные обряды и прически. — В кн.: Этнографический сборник. СПб., 1862, вып. 5, с. 18.

⁸ Архив Череповецкого краеведческого музея, ф. 10, № 2, с. 77.

⁹ Архив ЛГУ, кол. 11, п. 1, № 38.

пенно утрачивали свое древнее значение, многое в магических действиях переосмыслилось, если же функция обряда продолжала осознаваться участниками обрядов, то сами обрядовые действия часто приобретали шуточный, игровой характер. К примеру, существует несколько толкований разбрасывания сена по полу. В записях последних лет указывается, что сено разбрасывали для будущего богатства. Описание конца XIX в. сохранили более древнее и конкретное объяснение: в Сольвычегодском уезде невеста, разбрасывая сено в доме жениха, остатки бросала в хлев и говорила три раза: «Сама иду и скота за собой веду»,¹⁰ что должно было обеспечить хороший приплод скота. Забвение магической функции шло неравномерно, поэтому в Вельском уезде еще в 1860-е гг. считали, что сено приносилось в избу «в предотвращение неприятных последствий», когда невеста, причитая, сильно билась и падала на пол.¹¹

С конца XIX в. в некоторых районах распространено было мнение, что родители жениха одевали вывернутые полушубки, чтобы испугать молодых, а не обеспечить им богатую жизнь. Полагали, даже, что молодые сидели на шубе, чтобы возвышаться «как на троне».¹² В Сольвычегодском уезде сватья сажала молодых на разостланную на лавке белую шубу, чтобы они жили в согласии.¹³ Заметим, что к сходным выводам о смене значений некоторых магических действий приходит, анализируя новгородский материал, В. И. Жекулина.¹⁴

В основе смотрин и сватовства имеются пережитки договорного брака — осмотр хозяйств жениха и невесты и договор о материальных затратах обеих сторон на свадьбу. Договорная основа свадьбы как признак заботы об экономическом будущем молодой семьи была жизненно важной и, надо полагать, одной из древнейших. Сам процесс заключения брака осознавался не как личное дело жениха и невесты, а как общее дело двух родов (семей), поэтому он оформлялся как договор двух сторон, в равной мере озабоченных будущим новой семьи.

Крещение Руси не могло не отразиться на свадебном обряде. Одной из первых забот молодого русского государства была забота об устройстве семьи на христианских началах. Юридическим актом заключения брака явилось венчание. В. А. Романов на основе тщательного анализа исторических документов убедительно показывает, что основной своей задачей церковь считала укрепление единобрачной семьи через венчальный брак.¹⁵ В то же время сам народный обряд не был объектом гонения. Вероятно, церковь вынуждена была учитывать сложившуюся народную традицию.

С приходом христианства связало появление в свадебном ритуале обрядов богомолья, благословения и венчания. Богомолье совершалось после сватовства или после смотрин, часто даже соединялось с рукобיתьем. Это не обычная, а обрядовая молитва, так же как и свечи, которые наряду с молитвой служили символом закрепления свадебного договора. В Тарпогском районе невеста старалась платком потушить свечку и тем самым расстроить сговор. Подруги мешали ей и старались закрыть ей лицо платком.¹⁶ Считалось, что после богомолья свадьбу уже нельзя расстроить. Говорили: «Уж топерь девка, богу моленось (помолились), так не разма-

¹⁰ *Ордин Н. Г.* Свадьба в подгорных волостях Сольвычегодского уезда. — Живая старина, 1896, вып. 1, с. 120.

¹¹ *Воронов С.* Вельские свадебные обряды и причеты. — В кн.: Этнографический сборник. СПб., 1862, вып. 5, с. 8.

¹² *Яшин А.* Вологодская свадьба. — Новый мир, 1962, № 12, с. 12.

¹³ *Ордин Н. Г.* Свадьба в подгорных волостях Сольвычегодского уезда, с. 102.

¹⁴ *Жекулина В. И.* Исторические изменения в свадебном обряде и поэзии по материалам Новгородской обл. — В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. с. 243—244.

¹⁵ *Романов В. А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966, с. 182—212.

¹⁶ *Ефименкова В. Б.* Севернорусская причеть. М., 1980, с. 376.

ливаться».¹⁷ По-видимому, обряд богомолья в целом дублирует рукобיתье. И тот и другой являлись актами свадебного обряда, функция которых состояла в закреплении договорной основы свадьбы. Поэтому можно считать, что дохристианский обычай рукобיתья (договора) остался определяющим на первом этапе свадебного обряда.

Благословение не имеет в свадебном обряде Вологодской области строго закрепленного места. Как отдельный акт свадебного обряда под названием «образование» благословение происходило после рукобיתья и пропиванья. В таком случае оно выполняло функцию обручения — общественного признания совершенного договора. Благословение могло происходить в утро свадьбы перед отъездом молодых к венцу. Родители благословляли жениха и невесту иконой и караваем хлеба (причем, каравай хлеба — языческая символика). На наш взгляд, «образование» — результат воздействия христианства, а благословение в утро свадьбы — бытовавший ранее акт выражения родительской воли на свадьбу, получивший только христианскую окраску. Как видно, здесь мы опять встречаемся с удвоением обрядового акта.

Венчание — один из первых церковных обрядов, введенных христианством в народный свадебный обряд. А. В. Гура, детально проанализировав структуру севернорусского свадебного обряда, обнаружил, что венчание составляло такую же кульминацию в народной свадьбе, как и брачная почь. Автор приходит к выводу, что включение в обряд венчания не перестроило древнюю систему ритуала, подчинив себе лишь некоторые обрядовые элементы, и то в незначительной степени.¹⁸ Венчанию в народном свадебном обряде соответствует «вскрыш», или обведение молодых вокруг стола, т. е. обряд венчания в сущности дублировал существующий издревле обычай, закрепив за собой определяющую роль.

Необходимо заметить, что христианские элементы органически влиялись в свадебный обряд. Так, в Кадниковском уезде во время богомолья молодые держались за платок (магия соединения), перед ними расстилали шубу.¹⁹ Во время молитвы невесты перед каждым поклоном божатка подметала пол, «чтобы отогнать нечистого или на случай, если кто в порошине положил порчу».²⁰ Во время благословения на полу расстилали шубу мехом вверх или скатерть. Когда отец начинал благословение, в избе стреляли три раза в потолок, чтобы предохранить молодых от порчи.²¹

Обряд венчания сопровождался рядом примет. Широкое распространение получило гадание по горящим венчальным свечам. На всей территории Вологодской области считалось, что если свеча благополучно догорела до конца, значит жизнь молодых будет долгой и счастливой. Угасшая свеча предвещала несчастье и даже смерть одного из молодых. По тому, чья свеча выше поднята, судили, кто будет иметь власть в доме.²² Во время венчания смотрели на венец молодой: если блестит, то к хорошей жизни, а если не блестит, то к плохой. В Кадниковском районе во время венчания невеста, если больна, шептала про себя своеобразный заговор: «Голова моя венчайся, а болезнь не завенчайся».²³

¹⁷ Едемский М. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии, с. 75.

¹⁸ Гура А. В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда. (По материалам Вологодской губ.). — В кн.: Русский народный свадебный обряд, с. 86.

¹⁹ Мыльникова К., Цинциус В. Севернорусская свадьба. — В кн.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, с. 45.

²⁰ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. — В кн.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1890, вып. 2, с. 87.

²¹ Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. 35.

²² Львовский П. Старина в русских брачных обрядах. — Живописная Россия, 1904, № 7 (163), с. 95—96.

²³ Мыльникова К., Цинциус В. Севернорусская свадьба, с. 128.

В свадебном обряде XVII—XX вв. языческие и христианские элементы не разграничивались. Так, в роли оберега от нечистой силы наряду с иголками и чесноком могла использоваться воскресная молитва. С той же целью воскресную молитву вшивали в сетку, которая сама по себе уже являлась оберегом.²⁴ Продуцирующая магия повлияла на обычай держать во время венчания за пазухой шерсть, лен и хлеб. Невеста «этим хлебом после скот кормит, чтобы дружнее жил; шерсть кладет в ясли, чтобы овцы велись; а лен — в угол на полицу выше голов, чтобы лен рос долгий».²⁵

Ожидая жениха и невесту от венца, посыпали пол сеном и брызгали святой водой.²⁶ Когда вели молодых спать, сыпали хмель и пшеницу, а впереди шла сваха и крестила углы.²⁷ Языческие и христианские элементы могли также свободно взаимозаменяться. Повсеместно дружка перед отъездом к венцу мог обходить свадебный поезд с наговором, а мог и с образом и молитвой.

Интересно сравнить наши выводы с результатами наблюдений М. Г. Рабиновича о внедрении христианства в городскую свадебный обряд XVI в.²⁸ Автор приводит материалы, доказывающие участие священника во всех довенечных актах свадебного обряда, и высказывает предположение, что существовала попытка превратить священника в один из обязательных свадебных чинов.

Как показывают наши материалы, участие священника в крестьянской свадьбе было более скромным. Чаще всего священник участвовал в обрядах, появившихся в свадебном ритуале с приходом христианства, а также он обычно присутствовал только на богатых свадьбах.

В городском свадебном обряде к XVI в. уже были утрачены такие обязательные акты народного свадебного ритуала, как посиделки у невесты в предсвадебную неделю, предвенечная баня и девичник. С другой стороны, еще не отлились в особые акты свадебного обряда богомолье и благословение, которые зафиксированы в крестьянской свадьбе XIX в.

*
* * *

Народное мироощущение и система представлений отразились в поэтической образности и символике свадебной поэзии, в том числе и в причети. Главное содержание причети — это отражение обрядовой действительности. Так, в причитаниях невесты-сироты отразился культ предков и обряды, связанные с этим культом. Во время гостыиц или накануне венца невеста ходила на кладбище звать родителей в гости:

Раступись, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь, белы савааны,
Отойдите, белы рученьки,
От ретивого сердечушка.
Вы взгляните, очи ясныя,
Сговорите, уста сахарныя,

Ты взвернись легкой пташечкой,
Прплети на окошечко,
Посмотри свое чадушко,
Каково оно снаряжено,
Каково за стол поставлено
Со своим-то суженым
Удалым добрым молодцем.²⁹

Подобные приглашения можно встретить среди поминальных причитаний. Девушка накануне важного события в своей жизни не имела

²⁴ Архив ЛГУ, кол. 11, п. 1, № 38.

²⁵ Едемский М. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии, с. 127—128.

²⁶ Архив ЛГУ, кол. 11, п. 1, № 34.

²⁷ Архив Череповецкого гос. пединститута, 1982, п. 13, т. 15, № 4.

²⁸ Рабинович М. Г. Свадьба в русском городе в XVI веке. — В кн.: Русский народный свадебный обряд, с. 27—28.

²⁹ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах... СПб., 1900, т. 1, ч. 2, № 1560, с. 455.

права забывать о предках своего рода, чтобы они не препятствовали ее свадьбе. Для невесты самое главное было позвать родителей. Она даже могла их не увидеть, так как смерть представлялась переходом в другое состояние, и умерший мог явиться, следовательно, в другом образе и обличи, например птицы.

Невеста накрывала столы, ожидала покойных родителей в гости, выходила их встречать. В Биряковской волости Тотемского уезда невеста выбирала подругу, у которой не было отца, вела ее в дом, сажала за стол и обращалась с ней как с пришедшим в гости отцом — угощала, просила благословения:

Привела тебе, матушка, родимого-то батюшку.
 Стели-ка ты, матушка,
 Скатерти браные на столы белодубовы,
 Неси яству сахарную,
 Неси ты пива пьяного, вина зеленого.
 Пой да упаивай ты родимого батюшку
 До пьяна пивом пьяным,
 Доповалу зеленым вином.³⁰

Причитание невесты-сироты одновременно и изображает и комментирует обрядовую обстановку, выражает эмоциональное напряжение невесты.

Древнейшие представления о смерти лежат в основе причети об уходе невестыной Воли. Невеста рассказывает подругам, какой ей приснился сон: как ночью к ней приходила Воля, подошла к ее кровати, поправила ей косу и пошла прочь:

Ой, как улицей-то пошла девпцею,
 Ой, как по горам-то да пошла заюшкой,
 Ой, как по подгорью да горностаюшкой,
 Ой, как по лесам-то пошла кунцею,
 Ой, как белым озером белой лебедью,
 Ой, как синим морем да серой утицей.

По дороге Воля встретила Неволю. Воля сказала, что идет она от красной девицы, а Неволья — что идет к красной девице. Невеста сама объясняет свой сон:

Ой, девочья-то жизнь мише кончается,
 Ой, как бабья жись-то надрекается.³¹

В. И. Еремина, исследуя историко-этнографические истоки формул зооморфной персонализации в похоронных причитаниях, приходит к выводу, что они отражают языческие представления о «переходе» умершего в иную форму бытия.³² В причитаниях невесты уход девичьей Воли тоже представлялся как переход в другую форму бытия. Вероятно, в свадебных причитаниях в образной системе, заимствованной из похоронной причети, сохранилось обрядовое действие, символизирующее переход невесты в другую социальную группу. В свадебном обряде об этом свидетельствует смена прически и головного убора невесты. Подразумевалось, что невеста как бы временно умирала и возрождалась в другом качестве. Этот переход запечатлен в причитании, исполняемом на девичнике при прощании с родными:

Я последний раз с вами прощаюся, Навсегда от вас удаляюся. Я уж пазвана, нареченная, Жись моя прошла драгоценная,	Наступает жись переменная. Перейдешь черту — не возвратишься, В девичий наряд не нарядишься, Изомнут венцы на главе цветы! ³³
--	---

³⁰ Малевинский Ф. Народные песни Тотемского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1912, с. 11—12.

³¹ Архив ЛГУ, кол. 7, п. 1, оп. 2, л. 8—9.

³² Еремина В. И. Историко-этнографические истоки «общих мест» похоронных причитаний. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1981, т. 21, с. 71—77.

³³ Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы. Л., 1973, № 453, с. 219.

Свадебные причитания помогают глубже понять суть отдельных обрядовых действий. Примером тому могут служить баенные причитания. Многие свидетельствуют о том, что баня занимала важное место в свадебном обряде. Во время свадьбы в бане гадали,³⁴ так как она издавна считалась нечистым местом. После бани родители не сразу пускали невесту в дом. Судя по причитаниям, невеста в бане «смывает» с себя красоту. Придя домой, она причитает:

Обманули, облукавили
Красны девушки-подруженьки:
Не намылась, не напарилась,
Только с волюшкой рассталася,
По полку воля бросалася,
Жарким великом казалася,
А по лавочке бросалася,
Новой шаечкой казалася;
По окошечку бросалася,
Желтым мылом казалася,
По корытечку бросалася,
Ключевой водой казалася;

А на каменку бросалася,
Белым паром поднималася;
По полю воля бросалася,
Красным камнем показалася.
Улетела моя волюшка
Что-ль за синее за морюшко,
А садилась моя волюшка
На суху горьку осинушку —
На прокляту деревинушку.
Ах ты душа красна-девица,
Ты умела косу вырастить,
Не умела волю выпустить.³⁵

Здесь Воля уходит, так же как и во сне невесты, о котором мы писали. Только в данном случае Воля превращается в неодушевленные предметы. На жертвоприношение, о котором писал Е. Г. Кагаров, это не похоже.³⁶ Скорее всего, мы сталкиваемся здесь с одним из обрядов отчуждения. В Тотемском уезде существовал обычай наряды с настоящей баней «играть баню». Для этого невеста, ее родители, соседи и жених отправлялись в дом какого-либо родственника невесты, где их ждало уже угощение. Невеста исполняла весь цикл баенных причетов, а также прощалась со своей родней,³⁷ т. е. одна из главных функций обрядовой бани — отчуждение невесты от своего рода. Нельзя забывать также, что купание в воде являлось ритуалом очищения и предохранения невесты.

Свадебная причет особенно ценна тем, что многие ее образы связаны с давно ушедшими из жизни обычаями. Например, в причитаниях Кадниковского уезда встречается мотив замужества-полона:

Вышибали подворотецькю
Цюжи люди незнакомыё.
Що наехали к батюшку
Со полоном да со грабежом.

Ополовят моево батюшка,
Приограбят мою матушку,
А меня во полон возьмут.³⁸

Образ сватов-грабителей мог возникнуть на основе бытовавшего ранее брака умыканием.

Мы видим, таким образом, что образная система свадебных причитаний сохранила древнейшие языческие обычаи и представления. И справедлива мысль В. И. Ереминой, выраженная в упомянутой статье, что «общие места» причеты имеют глубокие историко-этнографические истоки. За яркими символическими образами стоят представления о мире и о своем месте в нем.

В свадебных причитаниях в образной форме отразились этические, социальные и философские представления об общественном мироустройстве, но в них также отражались и изменения, происходящие в этих

³⁴ Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края, с. 343.

³⁵ П. М. Вытегорские Кондужи. — Олонецкие губернские ведомости, 1874, № 29, с. 362.

³⁶ Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. — В кн.: Сборник МАЭ, Л., 1929, т. 8, с. 171.

³⁷ Архив ИРЛИ, Р. V, кол. 202, п. 1, № 6, с. 12—20.

³⁸ Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда. — Живая старина, 1902, вып. 2, с. 213.

представлениях. Так, христианская религия наложила свой отпечаток на свадебную причету. Правда, ее влияние на образно-поэтическую сторону оказалось минимальным. Более того, язычество как бы подчиняло себе мотивы и образы, идущие от христианства. В Вологодской области получили распространение причитания-молитвы. В утро свадьбы невеста причитала и клала поклоны за святыми, за царя, за родственников, а в самом конце за себя:

Ещё поклон положу	Чтобы дал мне господи
За себя молодешеньку.	На чужой дальней стороне
За себя зеленешеньку,	Таланты, стястье великое. ³⁹

Как видим, молитва в форме свадебного причитания получила обрядовую закреплённость и включилась в образную систему свадебной причеты. Невеста не говорила: «Положу я поклон за себя, рабу божью», а использовала образный язык народной поэзии: «Ещё поклон положу за себя молодешеньку, за себя зеленешеньку».

Пожалуй, особо такая подчиненность образов и понятий, пришедших из христианства, видна в причитаниях, строящихся на антитезе «родной дом — чужая сторона». В свадебных причитаниях жизнь в родительском доме вспоминается невесте как идеальная. Ярче всего это видно в ряде причитаний, где невеста называет кут-место у печки, огороженное заповеской, — раем:

Прощай, кут да занавес,
Прикрывайсе, пресветлой рай,
До родимыё сестрицы.⁴⁰

Мы видим, что христианские представления о рае как месте идеальной жизни в народном поэтическом сознании включаются в образную систему свадебной причеты. С раем сравнивается кут, место ежедневной работы:

Прощай, рай — место прекрасное,
Где по зимам сидела с прялкой,
По веснам сидела с кружевцем,
А по осеням со швеечкам!⁴¹

Здесь мы, конечно, встречаемся с более широким обобщением. Раем невеста называет «беззаботную» жизнь в родительском доме. Однако беззаботная жизнь — не бездельная: труд для крестьянина — норма жизни. Поэтизация девичьего «рая» обусловлена сложными социально-нравственными переживаниями героини.

Влияние христианства на уже сложившуюся образную систему свадебной причеты бывает и несколько иным. Обычно по приезде приезжал невеста, причитая, просила брата «зарубить дорогу», поставить заставы, пропустить быструю реченьку. Теперь невеста обращается прямо к богу:

Ты подай, боже истинный,	Частым мелким осинничком,
Со небес-то погодушку,	Чтобы не пройти не проехатьи
Заломи путь-дороженьку	К нам чужому чуженину
Ельничком да березничком,	По меня молодешеньку. ⁴²

Здесь происходит простая замена «действующих лиц», но как раз это и выдает устойчивость и органичность «языческой» образности. Этот при-

³⁹ Свадебные причеты, записанные крестьянином, часто бывшим сватом. — Живая старина, 1905, вып. 1—2, с. 219.

⁴⁰ Архив ИРЛИ, Р. V, кол. 202, п. 1, № 6, с. 33—34.

⁴¹ Дилакторский С. А. Свадебный день в Кадниковском уезде. — Вологодские губернские ведомости, 1890, № 45.

⁴² Архив ИРЛИ, Р. V, кол. 204, п. 1, № 2.

мер также подтверждает, что христианская традиция значительно уступает языческой в формировании художественной системы народной поэзии.

На девичнике, прощаясь с красотой, невеста в целом ряде причетов размышляет о том, какое место выбрать для хранения красоты. Один за другим она отвергает варианты: положить красоту на березку, отнести в поле, отдать подругам. В конце концов она отдает ее младшей сестре. Вместе с тем во многих районах Вологодской области такой причет завершается решением отдать красоту в «церковь соборную, на престол богородицы», либо положить ее в лодочку и отправить по реке в девичий монастырь. В причете подробно описывается путь следования красоты до одного из известных на вологодской земле монастырей. В данном случае мы встречаемся с переработкой традиционного текста. Можно предположить, что развитие монастырей и книжности на территории Вологодской области способствовали процессу проникновения христианских элементов в свадебный обряд и образную систему причети.

Наличие христианских элементов в народном свадебном обряде и причитаниях служит свидетельством народного двоеверия. Тесное переплетение в свадьбе языческих и христианских элементов показывает всю сложность процесса христианизации Руси. Церковные обряды, как было показано, чаще всего дублировали уже существующие народные, тем самым усложняя свадебную церемонию, но не разрушая ее цельности и антропоморфной основы поэтической образности.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От редакции	3
<i>Смирнов В. А.</i> (Иваново). Из истории собирания и изучения фольклора Ивановской области	4
<i>Леонова Т. Г.</i> (Омск). О собирании и некоторых вопросах изучения фольклора Омской области	11
<i>Короткин Е. И.</i> (Уральск). Итоги собирания фольклора яицких казаков (1960—1978 гг.)	19
<i>Иванова Т. Г.</i> (Ленинград). Былички и «анекдоты» в Шенкурском районе Архангельской области	26
<i>Микушев А. К.</i> (Сыктывкар). Русский фольклор в иноязычной среде (проблема освоения иноязычной фольклорной традиции)	31
<i>Богомольная Р. А.</i> (Кишинев). Современное состояние русского фольклора в Молдавии	52
<i>Багизбаева М. М.</i> (Алма-Ата). Фольклор Семиречья	57
<i>Абдуллина А. Б.</i> (Алма-Ата). Песенное творчество семиреченских казаков	67
<i>Белецкая Е. М.</i> (Грозный). Собирание казачьего фольклора в Чечено-Ингушетии	72
<i>Шерстюк И. А.</i> (Фрунзе). Русский фольклор в Киргизии	76
<i>Балашов Д. М.</i> (Петрозаводск). От полевой записи — к изданию. (Современное состояние свадебного обряда)	83
<i>Кругляшова В. П.</i> (Свердловск). Рабочий фольклор в современности. (Методика собирания, жанровый состав)	88
<i>Анкудинова О. В.</i> (Харьков). О некоторых жанровых особенностях плача. (По современным записям)	95
<i>Венедиктов Г. Л.</i> (Ленинград). Опыт фиксации фольклорной прозы как творческого процесса	100
<i>Криничная Н. А.</i> (Петрозаводск). О методике собирания преданий	107
<i>Виндгольц И. П.</i> (Караганда). Проблема певческой группы. (Аспекты и методы изучения)	110
<i>Соколова А. К.</i> (Одесса). Дунайский вариант былины «Женитьба Хотена Блудовича»	119
<i>Красноштанов С. И.</i> (Хабаровск). Текст должен принадлежать автору. (Судьба одной народной песни)	123
<i>Круглов Ю. Г.</i> (Москва). О некоторых итогах и проблемах проведения фольклорной практики в педагогических институтах	126
<i>Селиванов Ф. М.</i> (Москва). Фольклорная практика: задачи и возможности	137
<i>Карпухин И. Е.</i> (Стерлитамак). Опыт работы Стерлитамакского педагогического института по собиранию фольклора на территории Башкирии	147
<i>Абашева Д. В.</i> (Чебоксары). Современное состояние фольклора Присурья	153
<i>Пьянкова С. В.</i> (Смоленск). Собирательская работа на Смоленщине (музыкальный фольклор)	158
<i>Хроленко А. Т.</i> (Курск). Свод русского фольклора и орфография. (Проблема разграничения устойчивых словесных комплексов и сложных слов в устно-поэтическом тексте)	163
<i>Мартьянова А. Н.</i> (Ленинград). Состояние и пути совершенствования работы фольклорных хранилищ	175
<i>Аникин В. П.</i> (Москва). Принципы жанрово-тематической классификации и архивной систематизации сказок	181
<i>Онегина Н. Ф.</i> (Петрозаводск). Общая характеристика русского фольклора, хранящегося в фондах Архива Карельского филиала АН СССР (1926—1980 гг.)	189
<i>Бараг Л. Г.</i> (Уфа). Фольклорный фонд и экспедиции кафедры русской литературы и фольклора Башкирского университета	207
<i>Корепова К. Е.</i> (Горький). Фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета	212
<i>Калинина А. А.</i> (Ленинград). К вопросу об историческом развитии свадебного обряда (на материале Вологодской области)	217

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР, т. XXIII**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Н. Немцова*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Е. А. Гинстлинг, Г. И. Лебедева*
и *Э. Г. Рабинович*

ИБ № 21114

Сдано в набор 21.12.84. Подписано к печати
04.07.85. М-25089. Формат 70×108 ¹/₁₆. Бумага
книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 19,95. Усл. кр.-отт.
20,22. Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 1750. Тип. зак.
№ 2221. Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение,
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.